

**АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
СУДЕБНОЙ, ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ,
ПРАВООЩИТНОЙ, УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ
И АНТИКОРРУПЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ**

**Материалы
Международной научно-практической конференции**

Часть 2

**Краснодар
2024**

Министерство науки и высшего образования
Российской Федерации
КУБАНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
Юридический факультет имени А.А. Хмырова
Кафедра уголовного процесса

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
СУДЕБНОЙ, ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ,
ПРАВООЩИТНОЙ, УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ
И АНТИКОРРУПЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Материалы
Международной научно-практической конференции

Часть 2

Краснодар
2024

УДК 340
ББК 67.4
А 437

Редакционная коллегия:

доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Кубани *В.А. Семенцов (отв. редактор)*, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Кубани *О.В. Гладышева*, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, Кубани и Республики Хакасия, почетный работник судебной системы *С.В. Потапенко*

А 437 Актуальные проблемы судебной, правоохранительной, правозащитной, уголовно-процессуальной и антикоррупционной деятельности: материалы Международной научно-практической конференции: в 2 ч. / отв. ред. В.А. Семенцов; Министерство науки и высшего образования Российской Федерации. – Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2024 – Ч. 2. – 374 с. – 500 экз.
ISBN 978-5-8209-2395-1
ISBN 978-5-8209-2397-5 (ч. 2)

В издании представлены научные статьи ученых, преподавателей, практиков, аспирантов (адъюнктов), в которых авторы предлагают возможные пути совершенствования законодательства и практики его применения, не всегда бесспорные, но полезные для продолжения научных изысканий.

Адресуется ученым, преподавателям, аспирантам (адъюнктам), студентам юридических вузов и факультетов, а также практическим работникам.

УДК 343.1
ББК 67.4

ISBN 978-5-8209-2395-1
ISBN 978-5-8209-2397-5 (ч. 2)

© Кубанский государственный университет, 2024

Иван Д. Милич

ЭЛЕКТРОННЫЙ КОНТРОЛЬ ЗА ЛИЦАМИ, ОСУЖДЕННЫМИ К ЛИШЕНИЮ СВОБОДЫ

ELECTRONIC SURVEILLANCE OVER PERSONS DEPRIVED OF THEIR LIBERTY

В Республике Сербия существует возможность отбывания тюремного наказания в квартире или доме осужденного, с обеспечением электронного контроля. Это возможно только в тех случаях, если речь идет о лице, осужденном к лишению свободы сроком до одного года. Как правило, мера содержания в СИЗО исполняется в тюрьме, но в отдельных помещениях и отдельно от осужденных, но при этом существует возможность исполнения данной меры в доме обвиняемого, с обеспечением электронного контроля.

In the Republic of Serbia it is possible for a prison sentence to be served in the apartment or house of the convict, with electronic surveillance. Such a possibility exists only if the convict has been sentenced to prison for up to one year. As a rule, accused persons are to be incarcerated in prison, in separate premises – away from convicts, but it is possible for this measure to be implemented at the apartment or house of the accused, with electronic surveillance.

Ключевые термины: Наказание в виде тюремного заключения, отбывание тюремного заключения дома, осужденный, электронный контроль.

Key words: prison sentence, house arrest, incarceration, convict, electronic surveillance.

Система уголовных наказаний¹ нередко претерпевает изменения и, как правило, устанавливаются новые санкции или

¹ См. об этом: Милич И. Виды наказаний // Актуальные проблемы судебной, правоохранительной, правозащитной, уголовно-процессуальной

производятся соответствующие изменения имеющихся. Нельзя забывать и том, что отдельные наказания аннулируются (*не регламентируются*), как в случае со смертной казнью или наказанием в виде конфискации имущества (наказание, давно отмененное в Республике Сербия). Можно сказать, что все больше регламентируются наказания, альтернативные тюремному заключению. Также в судебной практике нередко назначаются наказания, которые не связаны с лишением свободы.

Так, чаще всего в отношении лиц, совершивших уголовные преступления¹, в Республике Сербия назначается условное осуждение. В любом случае, суд в уголовном производстве обязан оценить все облегчающие и отягчающие обстоятельства и после такой оценки индивидуализировать наказание.

Отбывание наказания в виде тюремного заключения в Республике Сербия до 2009 г. было возможно только в тюрьмах – их насчитывается свыше тридцати², и в них находится примерно десять тысяч человек, лишенных свободы по различным правовым основаниям. Тюремное заключение, как правило, самая строгая мера уголовного наказания. Хотя одна из целей исполнения наказания в виде тюремного заключения состоит в повторной социализации осужденных, многие из них после отбывания наказания снова совершают уголовные преступления. В связи с этим уровень

деятельности и национальной безопасности: материалы Междунар. науч.-практ. конф., посвященной 50-летию образования кафедры уголовного процесса. В 2 ч. / Отв. ред. В.А. Семенцов. Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2022. Ч. 2. С. 3–8.

¹ Милич И. Условное осуждение // Роль права в обеспечении благополучия человека: материалы Междунар. науч.-практ. конф. М.: Юрист, 2021. С. 450–454.

² Милич И. Где исполняется наказание в виде лишения свободы в Республике Сербия? // Союз криминалистов и криминологов. 2020. № 3. С. 168–184; Милич И. Где отбывают тюремное заключение самые опасные заключенные в Республике Сербия? // Уголовная политика и культура противодействия преступности: материалы Междунар. науч.-практ. конф. / Редкол.: А.Л. Осипенко, К.В. Вишневецкий, В.С. Соловьев и др. В 2 т. Краснодар: Краснодарский университет МВД России, 2019. Т. I. С. 44–50.

рецидивов очень высок¹. Это подкрепляет следующий факт: необходимо принять соответствующие меры в целях сокращения уровня рецидивов.

Итак, в Республике Сербия самое строгое наказание – это тюремное заключение на 20 лет, которое может быть вынесено лицу, совершившему уголовное преступление, но также может быть установлено и пожизненное заключение².

С 2009 г. в Республике Сербия есть возможность отбывания тюремного заключения в квартире или доме осужденного. Это новшество введено после поправок, внесенных в Уголовный кодекс³. Также положения о так называемой домашней тюрьме даны в нормативно-правовых документах, регулирующих уголовный процесс и исполнение наказаний. Суд может установить, чтобы осужденный отбывал наказание в виде тюремного заключения в своем доме или квартире лишь тогда, когда срок его тюремного заключения *не превышает одного года*.

Как правило, осужденный, отбывающий тюремное заключение таким способом, не может покидать помещения, в которых исполняется наказание (дом-квартиру), кроме как на два часа в течение суток. Осужденный может отбывать тюремное заключение с или без электронного контроля. Электронный контроль служит для эффективной проверки осужденного на факт ухода из помещений, в которых он проживает.

Таким образом, в любой момент можно установить, покинул ли осужденный помещения, в которых исполняется наказание. Слежение за осужденным обеспечивается за счет ношения gps-трекера на его руке или ноге.

¹ См.: Милич И. О тюремном заключении в Республике Сербия // Целеполагание уголовно-правового воздействия как специальной деятельности государства: сб. ст. Всерос. науч.-практ. конф. (с междунар. участием). Самара: Самарама, 2021. С. 126–131.

² Милич И. Пожизненное лишение свободы в Сербии // Право, его применение и реализация в эпоху глобальных вызовов и меняющейся реальности: VI Тихоокеанский юрид. форум / Сост. В.В. Гаврилов. Владивосток: Дальневост. федерал. ун-т, 2021. С. 285–288.

³ Статьи 563–567 Уголовно-процессуальный кодекса Республики Сербия // Службени гласник Республики Сербия. № 72/2011, 101/2011, 121/2012, 32/2013, 45/2013, 55/2014, 35/2019, 27/2021, 62/2021.

Надо также отметить следующее: в Республике Сербия, помимо уголовных преступлений, имеются административные правонарушения¹, и в отношении лиц, совершивших их, может быть вынесено тюремное заключение, продолжительностью не более 60 дней. Но любое лицо, совершившее административное правонарушение, должно отбывать наказание в тюрьме. Но лицам, совершившим легкие уголовные преступления, нельзя установить наказание в виде домашнего заключения.

В отношении подозреваемого лица могут быть применены конкретные меры, с помощью которых обеспечивается его присутствие, или с помощью которых обеспечивается беспрепятственное ведение уголовного процесса. Эти меры регулируются уголовно-процессуальным кодексом. Самая легкая мера, которая может быть применена в отношении обвиняемого, – это явка по требованию, самая строгая – содержание в СИЗО. Обвиняемые лица во время содержания в СИЗО находятся в специальных отделениях в составе тюрьмы.

Как правило, любая тюрьма оснащена специальным отделением для содержания лиц в СИЗО. Лица, содержащиеся в СИЗО на территории Республики Сербия, обладают, как правило, меньшим объемом прав, по сравнению с осужденными, поэтому их положение более невыгодное, хотя речь идет о лицах, вина которых не доказана.

Учитывая, что в нормативно-правовых документах установлено наказание в виде тюремного заключения в доме-квартире осужденного, и в УПК регламентируется возможность установления в отношении обвиняемого так называемого домашнего ареста (запрет на уход из квартиры). Конечно, подобная мера намного более выгодна для обвиняемого, по сравнению с содержанием в СИЗО.

Суть домашнего ареста заключается в том, что обвиняемому запрещено покидать помещения, в которых исполняется данная мера, кроме установленных исключений. Также обвиняемому может быть запрещено использование телефона или интернета, или

¹ Милич И.Д. Современные тенденции законодательства Республики Сербия относительно уголовного преследования // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2023. № 4. С. 68–75.

визиты других лиц в квартиру или дом. Во время действия домашнего ареста суд может принять решение, по которому будет установлен электронный контроль за обвиняемым. Если в отношении обвиняемого установлен электронный контроль, это, конечно, влияет на качество проверки обвиняемого. Лица, содержащиеся под арестом, контролируются так же, как и осужденные.

О лишении свободы можно сказать, что это самое строгое наказание, которое может быть назначено одному лицу. Осужденный, отбывающий наказание в тюрьме, после вступления в силу решения суда направляется в тюрьму для отбывания наказания. Осужденный, как правило, должен отбыть наказание в виде тюремного заключения в течение того срока, какой установлен во вступившем в силу решении суда.

Имеются и такие механизмы, когда осужденный выходит на свободу и до истечения срока наказания. Это возможно, например, в случае амнистии, помилования, УДО¹. УДО – мечта любого осужденного, но это право могут получить лишь конкретные категории осужденных, в первую очередь, те, кто во время отбывания наказания отличился примерным поведением.

В Республике Сербия правила по УДО в последние годы также частично изменены. Речь идет о введении конкретных запретов на УДО для определенных категорий осужденных, таких как, например: осужденные, совершившие уголовное преступление против половой неприкосновенности несовершеннолетних. Также имеются значимые нововведения и с позиции исполнения УДО.

Одним из значимых нововведений является и то, что в отношении лица, освободившегося по УДО, может быть установлен

¹ Милич И. Об одной возможности улучшения осуществления права на условно-досрочное освобождение // Проблемы борьбы с преступностью в условиях цифровизации: сб. ст. XIX Междунар. науч.-практ. конф. «Уголовно-процессуальные и криминалистические чтения на Алтае», посвященной памяти Вениамина Константиновича Гавло. Вып. XVII / Отв. ред. С.И. Давыдов, В.В. Поляков. Барнаул: Алт. ун-т, 2021. С. 358–363; Милич И. Роль тюремных властей и прокурора в процессе условного освобождения осужденного // Проблемы правоохранительной деятельности на современном этапе: сб. тр. Всерос. (с междунар. участием) науч.-практ. конф. Кострома: Костромской гос. ун-т, 2022. С. 16–20.

электронный контроль¹. Срок действия данного электронного контроля не может продолжаться больше года с даты освобождения из тюрьмы. Тем самым осужденный контролируется и после выхода из тюрьмы, контроль направлен на исполнение осужденным обязательств, предписанных ему судом.

Бесспорно, что должны быть регламентированы санкции и меры, альтернативные лишению свободы в виде тюремного заключения. В этом заинтересованы лица, которые должны отбывать наказание или исполнять меры в тюрьмы.

Однако, нельзя забывать и о цели отбывания тюремного заключения, содержания под стражей и УДО осужденных. Экономия государственных средств не должна быть основным критерием для ненаправления осужденных лиц в тюрьму, и осужденные лица не должны освобождаться из тюрьмы по причине сокращения вместимости тюрем и расходов на содержание.

В.С. Мичурин

ОБ ОСНОВНЫХ ПРИЧИНАХ НЕСОБЛЮДЕНИЯ СРОКОВ ПРОВЕРКИ СООБЩЕНИЯ О ПРЕСТУПЛЕНИИ

ABOUT THE MAIN REASONS FOR FAILURE TO COMPLY WITH THE DEADLINES FOR CHECKING CRIME REPORTS

В статье предпринята попытка установления основных причин, обуславливающих несоблюдение сроков проверки сообщения о преступлении. Приведена научная полемика по данной проблематике через призму реализации принципа разумного срока уголовного судопроизводства на стадии возбуждения уголовного дела. В целях формирования выводов, обладающих научно-практической значимостью, особое внимание уделено практике проверки сообщения о преступлении.

¹ См. подробнее: Милич И. Индивидуализация тюремного заключения – криминологические, уголовно-правовые аспекты и аспекты наказания: дис. ... д-ра юрид. наук. Нови-Сад, 2017. С. 434–436.

The article attempts to establish the main reasons for failure to comply with the deadlines for verifying a crime report. The scientific debate on this issue is presented through the prism of implementing the principle of a reasonable period of criminal proceedings at the stage of initiating a criminal case. In order to form conclusions of scientific and practical significance, special attention is paid to the practice of verifying crime reports.

Ключевые слова: проверка сообщения о преступлении, процессуальные сроки, разумный срок, проверочные действия, возбуждение уголовного дела.

Key words: verification of a crime report, procedural deadlines, reasonable time, verification actions, initiation of a criminal case.

Уголовное судопроизводство, являясь наиболее значимым в сфере правового регулирования взаимоотношений между гражданами, организациями, обществом и государством, требует особого внимания с позиции обеспечения прав и свобод его участников. По этой причине, уголовно-процессуальное законодательство, регламентируя определенную модель поведения граждан, вовлеченных в уголовно-процессуальную деятельность, гарантирует соблюдение их прав и ответственность за нарушение данной гарантии.

Требование о соблюдении процессуальных сроков напрямую связано со средством гарантирования конституционного права на судебную защиту в виде доступа к правосудию и обусловлено отдельными принципами уголовного судопроизводства. В первую очередь, речь идет о принципе законности при производстве по уголовному делу (ст. 7 УПК РФ). Установленный уголовно-процессуальным законом определенный срок для осуществления процессуального действия или принятия процессуального решения должен неукоснительно соблюдаться всеми участниками уголовного судопроизводства. Его нарушение влечет самые негативные последствия, выражающиеся в нарушении не только самого принципа, но и в целом закона.

Кроме того, в этом же аспекте необходимо учитывать принцип разумного срока уголовного судопроизводства, появившийся в УПК РФ как результат правовой имплементации решений Европейского Суда по правам человека для оптимизации уголовного судопроизводства, повышения эффективности использования его средств и инструментария, доступных государственным органам и должностным лицам, а также в качестве способа борьбы с нарушениями процессуальных сроков.

Вводя ст. 6.1 в УПК РФ законодатель определил ее место не просто в системе принципов, но и выделил как норму, призванную обеспечить реализацию назначения уголовного судопроизводства. Означает ли это, что нарушение разумного срока тоже влечет за собой последствия в виде нарушения не только требований данного принципа, но и закона?

Не подвергая полемике вопрос об оценочном аспекте разумности, обозначим, что добавив ч. 3.3 в ст. 6.1 УПК РФ законодатель при определении разумного срока досудебного производства, который включает в себя период со дня подачи заявления, сообщения о преступлении до дня принятия решения об отказе в возбуждении уголовного дела либо о прекращении уголовного дела в связи с истечением сроков давности, предложил учитывать в числе других важных аспектов еще и общую продолжительность досудебного производства.

Таким образом, государственным органам и должным лицам предложено в досудебном производстве руководствоваться не разумностью, а законностью срока, то есть конкретным процессуальным сроком, установленным в уголовно-процессуальном законе, категорией правовой, а не оценочной.

Как справедливо заметил В.В. Николюк, ч. 3.1 и 3.3 ст. 6.1 УПК РФ «приземлили» общие требования закона о разумном сроке уголовного судопроизводства путем установления конкретных правил определения разумных сроков досудебного производства¹.

¹ Николюк В.В. Феномен «мертвых» норм в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации // Научный вестник Омской академии МВД России. 2020. Т. 26. № 2 (77). С. 22.

Р.М. Исаевой и В.С. Латыповым высказано соображение, что категория «разумного срока» обеспечивает быстроту и эффективность не только предварительного расследования и судебного производства, но и принятия процессуальных решений на этапе возбуждения уголовного дела в ходе проверки сообщения о совершенном преступлении¹. Попытаемся либо согласиться, либо опровергнуть это, проведя соответствующее исследование.

Уголовно-процессуальная деятельность начинается с появления сообщения о преступлении. Этот тезис давно никем не оспаривается в теории уголовного процесса. Момент от принятия сообщения о преступлении и до его регистрации никакими временными промежутками не обозначен, исходя из требования незамедлительности регистрации. Что же касается проверки сообщения о преступлении, на основании которой в срок не позднее 3–10 суток со дня поступления сообщения должно быть принято решение, то именно ее процедурные особенности остро сказываются на соблюдении процессуальных сроков. Все существо стадии возбуждения уголовного дела сконцентрировано на проведении проверочных действий по сообщению о совершенном или готовящемся преступлении. Насколько эффективно осуществлена проверка, настолько будет соответствовать требованиям закона принятое решение.

Вместе с тем, постановление органа дознания, дознавателя, а также следователя, руководителя следственного органа об отказе в возбуждении уголовного дела прокурор может признать незаконным и необоснованным, отменить его и направить соответствующее постановление со своими указаниями, устанавливая срок дополнительной проверки. Аналогичными полномочиями обладает вышестоящий руководитель следственного органа в отношении постановлений следователя и руководителя следственного органа (ч. 6 ст. 148 УПК РФ). Количество подобных отмен по сообщению о преступлении, с установлением нового срока проверки, законом не ограничено. В результате один материал

¹ Исаева Р.М., Латыпов В.С. Процессуальные сроки в уголовном процессе России // Современные проблемы уголовного процесса: пути решения: сб. материалов 2-й Междунар. конф. Уфа: Уфимский юридический институт МВД России, 2021. С. 146.

проверки по сообщению о преступлении может быть возвращен для проведения дополнительной проверки как один, два, так и более раз. При этом общий срок ее проведения может выходить за рамки не только отведенных законом 3–10 суток, но даже 30 суток.

В докладе Уполномоченного по правам человека Российской Федерации за 2022 г. прозвучало, что наибольшее количество обращений о нарушении прав в ходе проверок сообщений о преступлениях касалось необоснованного отказа в возбуждении уголовного дела (1864 обращений). Всего прокурорами в 2022 г. было отменено более 1,4 млн незаконных и необоснованных постановлений об отказе в возбуждении уголовных дел. Также в докладе указывается на поступившие жалобы в связи с длительностью сроков проверки, с ними обратились 186 граждан. Весьма показательны процессуальные сроки проверок, отмеченных в жалобах: по 48 заявлениям о преступлениях проверки проводились свыше 1 года, по 15 – свыше 3 лет, по 7 – свыше 5 лет¹.

В практической деятельности процедурной возможностью, когда материалы проверки по сообщению о преступлении могут неоднократно быть возвращены для проведения дополнительных проверок активно пользуются для завуалирования организационных проблем (большая нагрузка, некомплект личного состава, систематические отвлечения сотрудников от исполнения непосредственных обязанностей и пр.), обеспечения производства максимального комплекса проверочных действий и в большей степени для того, чтобы дождаться результатов длительных судебных экспертиз².

¹ Ежегодный доклад о деятельности Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации за 2022 год / Официальный сайт Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации. URL: <https://ombudsmanrf.org/ombudsman/bio>.

² Стоит отметить, что нарушение процессуальных сроков из-за ожидания результатов экспертиз имеет место быть и на стадии предварительного расследования. К примеру, А.В. Калачевой приведены данные по Вологодской области, на основании которых количество уголовных дел, окончанных дознавателями с превышением разумных сроков по причине производства судебно-психиатрических экспертиз составили: в 2019 г. – 269, в 2020 г. – 309, в 2021 г. – 371, за первые 9 мес. 2022 г. – 340 (Калачева А.В. О проблемах соблюдения сроков дознания: взгляд опытного практика и

Продолжительный срок проведения проверки (месяцами, а то и годами), а также излишний комплекс проверочных действий фактически приравнивают ее по времени и процедурам к самостоятельной форме предварительного расследования, наряду с дознанием и предварительным следствием, что позволило отдельным исследователям даже назвать этот этап «квазирасследованием»¹.

Тем не менее, практика правоприменения не видит в подобных действиях каких-либо нарушений, несмотря даже на проверку сообщения о преступлении, продолжающуюся годами. Кроме того, разумность процессуального срока так и не прижилась в российской процессуальной действительности, оставаясь чем-то чуждым, навязанным извне. Проведенное нами интервьюирование следователей, дознавателей и других должностных лиц органа дознания показало, что 72 % опрошенных респондентов не понимают смысла принципа разумного срока уголовного судопроизводства, и пытаются раскрыть его через «период времени, который нельзя нарушить, чтобы не нарушить права», «проведение уголовного судопроизводства в определенные сроки», тем самым изначально исходя из законных процессуальных сроков.

При этом больше половины интервьюеров (67 %) из числа опрошенных пояснили, что целесообразно установить в УПК РФ дифференцированные сроки рассмотрения сообщений о преступлениях в зависимости от состава преступления по причине того, что объем и сложность проведения проверочных действий по каждому сообщению различна (к примеру, по факту кражи продуктов питания из магазина или по факту умышленного причинения средней тяжести вреда здоровью).

Проанализировав данное предложение, мы пришли к выводу, что его реализация полностью нивелирует изначальный смысл

начинающего ученого // Регулирование уголовно-процессуальных правоотношений: 20-летний опыт применения Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: сб. ст. по материалам Всерос. науч.-практ. конф. / Под общ. ред. К.А. Корсакова, В.А. Шиплюка. СПб.: Центр научно-информационных технологий «Астерион», 2023. С. 152).

¹ См. об этом: Мичурина О.В. Эволюция порядка рассмотрения сообщения о преступлении: от доследственной проверки до квазирасследования // Вестник экономической безопасности. 2019. № 1. С. 56–60.

проверки – установление признаков преступления. Лучше уж совсем отказаться от проверки, признав тем самым целесообразность упразднение стадии возбуждения уголовного дела¹, чем получить еще одно расследование, предшествующее предварительному. Решение проблемы нарушения процессуальных сроков проверки нам видится как раз в снятии всех формальностей (особенно требования обязательности ее проведения) и сокращении проверочных действий. Проведение судебной экспертизы должно иметь исключительный характер, во всех других случаях необходимо ограничиваться исследованием, что вполне достаточно для определения признаков преступления, указанных в ч. 2 ст. 140 УПК РФ, а не признаков состава преступления, которые принято устанавливать на практике.

В качестве итога, проведенного нами исследования основных причин, обуславливающих несоблюдение сроков проверки сообщения о преступлении, считаем необходимым обозначить следующее.

Даже принцип разумного срока уголовного судопроизводства не в силах обеспечить быстроту и эффективность проверки сообщения о преступлении. Основные причины несоблюдения ее сроков кроются в системных ошибках стадии возбуждения уголовного дела, выражающихся в излишней нормативной перегруженности следственными и иными процессуальными действиями.

Особенно это касается необходимости назначения и производства судебных экспертиз, долгое ожидание результатов которых не играет на руку быстроте и эффективности уголовно-процессуальной деятельности на данном этапе.

¹ Об этом последние несколько лет идет речь в докладах Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации, в том числе в упомянутом нами докладе за 2022 год.

**НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ
ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА
ПРИ ПРОИЗВОДСТВЕ ОСВИДЕТЕЛЬСТВОВАНИЯ**

**SOME ISSUES OF ENSURING HUMAN RIGHTS
DURING THE EXAMINATION**

В статье нашли отражение процессуальные и тактические особенности производства освидетельствования, как особого вида следственного осмотра, преследующего цель осмотра тела живого человека для получения информации, доказывающей причастность лица к совершению преступления. Детально рассмотрены отдельные криминалистические рекомендации по осуществлению освидетельствования, обеспечивающие соблюдение основных прав и свобод освидетельствуемого лица, закрепленных в Конституции Российской Федерации.

The article reflects the procedural and tactical features of the examination as a special type of investigative examination aimed at examining the body of a living person in order to obtain information proving the involvement of a person in the commission of a crime. Separate forensic recommendations on the implementation of the examination, ensuring compliance with the basic rights and freedoms of the person being examined, enshrined in the Constitution of the Russian Federation, are considered in detail.

Ключевые слова: освидетельствование, права человека, честь, достоинство, следственное действие, врач, специалист.

Key words: examination, human rights, honor, dignity, investigative action, doctor, specialist.

Одним из следственных действий, готовым предоставить информацию, имеющую доказательственное значение в части подтверждения либо опровержения причастности конкретной

личности к совершению преступления является освидетельствование, в результате которого определяется взаимосвязь между самим событием преступления и его непосредственными участниками.

Освидетельствование, являясь особым видом следственного осмотра, в целом преследует общие цели, характерные для всех следственных действий – установление обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела, но, безусловно, имеет свои отличительные черты, особенности, цели и задачи.

Примыкая к следственному осмотру, являясь в какой-то степени его разновидностью, освидетельствование действительно имеет с ним общие черты, начиная от происхождения, заканчивая способами проведения через призму обнаружения признаков преступления и иных фактов, имеющих значение для дела.

Есть у этих следственных действий и общие процессуальные моменты:

- присутствие понятых (если это необходимо, по мнению следователя);
- участие специалистов;
- правила своевременности, объективности, полноты и последовательности.

С учетом этих положений И.А. Даниленко и С.Б. Россинский справедливо отмечают: «многие ученые-криминалисты, по всей видимости, просто не придают должного значения процессуальной форме освидетельствования и гарантиям юридической доброкачественности его результатов. Зачастую в виду единой познавательной природы, тактических приемов производства освидетельствования и осмотра, первому вообще достаточно часто отводится какая-то «второстепенная», «второсортная» роль»¹.

В подтверждение этого факта, наряду с достаточной распространенностью производства иных видов следственного осмотра, освидетельствование производится достаточно редко. Солидаризируемся с мнением Н.А. Архиповой, которая считает, что в определенной степени такое положение обуславливается недостаточно

¹ Даниленко И.А., Россинский С.Б. Следственное освидетельствование: практические и технологические аспекты // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. 2020. № 4 (16). С. 135–144.

полной проработкой организационно-тактических основ освидетельствования¹.

Однако, учитывая самостоятельную природу, регламентацию и важность результатов этого следственного действия, справедливо говорить о процессуальных и тактических особенностях освидетельствования, что предопределяет его процессуальную индивидуальность.

Главная особенность заключается в наличии специфического объекта освидетельствования – тела живого человека.

В связи с этим, при производстве освидетельствования необходимо соблюдать как процессуальные нормы, установленные законом, так и нормы нравственности, поскольку при производстве освидетельствования происходит вторжение в сферу личных прав и свобод гражданина, закрепленных в Конституции Российской Федерации, в том числе, права на телесную неприкосновенность.

Учитывая тот факт, что освидетельствование носит принудительный характер, для его производства устанавливается особый порядок, определенный в ст. 179 УПК РФ, предусматривающий вынесение соответствующего постановления (ч. 2) как распорядительного акта, устанавливающего дополнительные обязанности лиц, вовлекаемых в орбиту уголовного судопроизводства.

Применение физического принуждения в ходе освидетельствования (и других следственных действий, существенно ограничивающих конституционные права граждан) возможно только при активном сопротивлении и противодействии лица, которое должно быть подвергнуто освидетельствованию. Однако, как показывает правоприменительная практика, эти положения зачастую нарушаются².

Также в целях соблюдения нравственно-правовых аспектов, в законе прямо закреплено, что если входе производства

¹ Архипова Н. А. Организационно-тактические аспекты производства освидетельствования // Право и государство: теория и практика. 2021. № 11 (203). С. 286–288.

² Обеспечение прав человека: учебник / М.И. Акатнова, А.А. Амирханов, Ю.В. Анохин [и др.]. 2-е изд., испр. и доп. Барнаул: Барнаульский юридический институт МВД России, 2020. 756 с.

освидетельствования необходимо обнажение освидетельствуемого лица, то следователь должен быть одного пола с таким лицом. В противном случае следователь должен обеспечить явку врача, который проведет данное следственное действие. Данная процессуальная норма в той же мере распространяется на понятых (в случае их участия в следственном действии).

Неприемлемо в ходе производства освидетельствования применение действий, которые унижают честь осматриваемого человека или могут быть вредными для здоровья. Что же касается случаев принудительного освидетельствования лица, запрещается высказывание в отношении него оскорблений, а также применение иных мер, которые причиняют боль освидетельствуемому лицу. Как показывает практика, освидетельствуемое лицо принимает за унижение не только употребление непристойных выражений, насмешек, но и ощупывание обнаженного тела.

В процессе освидетельствования запрещено необоснованное затягивание его производства, неуместные, осуждающие реплики в адрес освидетельствуемого, осмотр тех частей тела, осмотр которых не требуется, проведение освидетельствования при тех лицах, которые не должны присутствовать и иные действия, ставящие под угрозу охраняемые законом права лица, вовлеченного в процедуру уголовного судопроизводства.

Законом не определено, в каких условиях необходимо производить освидетельствование лица. Вместе с тем, в теории существуют некоторые рекомендации. Например, не рекомендуется производить освидетельствование в неотопливаемом помещении, что может нанести вред здоровью осматриваемого лица. Кроме того, нельзя использовать приборы с ультрафиолетовыми лучами, так как они могут оставить ожоги на коже. При обнаружении следов веществ на теле целесообразно производить смыв данных веществ для последующего производства судебной экспертизы. Не рекомендуется изымать следы веществ с тела человека путем соскоба данного вещества, так как это может привести к образованию порезов и царапин.

По нашему мнению, при использовании технических средств в процессе освидетельствования, например, для фиксации следов преступления или особых примет, следователю целесообразно

перед началом следственно действия разъяснить осматриваемому лицу назначение каждого технического средства, сущность следственного действия, что поможет снять психологическую напряженность освидетельствуемого.

Для фиксации следов и особых примет, находящихся на скрытых участках тела освидетельствуемого, должны соблюдаться следующие нравственные требования:

1) в процессе освидетельствования фотографирование и видеозапись может производиться исключительно с согласия лица;

2) при фотографировании обнаженного тела фотоснимки помещаются в отдельный конверт, печатаются и снабжаются надписью, и только после этого приобщаются к материалам уголовного дела¹;

3) при фотографировании особых примет или следов преступления на обнаженном теле человека целесообразно производить фотографирование без фиксации на фотоснимке лица освидетельствуемого; при этом в протоколе освидетельствования об этом делается соответствующая запись, которая должна быть надлежащим образом удостоверена;

4) фотографирование обнаженного лица необходимо проводить лишь при наличии исключительных оснований, и не делать этого, если это не вызвано потребностями закрепления вещественных доказательств.

Несмотря на то, что освидетельствуемое лицо, при наличии достаточных данных полагать, что следственное действие ущемляет его права, унижает его честь и достоинство, может возражать о его производстве. Вместе с тем итоговое решение остается за следователем. Кроме того, следователь принимает решение о производстве освидетельствования и при отсутствии согласия освидетельствуемого лица, если врач определит, что само действие не унижает честь и достоинство лица и является для него безболезненным. В любом случае, следователь должен исключить все действия, которые приносят или могут принести боль или страдание осматриваемого лица.

¹ Торбин Ю.Г. Правовая культура производства освидетельствования (правовые, тактические, этические, нравственные аспекты) // Правовая культура. 2017. № 1 (28). С. 67–75.

В соответствии с действующим законодательством, освидетельствуемое лицо имеет право заявить отвод участникам уголовного судопроизводства, в том числе в процессе производства следственного действия, но лишь при наличии соответствующих оснований. Следователь, решая вопрос об отводе участников следственного действия, должен рассмотреть все, приводимые освидетельствуемым, доводы.

В качестве законных оснований для отвода участников выступают:

- наличие неприязненных отношений между освидетельствуемым лицом и иными участниками следственного действия,
- наличие данных полагать, что участник следственного действия может огласить сведения, порочащие честь и достоинство лица или использовать полученную информацию для шантажа освидетельствуемого.

Намного более проблемным является вопрос об отводе следователя, в том числе и по нравственным суждениям, потому как нормы ч. 2 ст. 62 УПК РФ определяют всех участников уголовного процесса, которые имеют право заявлять отвод следователю. Если следователю заявлен отвод, то он может быть отстранен от расследования всего уголовного дела. Однако УПК РФ не предусматривает порядка разрешения отвода следователя, где прямо было указано, что до принятия решения прокурором производство следственных действий не приостанавливается. Поэтому является целесообразным положение, согласно которому при наличии особых нравственно-этических соображений освидетельствуемое лицо может ходатайствовать о производстве данного следственного действия специалистом и одновременно об отводе следователя.

Кроме того, следователь может поручить производство освидетельствования в полном объеме специалисту и покинуть место производства следственного действия, если у следователя имеется в полном объеме представление о том, что его отсутствие снимет психологическое напряжение у освидетельствуемого.

В этой связи стоит уделить внимание такому участнику освидетельствования как специалист, поскольку его помощь и присутствие в некоторых случаях может быть необходимым. Знания специалиста полезны при сборе и анализе физических или

медицинских доказательств, таких как следы преступления или медицинские записи. Они знают, как собирать и сохранять доказательства так, чтобы они были допустимы в суде¹. Также, например, встречаются ситуации, когда в ходе осмотра на теле человека имеются не только хорошо видимые следы, но и малозаметные или практически невидимые. Поскольку технологии с каждым годом совершенствуются и развиваются, для обнаружения микрообъектов может не всегда требоваться производство экспертизы. И тогда с помощью специальных технических средств и навыков специалиста возможно будет обнаружить и установить наличие микрообъектов вне рамок экспертизы.

При производстве освидетельствования целесообразно и приглашение «узких» специалистов, отсутствие которых при осуществлении следственного действия может привести к отрицательным результатам, особенно тогда, когда имеющиеся особые приметы, следы преступления, телесные повреждения, свойства и признаки не могут быть обнаружены и выявлены вследствие недостаточной подготовки и эрудиции следователя, незнания терминологии и неумения использовать ту или иную сложную специальную аппаратуру.

Таким образом, освидетельствование является одним из значимых следственных действий, которое может производиться до возбуждения уголовного дела, позволяя не утратить особенности, имеющие значения для расследования преступления. Как и любое другое следственное действие, освидетельствование имеет свой круг основных и дополнительных участников, а также фактические и юридические основания производства.

¹ Семенов Е.А. К вопросу об участии лиц, обладающих специальными знаниями в уголовном процессе России // Обеспечение прав и законных интересов граждан в деятельности органов дознания и предварительного следствия: сб. тр. конф. Орел: Орловский юрид. институт МВД России им. В.В. Лукьянова, 2018. С. 259–263.

**К ВОПРОСУ О ЗНАЧИМОСТИ
ОКОНЧАНИЯ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО СЛЕДСТВИЯ
С СОСТАВЛЕНИЕМ ОБВИНИТЕЛЬНОГО ЗАКЛЮЧЕНИЯ**

**ON THE ISSUE OF THE SIGNIFICANCE
OF THE END OF THE PRELIMINARY INVESTIGATION
WITH THE PREPARATION OF AN INDICTMENT**

В статье рассматривается этап окончания предварительного расследования путем составления обвинительного заключения. Автор акцентирует внимание на том, что к моменту составления данного итогового процессуального документа должен быть выполнен комплекс мероприятий, как процессуальных, так и мыслительных. В статье приводятся различные точки зрения ученых-процессуалистов, отмечающих безусловную значимость обвинительного заключения.

The article considers the stage of completion of the preliminary investigation by drawing up an indictment. The author focuses on the fact that by the time this final procedural document is drafted, a set of measures, both procedural and thought-based, must be completed. The article presents various points of view of procedural scientists who note the unconditional importance of the indictment.

Ключевые слова: обвинительное заключение, окончание предварительного следствия, следователь, прокурор, обвинение.

Key words: the indictment, the end of the preliminary investigation, the investigator, the prosecutor, the prosecution.

Окончание предварительного следствия представляет собой важный этап, систематизирующий выводы следователя по уголовному делу и последующее принятие им итогового решения. Следователь оценивает полученные в ходе расследования доказательства, после чего принимает решение об окончании

предварительного следствия посредством одной из форм: окончание предварительного следствия путем составления обвинительного заключения; вынесения постановления о направлении уголовного дела в суд для применения принудительных мер медицинского характера; вынесения постановления о прекращении уголовного дела.

Рассматривая окончание предварительного следствия путем составления обвинительного заключения, стоит отметить, что это достаточно трудоемкий процесс, поскольку следователь к моменту принятия итогового решения должен быть твердо уверен, что все необходимые следственные действия выполнены и доказательственная база собрана в полном объеме. Момент возникновения такого убеждения следователя никак в уголовно-процессуальном законе не закреплен, но тем не менее стоит акцентировать внимание на том факте, что процессу его появления предшествует детальное планирование всех следственных и процессуальных действий, направленных на собирание доказательственной базы по уголовному делу еще на начальном этапе расследования.

Следователь, с учетом, всех открывающихся обстоятельств в ходе расследования, изначально формирует представление о должном объеме собранных доказательств по делу, что соответствовало бы критерию достаточности для предъявления обвинения и дальнейшему составлению обвинительного заключения. Кроме того, как верно отмечает В.К. Бобров, непосредственному составлению обвинительного заключения должна предшествовать деятельность следователя по урегулированию таких вопросов как обеспечение прав и законных интересов всех участников процесса по конкретному уголовному делу¹.

По данному поводу И.А. Насонова и Ю.В. Буров в своей научной статье обращают внимание на то, что «значимость окончания предварительного следствия с составлением обвинительного заключения определяется решением таких задач как проверка качества досудебной подготовки материалов для формирования

¹ Бобров В.К. Обеспечение прав участников уголовного судопроизводства при окончании предварительного следствия с обвинительным заключением // Вестник Московского университета МВД России. 2023. № 3. С. 32–33.

окончательного обвинения или отказа от него, а также обеспечение прав сторон на ознакомление с материалами дела и заявления связанных с этим ходатайств»¹.

Следует отметить, что профессор М.С. Строгович, говоря об обвинительном заключении, рассматривал его в трех аспектах и называл «сводкой следственного материала, систематизацией разрозненных следственных актов, накопленных в процессе следствия»². По его мнению, обвинительное заключение служит не только определенной рамочной конструкцией для будущего судебного заседания, но и выступает в роли средства защиты для обвиняемого.

Руководствуясь положениями, изложенными в обвинительном заключении, прокурор, выступая уже в качестве государственного обвинителя, будет поддерживать обвинение в суде. Качество всего обвинительного заключения играет важную роль и для суда. Здесь речь идет не только о законности, обоснованности принятых решений, но и о грамотности составления процессуального документа. Мы непременно согласны с позицией А.А. Поперечного, который отметил «важность обвинительного заключения для всего судопроизводства в целом»³.

Ярким примером, подчеркивающим важность обвинительного заключения и акцентирующим внимание на необходимости его качественного составления является следующий случай из судебной практики:

13 января 2022 г. Мосгорсуд вынес апелляционное постановление, чем поддержал решение Измайловского районного суда г. Москвы о возвращении уголовного дела прокурору в виду того, что обвинительное заключение было составлено с нарушениями.

¹ Насонова И.А., Буров Ю.В. Уголовно-процессуальное значение окончания предварительного следствия с составлением обвинительного заключения // Вестник Воронежского института МВД России. 2008. № 1. С. 51.

² Строгович М.С. Основные вопросы уголовного процесса. Лекция вторая // Материалы учебной конференции следователей в прокуратуре Союза ССР (август – сентябрь 1936 г.). Практическое пособие для следователей. М.: Юрид. изд-во НКЮ, 1937. С. 52.

³ Поперечный А.А. Значение и содержание обвинительного заключения // Эпоха науки. 2017. № 9. С. 78.

Гражданин Ф. было предъявлено обвинение по ч. 4 ст. 159 УПК РФ. При рассмотрении дела Измайловским районным судом был выявлен факт некорректности составленного обвинительного заключения. Так, суд обратил внимание на то, что в ходе досудебного производства не был определен точный день окончания преступления, не конкретизирован причиненный ущерб, а поскольку изначально речь шла об иностранной валюте, то непонятно по какому курсу и какого дня следователь конвертировал сумму причиненного ущерба из долларов в рубли и др.¹

Обвинительное заключение представляет собой наиболее важный результативный процессуальный документ всего расследования. Его значение раскрывается не только в процессуально-правовом смысле, но и в техническом. Под последним понимается систематизация материалов, полученных в ходе расследования уголовного дела. Грамотно составленное обвинительное заключение облегчает суду, прокурору процесс ознакомления с материалами уголовного дела. Особенно техническое значение обвинительного заключения ярко реализует себя по сложным и резонансным делам.

Существует практика, когда по таким категориям дел следователи стараются более подробно изложить обстоятельства и представить доказательственную базу в обвинительном заключении. Но стоит учитывать, что такой подход нецелесообразен, так как прокурор, суд должны знакомиться все-таки со всеми материалами уголовного дела, а не только с обвинительным заключением.

Процессуально-правовая догма предстает основным юридическим значением обвинительного заключения. Оно определяет рамки и объем судебного разбирательства, то есть факты, содержащиеся в обвинительном заключении, должны быть исследованы в обязательном порядке в ходе судебного разбирательства, а также суд рассматривает обвинение в отношении только тех лиц,

¹ Мосгорсуд поддержал позицию защиты и оставил в силе решение о возврате дела о мошенничестве прокурору. URL: <https://www.advgazeta.ru/novosti/mosgorsud-podderzhal-pozitsiyu-zashchity-i-ostavil-v-sile-reshenie-o-vozvrate-dela-o-moshennichestve-prokuroru/>.

которым это обвинение было предъявлено в ходе предварительного расследования.

На важность значения обвинительного заключения указывают И.А. Насонова и Ю.В. Буров, справедливо отмечая, что «значение обвинительного заключения состоит в том, что оно систематизирует все материалы предварительного расследования и определяет пределы судебного разбирательства»¹.

Таким образом, обвинительное заключение является важным процессуальным документом не только для этапа окончания предварительного расследования, но и для всего уголовного судопроизводства.

В.А. Нагорный

**ИСПОЛЬЗОВАНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ ПРОВЕРКИ
ИСПОЛНЕНИЯ ЗАКОНОВ В КАЧЕСТВЕ ОСНОВАНИЯ
ДЛЯ ВЫНЕСЕНИЯ ПРОКУРОРОМ ПОСТАНОВЛЕНИЯ,
ПРЕДУСМОТРЕННОГО П. 2 Ч. 2 СТ. 37 УПК РФ**

**ON THE USE OF THE RESULTS OF THE INSPECTION
OF LAW IMPLEMENTATION AS GROUNDS FOR ISSUING
A PROSECUTOR'S DECISION ACCORDING TO PARA.2
OF PART 2 OF ARTICLE 37 OF THE RUSSIAN
FEDERATION CODE OF CRIMINAL PROCEDURE**

Реализация прокурором предусмотренного п. 2 ч. 2 ст. 37 УПК РФ уголовно-процессуального полномочия получила наиболее широкое воплощение в рамках общенадзорных проверок. При этом до настоящего времени дискуссионными остаются вопросы оснований вынесения постановления об уголовном преследовании, целесообразности существования данного акта прокурорского реагирования.

¹ Насонова И.А., Буров Ю.В. Процессуальные действия на этапе окончания предварительного следствия // Общество и право. 2008. № 3 (21). С. 219.

The implementation of the criminal and procedural power, given to the prosecutor by para. 2 of part 2 of Article 37 of the Russian Federation Code of Criminal Procedure, is most commonly realized within the framework of the so-called general supervisory inspections. However, a number of issues pertaining to this practice remain controversial. Among them are grounds for issuing a decision on criminal prosecution, and the feasibility of the act of prosecutor's response.

Ключевые слова: постановление прокурора, общенадзорная проверка, решение о проведении проверки.

Key words: prosecutor's decision, general supervisory inspection, inspection decision.

В результате внесенных законом от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ¹ поправок в ст. 129 Конституции Российской Федерации, по справедливому замечанию профессора А.Ю. Винокурова, поставлена точка в дискуссии о необходимости сохранения надзора за соблюдением прав и свобод человека и гражданина в качестве самостоятельной отрасли надзора как значимого направления функции прокурорского надзора. Как надзор за исполнением законов, так и надзор за соблюдением прав и свобод человека и гражданина представляют собой две ипостаси традиционного для отечественной прокуратуры «общего надзора»².

При этом на современном этапе развития прокурорский надзор характеризуется двумя параллельными процессами, которые, думается, уже в ближайшее время претерпят неизбежное столкновение.

С одной стороны, введенные федеральным законом от 7 марта 2017 г. порядок и основания вынесения решения о прокурорской проверке, в совокупности с изданным в его развитие

¹ Закон от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти» // Российская газета». 2020. 16 марта.

² Винокуров А.Ю. О единстве прокурорского надзора и его противоположностях // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации. 2021. № 1 (81). С. 27–29.

приказом Генерального прокурора Российской Федерации от 17 марта 2017 г.¹ детально регламентировали механизм организации данного мероприятия, поставив его в законодательно определенные рамки и придав ему формализованные черты. Одновременно в ч. 2 ст. 21 Закона о прокуратуре отдельно оговорено, что такая проверка проводится только в том случае, если соответствующая информация о нарушениях законов не может быть подтверждена или опровергнута иным способом.

Несмотря на приведенные новеллы, действующее законодательство, как и вышеназванный приказ Генерального прокурора Российской Федерации, не содержит определения прокурорской проверки, ее признаков, особенностей и целей. По-прежнему открытым остается вопрос, при каких обстоятельствах вынесение решения о проверке является обязательным, а когда подтвердить или опровергнуть факт наличия или отсутствия нарушений закона возможно без ее проведения.

С другой стороны, при организации работы надзорного ведомства все больший акцент делается уже не столько на своевременном выявлении и реагировании на уже совершенные правонарушения, сколько на их предотвращение и предупреждение. К примеру, приказом Генерального прокурора от 31 августа 2023 г. и п. 14 приказа Генерального прокурора от 7 декабря 2007 г. дополнен положением о необходимости при осуществлении прокурорского надзора в приоритетном порядке проводить профилактические мероприятия, максимально используя меры по предупреждению нарушений законодательства².

По нашему мнению, приведенные тенденции к смене вектора развития функций прокурорского надзора вне уголовно-процессуальной сферы образуют предпосылки для размывания и без того

¹ Приказ Генерального прокурора РФ от 17 марта 2017 г. № 172 «О некоторых вопросах организации прокурорского надзора в связи с принятием Федерального закона от 07.03.2017 № 27-ФЗ "О внесении изменений в Федеральный закон "О прокуратуре Российской Федерации"» // Законность. 2017. № 7.

² Приказ Генерального прокурора РФ от 31 августа 2023 г. № 580 «О внесении изменений в отдельные организационно-распорядительные документы Генерального прокурора Российской Федерации» // Законность. 2023. № 11.

тонкой грани между «прокурорским надзором» и «прокурорской проверкой», что уже в ближайшем будущем поставит вопрос о целесообразности существования последней в принципе.

Еще одним недостатком правовой регламентации прокурорской проверки является отсутствие законодательно определенных разграничений между правовым инструментарием, который может быть использован только при ее проведении, и надзорными полномочиями прокурора в целом. При буквальном прочтении Закона о прокуратуре различие в полномочиях является минимальным и состоит в более сжатых сроках исполнения требований прокурора о предоставлении информации в соответствии с ч. 2 ст. 6 Закона о прокуратуре.

На этом фоне непоследовательной представляется позиция самого законодателя. Так, исходя из буквального толкования ст. 6 Закона о прокуратуре, обязанность поднадзорных органов и их должностных лиц по представлению информации по требованию прокурора в течение 2 рабочих дней распространяется только на случаи проверок исполнения законов, аналогичные требования применительно к проверкам соблюдения прав и свобод человека и гражданина данная норма не содержит.

Представляется, что сложившаяся с 2017 г. и существующая до настоящего времени ситуация стала следствием ошибки юридической техники и требует внесения соответствующих дополнений в ч. 2 ст. 6 Закона о прокуратуре, которая может быть представлена в следующем виде: «а в ходе проведения проверок исполнения законов и (или) соблюдения прав и свобод человека и гражданина – в течение двух рабочих дней с момента предъявления требования прокурора».

Не получило необходимой правовой имплементации в Законе о прокуратуре и содержание упомянутых в ч. 2 ст. 21 случаев, когда сведения о фактах нарушения законов не могут быть подтверждены или опровергнуты без проведения прокурорской проверки, например, с использованием перечисленных в ст. 22 этого же закона правовых инструментов. При подобном подходе смоделировать ситуацию, когда такая проверка действительно необходима весьма затруднительно.

Вместе с тем на сегодняшний день в научной литературе отсутствует единый подход к определению прокурорской проверки. К примеру, Т.И. Афанасьева отмечает, что цель проверки не может заключаться исключительно в изобличающем смысле и предлагает рассматривать ее как метод исследования, так и в качестве правового средства, формы реализации полномочий и как полномочие¹.

К.И. Амирбеков, характеризуя прокурорскую проверку как юридическую форму и правовой инструмент выявления нарушений законов и лиц, их совершивших, отмечает, что такая проверка занимает промежуточную стадию в процессе реализации функции «общего надзора»².

Попытки сформулировать понятие прокурорской проверки предпринимались и в советской науке. Так, В.Д. Ломовским под таковой предлагалось понимать деятельность прокурора по выявлению конкретных правонарушений, установлению лиц, их совершивших, и обстоятельств произошедшего путем совершения надзорных действий при наличии оснований и в определенном порядке с принятием решения о восстановлении нарушенных прав или установлением отсутствия правонарушений³.

Не претендуя на оригинальность высказываемых суждений, представляется возможным предложить следующее определение прокурорской проверки. *Прокурорская проверка* – проводимый прокурором на основании вынесенного в порядке ч. 2 ст. 21 Закона о прокуратуре решения и в установленные законом сроки комплекс мероприятий и юридически значимых действий, направленных на выяснение фактов наличия либо отсутствия в деятельности органов, организаций и их должностных лиц, перечисленных в ч. 1 ст. 21 Закона о прокуратуре, нарушений законов, требующих принятия мер прокурором.

¹ Афанасьева Т.И. К вопросу о прокурорской проверке // Государственная власть и местное самоуправление. 2022. № 9. С. 26–31.

² Амирбеков К.И. Прокурорская проверка исполнения законов: понятие и содержание, поводы и основания, предмет и пределы (теоретический подход) // Российский следователь. 2020. № 2. С. 63–68.

³ Ломовский В.Д. О понятии и содержании прокурорской проверки // Известия высших учебных заведений // Правоведение. 1988. № 5. С. 91.

В качестве ключевых особенностей прокурорской проверки могут быть названы следующие.

Во-первых, прокурорская проверка всегда носит публичный характер, что связано, прежде всего, с обязанностью надзорного ведомства в силу закона уведомить проверяемое лицо о ее начале, а в случае отсутствия нарушений по ее результатам – предоставить соответствующий акт. В этом вопросе автор солидарен с позицией Ю.О. Карпышевой, полагающей, что одним из главных критериев, отличающих прокурорскую проверку от остальных надзорных мероприятий, является непосредственное взаимодействие с проверяемым субъектом¹.

Во-вторых, другой не менее важной особенностью прокурорской проверки является ее цель, которая заключается в оценке законности деятельности и (или) действий проверяемых субъектов, а не в выявлении нарушений закона. В противном случае, рассматривая прокурорскую проверку исключительно в качестве инструмента выявления нарушений закона, для правоприменителя обнаружение последних становится самоцелью, что прямо противоречит содержанию функций прокурорского надзора.

В-третьих, в случае выявления при ее проведении нарушений закона прокурорская проверка является способом их документирования и фиксации для последующего выбора подлежащих применению актов прокурорского реагирования с учетом сути выявленных нарушений сквозь призму установленных законом ограничений и запретов, в том числе уголовно-правового характера.

В свою очередь, представляется, что содержанием прокурорской проверки является совокупность организационных и практических мероприятий, юридически значимых действий, выполняемых прокурором, направленных на выяснение поступившей информации о нарушениях закона, ее оценку и, в случае ее подтверждения, документирование и фиксацию, с последующим выбором средств прокурорского реагирования в рамках предоставленных Законом о прокуратуре полномочий и с учетом вида прокурорского надзора, в рамках которого такая проверка проведена.

¹ Карпышева Ю.О. Прокурорская проверка исполнения законов: понятие и признаки // Байкальский вестник ДААД. 2020. № 1. С. 56.

В этом контексте, по справедливому замечанию профессора В.Н. Исаенко, прокурорская проверка исполнения законов может рассматриваться как разновидность механизма выявления преступления, однако такая деятельность уголовно-процессуальным законом не урегулирована¹. Отметим, что целью прокурорской проверки, как и функций прокурорского надзора вне уголовно-процессуальной сферы, не является выявление преступлений.

Между тем предусмотренное п. 2 ч. 2 ст. 37 УПК РФ уголовно-процессуальное полномочие получило практическую имплементацию преимущественно в рамках общенадзорных отраслей прокурорского надзора.

К примеру, в 2022 г. в области экономики предусмотренное п. 2 ч. 2 ст. 37 УПК РФ полномочие реализовывалось прокурорами 7 691 раз: по направленным прокурорами материалам возбуждено 6 555 уголовных дел (эффективность составила 85 %). Так, по фактам нарушений уголовно-правовых запретов в сфере бюджетных правоотношений по материалам прокурорских проверок возбуждено 1 219 уголовных дел (направлено 1 355 материалов; эффективность – 90 %); закупок товаров, работ, услуг – 906 (73 %); государственной и муниципальной собственности – 1 140 (89 %); землепользования – 312 (76 %); банкротства – 23 (56 %); градостроительной деятельности – 83 (81 %).

По нашему мнению, в основе неабсолютной результативности реализации исследуемого полномочия зачастую лежит не столько ошибочность квалификации выявленных нарушений закона как посягающих на уголовно-правовые запреты (что, безусловно, также имеет место правоприменительной практике), сколько отсутствие у прокурора необходимого правового инструментария и неприспособленность (недостаточность) имеющихся правовых средств к механизму выявления преступлений.

В научной литературе отдельными авторами, например, Г.Д. Харебавой, предпринимались попытки провести параллели между доследственной и общенадзорной проверками, которыми высказывалась точка зрения, что субъекты их проведения

¹ Исаенко В.Н. Возможности использования рекомендаций криминалистики и специальных знаний при осуществлении прокурорского надзора за исполнением законов // Законность. 2018. № 6. С. 25–29.

фактически наделены схожими полномочиями, исключаящими целесообразность зависимого положения прокурора в вопросе возбуждения уголовного дела¹.

Представляется, что проблематика использования полномочия, предусмотренного п. 2 ч. 2 ст. 37 УПК РФ, находится в тесной взаимосвязи с проблемой дублирования проверочных мероприятий на различных стадиях уголовного судопроизводства (при проверке сообщения о преступлении и непосредственно в рамках предварительного расследования по уголовному делу).

Так, в контексте исследуемого вопроса озвученная А.В. Сучковым и М.В. Чинновой проблема дублирования проверочных мероприятий на стадии возбуждения уголовного дела, сопровождающаяся многоэтапностью принятия решения и, как следствие, нарушением разумных сроков уголовного судопроизводства (ст. 6.1 УПК РФ)² и созданием «благоприятных» условий для преступника по сокрытию следов преступления усугубляется выполнением прокурором комплекса мероприятий, «альтернативных» по своей сути полномочиям, предусмотренным ст. 144 УПК РФ, в целях установления оснований для вынесения мотивированного постановления об уголовном преследовании.

По справедливому замечанию А.О. Бозоян, при подобном подходе с момента выявления надзорным ведомством преступления и до возбуждения уголовного дела сохраняются риски утраты доказательственной базы, теряется актуальность уголовного преследования³.

Наделение прокурора в 2007 г. правом, предусмотренным п. 2 ч. 2 ст. 37 УПК РФ, не решило проблему оперативного реагирования на выявленные нарушения уголовных запретов, когда сведения об одних и тех нарушениях закона сначала становятся

¹ Харебава Г.Д. Возбуждение уголовного дела по результатам общенадзорной деятельности прокуратуры // Северо-Кавказский юридический вестник. 2009. № 2. С. 62–63.

² Сучков А.В., Чиннова М.В. К вопросу о дублировании проверочных мероприятий, проводимых на стадии возбуждения уголовного дела в современном российском уголовном процессе // Российский судья. 2015. № 1. С. 124.

³ Бозоян А.О. Реализация полномочий прокурора, предусмотренных п. 2 ч. 2 ст. 37 УПК РФ // Законность. 2017. № 11. С. 19–22.

предметом прокурорской проверки (по общему правилу ее срок составляет 30 дней), затем – доследственной проверки (до 30 суток), и только после (в случае возбуждения уголовного дела) – предметом расследования по уголовному делу.

На этом фоне не менее актуальной становится проблема целесообразности реализации прокурором предусмотренного п. 2 ч. 2 ст. 37 УПК РФ дискреционного по своей сути полномочия по результатам проверок исполнения законов и соблюдения прав и свобод человека и гражданина.

Примечательно, что в отличие от прокурорского постановления, порядок и основания передачи налоговыми органами материалов о преступлениях, предусмотренных ст. 198–199.2 УК РФ, получили комплексное детальное и недвусмысленное с точки зрения юридической техники правовое отражение в законе. Введенной Федеральным законом от 9 марта 2022 г.¹ ч. 1.3 ст. 140 УПК РФ установлено, что поводом для возбуждения уголовных дел о налоговых преступлениях могут служить только материалы налоговых органов. Соответствующая процедура предусмотрена ч. 3 ст. 32 Налогового кодекса Российской Федерации (далее – НК РФ), формулировки которой во многом схожи с положениями п. 2 ч. 2 ст. 37 УПК РФ.

Представляется, что конкретизация составов преступлений, поводом для возбуждения уголовных дел о которых служат материалы налоговых органов, выгодно отличает целесообразность установленной ч. 3 ст. 32 НК РФ обязанности, для которой, вместе с тем, также актуален вопрос дублирования полномочий следственных органов².

Проводя параллель с прокурорским постановлением об уголовном преследовании не менее важным в контексте налогового законодательства обстоятельством является то, что положениями

¹ Федеральный закон от 9 марта 2022 г. № 51-ФЗ «О внесении изменений в статьи 140 и 144 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // Российская газета». 2022. 11 марта.

² См., например: Волков М.А. Дублирование полномочий налоговых и следственных органов // Современная наука и молодые ученые: сб. ст. II Междунар. науч.-практ. конф. В 2 ч. Пенза: Наука и просвещение, 2020. Ч. 2. С. 140–142.

ч. 3 ст. 32 НК РФ установлены конкретные (10 рабочих дней) сроки направления материалов проверок в органы предварительного расследования, в то время как сроки реализации полномочия, предоставленного п. 2 ч. 2 ст. 37 УПК РФ, на законодательном уровне не регламентированы. Предусмотренная п. 1.1 указания Генерального прокурора Российской Федерации от 17 октября 2023 г. № 707/49 декларативная по своей сути обязанность прокурора обеспечить «своевременное» вынесение таких постановлений едва ли способна восполнить вышеописанный правовой пробел.

На основании изложенного представляются обоснованными следующие выводы.

1. Правовое регулирование института прокурорской проверки характеризуется отсутствием его законодательной дефиниции и характерных признаков данного мероприятия.

2. Современное развитие прокурорского надзора вне уголовно-процессуальной сферы характеризуется усилением превентивной роли прокурора, заключающейся уже не столько в своевременном выявлении и реагировании на уже совершенные правонарушения, сколько в их предотвращении и предупреждении, что делает различия между «прокурорским надзором» и «прокурорской проверкой» все менее очевидными.

3. Целью прокурорской проверки, как и функций прокурорского надзора вне уголовно-процессуальной сферы, не является выявление преступлений, однако она может рассматриваться в качестве механизма выявления общественно-опасных деяний, поскольку в ее рамках выбор подлежащих применению актов прокурорского реагирования осуществляется с учетом сути выявленных нарушений сквозь призму установленных законом ограничений и запретов, в том числе уголовно-правового характера.

4. Начатая Федеральным законом № 29-ФЗ и продолженная Федеральным законом № 404-ФЗ реформа правового статуса прокурорского постановления об уголовном преследовании по прошествии 17 лет по-прежнему не завершена. Наделение такого постановления «особым статусом» по своей сути не изменило общего порядка рассмотрения данного сообщения о преступлении, что нивелирует значимость принятого законодателем в 2010 г. решения об изменении ч. 1 ст. 140 УПК РФ.

5. Представляется необходимым концептуально пересмотреть содержание и статус постановления прокурора об уголовном преследовании следующим образом.

Во-первых, изложить п. 2 ч. 2 ст. 37 УПК РФ в следующей редакции: «2) выносить постановление прокурора о направлении соответствующих материалов в следственный орган или орган дознания для возбуждения уголовного дела по фактам выявленных прокурором нарушений уголовного законодательства».

Во-вторых, дополнить ст. 145 УПК РФ, предусмотрев, что по постановлению прокурора, вынесенному в порядке п. 2 ч. 2 ст. 37 УПК РФ, орган дознания, дознаватель, следователь, руководитель следственного органа при отсутствии оснований, предусмотренных ст. 24 УПК РФ, незамедлительно возбуждает уголовное дело и приступает к его расследованию.

А.А. Насонов

МЕХАНИЗМ СОГЛАСОВАНИЯ В ОТЕЧЕСТВЕННОМ УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

THE MECHANISM OF COORDINATION IN DOMESTIC CRIMINAL PROCEEDINGS

В статье рассматриваются роль уголовно-процессуального механизма согласования и его структура. Обосновывается, что к важнейшим составляющим указанного механизма относятся: цель, задачи, объект, субъекты, этапы согласования. Аргументируется, что успешность функционирования механизма согласования предполагает эффективность всех его составных частей при гармоническом их взаимодействии.

The article examines the role of the criminal procedure coordination mechanism and its structure. It is proved that the most important components of this mechanism include: purpose, objectives, object, subjects, stages of coordination. It is argued that the success of the coordination mechanism presupposes the effectiveness of all its components in their harmonious interaction.

Ключевые слова: механизм согласования, цель, задачи, субъект, объект, этапы, эффективность.

Key words: coordination mechanism, purpose, tasks, subject, object, stages, effectiveness.

Согласование в уголовном судопроизводстве России получило достаточно широкое распространение. Об этом свидетельствует как многократное обращение законодателя к категории «согласие», так и активное вживание согласительных средств во многие уголовно-процессуальные процедуры. Такой спрос на указанную категорию объясняется общественной потребностью в ней. Именно существование общественной потребности в том или ином явлении, обозначаемом соответствующей категорией, необходимо для результативности механизма, сопровождающего его. Недаром учеными отмечается следующее: «Даже совершенный уголовно-процессуальный институт не сможет обеспечить эффективность обусловленного им механизма, если не сложилась известная общественная потребность в его использовании»¹.

Применительно к общественной потребности в согласии вполне актуально звучат слова М.Г. Алиева о том, что современная эпоха (начало XXI в.) характеризуется ускоренным развертыванием процессов объединения человечества во всемирном масштабе, духовными преобразованиями переоценкой старых ценностей и сотворением новых². Как, верно, продолжает автор, «идея согласия ориентирована на цивилизованное разрешение противоречий, является надежным, испытанным средством преодоления социально опасных конфликтов»³.

Указанное свойство согласия в настоящее время востребовано в разных социальных сферах, в том числе и в правовой.

¹ Баранов П.П., Жуков И.А., Захаренков В.В., Сальников В.П. Законность—гражданское общество—права и свободы граждан: монография. Ростов н/Д.: РЮИ МВД РФ, 2005. С. 80.

² Алиев М.Г. Согласие как проблема социальной философии: дис. ... д-ра философ. наук. М., 2000. 353 с.

³ Алиев М.Г. Там же.

Очевидный интерес к согласительным механизмам и причем, достаточно давно, проявляет законодатель в гражданско-правовой сфере. С принятием УПК РФ в 2001 г. и по мере внесения в него изменений применение согласительных средств стало необходимым элементом для многих уголовно-процессуальных процедур.

Особенно на них делается ставка в примирительных производствах, в особом порядке судебного разбирательства, в особом порядке принятия судебного решения при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве и др. Согласительные средства распространены как в отношениях между участниками уголовного судопроизводства, не обладающими властными полномочиями, так и в отношениях между публичными субъектами. Не менее важную роль играет указанный инструментарий и в отношениях между властными и невластными субъектами.

Применение согласительных средств в ходе реализации согласия как уголовно-процессуального явления является ничем иным как согласованием. Уголовно-процессуальная деятельность по согласованию может рассматриваться как система действий различных субъектов в процессе получения одобрения у соответствующего лица на выполнение уже других процессуальных действий и принятие решения. Такая система вправе именоваться механизмом уголовно-процессуального согласования.

Указанный механизм представляет собой совокупность благоприятных условий для достижения единодушия определенных участников уголовного судопроизводства по тем или иным вопросам, предусмотренным нормативно-правовыми актами. Последние выступают нормативно-правовой базой механизма согласования в отечественном уголовном судопроизводстве. Важное место в ней занимают нормы, содержащиеся в международно-правовых актах, Конституции РФ, УПК РФ и в других законах Российской Федерации (например, в законе от 31 мая 2002 г. № 63-ФЗ¹ (далее – Закон об адвокатуре)).

Именно нормы, содержащиеся в указанных документах, учитываются при построении механизма согласования. В связи с этим

¹ Федеральный закон от 31 мая 2002 г. № 63-ФЗ (ред. от 24 июля 2023 г.) «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2002. № 23. Ст. 2102.

важно соответствие механизма согласования нормативным актам, регламентирующим данную сферу. Соблюдение их позволит избежать или свести к минимуму ошибки, допускаемые в ходе согласования. Понятно, что эффективность уголовно-процессуального согласования во многом зависит от совершенства нормативной базы, на которую оно опирается. Поэтому к указанной нормативной базе предъявляются особые требования. Правовые нормы должны полно и качественно регулировать вопросы понятия, порядка, сроков согласования, а также контрольно-надзорную деятельность в соответствующей сфере и вопросы ответственности за нарушения, допущенные в сфере согласования.

По сути, правовые нормы в конечном счете должны определять структуру механизма согласования, формируемую различными составляющими. Анализ действующего законодательства и правоприменительной практики в сфере согласования позволяет выявить следующие основные элементы указанного механизма: цель, задачи, объект, субъекты, этапы согласования. Каждый из указанных элементов по отношению к целостной системе уголовно-процессуального согласования является системой более частного порядка, каждая из которых выполняет свои задачи, имеют свои особые черты и свою внутреннюю структуру. Все элементы взаимосвязаны между собой, причем настолько, что механизм согласования действителен лишь при их слаженной работе. В связи с этим следует уделить внимание отдельным составляющим указанного механизма. Тем более, что рассмотрение указанного механизма как единой системы предполагает анализ специфики ее составных частей.

Одной из важных составляющих механизма согласования является его цель. Она заключается в получении одобрения согласуемых действий, решений у субъекта, наделенного соответствующим правом или полномочием. Соответственно, задачами указанного механизма будет создание благоприятных условий для получения такого одобрения; предупреждение нарушений в сфере согласования и восстановления законности в соответствующей сфере.

Механизм согласования приводят в действие соответствующие субъекты. При этом одни инициируют согласование, а другие

наделены правом дачи согласия на выполнение действий и принятие решений. Например, в ситуации получения разрешения на производство обыска в жилище (п. ч. 2 п. 5 ст. 29, ч. 1 ст. 165, ч. 3 ст. 182 УПК РФ) инициатором обращения к руководителю следственного органа за согласием на возбуждение перед судом соответствующего ходатайства, а также инициатором такого возбуждения перед судом является следователь. Субъектом из числа носителей согласия является не только руководитель следственного органа, но и суд, если рассматривать разрешение последнего как разновидность уголовно-процессуального согласия.

Однако субъектами отношений, сопровождающих согласование могут быть не только властные субъекты, но и лица, не имеющие властных полномочий. Например, в соответствии с п. 2 ч. 1 ст. 9 Закона об адвокатуре адвокату по общему правилу запрещено занимать по делу позицию, противоположную позиции доверителя. По сути, данная норма предполагает согласование позиций адвоката и его доверителя по уголовному делу. Очевидно, что инициатором согласования в этом случае будет выступать адвокат, получивший статус либо защитника, либо представителя по уголовному делу.

Соответственно, носителем согласия является доверитель, пребывающий в роли подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего, частного обвинителя, гражданского истца, гражданского ответчика. Сторонами уголовно-процессуальных отношений согласования могут быть участники уголовного судопроизводства, причем не всегда достигшие возраста 18 лет.

Например, в ситуации, описанной в ст. 427 УПК РФ, и касающейся проблемы прекращения уголовного преследования с применением принудительной меры воспитательного воздействия, требуется получение согласия несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого или его законного представителя (ч. 6 ст. 427 УПК РФ).

Кроме того, сторонами согласования могут выступать также субъекты, не получившие статуса участника уголовно-процессуальных отношений. К таким субъектам относится Конституционный Суд Российской Федерации, согласие которого необходимо

для возбуждения уголовного дела в отношении судьи указанного суда (п. 3 ч. 1 ст. 448 УПК РФ).

Наконец, стороной согласования может выступать государство, включая иностранное государство. Оно требуется для выполнения процессуальных действий в отношении лиц, пользующихся иммунитетом от таких действий в соответствии с общепризнанными принципами, нормами международного права и международными договорами Российской Федерации. Речь идет о согласии иностранного государства, на службе которого находится или находилось лицо, пользующееся иммунитетом, или международной организации, членом персонала которой оно является или являлось (ч. 2 ст. 3 УПК РФ).

Очевидно, что все субъекты согласования могут быть разделены на две большие группы: властные субъекты и лица, не обладающие властными полномочиями. Это деление субъектов в конечном счете предопределяет объединение в механизме согласования двух подсистем: получение согласия у субъектов, обладающих властными полномочиями, и получение согласия у лиц, не обладающих таковыми.

Каждая из указанных подсистем будет обладать своей структурой, целями и задачами функционирования. Функционирование указанных подсистем в конечном счете обусловлено существованием в уголовном судопроизводстве неоднородных, зачастую противоположных, интересов, принадлежащих разным его участникам. А это немаловажно, особенно если учесть тот факт, что «движущей силой механизма являются интересы и общественно полезные потребности»¹.

Все действия субъекта осуществляются по поводу объекта согласования, к которому следует относить те действия и решения, которые требуют согласования по закону. Так, в ситуации получения судебного разрешения на производство обыска в жилище объектом такого разрешения будет указанный вид обыска. Если же согласуется возбуждение перед судом ходатайства следователя об избрании в качестве меры пресечения заключения под стражу, то

¹ Баранов П.П., Жуков И.А., Захаренков В.В., Сальников В.П. Законность—гражданское общество—права и свободы граждан: монография.

объектом данного вида согласования является возбуждение соответствующего ходатайства.

Представляется, что и цель, и задачи, и объект, и субъекты отражают статическую сторону механизма согласования. Однако, указанный механизм имеет еще и динамическую сторону. Это объясняется тем, что механизм согласования представляет собой длящийся процесс функционирования, который распадается на этапы (инициация согласования; рассмотрение просьбы о согласовании; принятие решения; обжалование решения, принятого носителем согласования в случаях, предусмотренных законом). Прохождение указанных этапов и вовлечение в них всех элементов рассматриваемого механизма характеризует динамическую сторону последнего. Представляется, что в контексте сказанного, не будет считать ошибкой то обстоятельство, что статическая сторона обслуживает динамическую сторону уголовно-процессуального механизма согласования.

Успешность функционирования указанного механизма предполагает эффективность всех его составных частей при гармоническом их взаимодействии. Указанные обстоятельства создают хороший потенциал для надежности, устойчивости и гибкости уголовно-процессуального механизма согласования. Об эффективности данного механизма можно судить по наличию или отсутствию нарушений в сфере согласования. Очевидно, что отсутствие нарушений будет указывать на его эффективность.

Эффективность согласования имеет важное значение для уголовного судопроизводства и его институтов, реализация которых затруднительна без применения механизма согласования. Объясняется это тем, что механизм согласования не только объединяет в себе элементы, но и сам может рассматриваться как элемент более широкой по отношению к нему системы. Такой системой, поглощающей механизм согласования, может быть, в частности, механизм выполнения следственных действий, требующих согласования (например, механизм производства обыска, выемки в жилище (ч. 1 ст. 165 УПК РФ)). А если согласование является составляющей иных уголовно-процессуальных механизмов, иных уголовно-процессуальных институтов, то его эффективность

наряду с другими факторами определяет эффективность этих механизмов и институтов.

Поэтому важно соблюдение режима законности в сфере согласования, грамотное применение норм, регламентирующих вопросы согласования. Залогом достижения указанных целей являются разумные пределы применения согласительных средств в уголовном судопроизводстве, качественное правовое регулирование вопросов уголовно-процессуального согласования.

**И.Н. НЕХАЕВ,
М.Н. ТАРШЕВА**

**КОМПРОМИССНЫЕ ОСНОВАНИЯ ПРЕКРАЩЕНИЯ
УГОЛОВНОГО ДЕЛА (УГОЛОВНОГО ПРЕСЛЕДОВАНИЯ)
В ДОСУДЕБНОМ ПРОИЗВОДСТВЕ: СОВРЕМЕННОЕ
СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ**

**COMPROMISE GROUNDS FOR THE TERMINATION
OF A CRIMINAL CASE (CRIMINAL PROSECUTION)
IN PRE-TRIAL PROCEEDINGS: CURRENT STATE
AND DEVELOPMENT PROSPECTS**

Современное уголовно-процессуальное законодательство позволяет разрешать уголовно-правовые конфликты компромиссным способом. Компромиссный уголовно-процессуальный механизм, представленный в ст. 25, 25.1, 28, 28.1 УПК РФ, претерпел ряд изменений, что продиктовано необходимостью оптимизации уголовного судопроизводства, отвечающей ее назначению. По мнению авторов, ценность данных норм бесспорна, поскольку обеспечивает защиту прав и законных интересов личности, общества и государства, в том числе, посредством возмещения вреда, причиненного преступлением.

Modern criminal procedure legislation allows to resolve criminal law conflicts in a compromise way. The compromise criminal procedure mechanism presented in Articles 25, 25.1, 28, 28.1 of the CPC of the Russian Federation has undergone a number of changes, which is

dictated by the need to optimize criminal proceedings that meet its purpose. According to the authors, the value of these norms is indisputable, since it ensures the protection of the rights and legitimate interests of the individual, society and the state, including through compensation for harm caused by a crime.

Ключевые слова: прекращение уголовного дела (уголовного преследования), компромиссные способы разрешения уголовно-правовых конфликтов, гуманизация.

Key words: termination of a criminal case (criminal prosecution), compromise ways of resolving criminal law conflicts, humanization.

В действующем Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации¹ (далее – УПК РФ) законодателем закреплены основания прекращения уголовного дела (уголовного преследования), не влекущие реабилитации подозреваемого (обвиняемого). С момента принятия УПК РФ данный правовой институт подвергся ряду преобразований. Например, он был дополнен двумя самостоятельными основаниями: в связи с возмещением ущерба (ст. 28.1 УПК РФ) и в связи с назначением меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа (25.1 УПК РФ).

Очевидно, что такие изменения были обусловлены объективными факторами, как политического и социального, так и экономического характера, продиктованы необходимостью оптимизации уголовного судопроизводства, отвечающей ее назначению. Кроме того, они в полной мере соответствуют современным направлениям государственной правовой политики и закрепленным в российском законодательстве принципам гуманизма и справедливости.

Речь в данном случае идет о компромиссном уголовно-процессуальном механизме разрешения криминального конфликта, представленном, в том числе, ст. 25, 25.1, 28 ч. 1, 28.1 УПК РФ. Компромиссный компонент данных норм заключается в том, что

¹ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (ред. от 25 декабря 2023 г.) // Собрание законодательства РФ. 2001. № 52 (часть I). Ст. 4921.

лицо, совершившее общественно-опасное деяние, может быть освобождено от уголовной ответственности при совершении ряда позитивных постпреступных действий, направленных на восстановление нарушенных преступлением общественных отношений посредством возмещения преступного вреда. Для применения той или иной нормы, подозреваемым (обвиняемым) должен быть выполнен ряд соответствующих условий. Общими условиями являются: отсутствие судимости; совершенное преступление должно относиться к категории небольшой или средней тяжести (для ст. 28.1 УПК РФ – предусмотрен конкретный перечень преступлений в сфере экономической деятельности); возмещение вреда, причиненного преступлением.

В таком компромиссе заинтересованы как потерпевшие и подозреваемые (обвиняемые) по делу, так общество и государство в целом, в том числе, это касается должностных лиц органов предварительного расследования. Подозреваемый, обвиняемый, совершающий позитивные постпреступные действия, как минимум, не оспаривает своей причастности в инкриминируемом ему преступлении, а зачастую, – способствует раскрытию и расследованию преступления, тем самым, уменьшая временные, материальные и иные затраты на производство по конкретному уголовному делу. Что же касается интересов потерпевшей стороны, они, как правило, устремлены к материальной стороне вопроса, а именно к возмещению вреда, причиненного преступлением. В условиях отсутствия компенсационных фондов по возмещению потерпевшим вреда, причиненного преступлением, ценность таких конструкций очевидна.

Несмотря на то, что обозначенные положения процессуального законодательства обладают высоким правозащитным потенциалом, отвечают назначению уголовного судопроизводства, приходится констатировать, что в досудебном производстве он не реализуется в полной мере. Такой вывод обосновывается данными официальной статистики, приводимыми одним из авторов настоящей статьи в диссертационном исследовании¹.

¹ Таршева М.Н. Примириительные и восстановительные процедуры в досудебном производстве: дис. ... канд. юрид. наук. Орел, 2022. С. 7.

Среди причины, по которым количественный показатель решений, принимаемых правоприменителями в порядке ст. 25 УПК РФ, невысок, можно обозначить следующие: незаинтересованность органов предварительного расследования в принятии таких решений ввиду их негативного влияния на ведомственные показатели; недостаточность процессуального ресурса, выражающаяся как в отсутствии детально регламентированного порядка примирения сторон, так и об абсолютной неосведомленности потерпевшего и подозреваемого о возможностях компромиссного разрешения криминального конфликта различными способами.

Следователь (дознаватель) не обязан при принятии таких решений разъяснять заинтересованным лицам основания и условия, предусмотренные нормами материального и корреспондирующими им нормами процессуального закона. Это приводит к путанице и подмене одних дефиниций другими сторонами уголовно-правового конфликта.

Например, в материалах делах (в протоколах следственных действий, в заявляемых сторонами ходатайствах) зачастую содержатся данные, свидетельствующие о возмещении ущерба потерпевшему, волеизъявление одной или обеими сторонами о желании прекращения уголовного дела в порядке ст. 25.1 УПК РФ, но не выясняется, достигнуто ли между сторонами примирение сторон.

Что касается ч. 2 ст. 28 и ст. 28.1 УПК РФ, то порядок действий, связанный с выполнением соответствующего условия посткриминального поведения, по сравнению со ст. 25, 25.1, ч. 1 ст. 28 УПК РФ в целом урегулирован и конкретизирован, хотя и требует определенной доработки и корректировки.

Положения ст. 25.1, ч. 1 ст. 28 УПК РФ в качестве одного из обязательных условий принятия таких решений закрепляют необходимость возмещения подозреваемым (обвиняемым) ущерба или иным образом заглаживание вреда, причиненного преступлением. Содержание данных теоретических терминов в УПК РФ не раскрывается, но они находят отражение в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации¹, в отличие от

¹ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 июня 2013 г. № 19 (ред. от 29 ноября 2016 г.) «О применении судами законодательства,

положений ст. 28.1 УПК РФ. Кроме того, при установлении размера ущерба, причиненного преступлением, не учитывается вред нематериального характера, отсутствуют методики расчета такого вреда, внедренные в правоприменительную практику, что явно противоречит положениям ст. 73 УПК РФ.

Еще одной проблемой является то, что ни в законе, ни в указанном постановлении не проработан вопрос, связанный с определением конкретных действий, направленных на восстановление нарушенных преступлением общественных отношений (по преступлениям, не затрагивающим частного интереса), в том числе вида, размера и т.д. Такие действия, по факту, определяются самим подозреваемым (обвиняемым) и его защитником. Это, в свою очередь, приводит к непредсказуемости итогового решения и отсутствию единообразия в правоприменительной практике. Одни судьи считают соответствующие действия достаточными, другие в аналогичных случаях – формальными и недостаточными. Так, наиболее «популярным» действием подозреваемого (обвиняемого) по возмещению ущерба или иным образом заглаживанию вреда, причиненного преступлением, не затрагивающим частного интереса, является оказание благотворительной помощи детскому дому или детскому саду.

Проведенный анализ положений ст. 25.1, 28 УПК РФ и практики их применения, позволяет сделать вывод о несовершенстве законодательной их регламентации, а также о наличии множественных проблем в правоприменительной практике, следствием чего является недостаточная эффективность обеспечения восстановления прав и законных интересов личности, общества и государства.

Очевидно, что подход к реализации положений ст. 25.1, 28 УПК РФ должен заключаться в четком определении порядка и способа возмещения такого вреда. Предлагается по тем составам, где имеется вред неимущественного характера (моральный вред, репутационный вред), рассчитывать его компенсацию в денежном эквиваленте понятным и доступным способом, посредством

регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности» // Бюллетене Верховного Суда РФ. 2013. № 8.

внедрения в правоприменительную практику методик количественного расчета такого вреда.

Кроме того, необходим процессуальный механизм, позволяющий наделить прокурора полномочиями по определению адекватных (соразмерных последствиям совершенного деяния) действий подозреваемого (обвиняемого), направленных на восстановление нарушенных в результате преступления законных интересов общества и государства, учитываемых в качестве возмещения ущерба либо иным образом заглаживания вреда при решении вопроса о прекращении уголовного дела (уголовного преследования) в порядке ст. 25.1, ч. 1 ст. 28 УПК РФ, по преступлениям, не затрагивающим частного интереса.

В настоящее время становится очевидным, что современная политическая, экономическая и социальная ситуация требует внедрения в уголовный процесс новых эффективных моделей досудебного разрешения уголовно-правового конфликта на компромиссной основе. В условиях процессуальной экономии должна быть обеспечена возможность восстановления прав и свобод потерпевших от преступлений в максимально короткий срок при одновременном исправительном воздействии на лицо, совершившее преступление.

На значимость деятельности правоохранительных органов по обеспечению возмещения вреда, причиненного преступлением, ежегодно указывает в своих докладах Уполномоченный по правам человека в Российской Федерации Т.Н. Москалькова. Омбудсмен обращает внимание на наличие проблем, связанных с защитой прав и законных интересов потерпевших в досудебном производстве. Речь идет о трудностях, возникающих при разрешении вопроса о возмещении вреда, причиненного преступлением. По мнению Т.Н. Москальковой, решению обозначенных проблем могло бы способствовать, в том числе, закрепление соответствующих «льгот» для подозреваемых (обвиняемых), возместивших вред потерпевшему, а также разработка дополнительных процессуальных механизмов¹.

¹ Москалькова Т.Н. Соблюдение и защита прав потерпевших в уголовном процессе: тематический доклад Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации. М.: Проспект, 2020. С. 62–63.

Проблема возмещения вреда, причиненного преступлением, остро стоит перед современным обществом. В 2023 г. ущерб от преступлений (по окончанным и прекращенным уголовным делам) составил 284,3 млрд рублей. Указанная сумма сопоставима, к примеру, с бюджетом ФСИН России на 2022 г., который составил 247,9 млрд рублей¹.

Не менее примечательными представляются официальные данные, приводимые Судебным департаментом Верховного Суда Российской Федерации. Так, общая сумма ущерба от преступлений, определенная по судебным актам, в 2022 г. составила 32 323 013 629 руб. (32,3 млрд). Из указанной суммы возмещено только 10 052 943 929 руб. (10 млрд) (около 31 % от общей суммы причиненного ущерба). На первый взгляд, процент возмещения ущерба, кажется весомым, однако, если обратиться к статистическим данным за 2020 г., то процент возмещения сильно разнится. Общая сумма ущерба, причиненного преступлениями, в 2020 г. составила 69 670 147 276 руб. Из указанной суммы возмещено только 6 526 948 049 руб. (около 9,4 % от общей суммы причиненного ущерба).

Исходя из данных, представленных на портале Единой межведомственной информационно-статистической системы², в 2022 г. потерпевшими от преступлений были признаны 1 527 129 человек – на 61 353 человек меньше, чем в 2021 г. Положительная динамика, в действительности, присутствует, но в масштабах страны не является значительной, а кроме этого, не устанавливает однозначно положительную тенденцию.

Особенный интерес может представлять исследование общественного мнения относительно безопасности жизни в РФ, проведенного в 2016–2017 гг. ВЦИОМ и Фондом поддержки пострадавших от преступлений. Согласно результатам исследования, более 2/3, что составляет около 70 % опрошенных лиц, обратившихся в правоохранительные органы либо признанных потерпевшими за

¹ Федеральный закон от 6 декабря 2021 г. № 390-ФЗ «О федеральном бюджете на 2022 год и на плановый период 2023 и 2024 годов» // Собрание законодательства РФ. 2021. № 50 (часть I, II, III). Ст. 8397.

² Официальные данные Судебного департамента Верховного Суда Российской Федерации. URL: <https://fedstat.ru/indicator/36202>.

последние 5 лет, указывали, что причиненный преступлениями вред так и не был им возмещен¹.

Таким образом, современные компромиссные основания прекращения уголовного дела (уголовного преследования) обладают высоким правозащитным потенциалом, который отвечает назначению уголовного судопроизводства. Вместе с тем, очевидно, что они нуждаются в корректировке, ввиду недостаточности процессуального ресурса, не позволяющего в полной мере обеспечить эффективную защиту прав и законных интересов личности, общества и государства.

На наш взгляд, основными направлениями совершенствования компромиссного уголовно-процессуального механизма разрешения уголовно-правового конфликта в досудебном производстве на современном этапе являются следующие: 1) закрепление в законодательстве детального порядка реализации соответствующих положений УПК РФ; 2) закрепление новых оснований прекращения уголовного дела (уголовного преследования); 3) наделение прокурора полномочиями по определению действий по возмещению преступного вреда подозреваемым (обвиняемым) по преступлениям, не затрагивающим частного интереса; 4) внедрение в правоприменительную практику методик расчета морального и физического вреда, причиненного преступлением.

Е.А. Овчинникова

ВОПРОСЫ ПРИСЯЖНЫХ ЗАСЕДАТЕЛЕЙ В СУДЕБНОМ СЛЕДСТВИИ

JURY QUESTIONS IN THE JUDICIAL INVESTIGATION

Судебное разбирательство с участием присяжных заседателей по общему мнению ученых относится к категории

¹ Исследование ВЦИОМ «Изучение мнения населения относительно безопасности жизни в РФ». URL: <https://fondpp.org/doc/issledovanie-vciom-izuchenie-mneniya-naseleniya-otnositelno-bezopasnosti-zhizni-v-rf/>.

усложненных процедур, включающих достаточно громоздкие процессуальные формы, соблюдение которых выступает фундаментально важным условием признания законными полученных результатов. Однако имеются аспекты, которым законодатель уделит не очень большое внимание – это процессуальная коммуникация участников и присяжных. Вопросы присяжных заседателей в судебном следствии являются частью процессуальной коммуникации, играют важную роль в уяснении присяжными сущности рассматриваемого уголовного дела и обстоятельств совершения преступления. Практика выявляет ряд проблемных аспектов законодательного регулирования этой части уголовно-процессуального закона, требующих своего решения. Отдельные шаги по совершенствованию процедуры работы председательствующего с вопросами присяжных заседателей предлагаются в данной работе.

The trial with the participation of jurors, according to the general opinion of scientists, belongs to the category of complicated procedures, including rather cumbersome procedural forms, the observance of which is a fundamentally important condition for the recognition of legitimate results. However, there are aspects that the legislator did not pay much attention to – this is the procedural communication of participants and jurors. Practice reveals a number of problematic aspects of the legislative regulation of this part of the criminal procedure law that require their solution. Separate steps to improve the procedure of the chairman's work with questions from jurors are proposed in this paper.

Ключевые слова: суд присяжных, процессуальная коммуникация, вопросы, председательствующий, стороны.

Key words: jury trial, procedural communication, questions, the chairman, the parties.

В судебном разбирательстве с присяжными заседателями участвует много лиц, чьи права и законные интересы обеспечиваются в самых разных направлениях. Отметим, что законодатель весьма подробно урегулировал вопросы, имеющие особенно важное значение, к числу которых мы относим формирование

коллегии присяжных заседателей, обеспечение их независимости, порядок исследования доказательств, выступления сторон и многие иные.

Направление уголовно-процессуального регулирования, его содержание убеждает в том, что выстраивается конфигурация процессуального взаимодействия не только в коллегии присяжных и в отношениях присяжные – председательствующий, но и в отношениях присяжные – стороны. Мы полностью поддерживаем такой формат уголовного судебного производства, как максимально направленный на конструктивизм и достижение общей процессуальной цели – справедливого итогового решения.

В сфере процессуального взаимодействия основную роль играет способ коммуникации, общения, который позволяет осуществлять совместную процессуальную деятельность, координировать свои усилия в едином направлении, при необходимости корректировать свое поведение или требовать соответствующей корректировки от процессуальных оппонентов.

В рамках данной работы мы, в силу ограниченности ее допустимого объема, не можем рассмотреть все аспекты процессуальной коммуникации в судебном разбирательстве с участием присяжных заседателей. Поэтому обратимся к изложению своей позиции по одному из наиболее важных, как представляется, вопросов.

Речь идет о таком способе процессуальной коммуникации как обмен вопросами в ходе судебного разбирательства.

Значимость этого направления процессуальной коммуникации обусловлена познавательно-психологическим фактором: задавая вопросы человек познает новое, уточняет свое знание, меняет свои представления. Поставленный вопрос может оказать психологически угнетающее или, наоборот, стимулирующее, поддерживающее воздействие на человека, участвующего в его обсуждении. Благодаря заданным вопросам можно установить направление логики спрашивающего, направление его усилий. В уголовном судопроизводстве направленность вопросов «подсвечивает» процессуальную позицию участника, делает его дальнейшее поведение более предсказуемым, а выводы – понятными.

В судебном разбирательстве с участием присяжных заседателей законодатель разрешает задавать вопросы в нескольких

случаях. Нас в данной работе интересует вполне конкретный – это вопросы присяжных. Законодательно это действие выглядит следующим образом.

Как установлено в п. 1 ч. 1 ст. 333 УПК РФ, присяжные заседатели имеют право задавать вопросы через председательствующего. В ч. 4 ст. 335 УПК РФ подробно раскрывается это право присяжных заседателей и описывается процедура их действий. Кратко она выглядит так: присяжный заседатель, в том числе запасной, пишет вопрос, передает его старшине коллегии, а тот – председательствующему, который формулирует вопрос, а также решает можно ли его задавать или отводит этот вопрос.

Мы бы хотели отметить ряд, полагаем, «слабых» мест в этой конструкции.

1. Вопросы могут быть заданы только лицам, допрашиваемым в ходе судебного следствия. Однако, непонятные или неясные для присяжных заседателей моменты могут возникнуть не только в ходе допроса, но и при иных процессуальных способах исследования доказательств: при осмотре вещественных доказательств, оглашении документов и др.

2. Письменно изложенный вопрос предъявляется только председательствующему, стороны не получают доступа к этой записке. Соответственно ее содержание остается для сторон скрытым. При этом председательствующий имеет право изменить формулировку вопроса. Понятно, что председательствующий может не столько скорректировать содержание, сколько исказить его по разным причинам, в том числе в силу объективного затруднения в уяснении сути вопроса, представленного присяжным. Однако это означает, что присяжный не получит ответа на свой вопрос и интересующие или неясные для него обстоятельства останутся без раскрытия, а возникшие трудности с пониманием доказательств возникнут при вынесении вердикта.

3. Отвод председательствующим заданного присяжным вопроса нами в целом оценивается критически. Ранее отмеченная целевая сущность вопроса, как средства понимания, получения необходимой информации в условиях судебного разбирательства с участием присяжных заседателей, не являющихся профессиональными юристами, для которых судебный процесс является

определенным фактором стрессового характера, многократно усиливает свою значимость. Отвод вопроса председательствующим для присяжного может оказаться средством психологического подавления, выработки у него четкого и стойкого безразличия к результатам судопроизводства и вердикту.

В то же время, отвод вопроса, в случаях, о которых указано в ч. 4 ст. 335 УПК Ф, «как не относящиеся к сущности предъявленного обвинения», является объективным и необходимым, продиктованным пределами судебного разбирательства. Но это только одна из возможных причин, которая закреплена законодателем. Нельзя исключить ситуации, когда председательствующий указывает эту причину вне связи с содержанием вопроса. Для сторон в такой ситуации остается только согласиться с председательствующим, поскольку им неизвестна формулировка вопроса.

В данной части отметим наличие практических примеров, когда из-за неточностей в протоколе судебного заседания апелляционная инстанция не смогла определить существо некоторых ходатайств, их содержание и мотивировку, а письменные тексты заявленных ходатайств в материалах уголовного дела отсутствовали. В связи с этим не представилось возможным проверить обоснованность принятого судом первой инстанции решения по заявленным ходатайствам¹.

В приведенном примере речь идет о другом действии, однако сходство ситуаций, на наш взгляд, достаточно большое: заявленные ходатайства сторон – неясность в решении суда как причина отмены приговора. Но и в части заданного вопроса присяжным остается неясность поведения и решения судьи. Причем это решение может оказать не только демотивирующее воздействие на присяжного, но и стать причиной для ошибочного принятия процессуальных решений впоследствии, т. е. имеет правовую значимость.

На наш взгляд, приведенные соображения достаточно убедительно свидетельствуют о наличии процессуальной проблемы и необходимости ее разрешения.

¹ Архив Ставропольского краевого суда. Апелляционное определение от 2 июля 2020 г. № 22-2961/2020.

В научных исследованиях этот аспект не остался без внимания ученых.

С.А. Насонов предлагает изменить порядок представления вопросов присяжными заседателями. По его мнению эта процедура должна выглядеть следующим образом: отведение председательствующим вопросов присяжных заседателей, заданных допрашиваемым в судебном заседании лица только после обсуждения их со сторонами в закрытом судебном заседании с удалением коллегии присяжных заседателей из зала¹.

Данное предложение мы оцениваем в целом положительно и считаем, что оно является конструктивным. Одновременно находим и причину для критики. Предлагаемое процедурное решение, на наш взгляд, усложнит и без того громоздкую процедуру судебного разбирательства. Если в судебном следствии несколько присяжных заседателей последовательно зададут свои вопросы, которые покажутся председательствующему сомнительными, то большая часть времени уйдет на проведение дополнительных консультаций со сторонами и выяснением (возможно с дискуссией сторон) вопроса о возможности объявить поставленный вопрос или ответить его.

На наш взгляд, процедура вопроса присяжных должна иметь максимально комфортный (если это понятие вообще применимо к уголовному судопроизводству) порядок для всех участников судебного разбирательства. Мы вкладываем в него такие свойства как экономичность, простоту, ясность. И в этом контексте полагаем, что есть иной способ разрешить возникшую проблему.

Предлагаем рассмотреть такой вариант: председательствующий получает вопрос, его содержание представляется сомнительным, он передает поступивший вопрос секретарю без публичного оглашения, который заносит его в протокол судебного заседания, а письменный документ, поступивший от присяжного заседателя с формулировкой вопроса, приобщает к протоколу судебного заседания.

¹ Насонов С.А. Концептуальные основы производства в суде с участием присяжных заседателей: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2022. С. 18.

Этот же порядок представляется удачным для иной процессуальной ситуации, когда председательствующий изменяет формулировку вопроса, поступившего от присяжного: первоначальная формулировка должна быть занесена в протокол судебного заседания.

При внедрении указанной процедуры у сторон появляется средство процессуального воздействия на ситуацию, когда отвод вопроса в судебном следствии или существенная корректировка его содержания повлияли или могли повлиять на итог судебного разбирательства: подача жалобы на необоснованный отвод председательствующим вопроса (существенное изменение формулировки, исказившее его первоначальное содержание), поступившего от присяжного заседателя, который имел отношение к предъявленному обвинению и мог помочь присяжным вынести правильный вердикт.

Высказанные соображения приводят к некоторым выводам.

1. Процессуальная коммуникация в условиях судебного разбирательства с участием присяжных заседателей выполняет не столько межличностную, сколько правовую функцию и нуждается в отточенных и ясных процедурах. Такого рода процедуры должны сопровождать процессуальные действия присяжных, как участников, наименее всего владеющих юридическими знаниями и навыками. Это относится к регулированию права присяжных заседателей задавать вопросы в ходе судебного следствия.

2. Законодатель правильно обратил внимание на необходимость процессуального регулирования действий присяжных, направленных на выяснение не понятных или затруднительных для них вопросов. Однако сам по себе этот механизм и отдельные его элементы не столько противоречат общей концепции народного правосудия, сколько создает неоправданные и существенные риски вынесения присяжными ошибочных вердиктов, обусловленных недоступностью необходимой информации.

3. Предлагаем рассмотреть один из вариантов совершенствования ч. 4 ст. 335 УПК РФ, определив иной порядок работы председательствующего с поступившими от присяжных заседателей вопросами: в случае сомнений относительно соответствия вопроса предъявленному обвинению или адекватности его формулировки,

председательствующий передает секретарю судебного заседания записку с вопросом, секретарь заносит в протокол исходную и измененную председательствующим формулировку вопроса. В случае отвода вопроса председательствующим секретарь отражает этот факт в протоколе с дословным занесением содержания вопроса, заданного присяжным заседателем.

Е.А. Ордодворцева

ПРЕВЫШЕНИЕ ДОЛЖНОСТНЫХ ПОЛНОМОЧИЙ КАК ПРЕСТУПЛЕНИЕ КОРРУПЦИОННОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ

ABUSE OF OFFICE AS A CRIME OF CORRUPTION DIRECTIONS

В свете изменений уголовного законодательства особую актуальность приобретает изучение коррупционных преступлений и соотношение с ними превышения должностных полномочий. Анализ законодательства и мнения учёных по данному вопросу необходим для преодоления проблем разграничения смежных составов должностных преступлений, что обуславливает актуальность данной работы.

In light of the changes in criminal legislation, the study of corruption crimes and the correlation of abuse of official authority with them is becoming particularly relevant. The analysis of legislation and the opinions of scientists on this issue is necessary to overcome the problems of distinguishing related offenses, which determines the relevance of this work.

Ключевые слова: превышение должностных полномочий, преступления коррупционной направленности.

Key words: abuse of official authority, corruption-related crimes.

В настоящее время уголовное законодательство стремительно изменяется и ст. 286 УК РФ «Превышение должностных полномочий»¹ не стала исключением, поскольку в 2022 г. была подвержена серьёзным изменениям, в числе которых дополнение её п. «е» в 3 ч. (из корыстной или иной личной заинтересованности). Вышеизложенный факт свидетельствует о достаточной распространённости совершения данного преступного деяния из корыстной или иной личной заинтересованности, что ранее не было характерно для превышения должностных полномочий.

Одним из ключевых направлений государственной политики Российской Федерации является искоренение коррупции на всех уровнях государственного устройства и местного самоуправления. Противодействие данному явлению осуществляется за счет масштабных мер различного характера, наиболее эффективным среди которых является, уголовно-правовое воздействие, которое заключается во включении в уголовный кодекс норм, запрещающих совершение коррупционных деяний и ужесточение ответственности за их совершение.

Содержание термина «коррупция» раскрывается Федеральным законом от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции»². По сути, в законе перечислены противоправные деяния, которые и составляют коррупционные преступления.

Помимо преступлений, прямо указанных в законе, являющихся коррупционными без дополнительных условий, совместное Указание Генеральной прокуратуры РФ и МВД России от 15 февраля 2012 г. № 52-11/2 в перечне № 23 содержит ряд преступных деяний, которые при наличии определённых условий имеют коррупционную направленность³. Данный перечень разработан для

¹ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 4 августа 2023 г.) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

² Федеральный закон от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ (ред. от 10 июля 2023 г.) «О противодействии коррупции» // Парламентская газета. 2008. 31 декабря.

³ Указание Генпрокуратуры России № 35/11, МВД России № 1 от 24 января 2020 г. (ред. от 13 июля 2020 г.) «О введении в действие перечней статей Уголовного кодекса Российской Федерации, используемых при

более качественного ведения статистического учёта совершаемых преступлений коррупционной направленности.

Одним из таких обязательных условий является наличие у субъекта преступления корыстного мотива. Именно это условие относит превышение должностных полномочий (ст. 286 УК РФ), а именно ч. 1 и 2, а также п. «в» ч. 3 ст. 286 УК РФ к преступлениям коррупционной направленности. Но необходимо обратить внимание на то, что в соответствии с действующей редакцией ст. 286 УК РФ и наличием в ней квалифицирующего признака, непосредственно указывающего на совершение превышения должностных полномочий из корыстной или иной личной заинтересованности. Соответственно, возникает вопрос по каким критериям мы будем относить превышение должностных полномочий к преступлениям коррупционной направленности в данный период времени.

Превышение должностных полномочий относится к числу должностных преступлений. Ученый-юрист Н.М. Ковалева даёт следующее определение данного вида преступлений: «должностное преступление – общественно опасное деяние (действие или бездействие), совершаемое должностным лицом с использованием своего служебного положения вопреки интересам службы и причиняющее существенный вред деятельности государственного аппарата»¹.

Как известно большинство преступлений коррупционной направленности совершается именно должностными лицами.

По мнению А.В. Галаховой, общественная опасность превышения должностных полномочий заключается в нарушении нормального функционирования государственных, муниципальных органов, воинских формирований, подрывает их авторитет, нарушает права и законные интересы граждан и организаций². Наличие

формировании статистической отчетности». URL: <https://base.garant.ru/74444258/>.

¹ Ковалева Н.М. Должностное лицо и должностное преступление в уголовном праве России: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ростов-на/Д., 2004. С. 118.

² Галахова А.В. Должностные преступления (гл.30 УК РФ). Понятие. Квалификация: научно-практическое пособие. М.: Норма: Инфра-М, 2023. 180 с.

корыстной или иной личной заинтересованности у должностного лица, при совершении превышения должностных полномочий, значительно увеличивает общественную опасность данного противоправного деяния.

Рассматриваемый вид преступного деяния имеет достаточную распространённость. В 2021 г. за превышение должностных полномочий было осуждено 2006 лиц, в 2022 г. – 2012. Демографические признаки лиц, осужденных в 2022 г. за совершение деяния, предусмотренного ст. 286 УК РФ, содержат в себе следующие показатели: 262 государственных и муниципальных служащих, 232 военнослужащих, 397 сотрудников правоохранительных органов. Превышение должностных полномочий не является редким преступлением в нашей стране и чаще всего, рассматриваемое преступное деяние, совершают указанные категории должностных лиц¹.

Превышение должностных полномочий относится к преступлениям с материальным составом, соответственно момент окончания преступления признаётся при наступлении последствий в виде существенного нарушения прав и законных интересов граждан или организаций либо охраняемых законом интересов общества или государства, что указано в ч.1 ст. 286 УК РФ.

Субъектом данного преступления является только должностное лицо, понятие которого закреплено в примечании к ст. 285 УК РФ.

При рассмотрении превышения должностных полномочий, как преступления коррупционной направленности особое внимание необходимо уделить субъективной стороне состава преступления.

Все коррупционные преступления характеризуются виной в форме умысла. Деяние, предусмотренное ст. 286 УК РФ, не является исключением, так как превышение должностных полномочий выражается в явном выходе должностного лица за пределы полномочий, которыми он наделён.

Особого внимания заслуживает мотив, который в данном случае влияет на квалификацию содеянного. Мотив является побуждением к определённой деятельности, в зависимости от его

¹ Судебный департамент. URL: <http://cdep.ru/>.

вида, совершаемая лицом деятельность может быть противоправной.

Непосредственно определяющим коррупционную направленность является корыстный мотив (заинтересованность). Несмотря на то, что учёные относят корысть к различным видам мотивов их мнения схожи в том, что именно корысть является одним из самых сильных побуждений, подталкивающих людей на совершение преступления¹. По мнению П.Ю. Иванова, на превышение должностных полномочий должностное лицо склоняют, именно низменные побуждения и цели².

В судебной практике не редко встречается совершение превышения должностных полномочий из корыстной заинтересованности.

Примером может послужить приговор Ленинского районного суда г. Магнитогорска Челябинской области от 14 мая 2019 г., в соответствии с которым был осужден по ч. 1 ст. 286 УК РФ гражданин П., являвшийся сотрудником полиции, признанный должностным лицом. Из корыстных побуждений П. за вознаграждение выставлял положительные оценки в экзаменационные листы при сдаче теоретического экзамена на знание правил дорожного движения, вне зависимости от фактических знаний. Тем самым П. явно превышал свои должностные полномочия при исполнении своих должностных обязанностей³.

Еще пример. Приговором Шелаболихинского районного суда Алтайского края от 9 февраля 2022 г. был осужден по ч. 2 ст. 286 УК РФ гражданин Г., являвшийся должностным лицом – главой сельского сельсовета. Из корыстных побуждений Г. превысил свои должностные полномочия и за вознаграждение распорядился земельным участком, незаконно изготовил выписку из

¹ Иванов П.Ю. Проблемы при квалификации превышения должностных полномочий // Дневник науки. Электронный научный журнал. 2019. № 5.

² Иванов П.Ю. Там же.

³ Приговор Ленинского районного суда г. Магнитогорска Челябинской области от 14 мая 2019 г. URL: <https://sudact.ru>.

похозяйственной книги, тем самым передав земельный участок в собственность гражданина А.¹

Судебная практика свидетельствует о том, что в превышении должностных полномочий не редко присутствует корыстная заинтересованность, что в обязательном порядке отражается в приговоре суда. Следовательно, внесение изменений в ч. 3 ст. 286 УК РФ было оправдано, так как в условиях действующей редакции наличие корыстной или иной личной заинтересованности увеличивает уголовную ответственность за содеянное, тем самым переводя деяние в разряд тяжких преступлений.

Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 16 октября 2009 г. № 19 «О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий» разъясняет в п. 16 понятие корыстной и личной заинтересованности, но данные признаки субъективной стороны указаны, как обязательные при квалификации действий по ст. 285 УК РФ.

Отметим, что законодатель разделяет понятия корыстной и личной заинтересованности. К корыстной заинтересованности отнесено получение должностным лицом выгоды имущественного характера для себя или иных лиц (незаконное получение льгот, кредита, оплата услуг и др.). Иная личная заинтересованность представляется в виде стремления извлечь выгоду неимущественного характера, которая может выражаться в карьеризме, протекционизме, получении взаимных услуг.

Указанные виды мотивации являются обязательными для состава преступления, предусмотренного ст. 285 УК РФ (злоупотребление должностными полномочиями).

В связи с этим долгое время среди практиков и теоретиков остаётся не решённым вопрос разграничения превышения и злоупотребления должностных полномочий. В основу разграничения

¹ Приговор Шелаболихинского районного суда Алтайского края от 9 февраля 2022 г. по делу № 1-1/2022. URL: <https://sudact.ru>.

рассматриваемых составов учёные П.С. Яни¹ и С.В. Смелова² закладывают именно наличие корыстной или иной личной заинтересованности, которые являются обязательной составляющей злоупотребления должностными полномочиями.

Подводя итог вышесказанному необходимо сделать следующие выводы.

Противоправное поведение должностных лиц нередко является уголовно наказуемым. Именно наличие властных полномочий и определённого служебного статуса, позволяет должностным лицам выходить за рамки закона, но именно наличие корыстной заинтересованности увеличивает общественную опасность содеянного. В связи с этими обстоятельствами особую актуальность обретает рассмотрение превышения должностных полномочий как преступления коррупционной направленности.

Изменения в особо квалифицированном составе превышения должностных полномочий указывают на ужесточение уголовно-правовой политики в части, касаемой борьбы с коррупцией, поскольку дополнение ч. 3 ст. 286 УК РФ пунктом «е» о корыстной или иной заинтересованности лица увеличивает уголовную ответственность и переводит содеянное в разряд тяжкого преступления.

¹ Яни П. Укрытие преступлений от учета: действие или бездействие? // Законность. 2008. № 2. С. 10–12.

² Смелова С.В. Разграничение злоупотребления должностными полномочиями и превышения должностных полномочий: проблемы правоприменения / Человек, общество и культура в XXI веке: сб. науч. тр. по материалам Междунар. науч.-практ. конф. / Под общ. ред. Е.П. Ткачевой. Белгород: АПНИ, 2017. С. 128–131.

**Н.М. Перетяцько,
А.Е. Федюнин**

**МЕХАНИЗМ ОБЖАЛОВАНИЯ ДЕЙСТВИЙ ПРОКУРОРА
В СТАДИИ ВОЗОБНОВЛЕНИЯ ПРОИЗВОДСТВА
ПО УГОЛОВНОМУ ДЕЛУ ВВИДУ НОВЫХ ИЛИ ВНОВЬ
ОТКРЫВШИХСЯ ОБСТОЯТЕЛЬСТВ**

**THE MECHANISM FOR APPEALING AGAINST
THE ACTIONS OF THE PROSECUTOR AT THE STAGE
OF RESUMING CRIMINAL PROCEEDINGS DUE TO NEW
OR NEWLY DISCOVERED CIRCUMSTANCES**

В статье рассмотрены актуальные вопросы обжалования действий прокурора в стадии возобновления производства по уголовному делу ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств. Сделан вывод о необходимости формирования законодательного механизма обжалования, который будет включать в себя полномочия суда по оценке доказательств, а также процессуальные сроки проведения проверки прокурором.

The article deals with topical issues of appealing against the actions of the prosecutor at the stage of resuming criminal proceedings due to new or newly discovered circumstances. It is concluded that it is necessary to form a legislative mechanism of appeal, which will include the powers of the court to assess evidence, as well as the procedural time frame for the prosecutor's inspection.

Ключевые слова: новые или вновь открывшиеся обстоятельства, возобновление производства, прокурор, проверка, полномочия суда, обжалование.

Key words: new or newly discovered circumstances, resumption of proceedings, prosecutor, verification, powers of the court, appeal.

16 декабря 2021 г. Конституционный Суд принял постановление № 53-П «По делу о проверке конституционности статей 416

и 417 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Ф.Б. Исхакова»¹, в котором сформулированы положения, имеющие принципиальное значение как для теории уголовного процесса, так и для правоприменительной практики, складывающейся в рамках стадии возобновления производства ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств.

В частности, в постановлении затронуты вопросы, касающиеся разграничения полномочий суда и прокурора в экстраординарных стадиях процесса; структуры стадии возобновления уголовного судопроизводства ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств, особенности обжалования заинтересованным в возбуждении производства лицом в случае несогласия с решением прокурора.

Анализ предпринятого Конституционным Судом Российской Федерации толкования необходим для законодательного отражения выявленного смысла в нормативном содержании гл. 49 УПК РФ, поскольку по ряду положений имеются расхождения как в практике высших судов, так и мнениях, выраженных в научной литературе.

Так, вопрос о порядке обжалования постановления прокурора об отказе в возбуждении производства ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств является дискуссионным². Данный факт во многом обусловлен недостаточно проработанной законодательной техникой. Относительно права обжаловать отказ прокурора в возбуждении производства по уголовному делу в гл. 49 УПК РФ не сказано ничего. Что же касается обжалования постановления о прекращении возбужденного прокурором производства в суд, то в ст. 416 УПК РФ указана лишь ее возможность

¹ Постановление Конституционного Суда РФ 16 декабря 2021 г. № 53-П «По делу о проверке конституционности статей 416 и 417 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Ф.Б. Исхакова» // Собрание законодательства РФ. 2021. № 52 (часть II). Ст. 9315.

² Доказывание и принятие решений в состязательном уголовном судопроизводстве. М.: Норма: Инфра-М, 2017; Колоколов Н.А. Рецензия на монографию В.А. Давыдова «Возобновление уголовного судопроизводства ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств: теория и практика исправления судебных ошибок» // Российский судья. 2011. № 9.

с отсылкой к перечню судов, в которые возможно подать обращение (но не к тому порядку, в котором оно может осуществляться).

Вместе с тем, «именно обжалование в уголовном судопроизводстве обеспечивает соблюдение и поддержание надлежащего уровня законности всех сторон уголовно-процессуальной деятельности, защиту прав, свобод и законных интересов ее участников»¹. Соответственно споры относительно процедуры обжалования решений прокурора разворачиваются не только на страницах научной периодической печати. Различные точки зрения отражены как в решениях Конституционного Суда, так и постановлениях Пленума Верховного Суда Российской Федерации.

Например, из приведенного нами решения Конституционного Суда видно, что поскольку УПК РФ не содержит правил, прямо устанавливающих полномочия суда по разрешению жалобы на постановление прокурора о прекращении производства, возбужденного ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств, возможно применение аналогии с полномочиями суда, рассматривающего жалобу в ходе досудебного производства, в том числе на действия, бездействие и решения прокурора, которые способны причинить ущерб конституционным правам и свободам участников уголовного судопроизводства либо затруднить доступ граждан к правосудию (ст. 125 УПК РФ).

Несколько иная точка зрения выражена в постановлениях Пленума Верховного Суда РФ. Последовательно, сначала в одном², а затем и в другом постановлении³ проводится мысль относительно необходимости использования двух различных механизмов обжалования, выбор конкретного из которых должен

¹ Рудакова С.В. Уголовно-процессуальное обжалование и его система в отечественном досудебном производстве: автореф. дис. ...д-ра юрид. наук. Краснодар, 2023. С. 3.

² Пункт 18 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 10 февраля 2009 г. № 1 «О практике рассмотрения судами жалоб в порядке статьи 125 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации».

³ Пункты 8 и 11 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 14 декабря 2021 г. № 43 «О применении судами норм главы 49 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регулирующих возобновление производства по уголовному делу ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств по заключению прокурора».

находиться в зависимости от того этапа, на котором прокурор принял свое решение. Так, решение прокурора как об отказе в возбуждении производства ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств, так и о возбуждении такого производства заявитель и иные заинтересованные лица вправе обжаловать в суд в порядке, предусмотренном ст. 125 УПК РФ, даже если такое решение не оформлено в виде постановления¹.

Если же заинтересованное лицо не согласно с решением прокурора, который уже после проведенной проверки вновь открывшихся обстоятельств или расследования новых обстоятельств прекратил возбужденное им производство, то такое лицо в соответствии с ч. 3 ст. 416 УПК РФ вправе обжаловать решение прокурора непосредственно в суд, правомочный решать вопрос о возобновлении производства по уголовному делу ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств согласно ст. 417 УПК РФ, а не в порядке ст. 125 УПК РФ.

Как нам представляется, порядок разрешения данного вопроса, предложенный Пленумом Верховного Суда РФ, в большей степени учитывает процедурные особенности стадии возобновления производства ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств, которые указывают на необходимость разграничения полномочий прокурора и суда.

Характерной чертой рассматриваемой стадии уголовного процесса является наличие в ней аналога досудебного производства. Такая процессуальная форма обусловлена новизной обстоятельств, которые обуславливают пересмотр вступившего в законную силу судебного акта. Их наличие должно быть процессуально установлено прокурором или, по крайней мере, констатировано, если новое или вновь открывшееся обстоятельство не требует установления².

В случае принятия прокурором решения об отказе в возбуждении производства ввиду новых или вновь открывшихся

¹ Кассационное определение Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 1 апреля 2021 г. № 77-668/2021 // СПС «КонсультантПлюс».

² См. об этом: Кальницкий В.В. Стадия возобновления производства по уголовному делу ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств // Законодательство и практика. 2019. № 2. С. 55.

обстоятельств, оно как преграждающее доступ к правосудию, подлежит обжалованию в порядке, предусмотренном ст. 125 УПК РФ (аналог – обжалование постановления об отказе в возбуждении уголовного дела как промежуточного решения). Здесь следует отметить, что порядок обжалования решений, установленный ст. 125 УПК РФ, хотя и имеет определенные установленные законодательно ограничения в окончательной оценке доказательств судом, обусловленные разграничением полномочий суда, осуществляющего судебный контроль, и тем судом, который будет разрешать его по существу, все же не предполагает неисполнение решений суда, тем более, в длительной по времени перспективе.

Как указал Конституционный Суд РФ ранее¹, суд, разрешая жалобу в порядке ст. 125 УПК РФ, вправе указать соответствующему органу или должностному лицу на конкретные нарушения, которые ими допущены и которые они обязаны устранить. Невыполнение данной обязанности может служить основанием не только для обжалования связанных с этим действий (бездействия), но и для принятия мер ответственности за неисполнение судебного решения.

Действия прокурора по окончании проверки зависят от ее результатов. Согласно ч. 2 ст. 416 УПК РФ прокурор прекращает проверку при отсутствии связи между преступлением участника процесса и вновь открывшимися или новыми обстоятельствами. Если же связь имеется, то он согласно ч. 1 ст. 416 УПК РФ составляет заключение, и вместе с материалами проверки направляет в суд. Прокурор принимает решение по итогам проведенной проверки или проведенного следствия, если оно было необходимо (ч. 4 ст. 415 УПК РФ), т. е. по итогам досудебного производства, которое явилось основой для формирования внутреннего убеждения, являясь субъектом свободной оценки доказательств.

Применение порядка, установленного ст. 125 УПК РФ, для обжалования его действий в данном случае будет

¹ См.: Постановление Конституционного Суда РФ от 21 ноября 2017 г. № 30-П «По делу о проверке конституционности положений статей 38 и 125 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина В.В. Ченского» // Собрание законодательства РФ. 2017. № 49. Ст. 7528.

малоэффективным, поскольку этот порядок содержит в себе ограничения по оценке доказательств судом и приведет лишь к констатации в судебном заседании факта что «по вопросу о наличии или отсутствии во вступившем в законную силу приговоре фундаментальной ошибки остаются расхождения между позициями прокурора и суда»¹.

Следовательно, необходим такой механизм обжалования, который будет включать в себя полномочия суда по оценке доказательств, позволяющие сделать вывод об установлении тех или иных фактических обстоятельства дела по аналогии с обжалованием постановления о прекращении уголовного дела. Как нам представляется, именно в рамках такой процедуры суд будет иметь возможность самостоятельно установить обстоятельства, служащие основанием для пересмотра приговора не только в отношении иных новых обстоятельств, но и вновь открывшихся, как и указал Конституционный Суд РФ.

Целесообразно предусмотреть такие полномочия суда, которые позволят при рассмотрении жалобы проверить законность и обоснованность обжалуемого решения прокурора, а также на основании доводов, изложенных в жалобе, проверить полноту, всесторонность, объективность и своевременность проведенной прокурором проверки с исследованием и оценкой фактических обстоятельств, установленных в результате расследования или проверки.

В частности, по запросу суда, в случае необходимости решения вопроса о том, есть ли среди материалов (сведений, доказательств) такие, которые свидетельствуют о новых для уголовного дела обстоятельствах, и достаточны ли они, чтобы судить о наличии фундаментальной ошибки как основания для пересмотра вступившего в законную силу приговора, прокурор обязан будет предоставить суду информацию о содержании (включая полученные материалы, сведения, доказательства) и мотивированных итогах прокурорской проверки или расследования.

¹ Постановление Конституционного Суда РФ 16 декабря 2021 г. № 53-П «По делу о проверке конституционности статей 416 и 417 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Ф.Б. Исхакова».

Кроме того, необходимо нормативное установление сроков проведения прокурором проверки, по результатам которой будет принято решение о возобновлении производства по уголовному делу либо об отказе в этом. Определение сроков будет способствовать повышению правовой определенности, реализации принципов законности, разумного срока уголовного судопроизводства, права на обжалование.

Полагаем, предложенные изменения позволят привести нормы УПК РФ в соответствие с конституционными установлениями¹ и устранить имеющейся недостатки.

М. С. Перцев

ОСОБЕННОСТИ ОЦЕНКИ ЭЛЕКТРОННЫХ (ЦИФРОВЫХ) ДОКАЗАТЕЛЬСТВ

FEATURES OF ASSESSING ELECTRONIC (DIGITAL) EVIDENCE

В статье исследуются специфические аспекты, связанные с оценкой электронных (цифровых) доказательств в современной уголовно-процессуальной практике. Акцентируется внимание на проблемах оценки таких доказательств на предмет их допустимости и достоверности, что необходимо во избежание судебных ошибок при постановлении приговора или принятии иного судебного решения.

This article explores specific aspects related to the assessment of electronic (digital) evidence in modern criminal procedural practice. The focus is on the issues of evaluating such evidence for admissibility and reliability, which is necessary to avoid judicial errors in sentencing or other court decisions.

¹ Постановлении Конституционного Суда РФ 16 декабря 2021 г. № 53-П «По делу о проверке конституционности статей 416 и 417 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Ф.Б. Исхакова» // Собрание законодательства РФ. 2021. № 52 (часть 2). Ст. 9315.

Ключевые слова: электронные доказательства, цифровые данные, извлечение данных, хранение данных, подлинность данных, экспертное заключение, цепочка доказательств, восстановление данных.

Key words: electronic evidence, digital data, data extraction, data storage, data authenticity, expert testimony, chain of custody, data recovery.

В рамках оценки доказательств необходимо применять правила, установленные в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации (далее – УПК РФ), включая положения, которые определяют, каким образом должны оцениваться доказательства в уголовном процессе. Статья 88 УПК РФ определяет, что каждое доказательство должно быть тщательно оценено, с учетом его относимости к делу и допустимости. Кроме того, доказательства должны быть достоверными, то есть их истинность должна быть установлена на основе объективных данных и проверок. Судебные решения должны основываться на надлежаще оцененных доказательствах, так как совокупность собранных доказательств должна быть достаточной для полного и правильного определения фактических обстоятельств уголовного дела.

В уголовном процессе оценка доказательств является обязанностью для субъектов, осуществляющих доказывание (следователя, дознавателя, прокурора и судьи), которая осуществляется посредством мыслительной деятельности, в соответствии с логическими принципами и методологией познания¹. Однако оценка электронных (цифровых) доказательств имеет свои особенности, вызванные их цифровой природой.

Цифровые доказательства требуют специального подхода в рамках применения положений ст. 88 УПК РФ. Важно учитывать специфику электронных доказательств, механизм их формирования. Ошибка в оценке электронных доказательств может иметь серьезные последствия, включая неправильные выводы о

¹ Теория доказательств в советском уголовном процессе / Отв. ред. Н.В. Жогин. М.: Юрид. лит., 1973. С. 427.

фактических обстоятельствах уголовного дела и неправильную уголовно-правовую квалификацию преступления. Для того чтобы избежать ошибок, следователям, дознавателям, прокурорам и судьям важно быть хорошо подготовленными и иметь компетентность в сфере цифровых технологий. Необходимы специализированные знания и навыки, чтобы эффективно оценивать электронные доказательства.

Очевидно, что при оценке электронных доказательств важно уделить особое внимание их достоверности, что требует правильной реализации норм УПК РФ, а также использования соответствующих методологических и логических подходов.

Существуют особые аспекты, связанные с определением допустимости электронных доказательств, которые активно обсуждаются в юридическом сообществе. Часто эти аспекты связаны с процессом сбора, верификации и применения электронных доказательств в правоохранительной сфере. Некоторые из таких особенностей включают ряд вопросов о том:

- может ли правоохранительный орган осмотреть мобильный телефон или изучить переписку, содержащуюся в нем, без судебного решения;

- может ли правоохранительный орган изъять переписку гражданина в социальной сети без судебного решения;

- требуется ли обязательное участие эксперта при изъятии электронных носителей информации и копировании данных в ходе следственных действий;

- применима ли концепция «цепи законных владений», которая является важным аспектом в процесс сбора электронных доказательств на всех этапах уголовного судопроизводства. Данный аспект отвечает за необходимое документирование и эффективный контроль передачи доказательств от одного участника процесса к другому для сохранения целостности и достоверности электронных доказательств до начала судебного разбирательства.

Оценка допустимости доказательств в уголовном процессе включает в себя сопоставление способов их получения с требованиями уголовно-процессуального права. Под допустимостью доказательств понимается их пригодность в соответствии с

формальными требованиями для использования в установлении фактов уголовного дела¹.

На практике оценка допустимости электронных доказательств представляет определенные сложности по сравнению с неэлектронными доказательствами. Это связано с отсутствием в УПК РФ четких норм, которые бы давали определение этого типа доказательств, а также с ограниченным количеством норм, регулирующих процедуру сбора, проверки и оценки электронных доказательств.

Представляется, что использование электронных доказательств может быть значительно улучшено благодаря разработкам, основанным на анализе правоприменительной практики и международному опыту. Однако внедрение процессуальных норм, определяющих критерии допустимости электронных доказательств, должно происходить поэтапно.

На *первом этапе* рекомендуется закрепить в законодательстве понятие «электронное (цифровое) доказательство» как отдельного вида доказательства, допускаемого в качестве доказательной информации согласно ч. 2 ст. 74 УПК РФ, что позволит явно определить статус электронных доказательств и облегчить их использование в судебном процессе.

На *втором этапе* возможно внесение изменений в УПК РФ путем дополнения новой главой 27.1, которая будет учитывать особенности сбора электронных доказательств и определять соответствующие процедуры в уголовно-процессуальном законодательстве, такие как:

- осмотр сетевых информационных ресурсов²;
- удаленное подключение к компьютеру, находящемуся в рабочем режиме³;

¹ См.: Воронин М.И. Недопустимая допустимость электронных доказательств. Судебная практика и пробелы в УПК // Уголовный процесс. 2020. № 10. С. 46–55.

² См.: Першин А.Н. Осмотр сетевых информационных ресурсов – новый вид следственного действия? // Российский следователь. 2020. № 1. С. 13–16.

³ Бахтеев Д. В., Смахтин Е. В. Криминалистические особенности производства процессуальных действий с цифровыми следами // Российский юридический журнал. 2019. № 6. С. 61–68.

- изъятие электронных носителей информации¹;
- копирование электронной информации²;
- арест электронной почты³.

На следующем этапе рекомендуется упорядочить уголовно-процессуальные нормы, содержащиеся в гл. 10 и 11 УПК РФ, включив в них новые положения, относящиеся к электронным (цифровым) доказательствам. Данные главы должны быть дополнены соответствующими статьями, которые определяют процедуры, требования и сроки представления электронных доказательств в судебном процессе. Это поможет обеспечить более структурированный и четкий подход к использованию электронных доказательств в уголовном процессе.

Проблема допустимости электронных (цифровых) доказательств включает в себя важный аспект, а именно «процессуальную цепь доказательств». Это комплекс действий, включающих выявление, изъятие, фиксацию, представление и сохранение электронных доказательств. Если хотя бы один из этих этапов будет нарушен, электронные (цифровые) доказательства могут быть признаны недействительными. Этот подход основан на принципе «цепочки законных владений», который требует сохранения доказательств на всех этапах процесса - от момента их сбора до представления в суде.

Е.И. Галяшина указывает на необходимость суда (или следователя) иметь подробные сведения о том, кто и как получил доказательство, где оно сохранено и кто имел право доступа к нему⁴.

В практике допустимости электронных доказательств возникает вопрос о необходимости участия специалиста при их изъятии,

¹ Добровлянина О.В. Некоторые аспекты о процессуальном изъятии (копировании) электронных носителей информации // Пермский юридический альманах. 2019. № 2. С. 641–649.

² Овсянников Д.В. Электронное копирование информации в системе средств уголовно-процессуального доказывания // Правопорядок: история, теория, практика. 2014. № 2 (3). С. 131–132.

³ Основы теории электронных доказательств: монография / Под ред. С.В. Зуева. М.: Юрлитинформ, 2019. С. 311.

⁴ Галяшина Е.И. Судебная фоноскопическая экспертиза: проблемы диагностики аутентичности фонограмм // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2014. № 3. С. 26.

согласно требованиям ст. 164.1 УПК РФ. Согласно судебной практике, если нет прямой необходимости копирования или изучения информации на месте обнаружения, участие специалиста считается необязательным при изъятии компьютера, телефона или других электронных устройств, по решению Московского городского суда, в котором суд постановил, что телефон предназначен для связи и не является исключительно средством накопления и хранения данных¹.

Учитывая вышеизложенное, можно сделать вывод, что текущая трактовка закона противоречит ст. 164.1 УПК РФ, которая определяет участие специалиста при изъятии электронных носителей информации в процессе следственных действий. Какие именно электронные носители информации, во время обыска, будут обнаружены, изначально знать невозможно. В настоящее время практически все люди и организации имеют определенные электронные устройства. С большой вероятностью, в ходе обыска будут обнаружены электронные носители информации, соответственно, участие специалиста при их изъятии является необходимым. Иногда отключение компьютера от питания может привести к потере оперативных данных.

Кроме того, могут возникать ситуации, когда немедленно необходимо изучить электронные доказательства на ранних стадиях расследования, и это, безусловно, требует участия специалиста, который в состоянии определить важную информацию для расследования.

К примеру, специалист может определить защищаемую законом информацию, в том числе, личные данные и иную информацию, доступ к которой возможен на основании соответствующей санкции суда, произвести копирование и оперативное сохранение информации. При необходимости специалист также сможет оказать необходимую помощь следователю в идентификации и проведении следственных действий, в части информации, обнаруженной на электронных носителях.

В связи с этим, важно, чтобы правоохранительные органы обязательно обеспечивали участие специалиста при изъятии

¹ Апелляционное определение Московского городского суда от 5 марта 2019 г. № 10-3033/2019 // СПС «КонсультантПлюс».

электронных носителей информации в ходе всех следственных действий. Для этого следует включить в нормы ст. 164.1 УПК РФ требование о необходимости присутствия специалиста при осмотре и изъятии электронных устройств во всех случаях.

Как в своих работах подмечает П.П. Зайцев, аутентификация позволяет проверить целостность и неизменность содержимого, которое хранится на электронном носителе, а идентификация направлена на определение источника (лица), от которого поступает данное электронное доказательство¹. В связи с этим, обеспечение аутентификацию и идентификацию является важным этапом в оценке достоверности электронных доказательств.

В научной литературе широко признается, что для установления подлинности электронного доказательства целостность источника играет важную роль. Это означает, что необходимо проверить первоначальный источник, на котором информация должна была храниться, чтобы быть уверенным в отсутствии возможных изменений. Для обеспечения целостности информации важно, чтобы данные сохранялись в полном и неизменном виде. Это означает, что в процессе передачи, хранения и представления данных не должно происходить никаких добавлений или изменений, которые могли бы повлиять на их содержание. Получается, что целостность данных служит критерием для оценки их надежности и достоверности.

При проверке достоверности цифровых доказательств необходимо учитывать прогресс в криминалистике, связанный с идентификацией электронных следов. В рамках трасологии, которая является криминалистическим учением о следах, изучается понятие «дорожки следов» которое представляет интерес для исследователей.

Согласно предложенному определению С.В. Зуева, «дорожки электронных следов» представляют собой упорядоченную систему записей, относящихся к передаче компьютерной

¹ Зайцев П. Электронный документ как источник доказательств // Законность. 2002. № 4. С. 40–44.

информации по линиям связи¹. Эта система, позволяет экспертам отслеживать электронные следы, с целью определения фактов и обстоятельств, связанных с цифровыми преступлениями, путем установления маршрута от компьютера преступника до компьютера потерпевшего.

В данную систему входят следующие записи:

- содержащие информацию о файловых операциях, доступе к файлам и других событиях в компьютерной системе;
- включающие информацию о переданных файлах, отправителях и получателях сообщений и других связанных событиях.
- включающие информацию о соединениях, роуминге, адресации и других параметрах связи, связанных с передачей данных.
- содержащие информацию об объеме переданных данных и других платежных и статистических данных.

Для установления элементов "дорожки электронных следов" должна проводиться соответствующая компьютерно-техническая судебная экспертиза, выводы которой подлежат последовательному отражению в заключении эксперта. Это обусловлено тем, что оценка достоверности является сложной задачей, решение которой требует использование специальных познаний об особенностях таких доказательств.

За последние годы значительно увеличилось число преступлений, связанных с информационным пространством. В этой связи необходимо проводить более детальный и тщательный анализ процесса сбора, проверки и оценки электронных доказательств. Важным аспектом является непрерывное развитие и совершенствование правовых и технических механизмов для эффективного использования электронных доказательств в судебных процессах.

¹ Электронные доказательства в уголовном судопроизводстве: учебное пособие для вузов / С.В. Зуев [и др.]; отв. ред. С. В. Зуев. М.: Юрайт, 2020. С. 96–97.

В.Ю. Петрикин

**ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПРЕКРАЩЕНИЯ
УГОЛОВНОГО ДЕЛА ПРИ ОСОБОМ ПОРЯДКЕ
СУДЕБНОГО РАЗБИРАТЕЛЬСТВА**

**PROCEDURAL FEATURES OF THE TERMINATION
OF A CRIMINAL CASE UNDER A SPECIAL PROCEDURE
OF JUDICIAL PROCEEDINGS**

Прекращение уголовного дела является важнейшей гарантией подсудимого, поскольку позволяет максимально снизить ограничение в правах, связанных с осуждением и судимостью. Законодатель стремится расширить возможность прекращения уголовного преследования по нереабилитирующим основаниям в зависимости от обстоятельств дела и личности виновного лица. В то же время возникает необходимость в определении процедуры прекращения уголовного дела при рассмотрении уголовного дела в особом порядке, а также расширить число оснований для принятия такого решения, что повысит правовые гарантии подсудимого и позволит избежать последствий уголовной репрессии.

The termination of a criminal case is the most important guarantee of the defendant, since it allows to minimize the restriction of rights related to conviction and criminal record. The legislator seeks to expand the possibility of termination of criminal prosecution on non-rehabilitating grounds, depending on the circumstances of the case and the identity of the perpetrator. At the same time, there is a need to determine the procedure for terminating a criminal case when considering a criminal case in a special order, as well as to expand the number of grounds for making such a decision, which will increase the legal guarantees of the defendant and avoid the consequences of criminal repression.

Ключевые слова: суд, особый порядок судебного разбирательства, прекращение уголовного дела, судебный приговор.

Key words: court, special procedure of judicial proceedings, termination of a criminal case, judicial verdict.

Особый порядок судебного разбирательства, впервые закреплённый в уголовно процессуальном законе в 2021 г. и довольно успешно реализуется в правоприменительной практике. Несмотря на довольно простые требования к основаниям для постановления приговора в особом порядке, это не снимает с суда обязанность внимательно изучить материалы уголовного дела в целях принятия законного и обоснованного решения.

Такой порядок судебного разбирательства может быть реализован в форме заявления о согласии с предъявленным обвинением и постановлении приговора без проведения судебного разбирательства в общем порядке либо заключения досудебного соглашения о сотрудничестве. Как в первом, так и во втором случае закон представляет подсудимому правовые гарантии смягчения срока или размера наказания.

В то же время правовые гарантии, связанные с уменьшением срока или размера наказания при особом порядке судебного разбирательства, не должны этим ограничиваться и исключать возможность, в том числе, прекращения уголовного преследования. Действительно, отсутствие такой возможности ставит в неравное положение подсудимых, уголовное дело в отношении которых рассматривается в обычном порядке и лиц, избравших особый порядок судебного разбирательства.

Проблема гарантий прав подсудимого на справедливое судебное разбирательство, в том числе позволяющее завершить производство по делу без постановления приговора традиционно привлекает внимание учёных-процессуалистов¹. Первые шаги, связанные с возможностью прекращения уголовного дела при особом порядке судебного разбирательства, связанном с согласием с предъявленным обвинением, были предприняты законодателем.

¹ Качалова О.В., Качалов В.И. Право на справедливое судебное разбирательство и особый порядок судебного разбирательства: есть ли коллизия? // Вестник Томского государственного университета. 2019. № 445. С. 197–202.

Так, Федеральным законом от 29 декабря 2020 г. № 224-ФЗ в ст. 316 УПК РФ введена ч. 9.1, согласно которой судья при осуществлении производства при особом порядке принятия решения может вынести постановление о прекращении уголовного дела при наличии оснований, предусмотренных ст. 25.1, 28.1 и 239 Кодекса, то есть прекратить уголовное дело в связи с назначением меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа или в связи с возмещением ущерба.

Между тем, отсутствие процедуры принятия такого решения в законе вызывает некоторые затруднения у правоприменителя. Согласно ч. 5 ст. 316 УПК РФ, судья не проводит в общем порядке исследование и оценку доказательств, собранных по уголовному делу. Подлежать исследованию могут только обстоятельства, характеризующие личность, а также обстоятельства, смягчающие или отягчающие наказание.

В то же время содержание норм гл. 51.1 указывает на необходимость установления фактических обстоятельств дела, связанных с участием обвиняемого в совершенном преступлении. В какой-то мере возможность обращения к собранным по делу доказательствам предусмотрена разъяснениями судебной практики.

В соответствии с п. 10 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 29 июня 2006 г. № 60, исследование обстоятельств, указанных в ч. 5 ст. 316 УПК РФ, может проводиться всеми предусмотренными уголовно-процессуальным законом способами, в том числе путем оглашения имеющихся в деле и дополнительно представленных сторонами материалов, а также допросов свидетелей по этим обстоятельствам¹.

Здесь очевидно различие в порядке и условиях проведения особого порядка судебного разбирательства и производства о назначении меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа.

Полагаем, выход из такой ситуации состоит в том, что, установив основание для прекращения уголовного дела, суд должен

¹ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 5 декабря 2006 г. № 60 (ред. от 29 июня 2021 г.) «О применении судами особого порядка судебного разбирательства уголовных дел» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2006. № 12.

полностью перейти к порядку, предусмотренному соответствующими нормами УПК РФ, регламентирующими такой порядок. И это необходимо прямо закрепить в уголовно-процессуальном законе.

Кроме того, ч. 9.1 ст. 316 УПК РФ указывает – судья при осуществлении производства при особом порядке принятия решения может вынести постановление о прекращении уголовного дела. Однако в ст. 316 УПК РФ нет нормы о праве сторон заявить ходатайство о прекращении уголовного дела. Зачастую лишь после окончания предварительного расследования происходит возмещение вреда, причинённого преступлением, достигается соглашение с потерпевшим, то есть появляются основания для прекращения уголовного дела, сведений о которых в деле нет, и соответственно, суд ими не располагает.

Так, по одному из уголовных дел установлено, что 2 сентября 2022 г. в 7 час. 30 мин. С., находясь по месту своего жительства и реализуя внезапно возникший умысел на незаконные приобретение и хранение наркотического средства в значительном размере, умышленно, осознавая общественно опасный характер своих действий, предвидя неизбежность наступления общественно опасных последствий, желая их наступления, при помощи принадлежащего ему мобильного телефона, марки «Samsung Galaxy A32, вошел в приложение «WhatsApp», где у неустановленного дознанием лица, использующего ник-нейм «Чертило» заказал вещество, содержащее в своем составе наркотическое средство – производное N-метилэфедрона, массой не менее 0,51 грамм, которое оплатил путем перевода денежных средств через приложение «Сбербанк» на номер карты, находящейся в пользовании иного лица, в результате чего получил посредством сотовой связи сообщение с указанием местонахождения наркотического средства в виде sms-сообщения с изображением и адресом: «Кавказская, 78, магазин слева за плиткой».

Реализуя преступный умысел, направленный на незаконное приобретение вещества, содержащего в своем составе наркотическое средство С. прибыл на участок местности, расположенный вблизи строения в г. Краснодаре, где на земле, под плиткой, обнаружил и подобрал, а тем самым незаконно приобрел, ранее

оплаченное им вещество, содержащее в своем составе наркотическое средство, которое поместил в левый передний карман шорт, надетых на нем.

Таким образом, С. обвиняется в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 228 УК РФ, то есть незаконные приобретение, хранение без цели сбыта наркотических средств в значительном размере.

В судебном заседании от защитника О. поступило ходатайство о прекращении уголовного дела в отношении С. на основании ст. 25.1 УПК РФ и назначении ему меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа, мотивируя данное ходатайство тем, что С. полностью признал свою вину в совершенном преступлении, в содеянном раскаялся, впервые привлекается к уголовной ответственности, совершил преступление небольшой тяжести, полностью осознал свою вину, в содеянном и раскаялся. Кроме того, в целях заглаживания вреда, причиненного преступлением и уменьшения степени его общественной опасности он сделал денежное пожертвование в сумме 10 000 руб. Ростовской областной общественной организации «Ростов без наркотиков», официально трудоустроен, положительно характеризуется по месту жительства и работы, на учете у врачей нарколога и психиатра не состоит, выразил согласие на рассмотрение дела в особом порядке¹.

Думается, нельзя согласиться с возможностью прекращения уголовного дела только в связи с назначением судебного штрафа или возмещением ущерба. Действующее законодательство о проведении судебного разбирательства в особом порядке не предусматривает возможность прекращения уголовного дела в связи с деятельным раскаянием или примирением с потерпевшим, что ставит подсудимого в неравные условия при рассмотрении дела в обычном порядке, где такое решение возможно.

Полагаем, что возможность прекращения уголовного дела должна быть также предусмотрена в особом порядке принятия судебного решения при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве, если имеет место совершение преступления небольшой или средней тяжести.

¹ Архив Советского районного суда г. Краснодара. Уголовное дело № 1-1035/2022.

В связи с изложенным полагаем возможным изменить содержание ч. 9.1 ст. 316 УПК РФ, изложив в следующей редакции: «Судья по ходатайству стороны или по собственной инициативе может вынести постановление о прекращении уголовного дела при наличии оснований, предусмотренных статьями 25, 25.1, 28, 28.1 и 239 настоящего Кодекса», а также дополнить гл. 40.1 УПК РФ соответствующей нормой.

А.А. Петрикина

**СПЕЦИАЛЬНЫЕ ЗНАНИЯ
В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ: СЛОЖНОСТИ
ИСПОЛЬЗОВАНИЯ В СУДЕБНЫХ СТАДИЯХ**

**SPECIAL KNOWLEDGE
IN THE CRIMINAL PROCESS: THE DIFFICULTIES
OF USING IN JUDICIAL STAGES**

Утверждается, что стремительное развитие научных знаний в различных областях, а также выбранный курс на активную цифровизацию всех сфер жизнедеятельности существенно влияют и на отправление правосудия по уголовным делам. Определяя судьбу человека, вынося приговор судья должен быть уверен в принятом решении. Среди совокупности представленных сторонами доказательств, заключение и показания специалиста или эксперта имеют особую ценность, поскольку основаны на существующих объективных закономерностях. Сделан вывод, что действующие институты использования специальных знаний должны быть подвергнуты тщательной ревизии, после чего имеющиеся правовые пробелы нуждаются в устранении за счет дополнения новыми уголовно-процессуальными формами.

It is argued that the rapid development of scientific knowledge in various fields, as well as the chosen course for active digitalization of all spheres of life, significantly affect the administration of justice in criminal cases. When determining a person's fate and passing sentence, the judge must be confident in the decision he has made. Among the

totality of the evidence presented by the parties, the conclusion and testimony of a specialist or expert are of particular value, since they are based on existing objective patterns. It is concluded that the existing institutions for the use of special knowledge should be subjected to a thorough audit, after which the existing legal gaps need to be eliminated by supplementing them with new criminal procedural forms.

Ключевые слова: специалист, эксперт, суд, специальные знания, судебные стадии, экспертное заключение, показания.

Key words: specialist, expert, court, special knowledge, judicial stages, expert opinion, testimony.

Современная судебная система России подвергается постоянным испытаниям социально-экономического, правового и организационного характера. При этом сложность вызывает также формат использования современных научных достижений при осуществлении правосудия.

Уголовное судопроизводство по сути является уникальным инструментом, позволяющим восстанавливать социальную справедливость. Многие исследователи сходятся во мнении, что использование новых технологий и специальных знаний не должно нарушать его назначение. Указанным аспектам было посвящено немало трудов¹ российских ученых.

Уголовно-процессуальное законодательство довольно подробно раскрывает понятия «специалист» и «эксперт», при этом описывает традиционные формы использования в судебном заседании специальных знаний в виде дачи заключений и показаний

¹ Бессонов А.А. К вопросу о формировании единых экспертных методик // Вопросы экспертной практики: информационный бюллетень. 2019. С. 57–62; Воскобитова Л.А. Функциональная модель уголовного судопроизводства // Вестник университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2018. № 2 (42). С. 24–38; Добровлянина О.В. Внедрение новых электронных технологий в уголовное судопроизводство // *Ex jure*. 2019. № 2. С. 104–118; Суходолов А.П. Актуальные проблемы предупреждения преступлений в сфере экономики, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных сетей // *Всероссийский криминологический журнал*. 2017. № 1. Т. 11. С. 12–21.

этими лицами. Хотя и здесь не обошлось без правовых пробелов. Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации (далее по тексту – УПК РФ) в гл. 35 ни слова не сказано об участии эксперта в судебном заседании, упоминается лишь специалист (ст. 251 УПК РФ).

Следует также обратить внимание на то, что в гл. 36 УПК РФ упоминается о разъяснении судом прав при рассмотрении уголовного дела в суде первой инстанции специалисту и эксперту (ст. 269 и 270 УПК РФ). При этом трудно понять законодателя. Ведь получается, что участие эксперта как отдельного лица не предусмотрено, но суд должен ему разъяснить права и обязанности.

Переходим далее к анализу гл. 37 УПК РФ. Здесь также правоприменитель неизбежно ставится в трудное положение, поскольку судебное следствие предполагает только допрос эксперта (ст. 282 УПК РФ), а отдельной нормы, посвященной данному следственному действию, осуществляемому со специалистом, в рассматриваемой части уголовно-процессуального закона просто нет. Если на практике возникает подобного рода необходимость, то специалиста обычно допрашивают как свидетеля. В результате происходит подмена одного правового статуса участника уголовного судопроизводства другим. Отдельного рассмотрения заслуживает сложившаяся ситуация еще и в связи с тем, что среди доказательств показания специалиста и эксперта выделены в отдельный вид (ст. 80 УПК РФ). Будет ли являться допустимым полученное таким образом в суде первой и апелляционной инстанции доказательство – остается вопросом.

Подчеркивая важность дистанционных форм для осуществления правосудия по уголовным делам, законодатель недавно добавил ст. 241.1 ст. 278.1 в УПК РФ. Возможность участия специалиста и эксперта предусмотрена по ходатайству стороны или по собственной инициативе суда через видео-конференц-связь. По этому поводу довольно удачным является высказывание Ю.С. Тютеревой о том, что «законодательное закрепление в УПК РФ возможности применения систем видео-конференц-связи, электронных документов, усиленной квалифицированной электронной подписи, технологий для отправки и получения электронных писем в информационно-телекоммуникационной сети Интернет в

процессе судебного производства, позволяет говорить о совокупности установленных процессуальным законом условий, в которых проводится эта деятельность, и как следствие, её соответствии уголовно-процессуальной форме»¹.

Однако до сих пор исследователи довольно мало уделяют внимание таким вопросам, как работа специалиста и эксперта по уголовному делу через фриланс, получение консультаций в различных мессенджерах, чатах, через портал «Государственные услуги». Тем не менее именно эти аспекты сегодня должны подвергаться тщательному доктринальному и правовому анализу.

Правовые пробелы действующего уголовно-процессуального законодательства существенно затрудняют работу суда, затягивают сроки судопроизводства, приводят к нарушению прав и свобод человека при производстве по уголовному делу.

Определив носителей специальных знаний, обозначив специалиста и эксперта как отдельных лиц уголовного судопроизводства, законодатель должен быть последователен и четко определить порядок их участия в судебном разбирательстве, включая отдельные его этапы.

Что касается новых технологий, то их применение при воспроизводстве той либо иной формы участия (традиционной или дистанционной) специалиста и эксперта в судебном заседании должны соответствовать современному назначению уголовного процесса.

¹ Тютерева Ю.С. Дистанционный порядок производства по уголовному делу в свете доктринального понимания уголовно-процессуальной формы // Вестник Московского университета МВД России. 2022. № 2. С. 230–235.

**ИНСТИТУТ МЕДИАЦИИ
В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ**

**INSTITUTE OF MEDIATION
IN CRIMINAL PROCEEDINGS**

В статье исследуется институт медиации и необходимость его применения в уголовном процессе на современном этапе. В ракурсе избранной темы проанализировано уголовное и уголовно-процессуальное законодательство на предмет выявления возможности использования примирительных процедур. Проведенный системный анализ позволил сформулировать авторское виденье путей оптимизации уголовного судопроизводства в определенных ситуациях.

The article examines the institution of mediation and the need for its application in criminal proceedings. From the perspective of the chosen topic, criminal and criminal procedure legislation is analyzed in order to identify the possibility of using conciliation procedures. The system analysis made it possible to formulate the author's vision of ways to optimize criminal proceedings in certain situations.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство, уголовное право, несовершеннолетние, примирительные процедуры, медиативные элементы, медиатор.

Key words: criminal proceedings, criminal law, minors, conciliation procedures, mediation elements, mediator.

Согласно п. 3 ст. 2 Конвенции ООН о международных мировых соглашениях, достигнутых в результате медиации 2019 г., медиация – это процедура, посредством которой стороны пытаются достичь дружественного урегулирования своего спора при

содействию третьего лица или лиц, не обладающих полномочиями предписывать сторонам разрешение спора¹.

Несмотря на достаточно длительный и успешный период применение института медиации, отечественное уголовное и уголовно-процессуальное законодательство напрямую фактически не закрепляет подобной процедуры. Справедливости ради следует отметить, что в целом данный институт альтернативного урегулирования споров является достаточно новым для российского законодательства и науки в целом.

Так, 27 июля 2010 г. был принят Федеральный закон «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)», предусматривающий возможность применения медиации к спорам, возникающим из гражданских, административных и иных публичных правоотношений, в том числе в связи с осуществлением предпринимательской и иной экономической деятельности, а также спорам, возникающим из трудовых правоотношений и семейных правоотношений, рассматриваемых в порядке гражданского судопроизводства, административного судопроизводства и судопроизводства в арбитражных судах. В указанном нормативном правовом акте также сформированы принципы, порядок, сроки субъектный состав проведения названной процедуры разрешения спора, а также общим образом раскрыты иные особенности ее.

Безусловно, ч. 2 ст. 44 УПК РФ предоставляет фактическую возможность сторонам, участвующим в судебном производстве, разрешить спор в рамках гражданского производства, т. е. гражданский истец и гражданский ответчик, признанные таковыми судом, следователем, дознавателем по уголовному делу, могут в рамках медиации разрешить спор.

Исходя из понимания медиации как примирительной процедуры, следует согласиться, что медиативные элементы присутствуют также и в ряде статей УК РФ, а именно: ст. 75, 76, 76.1,

¹ Конвенция Организации Объединенных Наций о международных мировых соглашениях, достигнутых в результате медиации (Нью-Йорк, 2018 г.) («Сингапурская конвенция о медиации»). URL: https://uncitral.un.org/ru/texts/mediation/conventions/international_settlement_agreements.

ст. 76.2 УК РФ и ст. 25 и 25.1 УПК РФ. Анализ официально представленных статданных свидетельствует о том, что применение указанных положений в настоящее время только возрастает. Исключительную роль в перечисленных случаях играет усмотрение суда, даже если потерпевший и виновный пришли к консенсусу и примирились.

При таких условиях медиация во многом утрачивает свои преимущества, поскольку разрешение спора не зависит в полной мере от мнения его участников, поскольку воля участников может быть не реализована, а также отсутствует профессиональный посредник (медиатор) и не обеспечена в полном объеме конфиденциальность.

Анализ позиций судов высшей инстанции свидетельствует о весьма положительной оценке медиации, в том числе, о постепенной ее внедряемости в уголовно-правовую материю и практику. Последним примером этому являются рекомендации Пленума Верховного Суда РФ, изложенные в пп. 4 п. 2 постановления от 28 октября 2021 г., где сказано, что по делам о преступлениях небольшой или средней тяжести, совершенных несовершеннолетним впервые, в ходе судебного разбирательства суду необходимо разъяснять потерпевшему, несовершеннолетнему подсудимому и его законному представителю право и порядок прекращения уголовного дела в связи с примирением сторон¹.

Учитывая отсутствие нормативного определения в УПК РФ правового статуса медиатора, порядка процедуры медиации, ее сроков и др., можно констатировать, что в настоящее время мы наблюдаем в уголовном судопроизводстве лишь искаженную имитацию данной процедуры. Это не полноценный, в классическом варианте институт медиации.

По пути отождествления медиации и примирения идет судебная практика некоторых регионов Российской Федерации, используя эту процедуру при разрешении уголовных дел частного

¹ Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28 октября 2021 г. № 32 «О внесении изменений в некоторые постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации по уголовным делам» // Российская газета. 2021 12 ноября.

обвинения¹. В то же время 51 % опрошенных мировых судей на вопрос, что же им мешает активно использовать институт примирения, указали на их высокую загруженность и нехватку времени для проведения действий, направленных на примирение сторон. При этом 32 % указали, что урегулирование конфликта не входит в их компетенцию, а 76 % положительно высказались относительно привлечения нейтральных посредников к урегулированию конфликтов².

Безусловно, использование примирительных процедур до возбуждения уголовного дела в такого рода случаях не противоречит действующему уголовному и уголовно-процессуальному законодательству. Однако, полагаем, что, к сожалению, в рамках уголовного судопроизводства говорить о реализации процедуры медиации пока преждевременно.

Анализ зарубежного опыта альтернативного разрешения споров свидетельствует о явной ограниченности (примитивности) подхода российского законодателя. Стимулами для расширения сферы применения посреднических процедур, выступают значительная (сверх нормы) нагрузка на судебную систему Российской Федерации, в целом, нагрузка на систему принудительного исполнения судебных решений, в частности, а также средняя нагрузка на одного судью, намного превышающая норму³.

Учитывая сохраняющийся значительный уровень количества заключенных, применение процедуры медиации также будет способствовать его снижению, а также положительно влиять на уровень конфликтности в обществе, реализовывать принцип процессуальной экономии. А значит потерпевший быстрее получит возмещение причиненного преступлением вреда, виновный будет иметь возможность осознать противоправность совершенных им действий, не претерпевая всех последствий привлечения к

¹ Гаврицкий А.В., Коблева М.М. Возможности медиации в уголовном процессе // Мировой судья. 2019. № 7. С. 26–29.

² Павлушина А.А., Пономаренко В.А. Примирительные процедуры в уголовном процессе: история и современность // Александров А.С., Бойков А.Д., Ведерникова О.Н. и др. Уголовное судопроизводство: теория и практика / Под ред. Н.А. Колоколова. М.: Юрайт, 2015.

³ Бюллетень Федерального института медиации. 2014. Т. 1. С. 24.

уголовной ответственности. Юридический конфликт будет разрешен наиболее приемлемым для потерпевшего способом, что сократит не только не только сроки его разрешения, но и снизит уровень конфликтности, напряженности, более того, потерпевшему не придется проходить (проживать) все стадий уголовного судопроизводства.

Придерживаясь в целом мнения о целесообразности имплементации альтернативной примирительной процедуры в уголовное и уголовно-процессуальное законодательство, следует учитывать ее ситуационный характер – невозможность применения медиации в определенных случаях в силу специфики объектов уголовно-правовой охраны, общественной опасности совершаемых деяний.

Представляется, что в отношении лиц, впервые совершивших преступления небольшой или средней степени тяжести, в том числе являющихся несовершеннолетними целесообразно использование примирительной процедуры с привлечением независимого профессионального посредника на добровольной основе, однако не в ущерб праву на судебное разрешение дела в общем порядке.

Безусловно, сразу возникает проблема разграничения медиативной и примирительной процедуры, предусмотренной в ст. 76 УК РФ. Разрешение этого вопроса видится посредством уточнения порядка примирения с потерпевшим. Его содержание нередко выступало объектом критики не только в связи с введением ст. 76.2 УК РФ, но и присутствием коррупционной составляющей.

Поскольку медиативное разрешение спора выражается в изъятии воли сторон, сохранении конфиденциальности, разрешении наиболее приемлемым способом имеющегося юридического конфликта, то видится оправданным позволить сторонам самостоятельно его разрешить.

Порядок проведения медиации в уголовном процессе видится следующим образом:

Во-первых, решающее значение в понимании возможности использования в конкретном случае процедуры медиации в рамках рассмотрения уголовного дела должно быть отведено мнению суда, как последней инстанции в вопросе установления

виновности и в целом наличия состава преступления в действиях подсудимого.

Во-вторых, в случае усмотрения такой возможности суду следует разъяснить участникам процесса право на медиацию, предоставив им возможность воспользоваться на платной либо бесплатной основе услугами медиаторов.

Исключительно профессиональные независимые участники (медиаторы), не наделенные обязанностью разрешения спора по существу, и одновременно обладающие необходимой компетенцией, транслирующие непредвзятое отношение, смогут способствовать разрешению конфликта между участниками. А суд в свою очередь будет выступать необходимой гарантией разрешения ситуации в правовом поле.

Как представляется реализация процедуры медиации в таком формате не только будет свидетельствует о качественной оптимизации культуры разрешения споров в российском обществе, но и позволит максимально учесть интересы потерпевшего, а также сторонам самостоятельно, справедливо разрешить спор с участием профессионального медиатора, в условиях конфиденциальности. И в то же время участники медиации, осознавая последствия прекращения уголовного преследования по нереабилитирующим основаниям не лишены будут права выбора между медиацией и продолжением судебного разбирательства. При этом в случае не заключения медиативного соглашения, судебное разбирательство должно быть продолжено.

Подобный подход к пониманию медиативной процедуры можно наблюдать в Польской республике. Его эффективность доказана временем (с 1999 г. – при участии совершеннолетних и с 2000 г. – несовершеннолетних) и объемом применения.

Вместе с тем, учитывая существование ст. 76 УК РФ и ст. 25 УПК РФ, позволяющей при достижении примирения с потерпевшим, освободить виновного от уголовной ответственности, представляется необходимым скорректировать содержание положений вышеназванных статей. Кроме того, данный процесс потребует значительных изменений содержания и иных норм УПК РФ, поскольку возникнет потребность в унификации медиативного процесса, а именно: определения порядка его реализации, в том числе

срока и стадии, на которой возможно заключение медиативного соглашения, правового статуса медиатора, формы и порядка утверждения медиативного соглашения. Полноценное использование процедуры медиации в российском уголовном судопроизводстве потребует также и уточнения непосредственно ряда положений Федерального закона от 27 июля 2010 г.

Ю.А. Попова

ВЕРДИКТ В СИСТЕМЕ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ РЕШЕНИЙ

THE VERDICT IN THE SYSTEM CRIMINAL PROCEDURE DECISIONS

В статье рассматривается классификация решений в уголовном судопроизводстве. Автором проанализировано место и значение вердикта в системе процессуальных решений, а также определены требования, предъявляемые к нему.

The article discusses the classification of decisions in criminal proceedings. The author analyzes the place and significance of the verdict in the system of procedural decisions, as well as defines the requirements for it.

Ключевые слова: решения в уголовном процессе, вердикт, присяжные заседатели, требования к процессуальным решениям, обоснованность вердикта.

Key words: decisions in criminal proceedings, verdict, jurors, requirements for procedural decisions, validity of the verdict.

В уголовном судопроизводстве принято выделять следующие виды решений: определение, постановление, приговор и вердикт, что связано с закреплением в ст. 5 УПК РФ дефиниций указанных терминов, определяемых через «решения».

Под определением понимается любое *решение*, вынесенное коллегиально судами первой, апелляционной и кассационной инстанций, за исключением приговора и кассационного определения (п. 23 ст. 5 УПК РФ).

Постановление, в свою очередь, рассматривается как любое единоличное *решение*, вынесенное судьей, прокурором, руководителем следственного органа, следователем, органом дознания, начальником органа дознания, начальником подразделения дознания, дознавателем за исключением случаев, перечисленных в п. 25 ст. 5 УПК РФ.

Приговор определяется как *решение* о невиновности или виновности подсудимого и назначении ему наказания либо об освобождении его от наказания, вынесенное судом первой или апелляционной инстанции (п. 28 ст. 5 УПК РФ).

И, наконец, вердикт – это решение о виновности или невиновности подсудимого, вынесенное коллегией присяжных заседателей (п. 5 ст. 5 УПК РФ).

В свою очередь, уголовно-процессуальный кодекс содержит понятие процессуального решения, которое раскрывается как решение, принимаемое судом, прокурором, следователем, органом дознания, начальником органа дознания, начальником подразделения дознания, дознавателем в порядке, установленном УПК РФ (п. 33 ст. 5 УПК РФ).

И первое, на что следует обратить внимание, – исчерпывающий список субъектов, правомочных принимать процессуальные решения, в числе которых нет присяжных заседателей. В связи с этим создается ситуация, при которой вердикт вытесняется за пределы общеродового понятия процессуального решения, что, в свою очередь, наводит на нечаянную мысль: а вдруг вердикт – это не решение?

Примечательно, что мы можем найти этому подтверждение, если будем руководствоваться исключительно ст. 5 УПК РФ.

Рассмотрение коллегии присяжных заседателей как участников со стороны суда позволяет выдвинуть предположение о том, что вердикт является разновидностью судебного решения. Вместе с тем, перечисляя виды судебных решений, законодатель не указывает среди них вердикт, относя к судебным решениям

исключительно приговор, определение и постановление (п. 53.1 ст. 5 УПК РФ).

Следует обратить внимание на то, что уголовно-процессуальный кодекс проводит достаточно детальную классификацию судебных решений, выделяя среди них итоговое и промежуточное судебное решение.

В определении промежуточного судебного решения так же нет упоминания о вердикте (п. 53.3 ст. 5 УПК РФ), а итоговым судебным решением считается приговор или иное решение суда, вынесенное в ходе судебного разбирательства, которым уголовное дело разрешается по существу (п. 53.2 ст. 5 УПК РФ).

Следует заметить, что под *судом* понимается любой суд общей юрисдикции, рассматривающий уголовное дело по существу и выносящий решения, предусмотренные кодексом, не относя к нему присяжных заседателей (п. 48 ст. 5 УПК РФ), которые рассматриваются как лица, привлеченные для участия в судебном разбирательстве и вынесения вердикта (п. 30 ст. 5 УПК РФ).

Указанные положения закона демонстрируют, что ориентирующая ст. 5 УПК РФ формально не приравнивает присяжных заседателей к суду и выделяет вердикт в особую группу решений, место которого в системе процессуальных решений не определено.

Подобную позицию высказывала Ю.В. Стрелкова, утверждая, что вердикт можно рассматривать как особое процессуальное решение, обладающее рядом присущих только ему исключительных свойств¹.

Столкнувшись с указанной трудностью, возникла необходимость выяснить, каково значение вердикта, и конкретизировать его положение в уголовном судопроизводстве. Изучая данный вопрос важно определить, является ли вердикт решением не только формально, но и по своей сути.

Чаще всего в юридической литературе решение рассматривается как процессуальный акт, принятый должностным лицом в пределах его компетенции, на основе норм права и

¹ Стрелкова Ю.В. Нуллифицирующий вердикт присяжных заседателей как разновидность оправдательного вердикта // Развитие современной науки: теоретические и прикладные аспекты. 2016. № 4. С. 74–76.

индивидуализации их применительно к конкретной ситуации и конкретным лицам, содержащий государственно-властное предписание, влекущее наступление правовых последствий.

Исходя из традиционного подхода к пониманию процессуального решения, можно выделить следующие его признаки:

1) назначением решения является разрешение конкретного юридического вопроса, порождающего возникновение юридического факта, влекущего наступление правовых последствий (возникновение, изменение или прекращение правоотношений);

2) оформляется в виде официального правового документа, имеющего установленную законом форму;

3) решение подлежит однократной реализации;

4) принимается только правомочными субъектами;

5) содержит государственно-властное предписание, нарушение или игнорирование которого влечет за собой правовые последствия.

Задача присяжных заседателей – определить, имело ли место деяние, в совершении которого обвиняется подсудимый, он ли его совершил и виновен ли в совершении этого преступления. Решение, принятое присяжными заседателями, оформляется в установленном законом порядке и является обязательным для председательствующего.

Из этого напрашивается вывод, что вердикт является решением не только номинально, но по своей природе, поскольку соответствует всем признакам процессуальных решений. Несмотря на то, что анализ ст. 5 УПК РФ не позволяет отнести вердикт к судебным решениям, нам представляется правильным считать вердикт одним из видов судебных решений по следующим причинам.

Во-первых, согласно ст. 30 УПК РФ под судом, правомочным рассматривать уголовные дела, законодатель закрепляет различные составы, членами которых могут быть не только профессиональные судьи, но и привлеченные лица – коллегия присяжных заседателей.

Во-вторых, следует отметить, что присяжные заседатели, хотя и не заменяют профессиональных судей, всё же имеют ключевое значение в уголовном судопроизводстве. Они принимают участие в рассмотрении и разрешении уголовного дела, отвечая на

часть вопросов, разрешаемых судом при постановлении приговора (п. 1, 2 и 4 ст. 299 УПК РФ), соблюдая тайну совещательной комнаты, и как уже отмечалось, не следует забывать о том, что приговор суда не может идти в разрез с решением присяжных заседателей.

Однако, несмотря на обязательность вердикта для председательствующего, было бы неверным полагать, что вердикт является итоговым решением.

По смыслу п. 53.2 ст. 5 УПК РФ, под итоговым судебным решением следует понимать приговор, определение, постановление суда, которыми уголовное дело разрешено по существу, либо определение или постановление суда, вынесением которых завершено производство по уголовному делу в отношении конкретного лица. Исчерпывающий перечень таких судебных решений изложен в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 27 ноября 2012 г. № 26 «О применении норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регулирующих производство в суде апелляционной инстанции» и вердикт в их число не входит¹.

Вместе с тем, несмотря на то, что ответы присяжных заседателей предвосхищают приговор суда и в случае оправдательного вердикта правовые последствия наступают незамедлительно, а последующий приговор является ожидаемым и предсказуемым, всё же вердикт нельзя назвать «самодостаточным» решением, поскольку не является непосредственным регулятором изменения статуса подсудимого, в связи с чем не подлежит самостоятельному обжалованию, и, следовательно, не может вступить в законную силу в общепринятом смысле.

Тем самым принятие итогового решения по уголовному делу, рассматриваемому с присяжными, можно условно разделить на *два этапа*. На *первом* – разрешаются основные фактические вопросы, ответы на которые дает коллегия присяжных заседателей. *Второй этап* заключается в «акцептировании» вердикта и его

¹ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 ноября 2012 г. № 26 «О применении норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регулирующих производство в суде апелляционной инстанции» // СПС «КонсультантПлюс».

легализации, посредством постановления приговора, основой которого и является решение присяжных.

Представляется возможным завершить освещение этого вопроса, сформулировав *определение вердикта*, под которым следует понимать промежуточное процессуальное решение, принимаемое коллегией присяжных заседателей о виновности или невиновности подсудимого, являющееся основой приговора и обязательным для председательствующего, за исключением случаев, предусмотренных законом.

Проанализировав место вердикта в классификации процессуальных решений, следует обратить внимание и на требования, которые предъявляются к нему.

Действующий уголовно-процессуальный кодекс устанавливает требования законности, обоснованности и мотивированности для постановлений и определений (ч. 4 ст. 7 УПК РФ). Приговор должен быть законным, обоснованным и справедливым (ст. 297 УПК РФ).

Следует заметить, что подобные требования не предъявляются для вердикта. Возникает вопрос: правильно ли это?

Отсутствие в УПК РФ четко определенных требований можно толковать двояко: либо такая необходимость отсутствует, либо установление подобных требований невозможно.

Говоря о требовании законности, было бы неверным считать, что оно не применяется к вердикту. Более того, требование законности раскрывается в нескольких аспектах: законным должен быть состав суда (ст. 30 УПК РФ), порядок отбора кандидатов в присяжные заседатели, обязательность соблюдения тайны совещательной комнаты, составление вопросного листа, его оформление и оглашение ответов.

Тем самым, привлекая правомочных субъектов, соблюдая установленную процедуру вынесения вердикта и его закрепления в надлежащей форме, реализуется требование законности.

Но можно ли рассматривать вердикт на предмет обоснованности, мотивированности и справедливости?

В теории сложилось традиционное представление о справедливости как о соотношении наказания содеянному¹, в связи с этим применение к вердикту требования справедливости невозможно, поскольку назначение наказания, в случае, обвинительного вердикта, находится за пределами компетенции присяжных заседателей и определяется председательствующим.

По мнению А.С. Камнева, применение требования обоснованности к вердикту некорректно, так как обоснованность нельзя раскрыть через «внутреннее убеждение» и «совесть», более того, он подчеркивает, что, по сути, нет критериев необоснованности вердикта².

Вместе с тем, в теории уголовного судопроизводства вердикт нередко понимается как решение, которое презюмируется обоснованным несмотря на то, что в случае с вердиктом это свойство не визуализируется³.

Вердикт коллегии присяжных заседателей ложится в основу приговора, постановленного судом с участием присяжных заседателей и, фактически, он является его обоснованием. К самому вердикту уголовно-процессуальный закон предъявляет лишь требования ясности и непротиворечивости. В связи с этим спорным остается вопрос: насколько сам вердикт мотивирован и необходимо ли вводить это требование?

Текст документа (вердикта) не содержит аргументации, позволяющей понять, чем руководствовались присяжные заседатели, отвечая на поставленные вопросы. Обоснование и мотивирование принятого решения остаются за дверьми совещательной комнаты. Мы видим лишь результат оценки, а не процесс оценивания и

¹ Гладышева О.В. Справедливость и законность в уголовном судопроизводстве Российской Федерации: монография. Краснодар: ЭДВИ, 2008. С. 4.

² Камнев А.С. Законность и обоснованность вердикта присяжных заседателей. // Известия Алтайского государственного университета. 2010. № 2–1 (66). С. 83–85.

³ Стрелкова Ю.В. Нуллифицирующий вердикт присяжных заседателей как разновидность оправдательного вердикта // Развитие современной науки: теоретические и прикладные аспекты. 2016. № 4. С.74–76.

принятия решения. В результате можно считать, что это решение состоит только из резолютивной части.

Требовать обоснования принятого решения, с указанием побуждающих мотивов, представляется нам не верным, ведь вердикт выносится коллегией непрофессиональных участников процесса, руководствующихся при принятии решения только внутренним убеждением и совестью, и их решение не подлежит обжалованию, а значит необходимость его обоснования и мотивирования не только не является необходимостью, но и не возможно исходя из назначения участия присяжных заседателей в уголовном судопроизводстве.

Следует заметить, что законодатель возлагает на председательствующего обязанность проверки вердикта на предмет ясности и непротиворечивости и уполномочивает его предложить присяжным возвратиться в совещательную комнату для внесения уточнений в вопросный лист (ч. 2 ст. 345 УПК РФ), поскольку порок вердикта влечет отмену приговора, основанного на нем.

Таким образом, считаем важным внести изменения в ст. 5 УПК РФ, дополнив п. 33 упоминанием о присяжных заседателях: «Процессуальное решение – решение, принимаемое судом, прокурором, следователем, органом дознания, начальником органа дознания, начальником подразделения дознания, дознавателем, *коллегией присяжных заседателей* в порядке, установленном настоящим Кодексом».

Кроме того, находим возможным закрепить требования, предъявляемые к вердикту, дополнив ст. 343 УПК РФ пунктом 11, изложив в следующей редакции: «Вердикт присяжных заседателей должен быть законным, ясным и непротиворечивым».

Е.А. Порядина

**ПОРЯДОК СБОРА ЦИФРОВЫХ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ
ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ,
СОВЕРШАЕМЫХ В СФЕРЕ ИНФОРМАЦИОННО-
ТЕЛЕКОММУНИКАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ**

**THE PROCEDURE FOR COLLECTING DIGITAL EVIDENCE
IN THE INVESTIGATION OF CRIMES COMMITTED IN THE
FIELD OF INFORMATION AND TELECOMMUNICATION
TECHNOLOGIES**

В статье автор проводит изучение цифровых доказательств, дает основное понятие, выделяет существенные признаки. Особое внимание уделяется взаимодействию следователя со специалистом при работе с цифровыми следами. Также выдвинут ряд рекомендаций по изучению электронных носителей информации и сведений, которые они содержат в себе.

In this paper, the author conducts a study of digital evidence, gives the basic concept, identifies essential features. Special attention is paid to the interaction of the investigator with the specialist when working with digital traces. There are also a number of recommendations for the study of electronic media and the information they contain.

Ключевые слова: цифровые доказательства, цифровые следы, информационно-телекоммуникационные технологии, киберпреступления.

Key words: digital evidence, digital traces, information and telecommunication technologies, cybercrimes.

В настоящее время вопросы, касающиеся становления, развития и внедрения в жизнь человека информационно-телекоммуникационных технологий являются наиболее актуальными. Вместе с тем, ввиду развития указанных технологий появляется больше возможностей для совершения преступных деяний в обществе. Обращаясь

к главам УК РФ, стоит отметить, что категория таких преступлений распространилась на различные сферы: конституционную, экономическую, информационную и др. Однако, из-за многогранности данных преступных посягательств, возникает больше сложностей для органов предварительного расследования при раскрытии и расследовании указанных деяний.

Стоит отметить, что ранее органы предварительного расследования зачастую занимались сбором материальных следов, имеющих значение для уголовного дела. В результате сформировалась определенная тактика и методика для поиска, обнаружения и фиксации предметов, документов, фактов, которые содержат в себе доказательственную информацию. В настоящий момент широко распространились *цифровые следы*. При сборе электронной информации органами предварительного расследования возникает большое количество проблем. Однако, понимая, что они из себя представляют, можно выделить некоторые этапы и пути такого собирания.

Как верно отметил Н.А. Дмитрик, «информация в электронном виде бестелесна, не имеет вещественного выражения. Все традиционные способы фиксации (хранения, подтверждения подлинности информации и идентификации отправителя) информации (печати, подписи и т. д.) в данном случае неприменимы»¹. Тем самым автор подчеркивает нестандартность методов собирания цифровых доказательств, в чем также выражается их особенность.

Цифровой след представляет собой совокупность каких-либо сведений о пребывании пользователей в информационном пространстве (поле). Указанный вид следов имеет свои признаки, к которым относятся:

- 1) отражают событие преступления в информационном поле;
- 2) являются материальными по своей природе, но не отражают пространственную форму следообразующего объекта;
- 3) являются результатом преобразования компьютерной информации;
- 4) служат носителями свойств, присущих компьютерной информации;

¹ Дмитрик Н.А. Осуществление субъективных гражданских прав с использованием сети Интернет. М.: Волтерс Клувер, 2006. С. 6.

5) обладают способностью к дублированию, то есть к копированию на другие электронные носители без изменения их характеристик¹.

При расследовании киберпреступлений, наиболее важным является процесс собирания цифровых следов. Именно они будут содержать в себе самые информативные для органов предварительного расследования сведения. Полученная информация, содержащаяся в цифровых следах, поможет следователю или дознавателю правильно сформировать организацию расследования указанного вида преступлений².

Следующим немаловажным аспектом является порядок и сбор цифровых доказательств. Безусловно, это трудоемкий и сложный процесс, имеющий свои особенности. Поиск, обнаружение и фиксация цифровых следов на первоначальном этапе могут быть проведены двумя способами. В первом случае следователь самостоятельно исследует данные следы с участием заинтересованных лиц. Такая деятельность осуществляется в случаях, если нет никакой угрозы потери или утечки сведений, содержащихся на электронном носителе информации. Также изучение указанных следов может быть произведено после тщательного анализа с участием специалиста, либо проведения экспертизы.

Об этом свидетельствуют и нормы УПК РФ, в которых указано, что нет никаких ограничений в самостоятельном исследовании цифровых следов следователем, исключением является порядок изъятия их с электронных носителей информации (ст. 164.1 УПК РФ). Однако, как правило, следователь изучает указанные носители и сведения, содержащиеся в них во взаимодействии со специалистом (желательно, чтобы это был IT-специалист). При

¹ Гаврилин Ю.В., Шипилов В.В. Особенности слепообразования при совершении мошенничеств в сфере компьютерной информации // Российский следователь. 2013. № 23. С. 54.

² Подустова О.Л., Соколова М.В. Работа с цифровыми объектами при производстве предварительного следствия по уголовным делам в сфере компьютерной информации // Актуальные вопросы производства предварительного следствия в современных условиях совершенствования уголовно-процессуального законодательства: сб. науч. тр. Всерос. науч.-практ. конф. М.: Московский университет МВД России им. В.Я. Кикотя, 2022. С. 208.

работе с «электронными следами» роль специалиста заключается в том, что он решает поисковые задачи. Также указанные лица анализируют цифровые доказательства, изучают их, определяют возможность проведения дальнейших исследований с полученными доказательствами. Следовательно, в свою очередь, осуществляет аналогичные действия, взаимодействуя со специалистом.

Безусловно, одного взаимодействия следователя со специалистом недостаточно. Необходимо самостоятельно знать и понимать, как не только обращаться с цифровыми следами, но и расследовать преступления в сфере информационно-телекоммуникационных технологий в целом.

Именно поэтому можно выработать некоторый порядок при осмотре и изучении электронных носителей информации, которые могут содержать в себе цифровые следы преступлений:

1. Необходимо определить место нахождения компьютерной техники, которое тщательно описывается в соответствующем протоколе.

2. При выполнении первого условия общий осмотр плавно вытекает в частный, где особое внимание уделяется изучению самой компьютерной техники, а также внешних устройств, которые к ней подключены.

3. Затем стоит провести поиск материальных следов на указанных носителях информации, зафиксировать их и, конечно же, изъять для дальнейшего исследования.

4. Следующим этапом является изучение «внутреннего» содержания компьютерной техники, а именно наименование операционной системы, IP-адрес (по возможности необходимо обнаружить программы, которые могло использовать преступное лицо).

5. В отдельную стадию можно выделить установление наличия сети «Интернет», браузеров, каких-либо расширений (например, системы VPN).

Для безопасного обращения с внутренним содержанием компьютерной техники и недопущения утечки важных данных, необходимо не переходить по всплывающим ссылкам, уведомлениям. При переходе на гиперссылки не стоит открывать имеющиеся «окна», так как существует угроза потери сведений. В таком

случае необходимо работать в режиме новой вкладки. Также важно не забывать про изучение электронной почты пользователя, каких-либо других интернет-сервисов и сайтов, где может храниться информация о личности преступника.

В тот момент, когда следователь будет убежден в тщательной проделанной работе и в случае, если компьютерное устройство или какой-либо иной электронный носитель информации имеет важные сведения, указанные технические средства необходимо изъять. При выполнении такого действия следует перевести технику в «спящий» режим, так как это позволит сохранить информацию на жестком диске и иных памятных устройствах, а также запущенных приложений. После чего полученные объекты необходимо упаковать с соблюдением всех требований, закрепленных в уголовно-процессуальном законе.

После проведенных предварительных исследований, следователю необходимо назначить ряд экспертиз по полученным цифровым следам, в целях поиска доказательственной информации, имеющей значение для уголовного дела. В зависимости от категории преступлений, указанные исследования могут быть следующими: программно-компьютерная экспертиза, компьютерно-техническая экспертиза телефона и других девайсов, компьютерно-техническая экспертиза интернет-сайтов, видеофоноскопическая экспертиза, информационно-компьютерная экспертиза данных, компьютерно-сетевая экспертиза. На каждую из указанных экспертиз необходимо поставить определенный ряд вопросов эксперту. В целях получения более информативных результатов из проведенного исследования, следователю можно проконсультироваться со специалистом перед назначением соответствующего постановления.

Таким образом, стоит отметить, что процесс сбора цифровых доказательств является многоэтапным и трудоемким процессом, который имеет свои особенности. Особую сложность вызывают действия, где участие специалиста не обязательно, соответственно следователю необходимо самостоятельно производить ряд действий, в целях раскрытия и расследования преступлений, совершаемых в сфере информационно-телекоммуникационных технологий. Для этого важно и нужно обладать некоторыми познаниями в

области компьютерной техники и информационных технологий в целом. В совокупности это даст определенное понимание органам предварительного расследования, как организовывать свою деятельность на каждом этапе.

Н.С. Потапенко

ОСОБЕННОСТИ СУДОПРОИЗВОДСТВА ПО ДЕЛАМ О КРИМИНАЛЬНОМ БАНКРОТСТВЕ

PECULIARITIES OF CRIMINAL BANKRUPTCY PROCEEDINGS

Одной из актуальных проблем в настоящее время являются преступления в сфере несостоятельности (банкротства), которые в обобщенном виде принято называть криминальными банкротствами. Цель настоящей публикации заключается в том, чтобы на базе изучения теории и судебной практики по уголовным делам о криминальном банкротстве внести предложения о совершенствовании предварительного расследования и судебного правоприменения по этой категории уголовных дел.

В результате проведенного исследования автором сделан вывод о необходимости разработки и принятия постановления Пленума Верховного Суда РФ и Обзора судебной практики по криминальным банкротствам, в которых надлежит дать четкие ориентиры правоприменителям по вопросу о необходимости наличия вступившего в законную силу решения арбитражного суда о банкротстве, а также завершение конкурсного производства для начала уголовного судопроизводства о криминальном банкротстве. Необходимо также разъяснить на какой момент рассчитывается ущерб, причиненный банкротными преступлениями.

One of the topical problems at present are crimes in the field of insolvency (bankruptcy), which in generalized form are called criminal bankruptcies. The purpose of this publication is to make proposals for improving the preliminary investigation and judicial law enforcement

in this category of criminal cases on the basis of the study of theory and court practice in criminal cases of criminal bankruptcy.

As a result of the research, the author concluded that it is necessary to develop and adopt a resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation and the Review of judicial practice on criminal bankruptcies, which should give clear guidance to law enforcers on the issue of the need to have an effective arbitration court decision on bankruptcy, as well as the completion of bankruptcy proceedings to start criminal proceedings on criminal bankruptcy. It is also necessary to clarify at what point the damage caused by bankruptcy offenses is calculated.

Ключевые слова: криминальное банкротство, несостоятельность, неправомерные действия при банкротстве, преднамеренное банкротство, фиктивное банкротство, предварительное расследование, судебное разбирательство.

Key words: criminal bankruptcy, insolvency, misconduct in bankruptcy, premeditated bankruptcy, fictitious bankruptcy, preliminary investigation, court proceedings.

Возродившийся в постсоветский период институт несостоятельности (банкротства), направленный на соразмерное удовлетворение требований кредиторов, относится к важнейшим системным элементам российской рыночной экономики. Значение института банкротства для российской экономики объективно подтверждается данными официальной статистики¹.

Так, количество сообщений об открытии конкурсного производства в отношении юридических лиц и крестьянско-фермерских хозяйств в 2022 г. было 9 047, а в 2023 г. стало 7 400 (- 18,2 %). Что же касается физических лиц и индивидуальных предпринимателей, то здесь прирост 26,2 % с 278 059 в 2022 г. до 350 788 в 2023

¹ Единый федеральный реестр юридически значимых сведений о фактах деятельности юридических лиц, индивидуальных предпринимателей и иных субъектов экономической деятельности. URL: <https://download.fedresurs.ru/news/Банкротства%20статрелиз%20на%20сайт%202023.pdf>.

г. Рост количества банкротств происходит за счет физических лиц и индивидуальных предпринимателей.

Относительно криминального банкротства Е.В. Калинина пришла к выводу, что криминальное банкротство следует считать исключительно рыночным явлением, поскольку именно развитие рыночных отношений в России влияет на состояние преступности в данной сфере¹. Как нам представляется, криминальное банкротство может иметь различные причины и факторы. Нередко в его основе лежат хищения и коррупция, имеющие место и не только в рыночной экономике.

В настоящее время основным юридическим источником правового регулирования отношений несостоятельности (банкротства) является Федеральный закон от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)»² (далее – Закон о банкротстве).

В этом федеральном законе понятия несостоятельности и банкротства не разделяются, поскольку основным признаком наступления несостоятельности и банкротства является невозможность полного погашения всех обязательств перед кредиторами.

Нормы о производстве дел о банкротстве закреплены также в Гражданском кодексе Российской Федерации³ (далее – ГК РФ), Арбитражном процессуальном кодексе Российской Федерации⁴ (АПК РФ), в частности, о подсудности дел, их возбуждении. Рассмотрению дел о банкротстве в арбитражном суде посвящена специальная гл. 28 АПК РФ.

¹ Калинина Е.В. Несостоятельность (банкротство): пути выхода из финансового кризиса // Юрист. 2002. № 2. С. 49–50.

² Федеральный закон от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ (ред. от 25 декабря 2023 г.) «О несостоятельности (банкротстве)» (с изм. и доп., вступ. в силу с 5 января 2024 г.) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 43. Ст. 4190.

³ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (ред. от 24 июля 2023 г.) (с изм. и доп., вступ. в силу с 1 октября 2023 г.) // Собрание законодательства РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.

⁴ Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24 июля 2002 г. № 95-ФЗ (ред. от 25 декабря 2023 г.) (с изм. и доп., вступ. в силу с 5 января 2024 г.) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 30. Ст. 3012.

На этот счет В.Ф. Попондопуло обоснованно отмечает, что законодательство о банкротстве – это не только Закон о банкротстве. Оно состоит как из конституционных, так и текущих законов, как из общих, так и из специальных законов; как из законов, так и из подзаконных нормативных правовых актов¹.

В широком смысле законодательство о несостоятельности (банкротстве) представляет собой совокупность федеральных законов и иных нормативных правовых актов, содержащих нормы, регулирующие отношения, связанные с установлением оснований признания должника несостоятельным (банкротом), с порядком и условиями осуществления мер по предупреждению несостоятельности (банкротства) и осуществления процедур банкротства, а также иные отношения, возникающие при неспособности должника удовлетворить в полном объеме требования кредиторов (п. 1 ст. 1 Закона о банкротстве).

Н.М. Коршунов справедливо обращал внимание на то, что «следует говорить не о проникновении публичного в частное право и наоборот, что в принципе возможно, а о формировании сочетания публично-правового и частноправового регулирования общественных отношений»². Из этого можно сделать вывод, что межотраслевой институт банкротства комплексно регулирует частноправовые и публично-правовые отношения, возникающие в процессе банкротства.

Следует также согласиться также с тем, что «соотношение частных и публичных интересов в идеальной правовой модели – это стремление к равновесности, балансу, между принципом автономной координации и субординированной, подчинительной деятельностью, между «системой децентрализованного регулирования, в значительной мере – саморегулирования» и «системой централизованного регулирования общественных отношений»³.

¹ Попондопуло В.Ф. Банкротство. Правовое регулирование: научно-практическое пособие. Изд. 2-е, перераб и доп. М.: Проспект, 2016. С. 37.

² Коршунов Н.М. Конвергенция частного и публичного права: проблемы теории и практики. М.: Норма: Инфра-М, 2011. С. 36.

³ Гражданское право: в 4 т. / Отв. ред. Е.А. Суханов. Т. I. Общая часть. М.: Волтерс Клувер, 2019. С. 31.

Однако важно при этом учитывать, что любая идеальная правовая модель, в нашем случае институт банкротства, может быть объективно оценена только в процессе правоприменения, напрямую зависящем от многих факторов, таких как экономическая ситуация, политические и социальные условия и др.

Представляется, что институт банкротства носит комплексный характер¹, регулируемый специфическим императивно-диспозитивным методом. Этот институт является межотраслевым институтом права, включающим в себя нормы частного и публичного права, в том числе нормы уголовного и уголовно-процессуального права, касающиеся судопроизводства по уголовным делам о криминальном банкротстве: неправомерные действия при банкротстве (ст. 195 УК РФ), преднамеренное банкротство (ст. 196 УК РФ), фиктивное банкротство (ст. 197 УК РФ).

Как обоснованно отмечается в юридической литературе, при этом названные составы криминальных банкротств касаются «деяний, совершаемых должниками-гражданами, и деяний, совершаемых в связи с хозяйственной деятельностью юридических лиц»².

С учетом очевидной бланкетности диспозиций названных составов преступлений, в уголовном судопроизводстве по делам о криминальном банкротстве не обойтись без использования конкурсного права. В частности, следует исходить из того, что если фиктивное банкротство – это банкротство, при котором лицо объявляет себя финансово несостоятельным, а денежные средства для удовлетворения требований кредиторов у него в действительности есть, то преднамеренное банкротство – это умышленное совершение лицом действий либо бездействие, которые приведут к разорению.

Как пишут С.В. Векленко и Е.Н. Журавлева, отличительной особенностью фиктивного банкротства является стремление

¹ См.: Кашанина Т.В. Структура права: монография. М.: Проспект, 2017. 584 с.

² Субачев А.К. Субъекты криминального банкротства: оценка законодательных новелл и прогноз их правоприменения // Актуальные проблемы российского права. 2023. № 1. С. 99–114.

виновного воспользоваться преимуществами института банкротства в виде различных отсрочек и рассрочек¹.

Действительно, фиктивное банкротство предполагает объективно нормальное финансовое положение лица, но с ложным объявлением о несостоятельности. В свою очередь, преднамеренное банкротство, наоборот, обычно не сопровождается оглашением информации о грядущем банкротстве, но объективно финансовое положение лица стремительно ухудшается вследствие злонамеренных действий субъекта преступления.

Преступления, предусмотренные ст. 196 и 197 УК РФ, представляют собой противоположные по своей сути деяния. Применение этих уголовно-правовых норм по совокупности возможно лишь в случаях последовательного совершения рассматриваемых преступлений, когда за фиктивным банкротством следует преднамеренное банкротство. При этом уголовно-правовые предписания об ответственности за неправомерные действия при банкротстве и за преднамеренное банкротство могут находиться в отношениях конкуренции части и целого, при которых применению подлежит ст. 196 УК РФ как норма-целое².

Что же касается ст. 195 УК РФ, предусматривающей ответственность за неправомерные действия при банкротстве, то ее объективная сторона практически аналогична нормам Закона о банкротстве, регулирующих основания для признания сделок недействительными и привлечения к субсидиарной ответственности контролирующих должника лиц. Такие споры принято называть обособленными. Статистика свидетельствует о ежегодном неуклонном росте таких дел. Так, за весь 2022 г. в рамках дел о банкротстве рассмотрено 1 954 876 обособленных споров; а 2023 г. только за первое полугодие – 1 211 541 обособленный спор³.

¹ Векленко С.В., Журавлева Е.Н. Нормы об ответственности за банкротство: новая редакция – новые проблемы // Уголовное право. 2006. № 5. С. 22–26.

² Александров С.А. Преступления в сфере банкротства физических лиц: вопросы разграничения // Российский следователь. 2023. № 6. С. 25–28.

³ См.: Пояснительная записка к проекту федерального закона «О внесении изменений в Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)» и Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации». URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/516699-8>.

Уголовные дела по ст. ст. 195–197 УК РФ в силу п. 5 ст. 20 УПК РФ считаются уголовными делами публичного обвинения и возбуждаются при наличии соответствующего повода и основания, предусмотренных ст. 140 УПК РФ.

В силу ч. 3 ст. 151 УПК РФ предварительное следствие по делам, предусмотренным ст. 195–197 УК РФ, производится следователями органов внутренних дел Российской Федерации. Местом производства предварительного расследования по смыслу ст. 152 УПК РФ является место совершения указанных преступных деяний.

Поводами к возбуждению уголовного дела о криминальном банкротстве в основном являются заявления арбитражных управляющих и кредиторов – потерпевших в результате криминального банкротства. Изредка арбитражные суды в порядке ст. 188.1 АПК РФ выносят частные определения в адрес правоохранительных органов об обнаружении признаков преднамеренного или фиктивного банкротства в ходе рассмотрения дела о несостоятельности (банкротстве).

Основанием для возбуждения уголовного дела о криминальном банкротстве является наличие достаточных данных, указывающих на признаки преступления, предусмотренного ст. 195, 196, 197 УК РФ.

При возбуждения уголовных дел о криминальном банкротстве важное значение имеют особенности действий должностных лиц органов предварительного расследования на этапе предварительной проверки сообщения о преступлении. Особо актуальной для них является информация, поступившая из арбитражного суда, от арбитражного управляющего или от кредиторов банкрота.

Статья 67 Закона о банкротстве, с учетом приказа Минюста РФ от 14 августа 2003 г. № 195 «Об утверждении типовых форм отчетов (заключений) арбитражного управляющего»¹, относит выявление признаков преднамеренного и/или фиктивного банкротства к обязанностям временного управляющего –

¹ Приказ Минюста РФ от 14 августа 2003 г. № 195 «Об утверждении типовых форм отчетов (заключений) арбитражного управляющего» (Зарегистрировано в Минюсте РФ 28 августа 2003 г. № 5025) // Российская газета 2003. 11 сентября.

арбитражного управляющего, утвержденного судом для проведения процедуры наблюдения в отношении должника юридического лица. Аналогичная обязанность предусмотрена и для финансового управляющего, утверждаемого судом для ведения процедуры банкротства гражданина.

Проверка осуществляется в соответствии с Временными правилами проверки арбитражным управляющим наличия признаков фиктивного и преднамеренного банкротства, утвержденными постановлением Правительства Российской Федерации от 27 декабря 2004 г. № 855¹, пункт 15 которых содержит требование о направлении заключения о наличии (отсутствии) признаков фиктивного или преднамеренного банкротства в органы предварительного расследования в случае установления факта причинения крупного ущерба.

Такое заключение в полной мере удовлетворяет критериям, установленным ст. 140 УПК РФ.

Для криминальных банкротств характерна необходимость установления факта наличия либо отсутствия (ст. 197 УК РФ) признаков банкротства юридического лица или гражданина, в том числе индивидуального предпринимателя.

При этом не прекращаются споры о значении вступившего в законную силу решения арбитражного суда о признании должника банкротом для квалификации преступления, поскольку согласно абзацу второму ст. 2 Закона о банкротстве, несостоятельность (банкротство) это признанная арбитражным судом или наступившая в результате завершения процедуры внесудебного банкротства гражданина неспособность должника в полном объеме удовлетворить требования кредиторов по денежным обязательствам, о выплате выходных пособий и (или) об оплате труда лиц, работающих или работавших по трудовому договору, и (или) исполнить обязанность по уплате обязательных платежей.

В практике имеет место возвращение судами уголовных дел прокурору в связи с отсутствием сведений о состоявшемся банкротстве должника, подтвержденных соответствующим решением арбитражного суда (например, Апелляционное постановление

¹ Собрание законодательства РФ. 2004. № 52 (часть 2). Ст. 5519.

Московского городского суда от 4 сентября 2019 г. № 10-16526/2019).

В этой связи Второй кассационный суд общей юрисдикции в своем кассационном определении от 26 февраля 2020 г. № 77-149/2020 справедливо указал, что по смыслу закона, для квалификации по ст. 196 УК РФ неважно, повлекли ли действия или бездействие такое последствие, как признание индивидуального предпринимателя либо возглавляемого им юридического лица банкротом. Необходимо лишь, чтобы деяние своим результатом имело крупный ущерб. При установлении размера причиненного ущерба необходимо учитывать суммарный состав всевозможных видов неуплат кредиторам различной очередности, денежных обязательств и обязательных платежей в случае их охвата единым умыслом.

Полагаем возможным в данном случае ориентироваться на понятие «объективное банкротство», которое содержится в п. 4 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 21 декабря 2017 г. № 53 «О некоторых вопросах, связанных с привлечением контролирующих должника лиц к ответственности при банкротстве»¹: это момент, в который должник стал неспособен в полном объеме удовлетворить требования кредиторов, в том числе об уплате обязательных платежей, из-за превышения совокупного размера обязательств над реальной стоимостью его активов.

Основой для доказывание объективного банкротства будет являться проведенный арбитражным управляющим анализ финансового состояния должника, содержащий выводы о причинах наступления объективного банкротства, а также вышеупомянутое заключение арбитражного управляющего о наличии (отсутствии) признаков фиктивного или преднамеренного банкротства.

Здесь следует отметить, что возбуждение арбитражным судом дела о несостоятельности (банкротстве) имеет определяющее значение, поскольку именно в первой процедуре, применяемой в отношении должника, проводится анализ его финансового состояния и осуществляется проверка на предмет фиктивного и преднамеренного банкротства. Кроме того, именно в первой процедуре арбитражным судом начинается проверка требований кредиторов

¹ Российская газета. 2017. 29 декабря.

на предмет их обоснованности, а также определяется их очередность в реестре требований кредиторов должника.

Не случайно в вышеуказанном определении Второго кассационного суда общей юрисдикции от 26 февраля 2020 г., как и в приговорах по делам о криминальных банкротствах, судами при определении размера ущерба и, соответственно, круга потерпевших принимаются в качестве доказательств соответствующие определения арбитражного суда о включении требований в реестр требований кредиторов. Статья 195 УК РФ, предусматривающая уголовную ответственность за неправомерные действия при банкротстве, относится в соответствии с ч. 1 ст. 31 УПК РФ к подсудности мирового судьи. Статьи 196–197 УК РФ – это подсудность районного суда.

Кроме вынесения обвинительного или оправдательного приговоров суд также вправе на основании ч. 3 ст. 28.1 УПК РФ прекратить уголовное по ст. 195–197 УК РФ при условии возмещения ущерба.

Согласно ч. 2 ст. 76.1 УК РФ лицо, впервые совершившее преступление, предусмотренное ст. 195–197 УК РФ, освобождается от уголовной ответственности, если возместило ущерб, причиненный гражданину, организации или государству в результате совершения преступления, и перечислило в федеральный бюджет денежное возмещение в размере двукратной суммы причиненного ущерба, либо перечислило в федеральный бюджет доход, полученный в результате совершения преступления, и денежное возмещение в размере двукратной суммы дохода, полученного в результате совершения преступления, либо перечислило в федеральный бюджет денежную сумму, эквивалентную размеру убытков, которых удалось избежать в результате совершения преступления, и денежное возмещение в размере двукратной суммы убытков, которых удалось избежать в результате совершения преступления, либо перечислило в федеральный бюджет денежную сумму, эквивалентную размеру совершенного деяния, предусмотренного соответствующей статьей Особенной части Кодекса, и денежное возмещение в двукратном размере этой суммы.

К сожалению, на данный момент отсутствует постановление Пленума Верховного Суда РФ или хотя бы Обзор судебной

практики по криминальным банкротствам, что затрудняет судебное правоприменение по делам этой категории. Вместе с тем необходимо дать четкие ориентиры правоприменителям о том, когда вступившее в законную силу решение арбитражного суда о банкротстве, а также завершение конкурсного производства может служить основанием для начала уголовного судопроизводства о криминальном банкротстве. Важно также определиться с тем, на какой момент рассчитывается ущерб, причиненный банкротными преступлениями.

С.В. Потапенко

**ОСОБЕННОСТИ ЧАСТНО-ПУБЛИЧНОГО
УГОЛОВНОГО ПРЕСЛЕДОВАНИЯ ПО ДЕЛАМ
О ПРИСВОЕНИИ АВТОРСТВА (ПЛАГИАТЕ) –
Ч. 1 СТ. 146 УК РФ**

**PECULIARITIES OF PRIVATE-PUBLIC CRIMINAL
PROSECUTION IN CASES OF MISAPPROPRIATION
OF AUTHORSHIP (PLAGIARISM) - PART 1 OF ARTICLE 146
OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION**

Одной из актуальных проблем в настоящее время является защита интеллектуальных прав. При этом особое значение приобретает вопрос частного-публичного уголовного преследования по делам о присвоении авторства (плагиате), уголовная ответственность за который установлена ч. 1 ст. 146 Уголовного кодекса Российской Федерации¹ (далее – УК РФ).

Интерес к этой проблеме обусловлен, в частности, тем, что авторские права изначально имеют гражданско-правовую природу. Поэтому ст. 146 УК РФ носит бланкетный характер, поскольку ее применение не представляется возможным без использования

¹ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 25 декабря 2023 г.) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

норм авторского права, содержащихся в части 4 Гражданского кодекса Российской Федерации¹ (далее – ГК РФ).

Настоящая публикация имеет целью на базе изучения теории и судебной практики по уголовным делам о присвоении авторства (плагиате) внести предложения о совершенствовании предварительного расследования и судебного правоприменения по этой категории уголовных дел.

One of the current urgent problems is the protection of intellectual property rights. At the same time, the issue of private-public criminal prosecution in cases of attribution of authorship (plagiarism), criminal liability for which is established by Part 1 of Article 146 of the Criminal Code of the Russian Federation (hereinafter - the Criminal Code of the Russian Federation), is of particular importance.

The interest in this problem is due, in particular, to the fact that copyrights initially have a civil nature. Therefore, Article 146 of the Criminal Code of the Russian Federation is of a blank nature, since its application is not possible without the use of copyright norms contained in Part 4 of the Civil Code of the Russian Federation (hereinafter – the Civil Code of the Russian Federation).

This publication aims to make proposals on improving the preliminary investigation and judicial enforcement in this category of criminal cases based on the study of theory and judicial practice in criminal cases of attribution of authorship (plagiarism).

Ключевые слова: плагиат, антиплагиат, уголовное судопроизводство, уголовная ответственность, авторское право.

Key words: plagiarism, anti-plagiarism, criminal proceedings, criminal liability, copyright law.

Присвоение авторства (плагиат) имеет довольно длинную негативную историю. Еще Гегель в «Философии права» писал: «наипервейшим поощрением наук и искусств является принятие

¹ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18 декабря 2006 г. № 230-ФЗ (ред. от 13 июня 2023 г., с изм. от 14 декабря 2023 г.) // Собрание законодательства РФ. 2006. № 52 (часть I). Ст. 5496.

мер, имеющих своей задачей обеспечить ученых и художников от воровства и оказать покровительство их собственности, подобно тому, как наипервейшим и наиважнейшим поощрением промышленности было обеспечение их от разбоя на большой дороге»¹. Данный научно-исторический пример дает основание говорить о том, что и в нынешних условиях плагиат нередко называют «интеллектуальным пиратством». Поэтому огромную важность приобретают вопросы борьбы с плагиатом уголовно-правовыми способами.

В современных условиях Конституция Российской Федерации² гарантирует каждому свободу литературного, художественного, научного, технического и других видов творчества (ч. 1 ст. 44). При этом защита авторских прав от их нарушения осуществляется с использованием публично-правового и частноправового способов. Публично-правовой способ защиты авторских прав включает в себя привлечение нарушителя к административной или уголовной ответственности, предусмотренной для физических лиц, которые по закону могут ответить за уголовно наказуемые нарушения авторских прав (ст. 19 УК РФ) по ст. 146 УК РФ, направленной, в первую очередь, на обеспечение принципа неотвратимости наказания за любые деяния, квалифицируемые как нарушение авторских прав.

Согласно ч. 1 ст. 146 УК РФ присвоение авторства (плагиат), если это деяние причинило крупный ущерб автору или иному правообладателю, – наказывается штрафом в размере до двухсот тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до восемнадцати месяцев, либо обязательными работами на срок от ста восьмидесяти до двухсот сорока часов, либо арестом на срок от трех до шести месяцев.

Основным непосредственным объектом преступления, предусмотренного ст.146 УК РФ является отношения в области

¹ Пионтковский А.А. Уголовно-правовая теория Гегеля в связи с его учением о праве и государстве. М.: Всесоюз. ин-т юрид. наук Министерства юстиции СССР, 1947. 368 с.

² Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г., с изм., одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г.) // Российская газета. 1993. 25 декабря.

использования авторских и смежных прав. Предметом преступления – материальным выражением объекта при нарушении авторских прав выступают объекты авторского права.

Согласно п. 1 ст. 1259 ГК РФ объектами авторских прав являются произведения науки, литературы и искусства независимо от достоинств и назначения произведения, а также от способа его выражения, в том числе аудиовизуальные произведения, произведения живописи, скульптуры, графики, дизайна, графические рассказы, комиксы и другие произведения изобразительного искусства.

Потерпевшим от преступления в виде плагиата выступает автор или иной правообладатель – физическое лицо. Если правообладатель юридическое лицо, то в уголовном процессе должен участвовать его представитель в качестве гражданского истца. Потерпевший от плагиата на предварительном расследовании и в суде должен представить доказательства своего авторства.

С учетом того, что квалифицирующим признаком присвоения авторства (плагиата) является крупный ущерб автору или иному правообладателю, то следует признать – состав присвоения авторства является материальным. Важно при этом правильное понимание крупного ущерба. Верховный Суд Российской Федерации указал, что при установлении ущерба можно учитывать наличие и размер реального ущерба, упущенной выгоды, размер доходов, полученных лицом в результате нарушения прав на результаты интеллектуальной деятельности¹.

На наш взгляд, по делам о плагиате есть все законные основания и для компенсации морального вреда, поскольку авторство относится к нематериальным благам².

Поскольку в силу п. 1 ст. 1270 ГК РФ только автору произведения или иному правообладателю принадлежит исключительное

¹ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 26 апреля 2007 г. № 14 «О практике рассмотрения судами уголовных дел о нарушении авторских, смежных, изобретательских и патентных прав, а также о незаконном использовании товарного знака» // Российская газета. 2007. 4 мая.

² См. об этом: Шестак В.А. Актуальные проблемы обеспечения уголовно-правовой защиты авторских прав // Адвокатская практика. 2019. № 3. С. 44–49.

право на использование произведения, объективная сторона состава преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 146 УК РФ (время, место, способ и другие обстоятельства совершения преступления), выражается в деянии в виде присвоения авторства (плагиате), наступлении общественно опасных последствий в виде крупного ущерба и причинной связи между ними. Именно активные действия плагиятора, направленные на присвоение авторства, являются наиболее важным элементом объективной стороны плагиата. При этом, однако следует иметь в виду, что использование идей, ранее высказанных другими авторами, плагиатом не является.

Как следует из ст. 73 УПК РФ при производстве по уголовному делу о присвоении авторства (плагиате) – ч. 1 ст. 146 УК РФ подлежат доказыванию, в частности, событие преступления (время, место, способ и другие обстоятельства совершения преступления и виновность лица в совершении преступления, форма его вины и мотивы.

Сложность в расследовании и судопроизводстве по таким уголовным делам заключается в том, что «понятие «плагиат» ни в одном нормативном акте не раскрывает, а в нормах авторского права (ч. 4 ГК РФ¹) совсем не упоминается.

Применительно к ст. 147 УК РФ автором признается физическое лицо, творческим трудом которого созданы изобретение, полезная модель, промышленный образец. Плагиат заключается в объявлении себя автором чужого произведения, выпуске чужого произведения (в полном объеме или частично) под своим именем, издании под своим именем произведения, созданного в соавторстве с другими лицами, без указания их имени.

В ст. 1257 ГК РФ закреплено, что автором произведения науки, литературы или искусства признается гражданин, творческим трудом которого оно создано. Как следует из пп. 1 п. 2 ст. 1255, п. 1 ст. 1270 ГК РФ автору произведения принадлежит исключительное право на него, поэтому лицо, совершающее плагиат, лишает автора возможности реализовать это его право, причиняя таким образом ущерб автору.

¹ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18 декабря 2006 г. № 230-ФЗ (ред. от 13 июня 2023 г., с изм. от 14 декабря 2023 г.).

Согласно мнению В.С. Витко, общепринятое определение плагиата как присвоения авторства не является достаточным. Автор обосновывает предположение, что суть плагиата, с гражданско-правовой позиции, заключается в том, что лицо излагает мысли в объективной форме, созданной другим автором (авторами), не указывая имени автора (соавтора)¹.

В этой связи Э.П. Гаврилов справедливо указывает, что если лицо, присвоившее авторство на научное произведение, созданное другим лицом, присвоило не только содержание, но и форму (или, по крайней мере, некоторые элементы формы чужого научного произведения), то мы имеем дело с авторским плагиатом. Однако, если украденная идея представлена в новой, отличной форме, авторское право не может защитить ее².

Как известно, результатом интеллектуальной деятельности является интеллектуальный продукт. Возможно, именно поэтому М.А. Рожкова определяет плагиат как интеллектуальное воровство, которое включает в себя присвоение лицом авторства на чужой интеллектуальный продукт в целом или в части, именно такое толкование нашло отражение в российском уголовном законодательстве. Это понимание плагиата позволяет включить в него случаи публикации чужого произведения под собственным именем (например, переведенной им с иностранного языка статьи), нелегального воспроизведения чужих результатов интеллектуальной деятельности, не относящихся к авторским произведениям, под именем плагиатора, а также воссоздания или копирования фрагментов чужого произведения (или целиком), без указания автора и названия заимствованного произведения³.

Мы такой подход разделяем, с учетом того, что на основании пп. 1 п. 1 ст. 1274 ГК РФ допускается без согласия автора или иного правообладателя и без выплаты вознаграждения, но с

¹ Витко В.С. О признаках понятия «плагиат» в авторском праве. М.: Статут, 2017. 142 с.

² Гаврилов Э.П. Понятие и термин «плагиат» в российском законодательстве // Хозяйство и право. 2020. № 1 (516). С. 52–60.

³ Рожкова М.А. Плагиат и иные виды некорректных заимствований в диссертациях: правовые и этические вопросы // Журнал суда по интеллектуальным правам. 2021. № 3 (33). С. 124–140.

обязательным указанием имени автора, произведение которого используется, и источника заимствования цитирование в оригинале и в переводе в научных, полемических, критических, информационных, учебных целях, в целях раскрытия творческого замысла автора правомерно обнародованных произведений в объеме, оправданном целью цитирования, включая воспроизведение отрывков из газетных и журнальных статей в форме обзоров печати.

Согласно п. 98 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23 апреля 2019 г. № 10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации»¹, при применении норм п. 1 ст. 1274 ГК РФ, определяющих случаи, когда допускается свободное использование произведения без согласия автора или иного правообладателя и без выплаты вознаграждения, но с обязательным указанием имени автора, произведение которого используется, и источника заимствования, необходимо иметь в виду следующее: а) положениями подп. 1 п. 1 ст. 1274 ГК РФ допускается возможность цитирования любого произведения, в том числе фотографического, если это произведение было правомерно обнародовано и если цитирование осуществлено в целях и в объеме, указанных в данной норме.

Как следует из п. 20 Обзора судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 3 (утв. Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 12 июля 2017 г.)², любые произведения науки, литературы и искусства, в том числе фотографические произведения, могут быть свободно использованы без согласия автора и выплаты вознаграждения в целях цитирования при соблюдении условий, установленных в подп. 1 п. 1 ст. 1274 ГК РФ.

Также в одном из своих определений Верховный Суд Российской Федерации указал, что «цитирование производится для иллюстрации, подтверждения или опровержения высказываний автора, допустимо в указанных в законе целях (научных, критических, информационных целях и в обзорах печати), только из обнародованных произведений и в объеме, оправданном целью цитирования»³.

¹ Российская газета. 2019. 6 мая.

² Бюллетень Верховного Суда РФ. 2018. № 9.

³ Определение Верховного Суда РФ от 5 декабря 2003 г. по делу № 78-Г03-77.

На стадии возбуждения уголовного дела о плагиате решается единственная задача – установление наличия или отсутствия повода и основания к возбуждению уголовного дела.

Согласно ч. 3 ст. 20 УПК РФ к уголовным делам частного-публичного обвинения относятся, в частности, уголовные дела о преступлениях, предусмотренных ч. 1 ст. 146 УК РФ. Частно-публичное уголовное преследование принято считать смешанным видом уголовного преследования, поскольку в нем сочетаются частный и публичный элементы.

Уголовное дело по ч. 1 ст. 146 УПК РФ может быть возбуждено только по заявлению потерпевшей стороны (автора, правообладателя). Поэтому такое дело относится к уголовным делам частного-публичного обвинения. На наш взгляд именно этим обстоятельством обусловлено относительно небольшое количество уголовных дел о плагиате, поскольку нередко не знает о нарушении своих авторских прав¹.

С учетом особенностей уголовных дел о плагиате по таким делам усматривается необходимость предварительной проверки сообщений о нарушениях авторских прав. Особенно важным, с учетом частного-публичного характера обвинения по уголовным делам, предусмотренным ч. 1 ст. 146 УК РФ, является предварительное выяснение вопроса принадлежности авторских прав заявителю.

При возбуждения уголовных дел о нарушении авторских и смежных прав важное значение имеют особенности действий должностных лиц органов досудебного производства на этапе проверки сообщения о преступлении.

Как установлено в ч. 2 ст. 140 УПК РФ, основанием для возбуждения уголовного дела является наличие достаточных данных, указывающих на признаки преступления. Достаточными данными для возбуждения уголовного дела по ч. 1 ст. 146 УК РФ могут быть признаки плагиата в указанном заявителем (автором) произведении.

¹ См.: Притулин Р.В., Кубышко М.В. Присвоение авторства (плагиат) как основание уголовной ответственности // Вестник Московского университета МВД России. 2016. № 2. С. 85.

Стадия возбуждения уголовного дела о нарушении авторских и смежных прав характеризуется особенностью, связанной с необходимостью выявления правообладателя, авторские или смежные права которого могли быть нарушены. Поэтому, в первую очередь, должны быть истребованы доказательства, подтверждающие авторство лица, обратившегося с заявлением о плагиате, а затем с использованием программного обеспечения «Антиплагиат ВУЗ» целесообразно сопоставить авторский текст с текстом произведения, содержащего, по утверждению автора, признаки плагиата. Кроме того, автор должен представить расчет причиненного ему плагиатом имущественного ущерба. В силу ч. 2 ст. 151 УПК РФ предварительное следствие по делам, предусмотренным ст. 146 УК РФ, производится следователями Следственного комитета Российской Федерации по месту совершения преступления, что свидетельствует о значимости интеллектуальных прав как объектов правовой защиты.

С учетом того, что в силу ч. 1 ст. 31 УПК РФ мировому судье подсудны уголовные дела о преступлениях, за совершение которых максимальное наказание не превышает трех лет лишения свободы, за исключением уголовных дел о преступлениях, предусмотренных, в частности, ч. 1 ст. 146 УК РФ, рассмотрение уголовных дел о преступлениях, предусмотренных ч. 1 ст. 146 УК РФ, отнесено к подсудности районных судов.

На основании ч. 3 ст. 28.1 УПК РФ суд вправе прекратить уголовное по ч. 1 ст. 146 УК РФ при условии возмещения ущерба.

Кроме того, согласно ч. 2 ст. 76.1 УК РФ лицо, впервые совершившее преступление, предусмотренное ч. 1 ст. 146 УК РФ, освобождается от уголовной ответственности, если возместило ущерб, причиненный гражданину, организации или государству в результате совершения преступления, и перечислило в федеральный бюджет денежное возмещение в размере двукратной суммы причиненного ущерба, либо перечислило в федеральный бюджет доход, полученный в результате совершения преступления, и денежное возмещение в размере двукратной суммы дохода, полученного в результате совершения преступления, либо перечислило в федеральный бюджет денежную сумму, эквивалентную размеру убытков, которых удалось избежать в результате совершения

преступления, и денежное возмещение в размере двукратной суммы убытков, которых удалось избежать в результате совершения преступления, либо перечислило в федеральный бюджет денежную сумму, эквивалентную размеру совершенного деяния, предусмотренного соответствующей статьей Особенной части настоящего Кодекса, и денежное возмещение в двукратном размере этой суммы.

В заключение отметим, что 18 января 2024 г. в Госдуму поступил законопроект, смягчающий уголовную ответственность за нарушение авторских и смежных прав. Планируется увеличить пороговые значения крупного и особо крупного ущерба со 100 тыс. до 500 тыс. руб.¹ Предполагается, что такая декриминализация на четверть снизит судимость за нарушение авторских и смежных прав.

Е.Т. Прилепский

**ЗАЛОГ КАК МЕРА ПРЕСЕЧЕНИЯ:
ДИСКУССИОННЫЕ ВОПРОСЫ ПРИМЕНЕНИЯ
В СФЕРЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ И ИНОЙ
ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ**

**BAIL AS A PREVENTIVE MEASURE:
CONTROVERSIAL ISSUES OF APPLICATION
IN THE FIELD OF BUSINESS AND OTHER
ECONOMIC ACTIVITY**

В статье анализируются некоторые аспекты применения залога как меры пресечения в отношении подозреваемых (обвиняемых) в преступлениях, совершенных в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности. Обосновывает, что установление дополнительных процессуальных гарантии позволит снизить риски давления на предпринимательскую деятельность. Сделан вывод о необходимости применения залога к лицам,

¹ Досье на проект федерального закона № 532911-8 «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации» (внесен 18 января 2024 г. Правительством РФ) // ИПО «Гарант».

совершившим преступления в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности, соразмерного причиненному ущербу.

The article analyzes some aspects of the use of gold as a preventive measure against suspects (accused) of crimes committed in the field of entrepreneurial and other economic activities. Substantiates that the establishment of additional procedural guarantees will reduce the risks of pressure on entrepreneurial activity. It is concluded that it is necessary to apply bail to persons who have committed crimes in the field of entrepreneurial and other economic activities, commensurate with the damage caused.

Ключевые слова: залог, предпринимательская деятельность, экономические преступления, расследование.

Key words: bail, entrepreneur, economic activity, investigation.

В настоящее время одной из приоритетных задач уголовно-правовой политики Российской Федерации, на фоне общей гуманизации законодательства, является обеспечение соблюдения прав лиц, осуществляющих предпринимательскую деятельность и создание наиболее благоприятных условий для ведения бизнеса. Следствием многочисленных изменений, внесенных в уголовное и уголовно-процессуальное законодательство, стало фактическое формирование обособленной категории лиц, имеющих особый, отличный от общего, правовой статус. Бесспорно, появление в законе дополнительных мер, направленных на то, чтобы оградить участников хозяйственной деятельности от коррупционных проявлений и незаконного воздействия со стороны недобросовестных сотрудников государственных органов вызвано объективными данными.

Как указано в постановлении Пленума Верховного суда Российской Федерации от 15 ноября 2016 г. № 48, законодательное установление дополнительных процессуальных гарантии обеспечения прав и законных интересов предпринимателей, привлекаемых к уголовной ответственности по делам о преступлениях в

сфере предпринимательской и иной экономической деятельности является механизмом, позволяющим исключить возможность использования уголовного преследования в качестве средства давления на предпринимательскую деятельность и решения споров хозяйствующих субъектов, а также оградить их от необоснованного привлечения к уголовной ответственности предпринимателей за неисполнение договорных обязательств в тех случаях, когда это обусловлено обычными предпринимательскими рисками¹.

Наличие законодательного ограничения на возможность избрания в отношении предпринимателей самой строгой меры пресечения в виде заключения под стражу, предполагает необходимость расширения практики применения иных мер пресечения, в том числе залога, которые не связаны с полной изоляцией обвиняемого (подозреваемого).

В первоначальную редакцию ст. 106 УПК РФ неоднократно вносились изменения, направленные на совершенствование регулирования исследуемой меры пресечения. Так, снижен минимальный размер суммы залога в отношении лиц, совершивших преступления небольшой и средней тяжести до 50 тыс. руб., ст. 106 УПК РФ дополнена ч. 8.1, предоставившей суду при избрании залога право применять запреты, предусмотренные п. 2–6 ч. 6 ст. 105.1 УПК РФ, уточнены цель применения этой меры пресечения и срок, на который она может быть избрана судом, определен порядок его продления².

¹ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15 ноября 2016 г. № 48 (ред. от 11 июня 2020 г.) «О практике применения судами законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности за преступления в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности» // СПС «КонсультантПлюс».

² Федеральный закон от 4 июня 2014 г. №141-ФЗ «О внесении изменений в ст.106 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // Российская газета. 2014. 6 июня; Федеральный закон от 18 апреля 2018 г. № 72-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части избрания и применения мер пресечения в виде запрета определенных действий, залога и домашнего ареста» // Российская газета. 2018. 20 апреля; Федеральный закон от 7 октября 2022 г. № 383-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-

Несмотря на все усилия законодателя залог применяется крайне редко. Исходя их данных Судебного департамента при Верховном суде Российской Федерации¹, в 2022 г. заключение под стражу избиралось 87 687 раз, а залог – 71, в процентном соотношении это всего около 0,08 %.

Если провести сравнительный анализ статистики применения залога в период с 2019 по 2022 гг., то наиболее активно эта мера пресечения избиралась в 2020 г. – 244 раза, но уже в 2021 г. число залогов вновь снизилось и составило всего лишь 25 удовлетворенных ходатайств за год, в 2019 г. залог избирался 71 раз.

Принимая во внимание приведенные показатели для определяя среднегодового количества избрания судом исследуемой меры пресечения, получаем весьма неутешительные данные – залог применяется судами в среднем около 100 раз в год. Учитывая сложившуюся тенденцию непопулярности этой меры пресечения среди правоприменителей, называть ее действительной альтернативной заключению под стражу не представляется возможным.

По нашему мнению, одной из причин такого низкого уровня востребованности данной меры пресечения является наличие в тексте ст.106 УПК РФ неоднозначных формулировок, которые позволяют по-разному толковать основания и порядок применения залога.

Исходя из положений ст. 106 УПК РФ, под залогом понимается мера имущественного воздействия, которая избирается судом на определенный срок и заключается во внесении денежных средств или в передаче движимого либо недвижимого имущества, ценностей, акций и облигаций в орган, в производстве которого находится уголовное дело, с целью обеспечения явки обвиняемого (подозреваемого), предупреждения совершения им преступлений или совершения действий препятствующих производству по делу. Судом, при применении залога, на обвиняемого (подозреваемого) могут быть возложены запреты, предусмотренные п. 2–6 ч. 6 ст. 105.1 УПК РФ.

процессуальный кодекс Российской Федерации» // Российская газета. 2022. 11 октября.

¹ Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде РФ. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79>.

В соответствии с ч. 2 ст.106 УПК РФ, правом обращения в суд с ходатайством о применении залога обладает привлекаемое к уголовной ответственности лицо (подозреваемый или обвиняемый), а также иное физическое и юридическое лицо.

Из такой формулировки ряд ученых высказывают мнение, что представляющие сторону обвинения дознаватель, следователь или прокурор не могут ходатайствовать перед судом об избрании в отношении обвиняемых (подозреваемых) залога¹.

Однако, по нашему мнению, наличие в ч. 2 ст.106 УПК РФ отсылки к положениям ст. 108 УПК РФ, безусловно, дает право дознавателю и следователю обращаться в суд с соответствующим ходатайством.

Аналогичная позиция отражена в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 19 декабря 2013 г. № 41, решение об избрании меры пресечения в виде залога суд вправе принять не только по результатам рассмотрения ходатайства следователя, согласованного с руководителем следственного органа, или ходатайства дознавателя, согласованного с прокурором, но и по результатам рассмотрения ходатайства, заявленного подозреваемым, обвиняемым, его защитником, законным представителем либо другим физическим или юридическим лицом, а также по результатам обсуждения в судебном заседании возможности применения альтернативных заключению под стражу или домашнему аресту мер пресечения»².

Соответственно, применительно к порядку избрания залога необходимо руководствоваться как общим порядком, инициатором которого выступает орган предварительного следствия или дознания, и специальным, когда о применении данной меры ходатайствует обвиняемый (подозреваемый) или иное лицо, в его

¹ Вершинина С.И. Проблемы правового регулирования залога как меры пресечения // Вестник Нижегородской академии МВД России. 2019. № 2. С. 46; Барабаш А.С. Основания для избрания заключения под стражу, домашнего ареста, залога и их доказывание// Российский юридический журнал, 2016. № 4. С. 117–131.

² Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 19 декабря 2013 г. № 41 (ред. от 11 июня 2020 г.) «О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста, залога и запрета определенных действий» // СПС «КонсультантПлюс».

интересах¹, суд также может избрать залог по собственной инициативе.

По своей природе залог все же является мерой имущественного характера и поэтому необходимо усилить использование потенциала материального воздействия для того, чтобы сделать залог более применимым на практике. Особенно это актуально по делам об экономических преступлениях, где противоправными действиями причиняется ущерб государству, общественным и иным организациям, юридическим и физическим лицам и, в первую очередь, речь идет именно о материальном ущербе.

Законом установлена минимальная сумма залога, в зависимости от тяжести инкриминируемого преступления, критерии, которыми суд должен руководствоваться при определении размера залога по каждому конкретному делу, носят достаточно общий характер. В соответствии со ст. 106 УПК РФ, при избрании этой меры пресечения суду следует исходить из обстоятельств конкретного уголовного дела, материального положения залогодателя, характера совершенного преступления и личности подозреваемого (обвиняемого).

Верховный Суд Российской Федерации в постановлении Пленума от 19 декабря 2013 г. кроме указанных в законе обстоятельств, указывает на то, что сумма, подлежащая внесению в качестве залога, определяется исходя из суммы ущерба, причинного в результате совершения преступления, а также характера и степени его общественной опасности². В указанном постановлении также отмечено, что единственным основанием обращения внесенной суммы залога в доход государства является нарушение порядка исполнения данной меры пресечения. Соответственно, возмещение причиненного преступлением ущерба за счет средств, внесенных

¹ Стельмах В.Ю. Современные проблемы применения залога как меры пресечения // Вестник уральского юридического института МВД России. 2022. № 3. С. 30.

² Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 19 декабря 2013 г. № 41 (ред. от 11 июня 2020 г.) «О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста, залога и запрета определенных действий» // СПС «КонсультантПлюс».

в качестве залога, а также исполнение обязательств по процессуальным издержкам законом не допускается.

Возможность применения залога соразмерно сумме причиненного материального ущерба не раз поднималась в среде ученых процессуалистов.

На проблеме невозможности обращения взыскания на залоговые средства в счет возмещения причиненного преступлением ущерба и иных процессуальных издержек обращают внимание А.Г. Анисимов и А.И. Цыреторов отмечают, что сложившаяся практика обращения внесенного залога в доход государства не отвечает задачам восстановления социальной справедливости.

Е.В. Андреева в результате проведенного научного исследования приходит к выводу, что при применении в отношении субъекта предпринимательской деятельности меры пресечения в виде залога необходимо определять его размер исходя из суммы соразмерной причиненному ущербу, что позволит сделать бессмысленным нарушение данной меры пресечения¹.

Полагаем, что с данным утверждением нельзя согласиться, поскольку нарушение избранной меры пресечения может быть направлено не только на то, чтобы избежать возмещения ущерба, но и на возможный уход от наказания за совершенное деяние.

Если обратиться к генезису залога, как меры пресечения, то согласно Устава уголовного судопроизводства 1864 г., сумма залога определялась, помимо тяжести вмененного обвинения, исходя из размера причиненного ущерба, который в свою очередь основывался на сумме предъявляемых потерпевшим искомых требований, подтвержденных доказательствами. При условии нарушения обвиняемым меры пресечения, внесенная им сумма залога направлялась в первую очередь потерпевшему для возмещения ущерба, а оставшиеся денежные средства обращались в доход государства и применялись при устройстве мест заключения².

¹ Авдеева Е.В. Организация защиты прав субъектов предпринимательской деятельности в ходе расследования преступлений: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2022. С. 15.

² Устав уголовного судопроизводства с позднейшими узаконениями, законодательными мотивами, разъяснениями Правительствующего Сената

Принимая во внимание исторический опыт и вышеприведенные мнения ученых в отношении лиц, совершивших преступления в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности, целесообразно предусмотреть такой порядок определения залоговой суммы, который позволит обеспечить возмещение материального ущерба, причиненного преступлением, и даст возможность обращаться взыскание на сумму залога для его компенсации. При этом, оправданным представляется дополнительно включить в общую сумму залога, предусмотренный действующим законодательством, минимальный размер залога, определяемый в зависимости от тяжести инкриминируемого деяния, который, в случае нарушения обвиняемым (подозреваемым) меры пресечения будет обращаться в доход государства.

Сегодня самым применяемым процессуальным средством, используемым для обеспечения компенсации материального вреда, является наложение ареста на имущество. В.М. Шагунова справедливо отмечает, что применение этой меры процессуального принуждения зачастую делает невозможным избрание залога, так как на денежные средства и иные активы обвиняемого (подозреваемого), за счет которых он мог бы внести залог. В связи с этим предлагает предусмотреть возможности использования в качестве залога имущества, которое в ходе предварительного расследования было изъято и признано вещественными доказательствами, а также имущества, на которое наложен арест¹.

Полагаем, предложение В.М. Шагунова заслуживает внимания. Кроме того, следует предусмотреть возможность обращения на указанное имущество взыскания для компенсации материального вреда. В противном случае, при существующем порядке, предусмотренном ч. 9 ст. 106 УПК РФ, залог подлежит безусловному обращению в доход государства по правилам ст. 118 УПК РФ.

и Циркулярами Министра Юстиции / Под ред. М. Шрамченко, В. Широкова. СПб., 1899. С. 163.

¹ Шагунова В.М. Реализация уголовно-процессуальных норм в досудебном производстве по делам о преступлениях в сфере экономической деятельности: международные стандарты и российская практика: дис. ... канд. юрид. наук. М, 2023. С. 198.

Применение предложенного порядка определения размера залога позволит освободить орган предварительного расследования от необходимости отыскивать и накладывать арест на имущество, для обеспечения приговора в части гражданского иска, так как он будет обеспечен добровольно внесенным залоговой суммой. Однако, в данном случае, необходимо наличие запрета на наложение ареста на имущества в целях обеспечения исполнения приговора суда в части гражданского иска, при условии применения в отношении обвиняемого (подозреваемого) залога, что в свою очередь позволит минимизировать злоупотреблений при наложении ареста на имущество.

Следует отметить, что, предлагая указанный механизм применения залога, мы подразумеваем, что это возможно и оправдано лишь в тех случаях, когда в результате преступления причинен материальный ущерб, и именно потому предлагаем предусмотреть такой способ определения суммы залога, в отношении лиц, указанных в ч. 1.1 ст. 108 УПК РФ.

Предлагаемые изменения будут способствовать более активному применению залога как альтернативы заключению под стражу в отношении лиц, совершивших преступления в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности, а также позволят снизить возможность излишнего материально давления на хозяйствующих субъектов и обеспечить возможность их нормального функционирования, при том, что право потерпевших на компенсацию материального ущерба так же будет обеспечено.

В случае же установления невиновности привлекаемого к уголовной ответственности лица применение залога в предлагаемом виде позволит исключить наступление негативных последствий его применения, учитывая, что все имущество (денежные средства) будут возвращены залогодателю.

**Р.Р. Рахмаджонзода,
И.А. Одиназода**

**ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ
И ЕЕ РЕЗУЛЬТАТЫ В СИСТЕМЕ СРЕДСТВ
УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ДОКАЗЫВАНИЯ**

**OPERATIONAL INVESTIGATIVE ACTIVITY
AND ITS RESULTS IN THE SYSTEM
OF CRIMINAL PROCEDURAL EVIDENCE**

Современный этап развития Республики Таджикистан знаменуется глубокими политическими, социальными, экономическими, демографическими и правовыми изменениями. Современная преступность в республике характеризуется: организованностью, информированностью, вооруженностью, технической оснащенностью, тщательной подготовкой и организацией совершения преступлений. Изложенное обуславливает сложность выявления, раскрытия и расследования преступлений, а также использование возможностей правоохранительных органов, в приоритетном числе которых является оперативно-розыскная деятельность и ее арсенал.

The current stage of development of the Republic of Tajikistan is marked by profound political, social, economic, demographic and legal changes. Modern crime in the republic is characterized by: organization, awareness, armament, technical equipment, careful preparation and organization of crimes. The foregoing determines the complexity of identifying, solving and investigating crimes, as well as using the capabilities of law enforcement agencies, the priority of which is operational investigative activity and its arsenal.

Ключевые слова: оперативно-розыскная деятельность, уголовное судопроизводство, расследование уголовных дел, судебное разбирательство, использование, возможности.

Key words: operational search activities, criminal proceedings, investigation of criminal cases, trial, use, opportunities.

В правовом государстве назначение уголовного судопроизводства заключается в уголовном преследовании и осуждении лиц, совершивших преступления, а равно в защите прав и законных интересов жертв преступлений. Как свидетельствует официальная статистика, за последние несколько лет наблюдается тенденция роста преступности в Республике Таджикистан¹, что создает серьезную угрозу государству и обществу, жизни, здоровью и имуществу граждан.

Важнейшим инструментом в противодействии преступности остается уголовное судопроизводство и раскрывать преступления можно только путем использования комплекса оперативно-розыскных и уголовно-процессуальных средств. Вместе с тем, необходимо отметить, что в нынешних условиях как никогда возрастает социальная значимость противодействия преступности. Результатом этого выступает потребность в повышении эффективности деятельности правоохранительных органов, чему в значительной мере способствует использование достижений науки и техники в уголовном судопроизводстве Таджикистана.

В настоящее время в Таджикистане, как и в других странах СНГ продолжают судебные реформы и в процессе их проведения системно совершенствуются уголовно-процессуальные законодательства, а также качественно обновляются ключевые аспекты системы отраслевого законодательства.

Необходимо отметить, что оперативно-розыскная деятельность и уголовное судопроизводство отличаются своей сущностью, признаками и назначением. Поэтому эти два вида государственной деятельности не должны заменять друг друга, а должны дополнять друг друга.

Использование в уголовном судопроизводстве результатов оперативно-розыскной деятельности характеризуют как одну из

¹ Государственная программа противодействия преступности в Республике Таджикистан на 2021–2030 гг.: утв. Постановлением Правительства Республики Таджикистан от 30 июня 2021 г. № 265 // ЦБПИ Республики Таджикистан «Адлия. Версия 7.0».

важных проблем, которая находится на пересечении оперативно-розыскной и уголовно-процессуальной деятельности. Уровень ее теоретической разработки значительно влияет на качество расследования дел и получение результатов оперативно-розыскной деятельности, использование которых в рамках уголовного судопроизводства обеспечивает неотвратимость ответственности за совершенные преступления.

В данном контексте особую значимость в правоприменительной практике уголовных судопроизводств приобретает использование результатов оперативно-розыскной деятельности. От ее конкретного законодательного регулирования и применения на практике зависит развитие уголовного судопроизводства в Таджикистане.

Различные сложности и проблемы, возникающие в практике расследования и судебного разбирательства уголовных дел, определяют необходимость поиска новых и оптимизации существующих средств доказывания различных обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела, в целях обеспечения возможности правильного применения уголовного законодательства. По этой причине большим познавательным потенциалом обладают результаты оперативно-розыскной деятельности.

Фактом раскрытия преступления формально считается момент, когда дело принято у оперативного сотрудника следователем¹. В настоящее время существенно расширяется применение результатов оперативно-розыскной деятельности в уголовном судопроизводстве, в том числе при принятии ряда ключевых процессуальных решений.

Одновременно увеличивается количество жалоб, связанных с использованием результатов оперативно-розыскной деятельности в уголовном процессе², поступающих в различные судебные

¹ Рахмаджонзода Р.Р., Арипов А.Л., Самиев Н.М., Махмадализода А.М., Касимова М.А. Использование результатов оперативно-розыскной деятельности в уголовном процессе Республики Таджикистан: науч.-практ. пособие. Душанбе: ЭР-граф, 2019. С. 35.

² Приказ Генерального прокурора Республики Таджикистан от 21 октября 2015 г. № 5-219 «Об организации прокурорского надзора за обеспечением точного соблюдения и использования Закона Республики

органы, что свидетельствует о наличии ряда неразрешенных проблем.

К числу таких проблем относятся, в частности:

1) отсутствие в процессуальной теории и на практике единого мнения относительно правовой природы результатов оперативно-розыскной деятельности;

2) принципиальной возможности и допустимых форм их использования при принятии различных процессуальных решений;

3) неопределённость содержания нормативных правовых предписаний, призванных регулировать использование результатов оперативно-розыскной деятельности в уголовном судопроизводстве Таджикистана;

4) наличие противоречий в нормах, установленных законом Республики Таджикистан «Об оперативно-розыскной деятельности» и уголовно-процессуальным законодательством Республики Таджикистан, относительно возможности и порядка использования результатов оперативно-розыскной деятельности в уголовном судопроизводстве.

Обозначенные проблемы не позволяют в настоящее время эффективно использовать результаты оперативно-розыскной деятельности при принятии процессуальных решений и дальнейшем их использовании.

Рассмотрим некоторые положения отраслевого законодательства, регламентирующего порядок и возможности использования результатов оперативно-розыскной деятельности.

Закон Республики Таджикистан «Об оперативно-розыскной деятельности»¹ указывает на то, что результаты ОРД представляются органу дознания, следователю, прокурору или в суд (судье) на основании постановления руководителя органа,

Таджикистан "Об оперативно-розыскной деятельности" и других соответствующих нормативных правовых актов» // Приказы Генерального прокурора Республики Таджикистан и другие нормативные правовые акты сферы деятельности органов прокуратуры Республики Таджикистан. В 3-х т. (на тадж. яз.). Душанбе: Ирфон, 2016. Т. 1. С. 262–269.

¹ Закон Республики Таджикистан от 25 марта 2011 г. № 687 (в ред. от 18 июля 2017 г.) «Об оперативно-розыскной деятельности» // Ахбори Маджлиси Оли Республики Таджикистан. 2011 г. № 3. Ст. 155.

осуществляющего ОРД (ч. 3 ст. 11). Такой порядок представления результатов ОРД в настоящее время регулируется Инструкцией «О порядке представления результатов оперативно-розыскной деятельности дознавателю, следователю, прокурору, судье и суду в органах внутренних дел» (п. 11)¹.

В пункте 22 Инструкции указано: «Результаты оперативно-розыскной деятельности, представляемые для решения вопроса о возбуждении уголовного дела, должны содержать достаточные данные, указывающие на признаки преступления, а именно: сведения о том, где, когда, какие признаки и какого именно преступления обнаружены; при каких обстоятельствах имело место их обнаружение; сведения о лице (лицах), его совершившем (если оно известно), и очевидцах преступления (если они известны); о местонахождении предметов и документов, которые могут быть признаны вещественными доказательствами; о любых других фактах и обстоятельствах, имеющих значение для решения вопроса о возбуждении уголовного дела».

В данном пункте Инструкции правильно определяются положение и место результатов ОРД в системе сведений, составляющих доказательства, иными словами, образующих (формирующих) доказательства.

Результаты ОРД, представляемые для подготовки и осуществления следственных и судебных действий, должны содержать сведения о: местонахождении лиц, скрывающихся от органов предварительного расследования и суда; лицах, которым известны обстоятельства и факты, имеющие значение для уголовного дела; возможных источниках доказательств; местонахождении предметов и других обстоятельствах, позволяющих определить объем и последовательность проведения процессуальных действий, выбрать наиболее эффективную тактику и методику их производства по конкретному уголовному делу (п. 23 Инструкции).

Результаты ОРД, представляемые для использования в доказывании по уголовным делам, должны позволять формировать доказательства, удовлетворяющие требованиям уголовно-процес-

¹ Инструкция утверждена приказом МВД Республики Таджикистан от 12 июля 2010 г. № 16 с (согласована с Генеральным прокурором Республики Таджикистан, исх. № 16/1 нд-10 от 13 марта 2010 г.).

суального законодательства, предъявляемым к доказательствам в целом, к соответствующим видам доказательств по отдельности, содержать сведения об установлении собранных доказательств по уголовному делу, и указания на оперативно-розыскные мероприятия, при проведении которых получены предполагаемые доказательства, а также данные, позволяющие проверить в условиях уголовного судопроизводства (п. 24 Инструкции).

В случае использования в уголовных делах результатов ОРД в качестве доказательств должностные лица органов, осуществляющих ОРД, могут подлежать допросу об их подлинности, происхождении и обстоятельствах их получения. При этом лица, внедренные в преступную среду, и штатные негласные сотрудники могут быть допрошены только с их согласия в письменной форме, за исключением случаев совершения ими преступления (ч. 5 ст. 11 Закона Республики Таджикистан «Об оперативно-розыскной деятельности»).

Приведенные положения различных нормативных правовых актов еще раз подтверждают, что оперативно-розыскные данные сами по себе доказательствами не являются и что представляемые результаты ОРД должны только позволять формировать или собирать уголовно-процессуальные доказательства.

С.В. Рудакова

ЭФФЕКТИВНОСТЬ ПОСЛЕДУЮЩЕГО СУДЕБНОГО ОБЖАЛОВАНИЯ ПРИМЕНЕНИЯ МЕРЫ ПРЕСЕЧЕНИЯ В ВИДЕ ЗАКЛЮЧЕНИЯ ПОД СТРАЖУ

EFFECTIVENESS OF THE SUBSEQUENT JUDICIAL APPEAL AGAINST THE APPLICATION OF A MEASURE OF RESTRAINT IN THE FORM OF DETENTION

Статья посвящена проблемам эффективности последующего судебного обжалования применения меры пресечения в виде заключения под стражу. Обращается внимание на низкие показатели эффективности указанного вида обжалования. Отмечается необходимость совершенствования законодательства и

правоприменительной практики в сфере регулирования порядка использования электронных документов при обжаловании.

The article is devoted to the problems of the effectiveness of the subsequent judicial appeal against the application of a measure of restraint in the form of detention. Attention is drawn to the low efficiency of this type of appeal. The need to improve legislation and law enforcement practice in the field of regulating the procedure for the use of electronic documents in appeal is noted.

Ключевые слова: обжалование, эффективность, заключение под стражу, судебное решение, защитник, суд апелляционной инстанции, процессуальный порядок.

Key words: appeal, efficiency, detention, court decision, defender, court of appeal, procedural order.

Обжалование в уголовном судопроизводстве обеспечивает соблюдение и поддержание надлежащего уровня законности уголовно-процессуальной деятельности, защиту прав, свобод и законных интересов ее участников. Благодаря обжалованию возможно своевременное выявление допущенных ошибок в правоприменении и принятие мер к их исправлению, обеспечение соблюдения уголовно-процессуального закона.

Досудебное производство определяется законодателем как часть уголовного судопроизводства, с момента получения и регистрации сообщения о преступлении и до направления прокурором уголовного дела в суд для рассмотрения его по существу (п. 9 ст. 5 УПК РФ). Своим содержанием досудебное производство охватывает процессуальную деятельность уполномоченных лиц в стадиях возбуждения уголовного дела и предварительного расследования.

Профессор В.А. Семенцов подчеркивает, что к основным задачам досудебных стадий уголовного судопроизводства, в соответствии с действующим законом, относится защита прав и свобод человека и гражданина, обеспечение законности, всесторонности,

полноты и объективности при расследовании преступлений¹. В числе средств решения этих задач, считаем, находится и сфера обжалования, включая способы реализации должностными лицами досудебного производства и суда своих полномочий, связанных с принятием, рассмотрением и разрешением поступающих обращений.

Представляет интерес рассмотрение такого вида обжалования в досудебном производстве, который мы определяем как *последующее судебное обжалование*. Ранее в рамках авторской концепции был обоснован вывод о выделении в качестве самостоятельного вида досудебной формы обжалования (обжалования в досудебных стадиях уголовного судопроизводства) – обжалование судебных решений, постановленных по результатам рассмотрения ходатайств следователя, дознавателя о производстве следственных и иных процессуальных действий, применении мер процессуального принуждения, которое предложено назвать *последующим судебным обжалованием*².

Характер деятельности следователя, указывает О.В. Гладышева, предполагает вторжение в сферу прав и свобод человека и гражданина, их ограничение, которые могут быть ограничены в строгом соответствии с федеральным законом и лишь в той мере, в какой это необходимо для защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства³.

При последующем судебном обжаловании мер пресечения, ограничивающих конституционные права подзащитных, продления сроков их применения судами допускаются нарушения норм уголовно-процессуального закона, выражающиеся в нарушении

¹ Семенцов В.А. Избранные статьи по уголовному процессу. Краснодар: Просвещение-Юг, 2013. С. 432.

² Рудакова С.В. Досудебная форма уголовно-процессуального обжалования: монография / Под науч. ред. д-р юрид. наук, проф. В.А. Семенцова. М.: Юрлитинформ, 2023. С. 82.

³ Гладышева О.В. Компетенция следователя по обеспечению законных интересов личности в досудебном производстве // Российский юридический журнал. 2012. № 6. С. 123.

права на защиту. В большей степени эти нарушения выявляются в сфере применения самой строгой меры пресечения – заключение под стражу.

О.А. Максимов отмечает, что в российском законодательстве именно право на судебное обжалование решений о заключении под стражу положило начало формированию современного института ходатайств и жалоб¹. В литературе неоднократно обращается внимание на то, что мера пресечения в виде заключения под стражу является самой суровой мерой пресечения, в максимальной степени ограничивающей права и свободы человека²; обеспечение прав подозреваемых, обвиняемых при избрании и применении в отношении них меры пресечения в виде заключения под стражу, сталкивается с трудностями, порожденными проблемами всего российского уголовного судопроизводства: чрезмерной длительностью производства по делу, его излишней бюрократизацией, формализмом, гипертрофированной ролью предварительного расследования перед судебным разбирательством³.

В первом полугодии 2023 г. в Российской Федерации из 47 787 ходатайств об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу, рассмотренных в ходе досудебного производства удовлетворены 41 700 (87 %), из 91 736 ходатайств о продлении

¹ Максимов О.А. Место ходатайств и жалоб в современном уголовном процессе // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2021. № 2. С. 374.

² Смирнов Д.Ю. Применение меры пресечения в виде заключения под стражу: соблюдение прав и свобод человека и гражданина // Применение меры пресечения в виде заключения под стражу: соблюдение прав и свобод человека и гражданина: материалы кр. ст. / Сост.: К.Б. Калиновский, Л.А. Зашляпин; под общ. ред. А.В. Шишлова. СПб.: Петрополис, 2017. С. 71.

³ Калиновский К.Б. Обеспечение прав подозреваемого, обвиняемого при избрании и применении меры пресечения в виде заключения под стражу: проблемы совершенствования уголовно-процессуального закона и практики его применения // Применение меры пресечения в виде заключения под стражу: соблюдение прав и свобод человека и гражданина: материалы кр. ст. / Сост.: К.Б. Калиновский, Л.А. Зашляпин; Под общ. ред. А.В. Шишлова. СПб.: Петрополис, 2017. С. 37.

срока содержания под стражей удовлетворены судом 88 094 (96 %).

На судебные решения по рассмотрению ходатайств об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу и продлении срока содержания под стражей в суд апелляционной инстанции подано 43 650 обращений, их них 42 811 жалоб (98 %) и 826 (2 %) представлений, соответственно одна треть из всех удовлетворенных ходатайств об избрании или продлении срока содержания под стражей постановлениями суда первой инстанции были обжалованы в апелляционном порядке. При этом из 63 198 уголовных дел в порядке судебного контроля, оконченных производством в суде апелляционной инстанции, 1 479 (2 %) рассмотрены с нарушением сроков, установленных ст. 389.10, ч.11 ст.108 УПК РФ¹.

Приведенные данные судебной статистики свидетельствуют, *во-первых*, о значительном показателе согласия суда с обоснованностью соответствующих ходатайств лиц, осуществляющих досудебное производство, *во-вторых*, подавляющем количественном превосходстве именно жалоб сторон, (как правило защитника), а не представлений прокуроров, как на решения, вынесенные в порядке судебного контроля в ходе досудебного производства в целом, так и на избрание меры пресечения в виде заключения под стражу и продление сроков стражи; в-третьих наличия (выявления и учета) случаев нарушения сроков рассмотрения жалоб, предусмотренных ч. 11 ст. 108 УПК РФ (3 суток) и 389.10 УПК РФ (от 15 до 45 суток).

При этом результаты обобщения судебной практики дают повод говорить о неудовлетворительной ситуации с законностью и обоснованность судебных решений по указанным случаям, которая приводит к невозможности защитнику реализовать право на обжалование в целях защиты прав и законных интересов обвиняемого. Среди основных причин принятия необоснованных решений суда следует указать формальный подход: уклонение от

¹ Отчет о работе судов общей юрисдикции за первое полугодие 2023 г. по рассмотрению уголовных дел по первой инстанции; Отчет о работе судов общей юрисдикции за первое полугодие 2023 г. по рассмотрению уголовных в апелляционном порядке. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=7096>.

рассмотрения конкретных фактов и персональных данных при принятии решения, использование стереотипных формулировок, обоснование вывода о необходимости применения самой строгой меры пресечения лишь строгостью предъявленного обвинения и ничем неподтвержденными предположениями о том, что лицо может скрыться от правосудия.

Для иллюстрации приведем следующий пример. Адвокат Б. в апелляционной жалобе на постановление Ялтинского городского суда Республики Крым от 15 ноября 2022 г. указал, что среди представленных в суд материалов отсутствовали доказательства воспрепятствования либо реальной возможности воспрепятствования судопроизводству со стороны обвиняемой Д., в нарушение п. 2 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 19 декабря 2013 г. № 41. Суд не проверил содержание в материалах, обосновывающих ходатайство следователя, сведений, подтверждающих причастность Д. к совершению преступления, вопреки требованиям ч. 1.1 ст. 108 УПК РФ. В отношении Д, обвиняемой в совершении преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 159 УК РФ, избрана мера пресечения в виде заключения под стражу при отсутствии обстоятельств о том, что лицо не имеет постоянного места жительства, нарушило ранее избранную меру пресечения, а основанием при избрании меры пресечения являлось ничем не подтвержденное предположение обвинения о том, то лицо может скрыться от суда. Верховный суд республики Крым удовлетворил жалобу адвоката, указав в своем решении о замене меры пресечения в виде заключения под стражу на запрет определенных действий¹.

Приведем другой пример последующего обжалования адвокатом судебного решения, постановленного по результатам рассмотрения ходатайства следователя.

Суд апелляционной инстанции по уголовным делам Краснодарского краевого суда отменил постановление Туапсинского районного суда от 7 апреля 2023 г. о продлении в отношении Б. срока содержания под стражей, удовлетворив апелляционную жалобу адвоката и избрал в отношении обвиняемого Б. меру пресечения в

¹ Архив коллегии адвокатов «Защита бизнеса» Адвокатской палаты Краснодарского края за 2022 год.

виде домашнего ареста. В обосновании апелляционной жалобы защитник отметил следующие процессуальные нарушения: принимая решение о необходимости продления меры пресечения в отношении Б., судом первой инстанции указано, что, находясь на свободе и предвидя неотвратимость наказания, обвиняемый может скрыться от следствия и суда, воспрепятствовать изобличению причастных к преступлению лиц, а также производству по уголовному делу. К такому выводу суд пришел, основываясь на тяжести инкриминируемого деяния, а также данных о личности обвиняемого, вместе с тем, не указано, какие именно данные о личности обвиняемого Б. свидетельствуют о необходимости продления в отношении него срока содержания под стражей. Кроме того, с момента регистрации сообщения о преступлении и до задержания Б., он не совершал действий, указанных в ст. 97 УПК РФ, не скрывался от органов следствия, находился по месту своего жительства и регистрации, не предпринимал попыток каким-либо образом воспрепятствовать производству по уголовному делу¹.

Приведенные примеры свидетельствуют о квалифицированной работе защитников, грамотно составляющих апелляционные жалобы и способных аргументировать свою позицию, убедить суд вышестоящей инстанции, что обжалуемые решения не соответствуют требованиям ч. 4 ст. 7 УПК РФ.

Вместе с тем, необходимо отметить, что статистические данные свидетельствуют о низких показателях эффективности обжалования применения меры пресечения в виде заключения под стражу (продления сроков).

Так, за первые шесть месяцев 2023 г. из 42 699 судебных постановлений по ходатайствам об избрании меры пресечения заключение под стражу и продлении сроков содержания под стражей отменено и изменено (с избранием менее строгой меры пресечения) 3 343 постановления – около 8 %². Считаем необходимым обратить внимание, что дальнейшая процессуальная активность

¹ Апелляционное постановление Краснодарского краевого суда от 14 апреля 2023 г. Дело № 22-2973/2023.

² Отчет о работе судов общей юрисдикции за первое полугодие 2023 г. по рассмотрению уголовных в апелляционном порядке. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=7096>.

по обжалованию решений судов апелляционной инстанции имеет большое значение в вопросе повышения эффективности обжалования. Согласно статистическим данным за первое полугодие 2023 г. из 222 дел по решениям суда в порядке судебного контроля, рассмотренных в кассационном порядке, удовлетворено 166 (74 %) жалоб¹.

Актуальным на сегодняшний день аспектом, который оказывает существенное влияние на эффективность последующего судебного обжалования, является использование современных цифровых технологий в целях обеспечения конституционного права на доступ к правосудию в досудебном производстве. Ранее мы отмечали, что «возможность подачи жалобы в устной форме или как электронного документа в не меньшей степени гарантирует эффективность реализации права граждан, особенно в случаях, когда электронное общение становится основным»².

Совершенствование информационных технологий и формирование информационного общества служит одним из приоритетных направлений развития нашего государства в рамках исполнения Указа Президента Российской Федерации от 9 мая 2017 г. № 203 «О стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы»³. В тексте Указа провозглашается необходимость развития свободного, устойчивого и безопасного взаимодействия граждан, органов государственной власти Российской Федерации, что отнесено к сфере национальных интересов. Цифровизация в уголовном судопроизводстве выражена в том числе, в возможности подачи и приема жалоб, заявлений в электронном виде.

Очевидно, что широкое использование информационных технологий при последующем судебном обжаловании повлечет

¹ Отчет о работе судов общей юрисдикции за первое полугодие 2023 г. по рассмотрению уголовных в кассационном порядке. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=7096>.

² Семенцов В.А., Рудакова С.В. Современные проблемы обжалования в отечественном уголовном судопроизводстве // Юридический вестник Кубанского государственного университета. 2021. № 2. С. 41.

³ Указ Президента РФ от 9 мая 2017 г. № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы» // Собрание законодательства РФ. 2017. № 20. Ст. 2901.

экономии материальных и временных затрат на рассмотрение и разрешение жалобы, упростит процедуру ее подачи, сделает более доступной, а в целом повысит эффективность обжалования.

В условиях цифровизации всех сфер общественной жизни, с учетом внедрения электронного документооборота, назрела необходимость законодательно урегулировать возможность подачи цифровой жалобы с использованием электронной подписи и последующего ее рассмотрения в судебном порядке с использованием системы видео-конференц-связи.

Законодатель предпринял еще одну попытку правового регулирования цифровых ресурсов в уголовном судопроизводстве¹. Изменения и дополнения вызывают, на наш взгляд, разночтения и вопросы. Изменено наименование ст. 474.1 УПК РФ, согласно которому статья регулирует порядок использования электронных документов *в ходе судебного производства*, а новая ст. 474.2 УПК РФ регулирует этот порядок *в ходе досудебного производства*.

Жалоба в форме электронного документа может быть подана в ходе досудебного производства только прокурору, руководителю следственного, суд среди субъектов рассмотрения жалоб не указан. Вместе с тем суд в досудебном производстве рассматривает жалобы как в порядке ст. 125 УПК РФ, так и в случае обжалования судебных решений, вынесенных им в стадии предварительного расследования, в том числе о применении мер пресечения по ходатайству следователя или дознавателя (в том числе заключение под стражу). Какую цель преследовал законодатель таким наименованием указанных статей УПК РФ, остается непонятно.

Кроме того, согласно ст. 474.1 УПК РФ жалоба, не содержащая сведений, составляющих охраняемую федеральным законом тайну, *при наличии технической возможности* может быть подана в суд в форме электронного документа и подписываются лицом, направившим такой документ, *усиленной квалифицированной электронной подписью* посредством федеральной государственной информационной системы «Единый портал государственных

¹ Федеральный закон от 25 декабря 2023 г. № 672-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» // Российская газета. 2023. 29 декабря.

и муниципальных услуг (функций», либо информационной системы, определенной Верховным Судом Российской Федерации, Судебным департаментом при Верховном Суде Российской Федерации.

В то же время, в соответствии со ст. 474.2 УПК РФ порядок подачи жалобы в форме электронного документа должностным лицам, осуществляющим досудебное производство, требования к формату жалобы, технические средства *могут определяться* нормативными актами Следственного комитета Российской Федерации, федеральных органов исполнительной власти, Генеральной прокуратурой Российской Федерации. Отметим еще раз, что изменения, внесенные законодателем в порядок обжалования с использованием цифровых технологий, вызывает множество вопросов.

Отметим, что условием применения такого рода ресурсов при обжаловании выступает наличие технической возможности. Однако, в ряде случаев этого условия представляется недостаточно.

Можно поставить вопрос об отказе в приеме и регистрации жалобы в форме электронного документа, при отсутствии технической возможности. И это при том, что в постановлении Президиума Совета судей Российской Федерации от 21 июня 2010 г. № 229¹ определен один из способов обеспечения доступа к информации – обращения в суды в электронной форме, хотя этот порядок носит лишь рекомендательный характер, на что указано в обзоре этого документа.

Соответственно есть повод задуматься о том, что при наличии федерального законодательства и масштабного подзаконного регулирования использования цифровых ресурсов, несомненной полезности электронной коммуникации (на уровне подачи жалоб) существуют серьезные препятствия в процессе их использования.

¹ Постановление Президиума Совета судей РФ от 21 июня 2010 г. №229 (с изм. на 23 мая 2016 г.) «Об утверждении Положения о порядке рассмотрения судами общей юрисдикции поступающих в электронной форме обращений граждан (физических лиц), организаций (юридических лиц), общественных объединений, органов государственной власти и (или) органов местного самоуправления» / Документ опубликован не был // СПС «КонсультантПлюс».

Полагаем, что для уголовного судопроизводства явно недостаточно указать на возможность применения цифровых ресурсов на уровне технических средств. Необходимы поправки в совокупность прав участников уголовного судопроизводства, с указанием на возможность обжалования с применением технических средств и электронных документов при реализации процессуальных прав. Одновременно возникает потребность в регулировании содержания и оформления электронных жалоб, принятии мер к сохранению адвокатской тайны при пересылке электронных жалоб и др.

На наш взгляд, на сегодняшний день недостаточно уже принятых законодателем мер в этом направлении, поскольку в условиях интенсивного развития цифровых технологий будет объективно нарастать отставание законодательного регулирования вопроса о подаче жалобы в электронном виде.

Законодатель указал на необходимость подписывать электронные документы усиленной квалифицированной электронной подписью¹, но обошел вниманием обеспечение сохранения в тайне электронного документа. Обеспечение адвокатской тайны в отношении жалобы видится существенным обстоятельством, влияющим на оказания квалифицированной юридической помощи. Поэтому полагаем необходимым выделение специальных защищенных ресурсов для судебного документооборота. Одновременно следует принять меры к установлению мер ответственности за нарушение адвокатской тайны в случае «утечки» информации с электронных ресурсов.

По итогам исследования вопроса эффективности последующего судебного обжалования применения меры пресечения в виде заключения под стражу отметим главное.

1. С одной стороны, результаты проведенного исследования свидетельствуют о низких показателях эффективности обжалования применения меры пресечения в виде заключения под стражу (продления сроков). Вместе с тем, активная процессуальная позиция защитника, подача жалобы в интересах обвиняемого, принятие мер к продвижению ее в процессуальном поле, использование

¹ Федеральный закон от 6 апреля 2011 г. № 63-ФЗ (ред. от 28 декабря 2022 г.) «Об электронной подписи» // Собрание законодательства РФ. 2011. № 15. Ст. 2036.

всех судебных инстанций, формулирование доводов, обоснование, аргументация, представление в суд документов, участие в рассмотрении, являются важным и достаточно объемным направлением деятельности, служат достаточно действенным средством обеспечения эффективности обжалования.

2. Возможность подачи электронной жалобы повышает эффективность последующего судебного обжалования. Необходимо развивать уголовно-процессуальное законодательство в части регулирования как порядка подачи жалобы, так и требования к ее форме. Полагаем, что жалоба в виде электронного документа должна содержать те же данные, что и ее традиционная форма, включая сохранение требований к оформлению. Однако необходимо уточнить некоторые детали, в том числе, организационного характера. В частности, должна ли жалоба прикрепляться к письму в виде отдельного файла или составлять собственно содержание самого письма; как надлежит регистрировать электронную жалобу и кто должен получить жалобу и принять по ней решение в соответствии с установленными требованиями.

В.Н. Савченко

ОБЕСПЕЧЕНИЕ ПРОКУРОРОМ ЗАКОННОСТИ ВОЗБУЖДЕНИЯ УГОЛОВНЫХ ДЕЛ В ОТНОШЕНИИ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЕЙ

ENSURING THE LEGALITY OF THE INITIATION OF CRIMINAL CASES AGAINST ENTREPRENEURS BY THE PROSECUTOR

В статье проводится исследование проблем обеспечения прокурором законности возбуждения уголовных дел в отношении предпринимателей. Отмечается, что одной из таких проблем исследуемой стадии является незаконное и необоснованное возбуждение уголовных дел и уголовное преследование лиц, осуществляющих предпринимательскую деятельность. Предложены отдельные аспекты правового статуса предпринимателя в уголовном судопроизводстве: гражданско-правового, уголовно-правового и

уголовно-процессуального. Автором приводятся доводы о необходимости единого подхода к признанию лица субъектом предпринимательской деятельности уже на стадии возбуждения уголовного дела и ключевой роли прокурора в реализации предложенного подхода.

The article examines the problems of ensuring the legality of criminal proceedings against entrepreneurs by the prosecutor. It is noted that one of such problems of the studied stage is the illegal and unjustified initiation of criminal cases and criminal prosecution of persons engaged in entrepreneurial activity. Some aspects of the legal status of an entrepreneur in criminal proceedings are proposed: civil law, criminal law and criminal procedure. The author argues for the need for a unified approach to recognizing a person as a business entity already at the stage of initiating a criminal case and the key role of the prosecutor in the implementation of the proposed approach.

Ключевые слова: уголовный процесс, прокурор, предприниматель, законность, обоснованность, обстоятельства, установление, проверка.

Key words: criminal procedure, prosecutor, entrepreneur, legality, validity, circumstances, establishment, verification.

Возбуждение уголовного дела является одним из самых сложных и проблемных с точки зрения правовых последствий решений в уголовном судопроизводстве. Несмотря на то, что законодателем позволено производить ряд процессуальных действий еще до возбуждения уголовного дела, полноценно уголовный процесс начинается именно с момента принятия соответствующего решения.

На протяжении всего развития уголовного судопроизводства и в настоящее время активно велась и ведется разработка положений относительно правового регулирования института возбуждения уголовного дела, поскольку правильное выстраивание процессуальных норм, регламентирующих начало уголовного процесса, составляет основу для защиты прав и свобод человека и

гражданина от незаконного и необоснованного уголовного преследования, что является одним из аспектов назначения уголовного судопроизводства, закрепленного в ст. 6 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации¹ (далее – УПК РФ).

Именно этот институт является тем юридическим механизмом, который обеспечивает нормальное функционирование государства и общества, обеспечивая начальный этап привлечения к ответственности виновных и недопустимость ограничения прав лиц, невиновных в совершении преступлений. Как отмечает Х.М. Лукожев, «являясь самой кратковременной стадией по сравнению с иными стадиями уголовного судопроизводства, возбуждение уголовного дела представляет собой самую сложную стадию с точки зрения принятия решения, меняющего существо происходящего. В момент возбуждения уголовного дела происходит качественное преобразование, скачок – не процессуальные отношения переходят в плоскость процессуальных отношений»².

Между тем, несмотря на долгий путь эволюции института возбуждения уголовного дела, в настоящее время возникают новые проблемы и вызовы, требующие своевременного разрешения. Одна из таких проблем – незаконное и необоснованное возбуждение уголовных дел и уголовное преследование лиц, осуществляющих предпринимательскую деятельность.

Президент Российской Федерации В.В. Путин многократно подчеркивал важность защиты предпринимателей от незаконного и необоснованного уголовного преследования и формирования условий, при которых не должны чувствовать давление правоохранительной системы государства³. На состоявшемся 12 января

¹ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (ред. от 25 декабря 2023 г.) // Собрание законодательства РФ. 2001. № 52 (часть I). Ст. 4921.

² Лукожев Х.М. Формы участия и полномочия прокурора в стадии возбуждения уголовного дела // Пробелы в российском законодательстве. 2021. Т. 14. № 6. С. 255.

³ Заседание коллегии Генеральной прокуратуры РФ / Официальный сайт Президента РФ. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/62998>; Поздравление Президента РФ по случаю Дня работника прокуратуры 12 января 2023 г. / Официальный сайт Президента РФ. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/70341>; Совещание судей судов

2024 г. торжественном собрании по случаю Дня работника прокуратуры отметил: «В условиях антироссийских санкций, в рамках антикризисных мер особое внимание нужно уделять надзору за соблюдением законодательства в сфере экономики»¹.

На данный момент обеспечение законности предпринимательской деятельности государством при всем разнообразии специальных юридических средств заключается большей частью в деятельности контрольных и надзорных органов, среди которых особо следует выделить прокуратуру как универсальный орган надзора.

Разграничение полномочий по осуществлению надзора на досудебной стадии уголовного процесса, возбуждению и расследованию уголовного дела, в соответствии с реформой 2007 и 2010 годов по идее законодателя должно было привести с одной стороны – к повышению эффективности прокурорского надзора за следствием, а с другой стороны – к улучшению качества расследования преступлений, по которым предусмотрена такая форма расследования, как предварительное следствие, путем уменьшения количества нарушений, совершаемых следователями соответствующих следственных подразделений.

Подчеркнуть роль прокуратуры на досудебных стадиях уголовного судопроизводства получилось при внесении недавних изменений в Конституцию Российской Федерации². Так, в новой редакции Основного закона страны, надзорная функция названа в числе первых направлений деятельности прокуратуры. В результате был установлен приоритет надзорной функции прокуратуры, по сути, став главенствующей функцией прокуратуры на этапах рассмотрения сообщений и расследования преступлений.

общей юрисдикции, военных и арбитражных судов. 14 февраля 2023 г. / Официальный сайт Президента РФ. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/70510>.

¹ Поздравление Президента РФ по случаю Дня работника прокуратуры 12 января 2024 г. / Официальный сайт Президента РФ. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/73255>.

² Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.) (с учетом поправок, внесенных Законом РФ о поправке к Конституции РФ от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ) // Российская газета. 2020. 4 июля.

По данным Генеральной прокуратуры Российской Федерации в 2022 г. в области защиты прав предпринимателей органами прокуратуры выявлено 214 177 нарушений закона (на 6,4 % больше, чем в 2021 г.). К дисциплинарной ответственности в 2022 г. привлечено 40 421 лиц (на 8,1 % больше, чем в 2021 г.), направлено 261 материалов для решения вопроса об уголовном преследовании в порядке, предусмотренном п. 2 ч. 2 ст. 37 УПК РФ (на 4,8 % больше, чем в 2021 г.)¹.

Наиболее сложные ситуации в вопросах обеспечения прав субъектов предпринимательской деятельности, требующие наиболее пристального внимания со стороны прокуроров, складываются при возбуждении уголовных дел. Несмотря на стратегию обеспечения прав предпринимателей и ее законодательную регламентацию, что подтверждают, в частности, изменения и дополнения, внесенные в конце декабря 2018 г., главная проблема для эффективного и качественного осуществления прокурорской деятельности в исследуемой сфере – определение субъекта предпринимательской деятельности как участника уголовного судопроизводства.

Термин «предпринимательская деятельность» был введен в текст УПК РФ федеральным законом от 7 апреля 2010 г. № 60-ФЗ С момента принятия федерального закона от 29 ноября 2012 г. № 207-ФЗ термин «индивидуальный предприниматель» был включен в ст. 20 УПК РФ, что имело важное значение, с точки зрения прямого законодательного закрепления данного субъекта уголовного процесса.

На наш взгляд, при определении предпринимателей как специфических участников уголовного судопроизводства следует исходить из трех аспектов: гражданско-правового, уголовно-правового и уголовно-процессуального.

Гражданско-правовой аспект связан с самим определением предпринимательской деятельности в абз. 3 п. 1 ст. 2

¹ Статистические данные об основных показателях деятельности органов прокуратуры Российской Федерации за январь-декабрь 2022 г. / Официальный сайт Генеральной прокуратуры РФ. URL: <https://epp.genproc.gov.ru/web/gprf/activity/statistics/office/result?item=85327980>.

Гражданского кодекса Российской Федерации¹ как самостоятельной, осуществляемую на свой риск деятельности, направленной на систематическое получение прибыли от пользования имуществом, продажи товаров, выполнения работ или оказания услуг.

Верховный Суд Российской Федерации в определении от 14 апреля 2021 г. отметил некоторые современные признаки предпринимательской деятельности, однако высказал позицию о том, что в каждом конкретном случае вопрос о наличии признаков предпринимательской деятельности рассматривается отдельно².

Уголовно-правовой аспект субъекта предпринимательской деятельности связан с многочисленными статьями Уголовного кодекса Российской Федерации³, характеризующими преступления, совершаемые предпринимателями.

Уголовно-правовой аспект совершения преступлений предпринимателями широко проник и в уголовно-процессуальное законодательство, наиболее ярким примером чему служит закрепление в ст. 5 УПК РФ федеральным законом от 2 ноября 2023 г. № 524-ФЗ двух новых пунктов: 27.1 и 27.2. В п. 27.1 ст. 5 УПК РФ дано определение преступлений, совершенных индивидуальным предпринимателем в связи с осуществлением им предпринимательской деятельности и (или) управлением принадлежащим ему имуществом, используемым в целях предпринимательской деятельности, предусмотренных ст. 20, 81.1, 108 и 164 УПК РФ. А в п. 27.2 ст. 5 УПК РФ определяются «преступления, совершенные членом органа управления коммерческой организации в связи с осуществлением им полномочий по управлению данной организацией либо в связи с осуществлением коммерческой организацией предпринимательской или иной экономической деятельности, предусмотренные ст. 20, 81.1, 108 и 164 УПК РФ.

¹ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (ред. 24 июля 2023 г.) // Российская газета. 1994. 8 декабря.

² Кассационное определение Верховного Суда РФ от 14 апреля 2021 по уголовному делу № 39-КАД21-1-К1 / Банк судебных решений ВС РФ. URL: http://vsrf.ru/stor_pdf.php?id=1988732.

³ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 25 декабря 2023 г.) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

Указанную выше громоздкую и сложную для понимания законодательную конструкцию можно обозначить как преступления в сфере осуществления предпринимательской и иной экономической деятельности, совершаемые субъектами такой деятельности, а субъектов как разновидность специальных субъектов, реализующих соответствующие функции в сфере осуществления предпринимательской деятельности. При этом функции могут быть разные – от непосредственного выполнения каких-либо работ, оказания услуг, до выполнения управленческих функций в коммерческих организациях.

Касаемо уголовно-процессуального аспекта следует отметить, что для реализации особых правил вышеуказанных определений недостаточно, тем более что в УПК РФ применяются различные термины «предприниматель», «индивидуальный предприниматель», «коммерческая организация» и др.

Существующая неоднозначность вызывает противоречия и на практике. Так, в одном из уголовных дел защитник указывал, что «Я. ведет предпринимательскую деятельность в качестве индивидуального предпринимателя...; принадлежащее ей транспортное средство используется в предпринимательской деятельности»¹. В другом деле суд указал, что лицо осуществляло «преступный умысел, не являясь предпринимателем»².

В связи с изложенным представляется необходимым единый подход к признанию лица субъектом предпринимательской деятельности, причем начиная со стадии возбуждения уголовного дела. При этом именно прокурор должен разрешать вопрос о том является ли лицо, подвергаемое уголовному преследованию, субъектом предпринимательской деятельности или нет³. Обосновать данный тезис можно следующим:

¹ Апелляционное постановление Ярославского областного суда от 20 февраля 2023 г. по уголовному делу № 1-224/2022. URL: <https://sudact.ru/>.

² Приговор Шатковского районного суда Нижегородской области от 13 декабря 2022 г. по уголовному делу № 1-54/2022. URL: <https://sudact.ru/>.

³ См. подробнее: Савченко В.Н. Процессуальное положение прокурора как субъекта обеспечения прав предпринимателей в уголовном судопроизводстве // Теория и практика общественного развития. 2023. № 12. С. 393.

Во-первых, для решения данного вопроса существует солидная ведомственная нормативная база надзора за соблюдением прав и законных интересов предпринимателей, которая представлена рядом приказов Генеральной прокуратуры¹.

Во-вторых, обеспечение прокурорами законности при производстве по уголовным делам в отношении субъектов предпринимательской деятельности не может быть реализовано в отрыве от его надзорной деятельности за пределами уголовного судопроизводства.

В этом плане показательными являются следующие цифры.

Доля решений прокуроров об отказе в согласовании внеплановых мероприятий в 2023 г. достигла 66 % (отклонено 44 тыс. из 66,5 тыс. заявок контролеров). По результатам рассмотрения проектов планов проведения контрольных (надзорных) мероприятий на 2023 г. исключено 2/3 от общего числа предложений проверяющих структур². Завершена процедура формирования контролерами планов на 2024 г. в рамках федеральных законов «О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля» и «О государственном контроле (надзоре) и

¹ Приказ Генеральной прокуратуры РФ от 8 ноября 2019 г. № 783 (ред. от 5 мая 2023 г.) «О порядке формирования органами прокуратуры Российской Федерации ежегодного сводного плана проведения плановых проверок юридических лиц и индивидуальных предпринимателей» // Законность. 2019. № 12; Указание Генеральной прокуратуры РФ от 11 марта 2022 г. № 140/20 «Об усилении прокурорского надзора за исполнением законов, соблюдением прав граждан в связи с принимаемыми в Российской Федерации мерами по поддержке экономики и социальной сферы, а также в связи с введением отдельных ограничений на осуществление финансово-хозяйственной и иной деятельности» // Законность. 2022. № 5; Приказ Генеральной прокуратуры РФ от 31 августа 2023 г. № 581 «Об организации прокурорского надзора за соблюдением прав субъектов предпринимательской и инвестиционной деятельности» // Законность. 2023. № 11.

² В Генпрокуратуре России подведены итоги работы по обеспечению прав и законных интересов субъектов предпринимательской и инвестиционной деятельности в 2022 году / Официальный сайт Генеральной прокуратуры РФ. URL: <https://epp.genproc.gov.ru/web/gprf/mass-media/news?item=85137682>.

муниципальном контроле в Российской Федерации». Отклонено свыше 100 тысяч предложений (из почти 160 тысяч поступивших)¹.

Прокуратура играет важную роль в проведении всех контрольных мероприятий, так как она является органом надзора за соблюдением законности проведения проверок, а в некоторых видах проверок органы государственного контроля просто обязаны осуществлять согласование своих проверочных мероприятий с территориальной прокуратурой, на территории которой ведет свою предпринимательскую деятельность юридическое лицо или индивидуальный предприниматель².

В-третьих, процессуальное положение прокурора как одного из субъектов обеспечения прав предпринимателей является специфическим, что обуславливается особым положением прокурора как субъекта, осуществляющего координационную функцию в уголовном судопроизводстве, которая хоть и прямо не закреплена в уголовно-процессуальном законе, но определена в законодательстве о прокуратуре³.

Таким образом, можно сформулировать следующие выводы.

1. При определении предпринимателей как специфических участников уголовного судопроизводства следует исходить из трех аспектов: гражданско-правового, уголовно-правового и уголовно-процессуального.

¹ Свыше 100 тысяч предпринимателей ограждены от необоснованного вмешательства контролеров в плановом порядке / Официальный сайт Генеральной прокуратуры РФ. URL: <https://epp.genproc.gov.ru/web/gprf/mass-media/news?item=92701090>.

² Силантьева Д.В. Деятельность прокурора по предупреждению и выявлению нарушений в сфере предпринимательской деятельности // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2021. № 4–4 (55). С. 130–133.

³ См. подробнее: Лукожев Х.М. Координирующий прокурор в уголовном судопроизводстве // Актуальные проблемы судебной, правоохранительной, правозащитной, уголовно-процессуальной деятельности и национальной безопасности: материалы Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием / Под общ. и науч. ред. О.В. Гладышевой, В.А. Семенцова. Краснодар: Просвещение-Юг, 2016. С. 53–58.

2. Необходим единый подход к признанию лица субъектом предпринимательской деятельности, причем начиная со стадии возбуждения уголовного дела. При этом представляется, что именно прокурор должен разрешать вопрос о том, является ли лицо, подвергаемое уголовному преследованию, субъектом предпринимательской деятельности или нет.

3. Особая роль прокурора в обеспечении законности в стадии возбуждения уголовного дела в отношении предпринимателей характеризуется следующим:

- для осуществления эффективной прокурорской деятельности существует солидная ведомственная нормативная база в исследуемой сфере;

- обеспечение прокурорами законности в стадии возбуждения уголовного дела в отношении субъектов предпринимательской деятельности не может быть реализовано в отрыве от его надзорной деятельности;

- специфика процессуального положения прокурора как многофункционального участника уголовного судопроизводства.

В.И. Самарин

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ВЛИЯНИЯ ПРИНЦИПА СПЕЦИАЛИЗАЦИИ НА УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНУЮ ФОРМУ ПОСЛЕ ВЫДАЧИ ЛИЦА ИНОСТРАННЫМ ГОСУДАРСТВОМ

SOME ASPECTS OF THE INFLUENCE OF THE SPECIALITY PRINCIPLE ON THE CRIMINAL PROCEDURE RULES AFTER THE EXTRADITION BY A FOREIGN STATE

В статье анализируется одно из проявлений международно-правовой парадигмы современного уголовного процесса: изменение уголовно-процессуальной формы под влиянием принципа специализации в случае выдачи обвиняемого (осужденного) иностранным государством. Раскрыта сущность принципа. Установлены пределы судебного разбирательства, если обвиняемый был выдан иностранным государством: они ограничены не только

предъявленным обвинением, но и содержанием просьбы о выдаче и официального ответа компетентного органа иностранного государства на такую просьбу. Проанализирована правоприменительная практика при формулировке судебных решений, обусловленных действием принципа специализации и даны рекомендации по ее совершенствованию.

The article reveals one of the manifestations of the international legal paradigm of modern criminal proceedings: a change in the criminal procedure rules under the influence of the speciality principle after the extradition of an accused (convicted). The essence of such a principle is analysed. The limits of the court's examination are established for the case the accused has been extradited: they are bound not only by the charge brought, but also by the content of the request for extradition and the official response of the competent authority of the foreign state to such a request. The judicial practice in the formulation of court decisions determined by the speciality principle is analysed and recommendations for its improvement are given.

Ключевые слова: международная правовая помощь по уголовным делам, международный договор, принцип специализации, выдача обвиняемого, выдача осужденного, пределы судебного разбирательства.

Key words: international legal assistance in criminal matters, international treaty, speciality principle, extradition of the accused, extradition of the convicted person, limits of the court's examination.

Для углубления взаимодействия между народами, кроме прочего, важно создание совместных механизмов борьбы с трансграничной преступностью. С течением времени государства осознают, что нельзя просто игнорировать интерференцию международного права в национальную правовую систему. Этот процесс касается и уголовно-процессуальной деятельности. Институт международной правовой помощи не только внедрился в уголовно-процессуальное право, но и оказывает влияние на традиционные процессуальные институты, требуя от национальных судебных

органов адаптации и понимания основных принципов процедуры предоставления международной правовой помощи.

Отметим, что основы соотношения принципа специализации с принципами уголовного процесса в рамках советского права проанализировал А.И. Бастрыкин¹, но с тех пор интенсивность взаимодействия между государствами значительно изменилась.

Рассматриваемый принцип в приложении к выдаче получил разное наименование в литературе: специальное правило², принцип специальности (*speciality principle*)³, специализации⁴, конкретности⁵. Но это все синонимы одного и того же.

В соответствии с принципом специализации, который закреплен во всех международных договорах Республики Беларусь, содержащих положения о выдаче, выданное лицо не может быть привлечено к ответственности, приговорено, задержано, реэкстрадировано третьему государству или подвергнуто какому-либо иному ограничению личной свободы на территории запрашивающего государства за любое деяние, совершенное до выдачи, кроме преступления, в отношении которого была удовлетворена просьба о выдаче, или любого другого преступления, в отношении которого запрашиваемое государство дало согласие. Причем в судебном разбирательстве согласие должно быть предоставлено стороной обвинения, так как на ней лежит бремя доказывания обвинения в целом.

При сотрудничестве в борьбе с преступностью государство в определенной степени ограничивает свой суверенитет, особенно когда происходит передача лиц между юрисдикциями или

¹ Бастрыкин А.И. Процессуальные проблемы участия СССР в международной борьбе с преступностью. Ленинград: ЛГУ, 1985. С. 46–48.

² Tinsley A. Specialty: Arresting an elusive 'right' in European extradition law // *New Journal of European Criminal Law*. 2020. Vol. 12, Issue 1. P. 23–35.

³ Васильев Ю.Г. Институт выдачи преступников (экстрадиции) в современном международном праве. М.: Современная экономика и права, 2003. С. 68; Feller S. Z. Reflections on the Nature of the Speciality Principle in Extradition Relations // *Israel Law Review*. 1977. Vol. 12, № 4. P. 466–525.

⁴ Валева Р.М. Выдача преступников в современном международном праве. Казань: Казанский ун-т, 1976. С. 45; Бастрыкин А.И. Указ. соч. С. 46.

⁵ См. об этом: Самарин В.И. Интерференция надгосударственного в уголовный процесс Беларуси. Минск: БГУ, 2021. С. 77.

осуществление принудительных процессуальных действий¹. Поэтому государство стремится ограничить использование результатов такого сотрудничества другими государствами только в рамках конкретного уголовного дела, чтобы защитить свои интересы и обеспечить суверенитет на своей территории. Принцип специализации предполагает также соблюдение других правил выдачи, таких как выдача только на основании соглашения между государствами, невыдача за политические преступления, принцип двойной наказуемости и другие. Международно-правовой характер этого принципа дает ему приоритет перед принципами уголовного процесса, на что указывал А.И. Бастрыкин².

В соответствии с рассматриваемым принципом лицо может быть преследовано только за деяние, указанное в просьбе о помощи и в процессуальном решении компетентного органа иностранного государства, которое может ограничить объем предоставляемой помощи. И в этом нам видится несоответствие международно-правовой практике, да и складывающейся судебной практике нормы ч. 1 ст. 461 Уголовно-процессуального кодекса РФ (далее – УПК РФ), которая подразумевает преступления, указанные исключительно «в запросе о выдаче».

Принцип специализации требует конкретизации не только в отношении совершенного деяния, но и лица, преследуемого за его совершение. Данный принцип может вторгаться и во внутреннее убеждение суда при назначении наказания выданному лицу. Так, еще в ст. 5 Федерального закона Швейцарии 1892 г. «О выдаче лица иностранному государству» говорилось, что «если уголовное законодательство запрашивающего государства угрожает телесным наказанием за преступление, в связи с которым запрашивается выдача, выдача будет разрешена только при условии, что наказание будет заменено лишением свободы или штрафом, если к тому есть основание». Аналогично в ч. 4 ст. 494 Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь (далее – УПК РБ)

¹ Самарин В.И., Третьяков Г.М., Козел В.М. Международная правовая помощь по уголовным делам: учеб. пособие / Под ред. В.И. Самарина. Минск: БГУ, 2022. С. 37.

² Бастрыкин А.И. Процессуальные проблемы участия СССР в международной борьбе с преступностью. С. 46–47.

говорится о письменном обязательстве от имени Республики Беларусь о неприменении смертной казни.

Чтобы преодолеть эти ограничения, необходимо получить согласие от государства, которое ранее выдало лицо.

Действие принципа специализации не является абсолютным и ограничено во времени. Прежде всего, он распространяется только на деяния, предшествовавшие моменту оказания международной правовой помощи: за совершение нового преступления после пересечения Государственной границы Республики Беларусь лицо будет нести уголовную ответственность без необходимости получать согласие иностранного государства. Кроме того, лицо имеет определенный срок указанный в международном договоре или национальном законодательстве (как правило, 45 суток), чтобы после отбытия наказания или прекращения уголовного преследования в отношении деяния, за которое оно было выдано, добровольно покинуть территорию запрашивавшего государства, после чего последнее сможет осуществить в отношении выданного ранее лица уголовное преследование в связи с совершением иных деяний. Добровольный выезд за границу сам по себе прекращает действие принципа специализации.

Может ли обвиняемый обжаловать приговор на основании существенного нарушения уголовно-процессуального закона (выход за пределы судебного разбирательства) при нарушении международно-правового принципа?

Попробуем дать положительный ответ, исходя из разъяснения Пленума Верховного Суда Республики Беларусь¹. Верховный Суд своей позицией уточнил норму ст. 301 УПК РБ на основе требований международных договоров Республики Беларусь. Возможно, следует закрепить в уголовно-процессуальном законе цельную норму о пределах уголовного преследования и судебного разбирательства в отношении лица, выданного иностранным государством (такой опыт, хотя и не безупречный, есть в Российской

¹ Пункт 17 постановления Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 24 сентября 2015 г. № 10 «О практике применения судами законодательства, регулирующего оказание международной правовой помощи по уголовным делам» // Нац. прав. Интернет-портал Респ. Беларусь. 2015. 7 октября.

Федерации – ст. 461 УПК РФ, Украине – ст. 576 Уголовно-процессуального кодекса). Относя этот принцип к ограничителям пределов судебного разбирательства, Верховный Суд указывает, что противное решение будет идти в разрез с законом – будет незаконным. Следовательно, будет нарушено одно из требований, предъявляемых к приговору. Значит, сторона защиты может заявлять в судебном разбирательстве о необходимости соблюдения рассматриваемого принципа, а в последующем – в апелляционной, кассационной жалобе.

Значение для практики имеет также определение случаев, когда принцип специализации проявляется в конкретном деле. При этом важно определить, в каком случае следует вести речь об «ином преступлении», то есть преступлении, не указанном в просьбе о выдаче и ответе компетентного органа иностранного государства.

Общим посылом является правило: обвинение, содержащееся в просьбе о выдаче и решении по такой просьбе компетентного органа иностранного государства, без согласия последнего не может быть изменено в худшую сторону, в том числе не допускается увеличение объема обвинения, содержащегося в просьбе и решении компетентного органа иностранного государства по ней, предъявление обвинения в совершении новых преступлений, не указанных в этих документах. Ухудшение положения обвиняемого в данном случае подразумевает возможное усиление наказания или применения иных мер уголовной ответственности.

Приведем несколько вариантов возможного изменения обвинения:

1. Вменение иного деяния (дополнительно к указанному в решении компетентного органа иностранного государства по просьбе о выдаче).

Если фактически лицу вменяется иное деяние, не описанное в просьбе о выдаче (например, лицо выдано по обвинению в убийстве, а ему вменяется мошенничество), то это явный пример «иного преступления», требующего получения согласия компетентного органа иностранного государства.

2. Включение новых эпизодов (в том числе, «продление» во времени продолжаемого преступления).

Учитывая, что новые эпизоды, а также более длительное время совершения преступления изменяют фактическую сторону деяния и ухудшают положение обвиняемого, в данном случае также требуется согласие компетентного органа иностранного государства для изменения обвинения.

Так, в уголовном деле по обвинению В. в совершении завладения путем злоупотребления доверием денежными средствами один из эпизодов был внесен в постановление о привлечении в качестве обвиняемого уже после выдачи обвиняемого и направления запроса в Генеральную прокуратуру Российской Федерации о даче согласия на привлечение к уголовной ответственности за ряд иных эпизодов. Суд надзорной инстанции исправил это упущение, прекратив производство по делу в части несогласованного эпизода¹.

3. Переквалификация.

О допустимости изменения квалификации и последующем осуждении указано в ч. 3 ст. 496 УПК РФ в отношении выдачи лица на основе принципа взаимности (об этом иностранное государство заранее должно быть уведомлено). Следует учитывать, что схожие по составу деяния могут иметь различную квалификацию (наименование) в соответствии с законодательством других государств. При оценке выдачеспособности и проведении анализа представленных материалов на предмет соответствия принципу двойной наказуемости (криминализации) компетентный орган анализирует фактическую сторону деяния и соотносит ее с действующим в его государстве уголовным законодательством (устанавливает его наказуемость).

При сохранении фактического описания деяния, но изменении юридической его квалификации не требуется получения согласия запрашиваемого государства, если положение обвиняемого не ухудшается. В данном контексте в сравнительно-правовой плоскости можно обратиться к разъяснениям, которые были даны Верховным Судом Российской Федерации: если в ходе расследования были установлены или изменены квалифицирующие признаки преступления, в связи с совершением которого лицо было выдано, то дополнительное согласие запрашиваемого государства

¹ Постановление президиума Гомельского областного суда от 4 июля 2022 г.

необходимо получить, если указанные признаки свидетельствуют о совершении лицом до его выдачи другого преступления, например «квалифицированного» убийства (сопряженного с разбоем, вымогательством и т.п.), при условии, что ранее лицо было выдано в связи с совершением «простого» убийства¹.

Речь идет о явном ухудшении положения обвиняемого после изменения квалификации, чего не будет в обратной ситуации (если отпадают основания, указанные в ч. 2 ст. 139 Уголовного кодекса Республики Беларусь).

4. Изменение отдельных элементов обвинения без ухудшения положения обвиняемого.

Изменение каких-либо элементов, не влияющих на квалификацию деяния и не ухудшающих положение обвиняемого, не может автоматически вести к ограничению возможности привлечения лица к уголовной ответственности без согласия иностранного государства. Например, изменение личности потерпевшего, если при этом не изменяется квалификация деяния (например, специальный потерпевший, как признак объекта преступления), не ухудшает положение обвиняемого, а, следовательно, не отменяет согласие иностранного государства на привлечение лица к уголовной ответственности за факт преступления.

Действие рассматриваемого принципа может в определенной степени ограничить возможности органов, ведущих уголовный процесс, по уголовному преследованию, постановлению и исполнению приговора в отношении выданного Республике Беларусь лица. Можно выделить *три такие ситуации*:

1) в отношении отдельных деяний выданного лица в суде не должно рассматриваться обвинение и не может быть постановлен приговор, если такие деяния были совершены лицом до его выдачи и не были указаны в решении органа иностранного государства о выдаче лица (в том числе при отдельном запросе согласия иностранного государства);

¹ Пункт 29 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 14 июня 2012 г. № 11 «О практике рассмотрения судами вопросов, связанных с выдачей лиц для уголовного преследования или исполнения приговора, а также передачей лиц для отбывания наказания» // Российская газета. 2012. 22 июня.

2) приговор, постановленный до выдачи лица Республике Беларусь, не может исполняться и наказание по нему не может быть учтено при постановлении приговора в отношении деяний, по которым лицо было выдано, если не получено согласие органа иностранного государства на выдачу лица для отбывания наказания по такому приговору;

3) приговор не может быть исполнен в части, если в решении органа иностранного государства о выдаче лица для отбывания наказания не указаны составы всех преступлений, за которые лицо было осуждено таким приговором.

Важность рассматриваемого принципа для уголовного процесса связана с тем, что при производстве по уголовному делу, в котором обвиняемый был выдан Республике Беларусь иностранным государством, появляются пределы, применяемые наравне с обвинением. Соответственно суд должен воспринять содержание не только постановления о привлечении в качестве обвиняемого, но и просьбы о выдаче, а также официального ответа компетентного органа иностранного государства.

Как видится, следует понимать, что принцип специализации отражается не только на пределах судебного разбирательства. Соответствующим образом должно корректироваться предъявляемое лицу обвинение, так как без согласия иностранного государства «органы следствия не имеют процессуальной возможности предъявлять обвинение, а суд – осудить его за данное преступление»¹. Деятельность по запросу согласия компетентного органа иностранного государства до вступления приговора в силу должна вменяться в обязанность стороны обвинения: следователя – до передачи уголовного дела прокурору для направления в суд, а затем – прокурора.

Судебная практика учитывает отказ в согласии на выдачу по определенному обвинению. В случае, если согласие иностранного государства на привлечение лица за совершение определенного преступления (при его выдаче по иным составам) не получено, уголовное преследование (а в судебных стадиях – производство по уголовному делу) прекращается в Беларуси по п. 14 ч. 1 ст. 29

¹ Постановление президиума Верховного суда Республики Северная Осетия-Алания от 3 мая 2011 г. по делу № 44у-8/2011.

УПК¹. На наш взгляд, само наличие данной нормы в УПК РБ является следствием неправильного понимания принципа специализации.

На основе анализа судебной практики Российской Федерации, где отдельного основания для прекращения производства по уголовному делу в рассматриваемом случае не предусмотрено, установлено, что суды используют различные формулировки:

- производство по уголовному делу прекратить на основании п. 2 ч. 1 ст. 24 УПК РФ, за отсутствием в действиях состава преступления²;

- производство по делу прекратить в связи с нарушением порядка выдачи лица для уголовного преследования³ (хотя такого основания УПК РФ не содержит);

- приговор в части осуждения по определенной норме особенной части Уголовного кодекса отменить и дело производством в этой части прекратить⁴.

На наш взгляд, в рассмотренных формулировках, как и в норме п. 14 ч. 1 ст. 29 УПК, судебная практика Российской Федерации не учитывает временный характер применения принципа специализации и противоречит принципу равенства граждан перед законом. Более приемлемыми, но не идеальными можно назвать формулировки:

- исключить из приговора осуждение лица по определенной норме особенной части Уголовного кодекса за перечисленные

¹ Постановление президиума Гомельского областного суда от 4 июля 2022 г.

² Постановление президиума Московского городского суда от 3 июля 2009 г. по делу № 44у-215/09; постановление президиума Саратовского областного суда от 18 сентября 2017 г. по делу № 44у-76/2017; постановление президиума Воронежского областного суда от 6 ноября 2019 г. по делу № 44У-74/2019.

³ Постановление Президиума Верховного Суда РФ от 28 декабря 2011 г. № 276П11ПР; определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 19 августа 2015 г. по делу № 4-УД15-13.

⁴ Постановления Президиума Верховного Суда РФ от 10 августа 2005 г. № 521-П05ПР и от 21 декабря 2005 г. № 679-П05ПР.

деяния¹ (при этом суд не решает прекращать производство по уголовному делу в этой части, а следовательно, не применим принцип *ne bis in idem*);

- приговор отменить и материалы уголовного дела вернуть прокурору для устранения препятствий его рассмотрения судом² (суд принуждает сторону обвинения получить требуемое согласие компетентного органа иностранного государства, так как «обвинительное заключение по делу в данной части составлено с нарушением требований уголовно-процессуального закона, лишаящим суд возможности постановить на его основе приговор или вынести иное решение»).

Согласие иностранного государства должно быть получено до удаления состава в совещательную комнату. Как видится, обвинение в части составов, на привлечение к уголовной ответственности по которым не получено согласие иностранного государства, должно выделяться в отдельное уголовное дело с его приостановлением (для этого необходимо предусмотреть основания в ст. 246 и 302 УПК). В последующем производство по выделенному уголовному делу может быть прекращено за истечением сроков давности.

Проведенное исследование позволило прийти к следующим выводам.

Принцип специализации при выдаче обвиняемого (осужденного) является одним из проявлений международно-правовой парадигмы современного уголовного процесса. На его примере четко видна интерференция надгосударственного в уголовный процесс, когда принцип международного права изменяет одно из общих условий судебного разбирательства – его пределы, ограничивая суд при постановлении приговора.

¹ Постановление Президиума Верховного Суда РФ от 20 июля 2005 г. № 482п05пр; апелляционное определение Судебной коллегии по делам военнослужащих Верховного Суда РФ от 12 июля 2018 г. № 205-АПУ18-14.

² Постановление Президиума Верховного суда Чувашской Республики от 14 июня 2019 г. № 44У-49/2019; апелляционное определение Московского городского суда от 29 сентября 2021 г. по делу № 10-17153/2021.

Часть 1 ст. 461 УПК РФ требует корректировки для соответствия сложившейся судебной и международно-правовой практике. В Беларуси действие принципа специализации и его влияние на пределы судебного разбирательства должно найти отражение в отдельной норме УПК.

Действие принципа специализации должно вести не к прекращению производства по уголовному делу, как это предусмотрено в п. 14 ч. 1 ст. 29 УПК РБ, а, при невозможности получить согласие компетентного органа иностранного государства, к выделению уголовного дела и приостановлению его производством, что требует внесения корректировок в действующий уголовно-процессуальный закон Беларуси.

В.А. Семенцов

КОРРУПЦИОННЫЕ РИСКИ И НАРУШЕНИЯ ЗАКОНА В СТАДИИ ВОЗБУЖДЕНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА

CORRUPTION RISKS AND VIOLATIONS OF THE LAW AT THE STAGE OF CRIMINAL PROCEEDINGS

В статье обосновывается, что вопреки публичным началам в стадии возбуждения уголовного дела предусматривается не обязанность, а право уполномоченных лиц на производство процессуальных действий и принятия решений, что создает риски совершения противоправного деяния коррупционного характера. Предлагается заменить слово «вправе», используемое в ч. 1 и 3 ст. 144, ч. 4 ст. 146 УПК РФ, на императивную формулировку «обязан», что позволит существенно снизить риски наступления негативных последствий в виде совершения коррупционных преступлений. Дана негативная оценка практике укрытия преступлений от учета и принятия решений об отказе в возбуждении уголовного дела по надуманным, реально не существующим основаниям, допускаемая при этом волокита и бездеятельность, что может быть следствием коррупционного поведения.

The article substantiates that, contrary to public principles, at the stage of initiation of a criminal case, it is not an obligation, but the right of authorized persons to take procedural actions and make decisions, which creates risks of committing an illegal act of a corrupt nature. It is proposed to replace the word "entitled" used in Parts 1 and 3 of Articles 144, Part 4 of Article 146 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation with the imperative wording "obliged", which will significantly reduce the risks of negative consequences in the form of committing corruption crimes. A negative assessment is given to the practice of hiding crimes from accounting and making decisions on refusal to initiate criminal proceedings on far-fetched, non-existent grounds, while allowing red tape and inactivity, which may be a consequence of corrupt behavior.

Ключевые слова: коррупционные риски, стадия возбуждения уголовного дела, права, обязанности, укрытие преступлений, отказ в возбуждении уголовного дела, доступ к правосудию.

Keywords: corruption risks, the stage of initiation of criminal proceedings, rights, obligations, concealment of crimes, refusal to initiate criminal proceedings, access to justice.

В числе факторов, являющихся причинами возникновения коррупционных рисков, в литературе традиционно указывается заложенная в законодательстве неопределенность отдельных предписаний, и даже нередко волюнтаризм в нормативном правовом регулировании, создающие потенциальные возможности для совершения коррупционных правонарушений с целью неправомерного извлечения материальной или нематериальной выгоды¹. Что характерно, «коррупционные риски могут возникать при реализации практически любого направления деятельности»².

¹ Гаврилов Б.Я. Коррупционные риски правоприменения современного уголовного законодательства Российской Федерации // Юридическая техника. 2019. № 13. С. 447–451.

² Меры по предупреждению коррупции в организациях (утв. Минтрудом России). М., 2019. С. 11.

Особую остроту проблема коррупционных рисков приобретает в стадии возбуждения уголовного дела – первоначальном этапе досудебного производства, от момента получения сообщения о преступлении и до принятия решения по результатам его рассмотрения (п. 9 ст. 5, ч. 1 ст. 145 УПК РФ). Именно неопределенность отдельных положений уголовно-процессуального закона создает условия для возникновения коррупционных рисков. Это связано с предоставлением должностным лицам, осуществляющим процессуальную деятельность, возможности поступать по своему усмотрению, что влечет вероятность наступления негативных последствий, препятствующих достижению назначения уголовного судопроизводства.

К примеру, такое положение содержится в ч. 1 ст. 144 УПК РФ, где указано, что «при проверке сообщения о преступлении дознаватель, орган дознания, следователь, руководитель следственного органа *вправе* (курсив наш. – В.С.) получать объяснения, образцы для сравнительного исследования, истребовать документы и предметы» и др., хотя все же акцент делается на обязательности такой проверки. В ч. 3 той же ст. 144 УПК РФ предусмотрено *право* руководителя следственного органа и начальника органа дознания по мотивированному ходатайству соответственно следователя, дознавателя продлить до 10 суток срок проверки сообщения о совершенном или готовящемся преступлении, а также *право* руководителя следственного органа и прокурора продлить этот срок до 30 суток. Кроме того, в ч. 4 ст. 146 УПК РФ закреплено *право* прокурора отменить постановление о возбуждении уголовного дела, если признает его незаконным или необоснованным.

Думается, что используемая законодателем в указанных выше случаях формулировка «вправе», т. е. диспозитивно, по усмотрению, предоставляет правоприменителю возможность не только выбора процессуального действия или решения в стадии возбуждения уголовного дела, но и служит коррупциогенным фактором, когда решение должностного лица может приниматься, *во-первых*, вне процессуальной формы и соответственно не подлежит никакой проверке в соответствии с требованиями уголовно-процессуального закона (о законности, обоснованности и др.), а, *во-вторых*, принимается без указаний мотивов. Все это, вместе

взятое, позволяет должностным лицам избирательно подходить к решению существенных вопросов начальной стадии уголовного судопроизводства.

Действительно, о каком выборе может идти речь, если, например, прокурор выявил незаконность или необоснованность решения о возбуждении уголовного дела или отказа в этом? Очевидно, что такое решение должно быть отменено, поскольку это обязанность, а не право прокурора, осуществляющего надзор за процессуальной деятельностью органов досудебного производства.

Дело в том, что с учетом публичных начал уголовного судопроизводства в каждом случае обнаружения признаков преступления прокурор, следователь, орган дознания и дознаватель *обязаны* принимать предусмотренные УПК РФ меры по установлению события преступления, изобличению лица или лиц, виновных в совершении преступления (ч. 2 ст. 21 УПК РФ), причем, независимо от воли участвующих лиц.

В результате можно констатировать, что вопреки публичным началам уголовного судопроизводства, на первоначальном этапе уголовно-процессуальной деятельности предусматривается не обязанность, а право прокурора, следователя и дознавателя на производство процессуальных действий и принятия решений, что, безусловно, дает свободу не только для обеспечения их законности и обоснованности, но и для применения норм закона в своих интересах, что создает риски совершения противоправного деяния, в том числе коррупционного характера. Есть мнение, что «уровень коррупционных рисков на стадии возбуждения уголовного дела значительно выше, чем на иных стадиях»¹.

Высокая степень коррупциогенности уголовно-процессуальных норм, связанных со стадией возбуждения уголовного дела, послужила даже основанием для утверждения в литературе об исключении этой стадии из системы уголовного судопроизводства².

¹ Афанасьев А.Ю. Усмотрение следователя как коррупционный фактор // Библиотека криминалиста. 2016. № 3 (26). С. 55.

² Афанасьев А.Ю. Коррупционные риски доказательственного права в уголовном процессе (досудебное производство: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2016. С. 10.

Профессор Б.Я. Гаврилов по этому поводу пишет: «на протяжении многих лет в научной дискуссии отстаивается точка зрения о необходимости исключения из УПК РФ стадии возбуждения уголовного дела, наличие которой повлекло за собой двукратное (на 1,6 млн) на протяжении последних 15 лет снижение числа возбужденных уголовных дел... и увеличение за этот период на 2,3 млн ... числа "отказных" материалов»¹.

В другой своей работе Б.Я. Гаврилов отмечает: «при выработке предложений об исключении из УПК РФ нормы о возбуждении уголовного дела учитывалось, что ни Устав уголовного судопроизводства 1864 г., ни УПК РСФСР 1922,1923 гг. его не предусматривали, отсутствует она и в зарубежном процессуальном законодательстве, за исключением ряда государств бывшего СССР»².

А вот О.В. Химичева и Д.В. Шаров считают, что «упразднение стадии возбуждения уголовного дела не решит проблему производства проверочных действий по поступившему сообщению, а лишь приведет к тому, что они окажутся за рамками уголовно-процессуального регулирования, вне уголовно-процессуальных гарантий»³.

Несмотря на то, что стадия возбуждения уголовного дела не лишена определенных недостатков, все же являемся сторонниками сохранения ее самостоятельного значения, с учетом задачи, поставленной законодателем, по «отсеиванию» тех сведений, которые не имеют уголовно-правового характера, и, соответственно, и не должны приводить к полномасштабному предварительному расследованию. Одновременно констатируем, что рассматриваемая стадия является одной из важных процессуальных гарантий

¹ Гаврилов Б.Я. Современное российское уголовно-процессуальное законодательство: видение законодателя, мнение ученого и позиция правоприменителя // Судебная власть и уголовный процесс. 2023. № 1. С. 71.

² Гаврилов Б.Я. Современное досудебное производство и меры по его деформализации // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2016. № 1 (76). С. 12.

³ Химичева О.В., Шаров Д.В. Стадия возбуждения уголовного дела: семь раз отмерь, один – отрежь // Вестник Нижегородского университета имени Н. И. Лобачевского. 2017. № 4. С. 146.

против необоснованного применения мер уголовно-процессуального принуждения, выступая в качестве своего рода фильтра на пути применения указанных мер.

Выступая за сохранение самостоятельного значения первоначального этапа досудебного производства предлагаем именовать его стадией получения, проверки и разрешения заявлений и иных сообщений о совершенных или готовящихся преступлениях, что будет соответствовать ее действительному содержанию, путем замены в названии раздела VII УПК РФ слов «Возбуждение уголовного дела» словами «Получение, проверка и разрешение сообщения о преступлении»¹.

В то же время полагаем необходимым заменить слово «вправе», используемое в ч. 1 и 3 ст. 144, ч. 4 ст. 146 УПК РФ при установлении компетенции дознавателя, органа дознания, следователя, руководителя следственного органа и прокурора, на императивную формулировку «обязан», что позволит существенно снизить коррупционные риски наступления негативных последствий в виде совершения коррупционных преступлений должностными лицами досудебного производства.

И еще одно обстоятельство, требующее своего исследования – чаще всего на практике коррупционные риски в стадии возбуждения уголовного дела возникают уже при подаче и рассмотрении заявлений, либо принятии итоговых по ним решений.

Как известно, заявление о совершенном или готовящемся преступлении, в том числе о конкретных фактах коррупции – это конституционное право гражданина лично обращаться в государственные органы и органы местного самоуправления (ст. 33 Конституции РФ). Но заявление о возбуждении уголовного дела может быть сделано не для защиты прав и законных интересов лиц, потерпевших от преступлений (п. 1 ч. 1 ст. 6 УПК РФ), а с иной целью: от «стимулирования» потенциального обвиняемого к возврату долга, признанию своей неправоты в экономическом споре и до вытеснения конкурента с рынка, временно «парализовав» его предпринимательскую деятельность.

¹ См. об этом: Уголовно-процессуальная деятельность в досудебном производстве: монография / Под науч. ред. проф. В.А. Семенцова. Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2023. С. 16.

Речь идет о так называемых «заказных» уголовных делах, когда органы досудебного производства, прокурор непосредственно и опосредованно, из корыстной либо иной личной заинтересованности выступают в качестве инструмента оказания давления на лиц, преступления не совершавших. Как считает Ю.П. Гармаев, «в результате "заказного уголовного дела", возможно, даже не будут найдены признаки преступлений. Но это выясняется много позже, иногда – через много месяцев расследования¹. Сложность данной ситуации заключается в том, что если тот же следователь пошел на это преступление, то он будет вести свою линию до конца, так как обратной дороги у него просто нет. В этих условиях следует учитывать указанные риски и заблаговременно быть готовым к защите от возможного незаконного уголовного преследования.

Повсеместно распространена порочная практика принятия органами досудебного производства решений об отказе в возбуждении уголовного дела по надуманным, реально не существующим основаниям, что может быть связана не только с ложно понятым профессиональным долгом при укрывании преступлений от учета, но и коррупционным поведением. Подобная практика, когда искать виновника и привлекать его к ответственности не будут, создает незаконные препятствия для доступа граждан к правосудию, и значительная часть потерпевших остается без защиты своих прав и законных интересов.

Свобода в реализации права возбуждения уголовного дела или отказе в его возбуждении опять же обусловлена неопределенностью отдельных законодательных правил принятия итоговых решений первоначального этапа уголовного судопроизводства, предопределяя «существование коррупционного риска указанной деятельности»², поскольку не является «результатом судебных

¹ Гармаев Ю.П. Необоснованные коррупционные риски в деятельности представителей бизнес-сектора // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2021. № 3 (98). С. 193.

² Тиханин И.В. Коррупционные риски на стадии возбуждения уголовного дела в отношении лиц, занимающихся предпринимательской и иной экономической деятельностью // Наукосфера. 2023. № 2 (2). С. 258.

процедур, обремененных условиями устности, гласности, состязательности и другими важнейшими гарантиями правосудия»¹.

Как справедливо отмечает Уполномоченный по правам человека в Российской Федерации Т.Н. Москалькова, «больше всего граждане жалуются на отказ в возбуждении уголовного дела»², а 39 % обратившихся заявителей не верят в помощь правоохранительных органов. Еще 17 % признались, что сотрудники полиции пытались отговорить их от подачи заявления. У не менее чем 9 % обратившихся с сообщением о преступлении заявления не были приняты. Не менее половины обращений заявителей не приводят к возбуждению уголовных дел. Почти треть (29 %) опрошенных ожидали возбуждения дела в течение полугода и более, и еще не менее чем в трети случаев при возбуждении уголовного дела по заявлению потерпевшего оно доходит до суда³.

По данным Генеральной прокуратуры Российской Федерации только за 2022 г. органами прокуратуры отменено 1 419 601 постановление об отказе в возбуждении уголовного дела⁴.

Проверка факта бездействия уполномоченных должностных лица при отказе в возбуждении уголовного дела может быть проведена также судом при поступлении соответствующей жалобы заявителя. Согласно статистическим данным Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации в 2022 г. в

¹ Россинский С.Б., Рябцева Е.В. Предупреждение коррупционных рисков в уголовном судопроизводстве // Всероссийский криминологический журнал. 2022. Т. 16. № 5. С. 634.

² Москалькова предложила возбуждать дела без доследственной проверки // РосБизнесКонсалт. 2023. 22 февраля.

³ Практика уполномоченных по правам человека в субъектах Российской Федерации по вопросу защиты прав человека в уголовном процессе / Аналитический материал: результаты анализа специальных и ежегодных докладов уполномоченных по правам человека в субъектах РФ за 2018 год, Правозащитной карты России, опросов общественного мнения, статистических данных официальных сайтов органов государственной власти 2019 год // СПС «КонсультантПлюс».

⁴ Надзор за исполнением законов на досудебной стадии уголовного судопроизводства за январь – декабрь 2022 г. (нарастающим итогом): утв. приказом Генерального прокурора РФ от 9 марта 2023 г. № 134 // СПС «КонсультантПлюс».

порядке ст. 125 УПК РФ в суды поступило 111 586 жалоб, из них удовлетворено 4 242 (4 %), отказано в удовлетворении 19 405 (17 %). Однако подавляющее большинство жалоб разрешения вообще не получили: по 87 849 (76 %) производство прекращено, жалобы отозваны, возвращены, переданы по подсудности¹.

По мнению Б.Я. Гаврилова, «решения органов расследования об отказе возбуждения уголовного дела... не только ограничивают конституционное право граждан на доступ к правосудию, но и зачастую нарушают закон. 40 % таких решений... были признаны незаконными или необоснованными и отменялись»².

Принимая во внимание, что отказ от возбуждения уголовного дела возможен и по нереабилитирующим основаниям, когда исключается сама возможность уголовного преследования с целью изобличения конкретного лица в совершении преступления, то такое решение служит коррупционным фактором и поэтому подлежит тщательной проверке и оценке на предмет его законности и обоснованности (например, когда следователь отказывается в возбуждении уголовного дела за истечением срока давности уголовного преследования по рассматриваемому им сообщению о преступлении, при различной трактовке в науке и практике порядка исчисления этого срока).

Коррупциогенная составляющая может иметь место в ситуации с таким нарушением закона на стадии возбуждения уголовного дела как укрытие преступлений от учета, указанное Уполномоченных по правам человека в Российской Федерации в числе других нарушений порядка рассмотрения сообщений о преступлениях³.

Здесь уместно будет напомнить, что преступление считается укрытым от учета, если по факту его совершения, несмотря на наличие установленных ст. 140 УПК РФ повода и основания, не

¹ Судебная статистика за 2022 г. / Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде РФ // СПС «КонсультантПлюс».

² Гаврилов Б.Я. Современные проблемы досудебного производства и меры по их разрешению // Российский следователь. 2013. № 21. С. 8.

³ Соблюдение и защита прав потерпевших в уголовном процессе: тематический доклад Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации. М.: Проспект, 2020. 63 с.

было принято в установленные законом сроки процессуальное решение – о возбуждении уголовного дела¹.

«Общеизвестно, – пишут В.А. Азаров и В.В. Константинов, – что надлежащий учет преступлений необходим не только для своевременной защиты прав потерпевших, но и для правильной оценки складывающейся криминогенной обстановки... , а также для принятия соответствующих организационных и оперативно-тактических решений в сфере борьбы с преступностью»².

На актуальность проблемы регистрации и учета преступлений указывает Б.Я. Гаврилов, исследуя латентную преступность и ее влияние на эффективность деятельности правоохранительных органов по противодействию преступности³.

Безусловно, правы Р.Р. Аберхаев и М.А. Еналеев, считающие, что «способы укрытия преступлений от учета давно известны и на протяжении многих лет остаются практически неизменными. Превалирует неправомерный отказ в возбуждении уголовного дела при наличии очевидных признаков противоправного деяния. Кроме того, преступления могут укрываться и иными способами»⁴.

В приказе Генеральной прокуратуры Российской Федерации разъясняется обязанность прокуроров обеспечить качественный и эффективный надзор за исполнением законов органами

¹ О едином учете преступлений: Положение о едином порядке регистрации уголовных дел и учета преступлений: приложение 2 к приказу Генеральной прокуратуры РФ, МВД РФ, МЧС РФ, Минюста РФ, ФСБ РФ, Министерства экономического развития и торговли РФ и Федеральной службы РФ по контролю за оборотом наркотиков от 29 декабря 2005 г. № 39/1070/1021/253/780/353/399 (ред. от 15 октября 2019 г.) // Российская газета. 2006. 25 января.

² Азаров В.А., Константинов В.В. Понятие укрытия сотрудниками органов внутренних дел преступлений от учета // Научный вестник Омской академии МВД России. 2013. № 4 (51). С. 16–17.

³ Гаврилов Б.Я. Латентная преступность: понятие, структура, факторы латентности и меры по обеспечению достоверности уголовной статистики. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2007. 118 с.

⁴ Аберхаев Р.Р., Еналеев М.А. Исследование вещественных доказательств как способ выявления укрытых от учета преступлений // Законность. 2021. № 6 (1040). С. 15–16.

предварительного следствия независимо от их ведомственной принадлежности, в том числе «по фактам укрытия преступлений от учета при наличии достаточных данных, указывающих на признаки преступления, выносить ... мотивированные постановления о направлении в органы предварительного расследования соответствующих материалов для решения вопроса об уголовном преследовании»¹.

Есть основание полагать, что в условиях, когда показателем эффективности деятельности правоохранительных органов по усилению и активизации борьбы с преступностью служит не результат, а классическая раскрываемость преступлений при формировании государственной отчетности о совершенных преступлениях, то появляется незаконный интерес приукрасить положение за счет манипуляций цифрами раскрываемости. В следствии укрытия преступлений от учета нарушаются права и законные интересы лиц, пострадавших от преступлений, которым в результате отказывается в доступе к правосудию, но эта проблема требует самостоятельного исследования.

В.Н. Сизова

УГОЛОВНЫЙ ПРОСТУПОК КАК СИСТЕМНЫЙ ЭЛЕМЕНТ РОССИЙСКОГО УГОЛОВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

CRIMINAL OFFENSE AS A SYSTEM ELEMENT OF RUSSIAN CRIMINAL LEGISLATION

С учетом продолжающихся сегодня в научной среде дискуссий о необходимости дальнейшей декриминализации некоторых видов преступлений, смягчении уголовно-правовых санкций за ряд противоправных деяний, следует отметить, что в числе

¹ Приказ Генеральной прокуратуры РФ от 17 сентября 2021 г. № 544 (ред. от 22 февраля 2023 г.) «Об организации прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов предварительного следствия» // Законность. 2021. № 12.

важнейших вопросов находится актуальная проблема, связанная с возможностью включения в систему российского уголовного законодательства категории уголовного проступка.

Taking into account the ongoing discussions in the scientific community today about the need for further decriminalization of certain types of crimes, mitigation of criminal sanctions for a number of illegal acts, it should be noted that among the most important issues is the urgent problem associated with the possibility of including the category of criminal offense in the system of Russian criminal legislation.

Ключевые слова: уголовный проступок, российское уголовное законодательство, системный элемент, современная уголовно-правовая политика.

Key words: criminal offense, Russian criminal legislation, systemic element, modern criminal law policy.

Сегодня очевидно, что современный этап развития экономических отношений обусловил постановку на законодательном уровне вопроса об излишней криминализации отдельных сфер общественных отношений, что обуславливает вопрос о целесообразности воссоздания отечественной концепции уголовного проступка в действующем УК РФ. При этом, безусловно важен учет и реализация системных связей взаимодействия между элементами в системе, которые обеспечивают ее целостность и сохранение структуры, обуславливая реальную жизнедеятельность системы уголовного законодательства, элементы которого дополняя друг друга осуществляют определенное функциональное направление.

Следовательно, речь идет о многогранной проблеме, связанной с необходимостью отнесения отдельных преступных деяний к категории уголовных проступков с целью достижения определенных социальных задач, в числе которых исключение судимости у лиц, совершивших уголовные проступки, экономия репрессии, сокращение расходов государства в связи с упрощением процессуальных процедур, обусловленных совершением проступка.

При этом, невзирая на актуальность и дискуссионность вопроса о выделении указанной категории, имеющиеся сегодня наработки в данной области характеризуются архаичностью, абстрактностью и неувязкой в системно-правовом контексте с иными уголовно-правовыми нормами и институтами УК РФ.

В этой связи, приступая к исследованию обозначенной проблемы, очевидно – важнейшим направлением в рамках определяемой государством политики в сфере уголовного законодательства на протяжении уже не одного десятка лет выступает либерализационная составляющая, заключающаяся в целесообразности декриминализации отдельных преступных деяний, применения более мягких наказаний в случае их совершения.

Кроме того, постоянно растет активность дискуссий в научной среде, а также в среде практикующих юристов вокруг вопроса, связанного с возможностью вернуть в сферу уголовного законодательства исследуемую категорию¹. Так, в периодической печати перманентно появляются публикации, связанные с призывами представителей уголовно-правовой науки обратить самое пристальное внимание на индивидуализацию в подходе к назначению наказания в случае, когда речь идет о деяниях, не обладающих значительной общественной опасностью.

Вместе с тем, подчеркивается важность и значимость недопущения проявлений радикализма, влекущего за собой

¹ Акутаев Р.М. Об уголовных проступках и категоризации преступлений в свете Постановления Конституционного Суда РФ от 14 февраля 2013 г. // Российская юстиция. 2013. № 5. С. 41; Максимов С.В. УК на перепутье. Стоит ли форсировать работу над новым кодексом // Российская газета. 2011. 7 июня; Гаврилов Б.Я., Рогова Е.В. Перспективы закрепления уголовного проступка в контексте реформирования уголовного законодательства России // Российская юстиция. 2016. № 11. С. 2–5; Цепелев В.Ф. Соотношение преступления и иных правонарушений: сравнительный аспект // Соотношение преступлений и иных правонарушений: современные проблемы: материалы IV Междунар. науч.-практич. конф., посвященной 250-летию образования Моск. гос. ун-та им. М.В. Ломоносова. М., 2005. С. 331–419; Щедрин Н.С. Основные направления реформирования системы мер уголовного воздействия: опыт законодательного проектирования // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2012. № 2.

возможную потерю чувства ответственности за совершенное деяние у населения, возникновение ощущения вседозволенности. Отмечается, что введение института уголовного проступка будет отражать фундаментальное изменение не только уголовной политики, но и общественных ценностей¹.

Более того, в свете активно обсуждаемой сегодня потребности создания концепции современной уголовной политики² решение проблемы, связанной с включением исследуемой категории в УК РФ, становится все более сложной задачей с учетом неоднозначного отношения к ней в юридической среде.

Из осуществленного исследования зарубежного опыта и исторической составляющей касательно рассматриваемой категории, можно сделать вывод о том, что накалы дебатов применительно к данному вопросу не снижались с течением времени, а напротив, приобретают свою актуальность в свете осуществляемой сегодня социальной и экономической политики, сложившейся ситуации в геополитическом пространстве. Со всей очевидностью становится необходимым признание того факта, что в условиях постоянного дополнения УК РФ новыми уголовно-правовыми нормами, включаемыми в него зачастую без должного учета уже сложившейся системы уголовного законодательства, требует своего решения проблема, связанная с созданием подходов к процессу законотворчества в уголовно-правовой сфере.

Но все вышеизложенное представляет собой лишь одну грань многомерного уголовно-правового явления, к которым относится рассматриваемая категория. Следует отметить, что история возникновения и развития данной категории берет свое начало еще во времена царствования известного реформатора Петра I, известного своими широкими взглядами, в том числе и на законодательную сферу.

¹ Хилюта В.В. Уголовное право в социальном измерении (контуры перемен и новой стратегии развития): монография. М.: Юрлитинформ, 2023. С. 79.

² Активное обсуждение имело место в ходе парламентских слушаний в Совете Федерации РФ 18 ноября 2013 г. и 5 апреля 2017 г., где А.Л. Кудриным предложена Концепция совершенствования уголовного законодательства до 2025 г.

С учетом современных социально-политических особенностей российского общества перед современным законодателем возникает целый пласт первоочередных вопросов, связанных с практическим воплощением в жизнь института уголовного проступка, требующих своего решения.

В числе важнейших и наиболее обсуждаемых представителями научной общественности находятся следующие вопросы:

а) продолжение взятого государством курса на устранение излишней репрессивности уголовного закона, либерализацию современной уголовной политики;

б) необходимость детального уточнения и практической реализации в жизнь высказываемых идей, возникающих как у ученых, непосредственно занимающихся проблемами малозначительности деяний и их наказуемости¹, так и у юристов-практиков², свидетельствующих о назревшей сегодня потребности в исключении из круга деяний, признаваемых сегодня административными правонарушениями отдельных деяний, которые находятся в пограничном состоянии между административным правонарушением и преступлением, тем самым вызывая сложности в правовой оценке и отрицательно сказываясь на эффективности предупреждения и противодействия преступности в целом;

в) существующая сегодня потребность в решении вопроса, связанного с существующей в уголовном законе категории малозначительности деяния, поскольку именно данное обстоятельство служит одной из причин принятия бесчисленных решений об отказе в возбуждении уголовного дела, что в свою очередь неизбежно приводит к нарушениям прав граждан на доступ к правосудию;

г) потребность в тщательном анализе и исключении тех факторов, которые оказывают самое непосредственное влияние на увеличение показателей латентной преступности, что в свою

¹ Воскобитова Л.А. Судопроизводство по делам об административных правонарушениях и его место в системе реализации судебной власти // Мировой судья. 2017. № 2. С. 28–34; Гальперин И.М. Социальные и иные основы депенализации // Советское государство и право. 1980. № 33. С. 66.

² Гаврилов Б.Я., Рогова Е.В. Перспективы закрепления уголовного проступка в контексте реформирования уголовного законодательства России // Российская юстиция. 2016. № 11. С. 7–8.

очередь не может не оказывать негативного воздействия на отсутствие достоверности в показателях преступности.

Следует отметить, что рассматривая вопрос о возвращении категории уголовных проступков в систему современного уголовного законодательства сквозь призму сложившихся на сегодняшний день тенденций в геополитической, социальной и экономической отраслях, важно не забывать и о целесообразности предметного исследования состояния преступности¹.

Принимая во внимание особо опасные формы и виды, которые принимает преступность сегодня (организованная, профессиональная и др.), не исчезает и стремление современного законодателя придерживаться принципа гуманизма, что само по себе является насущной потребностью любого цивилизованного общества. В этой связи необходимо вести речь о гуманном отношении со стороны государства и общества к лицам, совершившим менее опасные преступления (отнесение которых возможно к категории проступков), так как очевидно, что процесс исправления данных лиц вполне возможен без направления их в места лишения свободы.

Учитывая вышеприведенные аргументы, свидетельствующие о действительной потребности включения исследуемой категории в уголовное законодательство, с большой долей вероятности можно утверждать, что в ближайшем будущем усилиями ученых и практикующих юристов возможно будет выработать алгоритм упрощения процессуальных правил досудебного производства по этой категории, а также отдельных судебных процедур, соблюдая при этом процессуальные гарантии и законные интересы участников уголовного процесса.

Нельзя забывать и о важности такого направления, как снижение процессуальной нагрузки, поскольку на сегодняшний день она неизбежно возлагается на следственные и судебные органы. Такое решение, в свою очередь, будет иметь направленность на сокращение бюджетного финансирования, определяемого государством для осуществления процессуальной деятельности.

¹ Говорухин Д.А. Уголовный проступок в современной системе российского законодательства // Вопросы российской юстиции. 2022. № 17. С. 526.

М.В. Соколова

**УЧАСТИЕ СПЕЦИАЛИСТА ПРИ ДОПРОСЕ
ПОДОЗРЕВАЕМОГО В СОВЕРШЕНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЯ
В СФЕРЕ КОМПЬЮТЕРНОЙ ИНФОРМАЦИИ:
ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА**

**THE PARTICIPATION OF A SPECIALIST
IN THE INTERROGATION OF A SUSPECT
IN THE COMMISSION OF A CRIME IN THE FIELD OF
COMPUTER INFORMATION: THEORY AND PRACTICE**

В статье раскрываются вопросы, касающиеся тактических приемов допроса подозреваемого по уголовным делам о преступлениях в сфере компьютерной информации. Уделяется внимание особенностям подготовки к производству данного следственного действия с участием специалиста в области компьютерных технологий.

In the article reveals issues related to the tactical techniques of interrogating a suspect in criminal cases of crimes in the field of computer information, pays attention to the specifics of preparing for the production of this investigative action with the participation of a specialist in the field of computer technology.

Ключевые слова: допрос подозреваемого, компьютерная информация, следователь, специалист.

Key words: interrogation of the suspect, computer information, investigator, specialist.

Преступления в сфере компьютерной информации становятся все более распространенными во всем мире, и наша страна не является исключением. Предпосылкой распространения подобных преступлений является развитие науки и техники, внедрение компьютерных технологий во все сферы жизни. Все больше людей используют электронные средства платежа и получают к ним

доступ с помощью различных приложений, работающих в интернете.

Компьютерные технологии не только облегчают жизнь граждан и оптимизируют различные виды деятельности, но и активно используются злоумышленниками в преступных целях. Появляются новые способы компьютерных преступлений, а их виды становятся все более многочисленными. С помощью интернета продаются наркотики, совершаются экстремистские и террористические преступления, образуя новый вид преступности-кибертерроризм¹.

Следует отметить, что в связи с таким быстрым распространением киберпреступлений следователи при проведении следственных действий должны обладать глубокими знаниями в области информационных технологий.

Так, одна существенная особенность производства допросов по рассматриваемой категории уголовных дел – необходимость владения определенными знаниями в сфере компьютерных технологий, знаниями о механизме совершения преступления, каким образом и с помощью каких устройств оно совершено. В силу указанной специфики возникает необходимость в участии в допросах по расследуемому уголовному делу специалиста в сфере компьютерной информации (компьютерных технологий)². Что не противоречит и нормам уголовно-процессуального права. Так, в ч.1 ст. 168 УПК РФ указано, что следователь вправе привлечь к участию в следственном действии специалиста.

¹ Подустова О.Л., Соколова М.В. Работа с цифровыми объектами при производстве предварительного следствия по уголовным делам в сфере компьютерной информации // Актуальные вопросы производства предварительного следствия в современных условиях совершенствования уголовно-процессуального законодательства: сб. науч. тр. Всерос. науч.-практ. конф. М.: Московский университет МВД России им. В.Я. Кикотя, 2022. С. 208.

² Осяк В.В., Батагова С.А. О некоторых аспектах производства допроса при расследовании преступлений, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных технологий // Юридическая деятельность в условиях цифровизации: сб. ст. по результатам Международ. науч.-практ. конф. / Под ред. Е.В. Евсиковой, В.С. Тихомаевой. Симферополь: Ариал, 2021. С. 402.

В научной литературе существует множество дискуссий о необходимости участия специалистов в допросах, но мы не будем приводить все аргументы «за» и «против», а выскажем здесь свою позицию.

В ряде случаев участие специалистов в допросах не всегда оправдано по рассматриваемой категории уголовных дел, и на подготовительном этапе допроса следователь должен решить вопрос о необходимости приглашения на допрос специалистов, иначе необходимые знания в рассматриваемой области не будут получены. Это связано с тем, что следователи начнут осознавать, что не обладают достаточными знаниями в области компьютерных технологий, механизмов и особенностей преступления, а также технических возможностей и технических средств, используемых преступниками, которые необходимы.

Существуют и противники участия специалиста при допросе, так как оно может негативно сказываться на психологическом контакте следователя с допрашиваемым. После участия в допросе специалиста допрашиваемое лицо будет понимать, что следователь не обладает достаточными знаниями, которые необходимы для расследования преступлений, связанных с информационными технологиями, и при проведении дальнейших следственных действий скрывать необходимую для следствия информацию. Поэтому отмечается, что специалист здесь также может выступать неким негативным фактором, разрушающим контакт между следователем и допрашиваемым.

Ситуации такого рода чаще всего возникают, когда участники уголовного процесса не обладают определенными знаниями в области информационных технологий. Наблюдая за растерянностью следователя во время допроса и его непониманием некоторых терминов и механизмов преступления, они вынуждены обратиться за разъяснениями к специалисту. Из-за некомпетентности следователя у участников уголовного процесса возникает негативное отношение к правоохранительным органам в целом. Они теряют надежду на раскрытие преступления и привлечение виновного к ответственности. В результате они не желают сотрудничать

со следствием. В этой связи следует отметить, что немаловажное значение перед проведением допроса имеет подготовка к нему¹.

Вполне справедливо, что при допросе следователю следует обращаться за помощью к специалисту в случаях, когда допрашиваемый обладает глубокими знаниями в определенной области, которых у следователя нет. В таких ситуациях может возникнуть ситуация, когда допрашиваемый начинает объяснять сложные схемы и связи между объектами, чтобы узнать, насколько хорошо следователь разбирается в предмете расследования и понимает термины. Мы полностью поддерживаем эту позицию, поскольку следователь, не обладая специализированными знаниями в конкретной области, может выглядеть недостаточно убедительно и даже не сможет понять, каким образом было совершено преступление, если останется один на один с допрашиваемым.

В этой связи обоснованы выводы ученых, которые считают, что указанную проблему возможно решить с помощью приглашения специалиста в области компьютерной информации и компьютерных технологий непосредственно на подготовительной стадии допроса, так как консультация специалиста в указанной области имеет важное значение при дальнейшем допросе подозреваемого.

Следует согласиться с мнением ученых, которые утверждают, что несмотря на то, что подготовка к допросу занимает много времени, результат при проведении допроса будет положительным для дальнейшего проведения расследования². Если же пренебрегать подготовительной стадией к допросу, то это может вызвать негативные последствия, вытекающие из незнания специфики расследуемого вида преступлений.

Так, особое внимание следователю следует уделить подготовительной стадии проведения допроса, при которой целесообразно проконсультироваться со специалистом, владеющим знаниями в области информационных технологий, уточнив у него каким способом было совершено преступление, какие программы и

¹ Бирюков В.В. Допрос: основы тактики и познавательная эффективность // Алтайский юридический вестник. 2015. № 9. С. 96.

² Осяк В.В., Батагова С.А. О некоторых аспектах производства допроса при расследовании преступлений, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных технологий. С. 403.

технические средства могли быть использованы подозреваемым, как происходили доступ, получение и передача компьютерной информации. Специалисту при технической возможности желательно продемонстрировать следователю имеющиеся у него программы и устройства, раскрыв принцип их работы, что способствует следователю при получении значимой информации по делу, которую подозреваемый попытается скрыть от следователя.

Немаловажное значение имеет и разъяснение специалистом следователю компьютерной терминологии, которую используют подозреваемые, совершающие преступления в сфере компьютерной информации или компьютерных технологий. Следователю желательно выписать себе определенные термины, чтобы в ходе допроса произвести на подозреваемого положительный эффект, который будет располагать его для дачи показаний. В том случае, если подозреваемый убедится в некомпетентности следователя, показания, имеющие значение для расследования уголовного дела, будут скрыты.

Следует сделать вывод о том, что подготовительная стадия допроса подозреваемого в совершении преступления в сфере компьютерной информации в ходе допроса позволит следователю наладить психологический контакт с подозреваемым и избавит следователя от неуверенности в своих знаниях в указанной сфере.

Так, участие специалиста на подготовительной стадии к допросу подозреваемого в совершении преступления в сфере компьютерной информации не вызывает сомнений. Представленные выше рекомендации и разъяснения по поводу непосредственной подготовки к допросу могут включать в себя и сам допрос подозреваемого, в роли которого будет специалист, способствующий следователю в реальности погрузиться в суть допроса. Указанный допрос заключается в моделировании различных ситуаций с подозреваемым, которые могут возникнуть в ходе допроса, постановки дополнительных вопросов в зависимости от ответа на предыдущий вопрос и др.

Представляется, что вопросам тактических приемов допроса по уголовным делам о преступлениях в сфере компьютерной информации, подготовки к производству данного следственного действия, должно уделяться повышенное внимание, в связи с чем,

необходимо изучать их в рамках служебной подготовки со следователями и дознавателями. К участию в таких занятиях целесообразно приглашать соответствующих специалистов, которые могут не только дать необходимые консультации по расследованию преступлений рассматриваемого вида, возможно также моделировать различные следственные ситуации, в ходе которых следователи должны будут формулировать вопросы, подлежащие, по их мнению, выяснению в ходе допроса, это позволит выявлять и разбирать возможные ошибки в тактике допроса участников уголовного судопроизводства, определять верный алгоритм производства данного следственного действия.

Н.В. Сплавская

МЕХАНИЗМ И СРЕДСТВА ЗАЩИТЫ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА

MECHANISM AND MEANS OF HUMAN RIGHTS PROTECTION

В статье рассмотрены теоретические вопросы сущности механизма и средств защиты прав человека. Проанализированы особенности самозащиты, дана оценка основным способам защиты (судебное разбирательство, обращение в органы государственной власти и местного самоуправления), освещены вспомогательные способы защиты (обращение в общественные институты, привлечение внимания к нарушению права на разных уровнях, предоставление частному интересу публичного статуса).

The article examines the theoretical issues of the essence of the mechanism and means of protecting human rights. The features of self-defense are analyzed, the main methods of protection are evaluated (judicial proceedings, appeals to state authorities and local self-government), auxiliary methods of protection are highlighted (appeals to public institutions, drawing attention to violations of law at different levels, granting public status to private interests).

Ключевые слова: права человека, защита прав человека, формы защиты, механизм защиты прав человека, судебные средства защиты, внесудебные средства защиты.

Key words: human rights, human rights protection, forms of protection, human rights protection mechanism, judicial remedies, non-judicial remedies.

Права человека – это основные возможности, необходимые для достойного и свободного существования и развития личности. В теоретической и практической юриспруденции есть много определений прав человека. Они определяются через различные критерии, однако наиболее точным и обоснованным является понимание прав человека как возможностей, которые реализуются как лично, так и во взаимоотношениях с другими лицами, частными и публичными, и предусматривают наличие определенного пространства свободы, границы которого определяются соответствующими пространствами свободы других владельцев прав.

Права человека являются естественными, неотъемлемыми, неотчуждаемыми, и равными, имеют исторический и универсальный характер, адресованы государству. Права человека воплощают и опосредуют другие общечеловеческие ценности. При этом они влияют на формирование морально-этической системы индивидов и ценностную основу социума. Права обеспечиваются гарантиями и закреплены в правовых актах, в том числе международного уровня.

Права человека могут быть распределены на категории по разным критериям. Вместе с тем большинство международных стандартов в сфере прав человека опирается на деление прав на: личные или гражданские; политические; социально-экономические; культурные. От этой категоризации зависит уровень обеспечения отдельных прав государством, обязательства субъектов по обеспечению прав человека.

Несмотря на закрепление прав человека как нормативных положений в международных актах и законодательстве отдельных государств, утверждение стандартов и влияние правоприменительной практики, они не получают повсеместного и

беспрепятственного осуществления. Очевидно, что только перевод прав человека в статус правовых норм и обязательных стандартов недостаточно для того, чтобы они «работали» в определенном обществе, поэтому должны существовать механизмы их реализации и защиты.

В условиях построения демократического правового государства выделение механизма обеспечения прав и свобод граждан как самостоятельного объекта исследования обосновывается его значимостью для правовой системы в целом, и в частности – для предоставления правам и свободам человека и гражданина актуального содержания.

Механизм обеспечения прав и свобод граждан олицетворяет комплекс взаимодействующих элементов, которые предоставляют надлежащие юридические и фактические возможности для полноценного осуществления каждым своих прав и свобод (нормы права, создает юридические предпосылки обеспечения прав и свобод (правовой статус лица) и нормативно-правовые средства обеспечения прав и свобод (юридические гарантии), а также общесоциальные условия обеспечения, охраны и защиты прав и свобод лица (фактическое социальное макросредство, в котором осуществляется обеспечение прав и свобод). Внутренние взаимосвязи этих составных элементов обуславливают согласованную работу механизма обеспечения прав и свобод в целом.

В самом общем виде механизм реализации прав человека представляет собой совокупность соответствующих объективных и субъективных факторов их реализации. К объективным относятся наличие соответствующей законодательной базы и правоприменительной практики органов государственной власти и органов местного самоуправления, с помощью которых эти права получают осуществление и защиту (структуры и процедуры для реализации); к субъективным – осознание себя владельцем прав человека и восприятие права как ценности, воспитание уважения к правам другого лица, общественно-правовая активность индивида и др.

Защита прав может быть следствием как активных, так и пассивных действий лиц, которым принадлежит право или обязанность по воздержанию от нарушения права.

Так, в первом случае речь идет о том, что субъект начал процесс реализации определенного права, но произошло столкновение с действием или бездействием обязанных лиц. К примеру, индивид решил реализовать свое право на образование (превратить потенциальную возможность, предоставленную этим правом, в реальную) и с этой целью подал документы в высшее учебное заведение, однако ему было отказано в их принятии без объяснения причин, в результате чего индивид обратился в суд за защитой названного права¹.

Второй случай не предусматривает действий со стороны собственника права, а лишь со стороны субъекта, корреспондирующей ему обязанности. Например, владелец права на свободу передвижения не собирался реализовать потенциальную возможность выйти за пределы собственного дома в воскресенье, однако был лишен реального осуществления такой возможности действиями другого лица, которое заперло его в доме. Следовательно, необходимость в защите права возникла из действий лица, обязанного воздерживаться от его нарушения, при этом возможность реализации права имела потенциальный смысл. Поэтому, механизм защиты прав человека вступает в действие, если возникают препятствия в осуществлении права².

Механизм защиты прав человека направлен на восстановление права, устранение препятствий в его реализации, предупреждение подобных нарушений и возмещение причиненного ими вреда. Если право лица невозможно восстановить или устранить препятствия в реализации, то механизм направлен на защиту прав других лиц.

Отдельного внимания требует защита принадлежащих прав, поскольку оно может выражаться в следующих формах:

1. Самозащита.
2. Использование основных способов защиты (судебное разбирательство, обращение в органы государственной власти и местного самоуправления).

¹ Разметаева Ю.С. Способы защиты прав человека в гражданском обществе // Проблемы законности. 2012. №119. С. 23.

² Разметаева Ю.С. Способы защиты прав человека в гражданском обществе. С. 25.

3. Использование вспомогательных способов защиты (обращение в общественные институты, привлечение внимания к нарушению права на разных уровнях, предоставление частному интересу публичного статуса).

Самозащита права – это процесс защиты своих законных прав и интересов без помощи органов правопорядка или юридических специалистов. Это важный аспект гражданского общества, который позволяет людям защищать себя от нарушений и незаконных действий со стороны других лиц или организаций. Важно помнить, что самозащита права должна осуществляться в рамках закона и уважения прав и свобод других людей. Также важно быть информированным о своих правах и знать, как действовать в случае их нарушения. Самозащита права помогает укрепить гражданское общество, повысить осведомленность о правах и обязанностях граждан, а также способствует развитию правовой культуры в обществе.

Сложности применения такой формы, как самозащита права, заключаются в определении баланса между противоправностью действий относительно нарушенного права и потенциальной противоправности действий по защите такого права. Например, превышение пределов необходимой обороны, примененной в целях защиты права индивида.

Вторая проблема применения самозащиты права связана с его необеспеченностью. Если обращение в суд за защитой права индивида в большинстве случаев предполагает вынесение решения, исполнение которого гарантируется государством, то использование самозащиты права не подкреплено решениями и действиями лиц, наделенных властными полномочиями¹.

Кроме того, самозащита имеет жесткие границы, потому что в момент ее осуществления она является почти неконтролируемой. Поэтому устанавливаются четкие правовые нормы в отношении порядка и пределов применения необходимой обороны и крайней необходимости, в том числе определение их законных границ в судебном процессе, в зависимости от обстоятельств конкретного дела. Самозащита применяется в ситуации, требующей быстрого

¹ Разметаева Ю.С. Способы защиты прав человека в гражданском обществе. С. 27.

реагирования, и государственно-правовые гарантии этим способом не могут быть предоставлены. К примеру, если кто-то угрожает оружием владельцу права, последний не может сначала бежать в суд, а потом уже применять необходимую оборону.

Важное место в понимании механизма защиты прав занимает применение средств защиты прав человека. В ч. 3 ст. 2 Международного пакта о гражданских и политических правах установлено, что каждое государство «обязуется обеспечить всякому лицу, права и свободы которого, признанные в этом пакте, нарушены, эффективное средство правовой защиты». В ст. 13 Конвенции о защите прав человека и основополагающих свобод подтверждается «право на эффективное средство правовой защиты в случае нарушения признанных в Конвенции прав и свобод».

Среди основных и самых эффективных средств защиты прав человека главное место, безусловно, принадлежит судебной защите. Суд наиболее эффективно контролирует соблюдение прав человека, и решения последнего, направленные на защиту права, являются основанием для прекращения нарушений, восстановления права, а также возмещения вреда в сфере прав человека.

Применение судебной защиты прав человека предусматривает доступ лиц в независимый и беспристрастный суд. Уровень доступа, предоставляемый национальным законодательством, должно быть достаточным для обеспечения права лица на суд, учитывая принцип верховенства права в демократическом обществе».

Для того чтобы доступ был эффективным, лицо должно иметь четкую практическую возможность обжаловать действия, которые составляют вмешательство в его права. Поэтому, во-первых, лицу должна быть обеспечена возможность обратиться в суд и, во-вторых, государство не должно чинить юридических или фактических препятствий для осуществления этого права.

Отдельным звеном механизма защиты прав человека конституционное правосудие. Среди средств защиты прав человека следует выделить институт конституционной жалобы (прямой индивидуальный доступ лиц к конституционному правосудию).

Особое место занимает обращение к омбудсмену (уполномоченному по правам человека), который, с одной стороны, включен

в систему институтов государства, а с другой, относится к институтам гражданского общества. Кроме того, институт омбудсмена призван обеспечить защиту прав человека, которые нарушены государством в лице его представителей.

Средствами защиты прав человека являются обращения и к другим уполномоченным государственным органам, их должностным лицам и в органы местного самоуправления¹. Формами таких обращений являются: индивидуальные и коллективные обращения, петиции (последние выполняют роль средства защиты и средства информирования власти об общественном мнении). Институты, к которым направляются обращения, могут быть специализированными, как, например, уполномоченный по правам ребенка или парламентский представитель по правам женщин.

Важной составляющей механизма защиты прав человека и действенными средствами может быть функционирование негосударственных структур и агентств. С их помощью происходит осуществление права на защиту прав индивида через общественные институты. Так, носитель права может обращаться в общественные институты специальной или общей направленности по реализации прав (то есть правозащитные организации или иные ассоциации), пользоваться адвокатскими услугами, добиваться с помощью таких институтов привлечения внимания к нарушению права на разных уровнях (т. е. через средства массовой информации, публичные выступления, организацию акций протеста).

Отдельным средством выступает предоставление частному интересу публичного статуса (например, инициирование соответствующих изменений в нормативные акты). В строгом смысле эти средства не являются юридическими, однако они могут быть достаточно влиятельными. Кроме того, они могут опосредованно влиять на систему защиты прав человека, обращаясь к моральным, социальным, политическим сторонам общественной жизни. Также эти средства должны изменяться одновременно с юридическими, ведь нет правовых требований об ограничении одновременного рассмотрения в нескольких инстанциях.

¹ Общее административное право: учебник: в 2 ч. / Под ред. Ю.Н. Старилова. 2-е изд., пересмотр. и доп. Воронеж: ВГУ, 2016. С. 217.

Так, в частности, освещение в средствах массовой информации о вынесении судьей несправедливого решения или каких-то злоупотреблений в судебном разбирательстве не является основанием для пересмотра этого решения. Однако влияние такого способа осуществляется, прежде всего, за счет неправовых факторов, касающихся репутации судьи, возмущения общественности, создания неблагоприятных условий в общении с другими индивидами для лица, нарушившего права человека и тому подобное¹.

Защита прав человека может осуществляться не только общественными институтами, но и отдельными лицами – правозащитниками и общественными активистами.

Конечным положительным результатом применения всех средств защиты должна быть надлежащая защита прав человека.

Итак, механизм и средства защиты прав человека вступают в действие при препятствиях в реализации прав. В механизм защиты включаются нормативные, институциональные и процедурные формы и средства, которые направлены на восстановление прав, устранение препятствий в реализации, предупреждение нарушений и возмещение причиненного ими вреда.

Особая роль принадлежит юридическим средствам защиты, прежде всего, судебным, однако не следует недооценивать влияние неюридической защиты, которая осуществляется через негосударственные структуры.

¹ Бочкарев А.В. Способы защиты прав человека в современном демократическом государстве // Вестник студенческого научного общества ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет». Донецк: ДонНУ, 2019. Вып. 11, т. 4: Юриспруденция, ч. 1. С. 121.

**АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЗАДЕРЖАНИЯ ЛИЦА,
ПОДОЗРЕВАЕМОГО В СОВЕРШЕНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЯ,
И ПУТИ ИХ РАЗРЕШЕНИЯ**

**ACTUAL PROBLEMS OF DETENTION
OF A PERSON SUSPECTED OF COMMITTING
A CRIME AND WAYS TO RESOLVE THEM**

В статье рассмотрены основные проблемы в правоприменительной деятельности при задержании лица, совершившего преступление, а также предложены пути решения указанных проблем.

The article considers the main problems in law enforcement activities when detaining a person who has committed a crime, and also proposes ways to solve these problems.

Ключевые слова: преступление, задержание, законность.

Key words: crime, detention, legality.

Задержание является одной из наиболее применяемых мер процессуального принуждения, а в условиях демократизации государства и перехода к гражданскому обществу порядок и особенности применения данной меры принуждения вызывает большой интерес, как в теоретическом, так и в практическом плане. Это связано с тем, что применение данной меры принуждения существенно затрагивает основные права человека, а именно, его право на свободу и личную неприкосновенность.

В настоящее время, практическая реализация уголовно-процессуальных норм, регламентирующих задержание, вызывает некоторые затруднения у лиц, их осуществляющих. Это напрямую связано с отсутствием в законе четкого алгоритма действий сотрудников при осуществлении задержания, доступных для единого понимания условий проведения задержания, а также ряда ошибок, которые допускают сотрудники при оформлении

процессуальных документов, относительно применения данной меры принуждения.

В числе проблем – неурегулированность правового статуса лица в период между фактическим задержанием и доставлением для составления процессуальных документов. На придание лицу статуса подозреваемого, при условии его добровольной явки в правоохранительные органы с повинной, указывает, например, Э.Д. Шайдуллина¹.

Также существует проблема задержания лица с особым правовым статусом на месте преступления².

Дискуссионным остается вопрос о возможности причинения вреда при задержании. На момент задержания лица может быть явная неопределенность в том, действительно ли данное лицо совершило преступление и возможно ли в таком случае, с правовой точки зрения, обосновать причинение вреда при сопротивлении, оказываемым задержанным.

Задержание применяется «в целях выяснения причастности задержанного к преступлению и разрешения вопроса о применении к нему меры пресечения в виде заключения под стражу»³. Согласно же ст. 38 УК РФ, целью задержания лица, совершившего преступления, является его доставление органам власти и пресечение возможности совершения им новых преступлений.

Также спорным является возможность назвать действия граждан по задержанию преступника, например, на месте совершения преступления или при установлении его по внешним признакам. Представляется, что те авторы, которые указывают на

¹ Шайдуллина Э.Д. Уведомление о подозрении как возможность наделения лица статусом подозреваемого в ходе предварительного следствия // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2018. № 1. С. 7.

² Суханов А.В., Кузнецова И.Р. Проблемы задержания лица с особым правовым статусом на месте преступления // Вестник Алтайской академии экономики и права. 2020. № 10-3. С. 349.

³ Указ Президиума Верховного Совета СССР от 13 июля 1976 г. «Об утверждении Положения о порядке кратковременного задержания лиц, подозреваемых в совершении преступления» (не действует с 20 июля 1995 г. на основании Федерального закона от 15 июля 1995 г. № 103-ФЗ) // Ведомости Верховного Совета СССР. 1976. № 29. Ст. 426.

данную возможность и говорят, что задержание может осуществляться обычными гражданами, не учитывают, что данные лица не уполномочены на совершение таких действия.

В качестве аргумента рассмотрим ситуацию, когда задерживается лицо, имеющее особый правовой статус (например, дипломатический иммунитет). В таком случае задержание должно быть немедленно прекращено, при условии, что данное лицо подтвердило свой статус. Однако обычный гражданин не обязан знать о правилах в отношении задержания лиц, обладающих особым правовым статусом, но и привлечь к ответственности за незаконное задержание его будет нельзя, так как это не входит в его обязанности. Причисление граждан к лицам, которые могут осуществить задержание, порождает массу правовых проблем, включая вопрос о законности такового задержания.

При задержании лица по основаниям, предусмотренным ст. 91 УПК РФ, условия применения физической силы, огнестрельного оружия и специальных средств оговорены законодателем. Так, физическая сила может быть применена, если нет иных способов пресечь преступление или попытку лица, подозреваемого в совершении преступления, скрыться.

Е.В. Марьина отмечает, что на данный момент нормы законодательства сформулированы таким образом, что уголовно-процессуальное задержание, «как бы подменяется административным»¹. Неопределенность статуса задержанного лица до составления процессуальных документов порождает проблему обеспечения участия защитника до этого момента.

А.Х. Афаунов считает, что несмотря на то, что законодатель в Федеральном законе «О содержании под стражей подозреваемых лиц» не установил требования об отказе в приеме подозреваемых без документа, удостоверяющего личность, на практике без

¹ Марьина Е.В. Анализ проблем, возникающих в процессе реализации института задержания граждан при подозрении в совершении преступления, и пути их решения // Молодой ученый. 2020. № 19 (309). С. 339.

установления личности (без предъявления паспорта задержанного), его не принимают в изолятор временного содержания¹.

При применении к лицу, совершившему преступление, такой меры процессуального принуждения как задержание, необходимо обеспечить ее законность и обоснованность за счет осуществления судебного контроля, прокурорского надзора и ведомственного контроля.

Прокурор отслеживает исполнение требований, предъявляемых к задержанию, в том числе наличие основания задержания, предусмотренного ст. 91 УПК РФ. Также в обязанности прокурора входит выявление фактов непристойного поведения с задержанным, нарушения его прав и законных интересов. Именно данный вопрос: о нарушении прав лица, которое еще не приобрела статус подозреваемого, очень актуален для современного уголовно-процессуального права.

Правовые средства реагирования прокурора достаточно проработаны законодателем: постановление об устранении нарушений законов, которые были выявлены в ходе проверок протестами непротиворечащие закону приказы или иные акты и др.

Наряду с прокурорским надзором реализуются судебный и ведомственный контроль. Ведомственный контроль реализуется руководителем того органа, который осуществляет задержание (или его заместитель).

Таким образом, не должны смешиваться понятия задержания в уголовно-правовом смысле и уголовно-процессуальном. Субъектом последнего может быть только уполномоченное на задержание должностное лицо. В целом следует отметить, что институт задержания пока еще содержит значительное число недоработок, что обуславливает необходимость переосмысления, изменения или дополнения ряда его положений.

¹ Афаунов А.Х. Актуальные проблемы задержания подозреваемого в совершении преступления лица и проблемы водворение в изолятор временного содержания в ходе предварительного расследования. Пробелы в российском законодательстве // Юридический журнал. 2017. № (6). С. 313.

**ОБЕСПЕЧЕНИЕ ПРАВ ЛИЦА,
В ПОМЕЩЕНИИ КОТОРОГО ПРОИЗВОДИТСЯ ОБЫСК**

**ENSURING THE RIGHTS OF THE PERSON
WHOSE PREMISES ARE BEING SEARCHED**

Обыск может существенно ограничить права, законные интересы лиц, в помещении или жилище которых проводится данное следственное действие. Наиболее остро это правоограничение проявляется в изъятии предметов, документов, электронных носителей информации, включая средства мобильной связи. Положение усугубляется, когда данные лица не имеют статуса подозреваемого или обвиняемого и у них отсутствует защитник. Требуется создание дополнительных процессуальных гарантий прав физических и юридических лиц, в помещении (жилище) которых проводится обыск, которые предлагаются автором статьи.

A search can significantly limit the rights and legitimate interests of persons in whose premises or home this investigative action is being carried out. This legal restriction is most acutely manifested in the confiscation of objects, documents, and electronic media, including mobile communications, from these persons. The situation is aggravated when these persons do not have the status of a suspect or accused and they do not have a defense lawyer. It is necessary to create additional procedural guarantees of the rights of individuals and legal entities whose premises (home) are being searched, which are proposed by the author of the article.

Ключевые слова: обыск, лицо, в помещении которого проводится обыск, процессуальные гарантии, изъятие, электронные носители информации.

Key words: search, person whose premises are being searched, procedural guarantees, seizure, electronic storage media.

При создании современной процедуры проведения обыска законодатель специально предусмотрел участие в ней «лица, в помещении которого проводится обыск». По смыслу ст. 182 УПК РФ таким лицом может быть подозреваемый, обвиняемый и тогда при обыске вправе присутствовать его защитник. Однако, когда обыск производится в помещении *иного лица*, то в обыске вправе присутствовать адвокат.

Наибольшую проблемность в правозащитном плане вызывает статус *лица, в помещении которого проводится обыск* (далее – лица), которое не обладает статусом подозреваемого или обвиняемого, либо лица, привлекаемого к уголовному преследованию на момент возбуждения ходатайства и получения следователем разрешения суда на проведение обыска. И тем не менее оно попадает в круг лиц, чьи права могут быть существенным образом ограничены при проведении обыска.

Указанное лицо является собственником или нанимателем жилища, либо пользователем служебного помещения, а также в случае, когда оказывается в обыскиваемом помещении, а его права и законные интересы потенциально или фактически подвергаются ограничениям следователем, другими участниками процесса, которые проводят обыск в жилище или помещении.

Определимся с возможным кругом этих лиц.

Как разъяснил Конституционный Суд Российской Федерации под анализируемым нами участником обыска может пониматься как *физическое*, так и *юридическое лицо*¹, но в обоих случаях допускается участие в обыске адвоката.

Если речь идет о юридическом лице, то, очевидно, что обыск проводится в производственных, служебных помещениях организации, с участием представителя этого юридического лица, и также адвоката. Согласно позиции Конституционного Суда, по

¹ Определение Конституционного Суда РФ от 14 января 2020 г. № 4-О «По жалобе общества с ограниченной ответственностью "Челябинский завод по производству коксохимической продукции" (ООО "Мечел-Кокс") на нарушение конституционных прав и свобод пунктом 3 части второй статьи 38 и частью одиннадцатой статьи 182 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // Вестник Конституционного Суда РФ. 2020. № 2.

смыслу ч. 11 ст. 182 УПК РФ такой адвокат, представляющий интересы владельца подвергнутого обыску помещения, не является защитником, поскольку действующее правовое регулирование не предусматривает возможности привлечения к уголовной ответственности юридического лица¹.

Участие *физического* лица в обыске возможно в двух ситуациях: *во-первых*, лицо, в жилище которого проводится обыск, а, *во-вторых*, лицо, в помещении которого проводится обыск. При этом, очевидно, что могут быть две разновидности первой ситуации: в одном случае, обыск может проводиться в жилище этого лица, когда суд дал разрешение на проведение в жилище данного лица; в другом случае, который более распространен на практике, иное лицо проживает в одном жилище с подозреваемым, обвиняемым, разрешение на обыск которого дал суд.

Во второй ситуации под обыскиваемым помещением может пониматься как служебное помещение по месту работы этого лица, так и помещение его временного проживания или пребывания, а также помещение, являющееся местом его постоянного жительства. Кроме того, могут быть и другие варианты попадания человека в статус лица, оказавшемся помещении, в котором проводится обыск, и который подвергается обыску и всем связанным с ним правоограничениями.

Как правильно указывается в научной литературе, круг лиц, права которых могут быть ограничены при проведении обыска, включает в себя, *во первых*, обладателей вещных прав на изъятое имущество; *во-вторых*, собственников жилого помещения, земельного владения, транспортного средства; *в-третьих*, лиц, проживающих совместно с обвиняемым, подозреваемым в одном

¹ Определение Конституционного Суда РФ от 17 февраля 2015 г. № 415-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Барабаша Кирилла Владимировича на нарушение его конституционных прав пунктами 1 и 5 части первой статьи 53 и пунктом 6 части четвертой статьи 56 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации»; Определение Конституционного Суда РФ от 23 апреля 2015 г. № 998-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Агаркова Александра Владимировича на нарушение его конституционных прав пунктом 1 части первой статьи 51 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

жилище фактически или на юридическом основании; *в-четвертых*, лиц, оказавшихся в обыскиваемом помещении (гостей, например) и чьи вещи были изъяты или имуществу которых причинен вред при проведении данного следственного действия¹.

В результате, под понятие «лицо, в помещении которого проводится обыск» подпадает достаточно широкий круг субъектов. В проблемное поле попадают прежде всего те из иных лиц, в отношении которых суд не принимал решение о разрешении проведения обыска и которые оказались в помещении вместе с подозреваемым, обвиняемым, но и лицом, на обыск жилища, помещения которых суд прямо дал разрешение. Эти лица, как представляется, особенно уязвимы в своих правах: на момент проведения обыска у них нет ни защитника, ни адвоката, в то время как их имущество может быть объектом поисковых действий следователя и может быть изъято со всеми вытекающими юридическими последствиями.

На наш взгляд, можно выделить три проблемных аспекта в правовом регулировании участия иного лица в обыске и в обеспечении его прав и законных интересов уголовно-процессуальными гарантиями.

Первый аспект связан с участием адвоката лица, в помещении, жилище которого проводится обыск. Как разъяснил Конституционный Суд Российской Федерации, адвокат может быть и у физического лица, в помещении которого проводится обыск и это не защитник, а именно адвокат этого лица, который оказывают квалифицированную юридическую помощь обыскиваемому лицу. По требованию лица следователь обязан обеспечить участие в обыске адвоката. Но проведение обыска не может быть обусловлено явкой адвоката в место проведения обыска и не приостанавливает обыск для обеспечения явки адвоката².

¹ См.: Устов Т.Р. Обеспечение законных интересов лица, в помещении которого проводится обыск // Актуальные проблемы правоприменительной деятельности на современном этапе: сб. науч. ст. / под общ. и науч. ред. О.В. Гладышевой, В.А. Семенцова. Краснодар: Просвещение-Юг, 2012. С. 174–175.

² Определение Конституционного Суда РФ от 28 сентября 2017 г. № 2240-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина

На наш взгляд, участие в обыске защитника обвиняемого не исключает участия в этом следственном действии адвоката лица, в помещении которого проводится обыск. Поэтому следователь обязан разъяснить право на участие адвоката лицу, в помещении которого проводится обыск.

С учетом позиций Конституционного Суда полагали бы целесообразным включить в ст. 182 УПК РФ норму о том, что лицо, в помещении которого проводится обыск вправе иметь адвоката, обеспечить явку которого обязан следователь, проводящий обыск. И хотя следователь не может быть связан явкой адвоката с началом проведения обыска, в то же время обыск не может быть закончен пока на место его проведения не явится адвокат лица и не окажет ему юридическую помощь. Эта помощь совершенно необходимо, если изымаются вещи данного лица, при составлении протокола обыска.

Возникает также вопрос о том, дает ли право постановление суда о разрешении обыска в жилище подозреваемого, обвиняемого, в котором вместе с ним в качестве члена семьи проживает «иное лицо», следователю, проводящему обыск, изымать, осматривать вещи, документы, включая сотовый телефон, электронные носители персональных данных, иной информации, охраняемой законом, принадлежащие этому человеку. А кроме того, подвергать личному обыску лицо.

Второй аспект не столь однозначен, что обусловлено, в первую очередь, позицией Конституционного Суда по вопросу о правомочности изъятия сотрудниками правоохранительных органов сотового телефона у лица в рамках обыска жилища, помещения; личного обыска, но также и личного досмотра¹.

Григоряна Романа Вячеславовича на нарушение его конституционных прав частью одиннадцатой статьи 182, пунктами 10 и 11 части третьей, частями пятой и шестой статьи 259, частью третьей статьи 260, статьей 297 и пунктом 2 статьи 307 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

¹ Определение Конституционного Суда РФ от 25 января 2018 г. № 189-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Прозоровского Дмитрия Александровича на нарушение его конституционных прав статьями 176, 177 и 195 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации».

Анализ судебной-следственной практики подтверждает положение о том, что суда считают законным изъятие сотовых телефонов у лиц, которые находятся в помещении, в котором проводится обыск на основании постановления о разрешении проведения обыска в жилище. Так, при производстве обыска в жилище И., подозреваемой в совершении преступления, предусмотренного п. «в» ч. 2 ст. 115 УК РФ, были изъяты сотовый телефон, ноутбук, иные электронные носители информации у ее супруга А., проживающего с ней в одном жилище¹. Конституционные права человека и гражданина А., как лица, в жилище которого был проведен обыск, при попытках его обжаловать в порядке ст. 125 УПК РФ действий следователя и постановления суда о разрешении производства обыска, судом первой и второй инстанций не были признаны².

Мы разделяем мнение ученых о том, что требуется специальное судебное разрешение на изъятие у лица, в жилище которого проводится обыск, средств мобильной связи и передачи информации³.

Третий аспект связан с обеспечением права на судебную защиту лица, в чьем жилище или помещении которого проведен

Федерации»; Определение Конституционного Суда РФ от 28 ноября 2019 г. № 3205-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Габашвили Игоря Сергеевича на нарушение его конституционных прав частью первой статьи 176 и частью второй статьи 177 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» / СПС «КонсультантПлюс».

¹ Архив Приокского районного суда г. Н. Новгорода. Дело № 3/12-59/2023.

² Архив Приокского районного суда г. Н. Новгорода. Дело № 3/12-59/2023.

³ См.: Александров А.С. Учение о следственных действиях на пороге «цифрового» мира // Юридический вестник Самарского университета. 2017. Т. 3. № 4. С. 80–85; Ищенко П.П. Следственные действия в условиях цифровизации уголовного судопроизводства // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. 2022. № 1. С. 30–42; Умнягина Ю.А. Электронные носители информации в уголовном судопроизводстве // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2020. № 4 (28). С. 52–55.

обыск, в виде апелляционного обжалования постановления суда о разрешении проведения обыска в жилище, либо помещении.

Лицо, в жилище или помещении которого проводится обыск, независимо от его процессуально-правового статуса по делу, имеет право на получение копии протокола обыска и копии постановления суда о разрешении проведения обыска. Полагаем, что такая норма должна быть в ст. 182 УПК РФ, что является необходимой гарантией использования этим лицом своего права на судебную защиту, предусмотренного ст. 46 Конституции РФ, и подлежащей реализации посредством последующего судебного контроля.

Третий аспект обеспечения прав лица, в жилище или помещении которого проведен обыск, связан с обеспечением права на апелляционное обжалование постановления суда о разрешении проведения такого обыска. Несмотря на то, что по смыслу ч. 1 ст. 389.1 УПК РФ, в ее истолковании Пленумом Верховного Суда РФ¹, входят «иные, лица в той части, в которой обжалуемое судебное решение затрагивает их права и законные интересы», к которым необходимо отнести и анализируемых нами лиц, суды отказывают в удовлетворении этих жалоб².

Более того, на практике нередко случаи отказов судами в принятии апелляционных жалоб от лиц, в жилище которых был проведен обыск. Так, в уже указанном ранее деле А. судом трижды было отказано в принятии апелляционной жалобы на постановление суда о разрешении производства обыска в жилище И., несмотря на то что у него в результате обыска были изъяты принадлежащие ему вещи³.

¹ Пункт 2 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 ноября 2012 г. № 26 (ред. от 27 июня 2023 г.) «О применении норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регулирующих производство в суде апелляционной инстанции» // Российская газета. 2012. 7 декабря.

² Апелляционное постановление Мурманского областного суда от 25 декабря 2018 г. по делу № 22К-1490/2018. URL: <https://sudact.ru>.

³ Канцелярия по уголовным делам Приокского районного суда г. Н. Новгорода. Дело № 3/12-59/2023.

В связи с этим полагали ли полезным включить в перечень лиц, содержащийся в ч. 1 ст. 389.1 УПК РФ, также «иное лицо, в жилище, помещении которого был проведен обыск».

С.Н. Титов

**УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ОХРАНА
ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ:
ОПЫТ КИТАЙСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ**

**CRIMINAL LAW PROTECTION
OF INTELLECTUAL PROPERTY: EXPERIENCE
OF THE PEOPLE'S REPUBLIC OF CHINA**

Настоящий материал является результатом сравнительно-правового исследования, в ходе которого автором изучались материалы законодательства и правоприменительной практики Китая в области уголовно-правовой охраны интеллектуальной собственности. Автор приходит к выводу о том, что в Китайской Народной Республике интеллектуальная собственность рассматривается руководством страны как важнейший ресурс индустриального развития, в связи с чем ее уголовно-правовой охране уделяется очень большое внимание.

This material is the result of a comparative legal study, during which the author studied materials from the legislation and law enforcement practice of China in the field of criminal legal protection of intellectual property. The author comes to the conclusion that in the People's Republic of China, intellectual property is considered by the country's leadership as the most important resource for industrial development, and therefore great attention is paid to its criminal legal protection.

Ключевые слова: уголовная ответственность, интеллектуальная собственность, сравнительное уголовное право, интеллектуальные права, посягательства на интеллектуальную собственность.

Key words: criminal liability, intellectual property, comparative criminal law, intellectual rights, infringement of intellectual property.

Изучение опыта Китайской Народной Республики в области уголовно-правовой охраны интеллектуальной собственности важен и полезен по нескольким причинам.

Во-первых, статистика патентной активности последних лет показывает изменение географии инновационной деятельности в пользу азиатских стран. Так, в 2021 г. Китай опередил США по числу действующих патентов¹.

Во-вторых, Россию и Китай связывает опыт построения коммунистического общества, опыт развития и плановой, и рыночной экономики.

В-третьих, правовая охрана интеллектуальной собственности в России и Китае имеет примерно равную историю – около двухсот лет в России и порядка ста пятидесяти лет в Китае².

¹ Мировые показатели деятельности в области интеллектуальной собственности, издание 2022 года // Сайт Всемирной организации интеллектуальной собственности. 2022. 21 ноября.

² Право интеллектуальной собственности. Патентное право: учебник. / Под общ. ред. Л.А. Новоселовой. М.: Статут, 2019. Т. 4. С. 11. Здесь нужно отметить, что выдача привилегий в России имеет давнюю историю. Пожалуй, первой привилегией можно считать Жалованную грамоту полоцким посадским людям на беспошлинную торговлю всякими товарами в г. Полоцке 1654 г (Полное собрание законов Российской империи. СПб, 1830. Т. 1. С. 351–352). Между тем и эта, и последующие привилегии являются скорее разрешением на определенный вид деятельности, чем документом об охране интеллектуальных прав (См. об этом: Кирсанова Е.Е. Правовое регулирование оборота прав на результаты интеллектуальной деятельности в цифровой экономике. М.: Юстицинформ, 2022. С. 7).

В Китае начало правовой охраны интеллектуальной собственности относится ко второй половине 19 в. В частности, в 1882 г. была введена охрана промышленных технологий сроком на 10 лет. Данная хронология основана на книге известного исследователя права интеллектуальной собственности Китая Яна Дели «Интеллектуальная собственность и бизнес в Китае» (См.: Подчернин В.Н. Историко-правовые аспекты формирования культуры интеллектуальной собственности Китая // Вестник Новосибирского государственного университета. Сер.: История. Филология. Вып. 4 (Востоковедение). Новосибирск, 2008. Т. 7. С. 59).

Не лишним будет отметить и политическое сближение двух стран, ярким свидетельством которого является государственный визит руководителя КНР в Россию в марте 2023 г.¹

Анализируя документы, связанные с рассматриваемым вопросом, нельзя не отметить, какое значение придается вопросам охраны интеллектуальной собственности в Китае на самом высоком государственном уровне, причем не первое десятилетие. 2007 г. был объявлен в стране годом интеллектуальной собственности. Тогда же отмечалось, что Китайская Народная Республика переживает переломный момент в выстраивании государственной политики в области изобретательства, инновационной деятельности и охраны интеллектуальных прав. На протяжении прошедших лет руководство страны регулярно подчеркивает важность данных вопросов².

Программные, стратегические государственные документы Китайской Народной Республики позволяют заключить, что интеллектуальные права, результаты интеллектуальной деятельности подлежат правовой охране в первую очередь не как частные активы, собственность отдельных граждан, авторов, а как ресурс индустриального развития страны.

Примером может служить текст «Схемы судебной защиты интеллектуальной собственности в Китае (2016–2020 гг.)», в которой говорится о необходимости усиления судебной защиты интеллектуальной собственности, которая должна превратиться в мощный производственный ресурс и способствовать превращению КНР в «глобальную державу интеллектуальной собственности»³.

¹ Путин В.В. Россия и Китай – партнёрство, устремлённое в будущее // Жэньминь Жибао. 2023. 19 марта; Си Цзиньпин. Упорно двигаться вперед, к новым перспективам дружбы, сотрудничества и совместного развития Китая и России // Российская газета. 2023. 20 марта.

² Premier Li stresses IPR protection, business environment. URL: http://english.www.gov.cn/premier/news/202105/21/content_WS60a7b05ac6d0df57f98d9dd5.html; Подчернин В.Н. Указ. соч. С. 57.

³ Схемы судебной защиты интеллектуальной собственности в Китае (2016–2020 гг.) (中国知识产权司法保护纲要) / Сайт Верховного Народного Суда

Этот же документ показывает целый спектр мероприятий, организационных решений и мер, направленных специально на усиление охраны интеллектуальной собственности:

- формирование специализированных судебных инстанций;
- создание системы одновременного рассмотрения дел разной отраслевой принадлежности (гражданской, уголовной, административной);
- выпуск на системной основе печатных изданий, посвященных обобщению практики в этой области и др.

В стране действует Исследовательский центр судебной защиты интеллектуальной собственности при Верховном народном суде, выходит целый ряд тематических периодических изданий по данной теме.

Обозначенному подходу соответствует и структура уголовного закона КНР¹. Статьи о незаконном использовании результатов интеллектуальной деятельности сосредоточены в одном структурном подразделении – специальном разделе в главе III Преступления, связанные с нарушением порядка социалистического рыночного хозяйства. Такой законодательский ход говорит о понимании единообразного характера характера общественной опасности этих преступлений.

Размер ущерба, причиненного преступлением, не выступает криминообразующим признаком. Как правило, в состав преступления не включены последствия. Вместо этого криминообразующим признаком выступает размер деяния или же отягчающие обстоятельства. Например, согласно ст. 216 УК КНР подделка чужого патента при отягчающих обстоятельствах наказывается лишением свободы на срок до трех лет или арестом, а также штрафом.

Особо стоит отметить активную работу правоохранительных органов Китая в борьбе с интеллектуальным пиратством. К

[https://english.court.gov.cn/pdf/OutlineoftheJudicialProtectionofIntellectualPropertyinChina\(2016-2020\).pdf](https://english.court.gov.cn/pdf/OutlineoftheJudicialProtectionofIntellectualPropertyinChina(2016-2020).pdf).

¹ Уголовный закон Китайской Народной Республики (中华人民共和国 刑法) / База нормативных актов Верховной народной прокуратуры КНР. URL: https://www.spp.gov.cn/spp/fl/201802/t20180206_364975.shtml.

примеру, в течение первых четырех месяцев 2021 г. Главное таможенное управление Китая (GAC) конфисковало 25,41 миллиона единиц товаров¹.

Важной особенностью этой работы является ее скоординированность и стратегический подход. Первая из названных черт, в частности выражается в создании единой организационной структуры – Передовой национальной группы, которая действует с 2011 г. и включает 27 ведомств, так или иначе связанных с противодействием нарушениям интеллектуальных прав². Важным направлением работы этих ведомств являются совместные акции и проекты, например, «Кибермеч» или «Железный кулак»³.

Стратегический подход находит свое выражение в планировании Передовой национальной группы своей работы. Ежегодно под кураторством этой организации составляется единый план, включающих направления работы и показатели для каждого ведомства с последующей отчетностью⁴.

Перспективы борьбы с нарушениями прав интеллектуальной собственности в Китайской Народной Республике связываются именно с межведомственным сотрудничеством⁵.

Таким образом, можно сделать следующие выводы об

¹ China customs seizes over 25m IPR-infringing items in January-April. URL: http://english.www.gov.cn/statecouncil/ministries/202105/21/content_WS60a6ea07c6d0df57f98d9d4a.html.

² Хань Цзуньян. Тенденции в борьбе с контрафакцией и пиратством в Интернете. URL: https://www.wipo.int/meetings/ru/details.jsp?meeting_id=64708.

³ Синь Кан. Онлайн-охрана авторского права в Китае. URL: https://www.wipo.int/meetings/ru/details.jsp?meeting_id=50412; План действий «Железный кулак» по защите интеллектуальной собственности. URL: http://gkml.samr.gov.cn/nsjg/zfjcj/201904/t20190426_293160.html; Хань Цзуньян. Тенденции в борьбе с контрафакцией и пиратством в Интернете. URL: https://www.wipo.int/meetings/ru/details.jsp?meeting_id=64708.

⁴ Хань Цзуньян. Тенденции в борьбе с контрафакцией и пиратством в Интернете. URL: https://www.wipo.int/meetings/ru/details.jsp?meeting_id=64708.

⁵ Отчет об укреплении сотрудничества и усилению защиты интеллектуальной собственности. URL: http://www.gov.cn/zhengce/zhengceku/2021-05/24/content_5611192.htm.

уголовно-правовой охране интеллектуальной собственности в Китае.

1. Интеллектуальная собственность в Китае рассматривается как ресурс достижения национального благосостояния, актив для превращения страны в глобальную державу в сфере инноваций. С этих позиций выстраивается и система ее правовой, в том числе уголовно-правовой, охраны.

2. Единство объекта преступлений против интеллектуальной собственности подчеркивается структурой уголовного законодательства. Нормы о преступлениях против интеллектуальной собственности структурно обособлены.

3. Размер ущерба, причиненного преступлением, не выступает криминообразующим признаком. Как правило, в состав преступления не включены последствия.

4. Уголовное законодательство Китая реагирует на современные процессы цифровизации, в частности, предусматривая в качестве способа совершения преступлений против интеллектуальной собственности использование информационно-телекоммуникационных технологий.

5. Действия государственных органов Китая скоординированы на высоком государственном уровне и подчинены системе стратегического планирования противодействия преступности в сфере интеллектуальной собственности.

С.А. Тишков,
Б.А. Даган

**НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ
КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ ХАРАКТЕРИСТИКИ
РАЗБОЙНЫХ НАПАДЕНИЙ, СОВЕРШАЕМЫХ
В РЕСПУБЛИКЕ БЕНИН**

**SOME FEATURES OF THE CRIMINALISTIC
CHARACTERISTIC OF ROBBERIES COMMITTED
IN THE REPUBLIC OF BENIN**

В статье рассматриваются основные элементы криминалистической характеристики разбоев, совершаемых в Республике Бенин. Использование метода «кейс-стади» позволило авторам выделить некоторые особенности криминалистической характеристики разбоев, совершаемых в приграничных районах Бенина.

The article examines the main elements of the criminalistic characteristic of robberies committed in the Republic of Benin. The use of the «case-study» method allowed the authors to highlight some features of the criminalistic characteristic of robberies committed in the border areas of Benin.

Ключевые слова: Республика Бенин, расследование преступлений, разбой, криминалистическая характеристика.

Key words: Republic of Benin, criminal investigation, robbery, criminalistic characteristic.

Преступность – это бедствие, существующее веками и являющееся реальным препятствием на пути к безопасной жизни в обществе. Поэтому власти каждого государства рассматривают реализацию мер по её искоренению как приоритет в сфере внутренней политики.

Одной из эффективных форм борьбы с преступностью является полное и объективное расследование преступлений, которое

требует от сотрудников правоохранительных органов знания теоретических основ методики расследования преступлений, включая их криминалистическую характеристику.

В российской юридической науке имеется целый ряд публикаций, посвященных общетеоретическим вопросам криминалистической характеристики различных видов преступлений и их практической реализации¹.

Вместе с тем рассмотрение теоретических основ методики расследования грабежей на территории государств Африки, включая криминалистическую характеристику, не нашло должного отражения в российской научной литературе². Устранение данного пробела может помочь в создании научно-методической базы для подготовки специалистов для африканских государств на базе образовательных организаций МВД России.

Именно по этой причине наше исследование посвящено криминалистической характеристике разбоев, факты совершения которых имеют большой общественный резонанс в некоторых городах и регионах Бенина³.

Разбой относится к преступлениям против собственности и представляет значительную общественную опасность, т. к. «сопряжен с причинением имущественного ущерба и посягательством на жизнь и здоровье, поэтому каждое совершенное

¹ См., например: Костина Е.А. Криминалистическая характеристика преступлений экстремистской направленности // Эпомен. 2021. № 56. С. 267–274; Ефимова В.В. Особенности криминалистической характеристики современных налоговых преступлений // Российский следователь. 2022. № 3. С. 9–13; Киселев А.С., Горбунова К.А. Особенности криминалистической характеристики преступлений в сфере компьютерной информации // Актуальные проблемы государства и права. 2023. Т. 7, № 3 (27). С. 370–378; Морозова Н.В. Использование данных об элементах криминалистической характеристики в борьбе с кражами и угонами транспортных средств // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова. 2019. № 2 (79). С. 66–69.

² Тишков С.А., Эшмаков А.Я. Особенности криминалистической характеристики разбоев, совершаемых в постконфликтных государствах субэкваториальной Африки (на примере Республики Либерия) // Российский следователь. 2014. № 12. С. 48–53.

³ URL: <https://www.countryreports.org/country/Benin.htm>.

преступление подрывает доверие населения к правоохранительным органам государства»¹.

Считаем важным отметить, что ни одно действие не может быть квалифицировано как преступление, если это не регламентировано законом. При этом квалификация преступных деяний в разных странах может отличаться. Например, согласно ст. 162 Уголовного кодекса Российской Федерации «разбой – это нападение в целях хищения чужого имущества, совершенное с применением насилия, опасного для жизни или здоровья, либо с угрозой применения такого насилия»².

Вместе с тем термин «разбой» не закреплен в Уголовном кодексе Республики Бенин (далее – УК РБ). Сопоставление российского и бенинского уголовного законодательства позволяет предположить, что противоправное деяние, квалифицируемое как разбой в соответствии с Уголовным кодексом Российской Федерации, – это не что иное, как деяние, зафиксированное в УК РБ как «квалифицированная кража». Но определение объективной стороны этого преступления имеет некоторые различия в соответствии с законодательства указанных государств.

В отличие от России, в Бенине виновным в квалифицированном хищении считается не только тот, кто применил насилие с целью хищения чужого имущества, но и тот, кто совершил хищение при одном из квалифицирующих признаков, предусмотренных ст. 629, 630–633 и некоторыми другими статьями УК РБ³. Среди этих обстоятельств мы можем упомянуть следующие:

- совершение кражи в ночное время;
- совершение преступления двумя или более лицами;

¹ Тишков С.А., Эшмаков А.Я. Особенности криминалистической характеристики разбоев, совершаемых в постконфликтных государствах субэкваториальной Африки (на примере Республики Либерия) // Российский следователь. 2014. № 12. С. 49.

² Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 25 декабря 2023 г.) (с изм. и доп., вступ. в силу с 30 декабря 2023 г.) // СПС «КонсультантПлюс».

³ Закон об Уголовном кодексе Республики Бенин от 4 июня 2018 г. № 2018-16. URL: <https://assemblee-nationale.bj/wp-content/uploads/2020/03/le-nouveau-code-penal-2018.pdf>.

- совершение преступления путем преодоления заборов, взлома запорных устройств или отпирания запоров жилища¹ с помощью поддельных ключей, либо с присвоением статуса государственного гражданского служащего или военнослужащего (*например, с использованием форменной одежды государственного служащего или офицера – прим. авторов*), а также под предлогом выполнения ложного приказа гражданских или военных властей;

- совершение кражи с применением насилия;

- использование виновным лицом заранее подготовленного моторизованного транспортного средства с целью прибытия к месту преступления или для бегства с места преступления².

Предметом преступного посягательства при разбоях в Бенине является чужая собственность, в том числе наличные деньги, средства сотовой связи, носимое имущество, бытовая техника, а иногда мотоциклы и автомобили, другое имущество. Поскольку эти преступления совершаются с применением насилия, то они часто причиняют вред здоровью граждан, а иногда даже приводят к смерти потерпевших или случайных лиц.

Способы совершения разбоя характеризуются использованием фактора внезапности, дерзостью и различаются в зависимости от плана, разработанного преступниками. По нашему мнению, в диспозиции ст. 629 УК РБ приведены некоторые элементы способа совершения разбоя.

Например, к *первой группе* можно отнести нападения на открытой местности, при которых преступники чаще всего действуют группами, заранее поджидая своих жертв на слабоосвещенных улицах, пустырях, в парках, на пляжах возле отелей. Остановив и окружив своих жертв, злоумышленники угрожают им насилием или причинением вреда здоровью, отбирают деньги, вещи и затем скрываются с места происшествия на мотоциклах или скутерах³.

¹ Под жилищем понимается дом, квартира, комната или иное помещение, которое используется для проживания, а также хозяйственные постройки (прим. авторов).

² Закон об Уголовном кодексе Республики Бенин от 4 июня 2018 г. № 2018-16.

³ URL: <https://www.countryreports.org/country/Benin.htm>.

Вторую группу могут составлять разбойные нападения на коммерческие предприятия, магазины, торговые павильоны и жилые дома, которые часто совершаются путем преодоления заборов и разрушения (взлома) входных дверей или окон.

К третьей группе возможно отнести вооруженные нападения рынки, жертвами которых, как правило становятся, продавцы мобильных телефонов и лица, занимающиеся частным (ручным) обменом валюты (*данный вид бизнеса не криминализован в Бенине*¹)².

В отдельную группу целесообразно выделить нападения на водителей такси или водителей-дальнобойщиков, совершаемые, преимущественно, в ночное время на дорогах междугородного сообщения.

В ряде случаев преступники совершают действия по подготовке к совершению преступлений: выбирают объекты для нападения, подбирают оружие, обдумывают способы и пути отхода с места происшествия.

Подавляющее большинство преступников составляют мужчины, как правило, в возрасте от 20 до 35 лет. Преступниками часто являются необразованные люди, которые не имеют постоянного места жительства и работы, употребляют алкоголь и наркотики (наиболее часто индийскую коноплю). В большинстве своем они являются лицами, ранее привлеченными к уголовной ответственности.

При совершении данного вида преступлений могут быть использованы холодное оружие (ножи, мачете) и/или огнестрельное оружие (самодельные пистолеты, автоматы Калашникова) или

¹ Уполномоченным по операциям с ручным обменом валюты может быть любое физическое или юридическое лицо, зарегистрированное на территории государства-члена Западноафриканского экономического и валютного союза (ЗАЭВС, фр. *Union économique et monétaire ouest-africaine*) и получившее разрешение министра финансов на осуществление операций с ручным обменом валюты (Статья 1 Регламента № 09/2010, утвержденного Советом министров ЗАЭВС. URL: <https://www.bceao.int/sites/default/files/2017-12/reglement-relatif-aux-relations-financieres-externes-des-etats-de-uemoa-textes-application.pdf/>.

² URL: <https://thenationonlineng.net/robbers-on-rampage-in-benin-kill-three/>.

бытовые предметы (например, молотки). Однако подчеркнем, что использование боевого оружия при совершении разбойных нападений является редкостью. Как правило, оно может быть использовано для нападения на банки, бизнес-офисы, рынки. Преступники часто производят выстрелы в воздух для запугивания потенциальных жертв (*однако даже такая произвольная стрельба может приводить к случайным жертвам – прим. авторов*) или для оказания сопротивления правоохранителям¹.

Для иллюстрации приведенных тезисов рассмотрим разбойное нападение на частных обменщиков валюты в приграничном с Нигерией г. Сэме-краке на юге Бенина в 2010 г., в расследовании которого принимал участие один из авторов сданной статьи.

Преступники прибыли на место происшествия на двух легковых автомобилях без регистрационных номеров. Как только одна из машин была припаркована перед автостанцией, из неё вышли несколько преступников, вооруженных автоматами Калашникова, и открыли беспорядочную стрельбу, преимущественно, в воздух. В панике частные обменщики валюты, находившиеся на территории около автостанции, бросили свои денежные средства и попытались покинуть место происшествия. В результате преступники завладели крупной суммой денег в западноафриканских франках КФА (*фр. Franck CFA BCEAO*) и нигерийской найре (*англ. Naira*).

В этот момент вторая машина припарковалась перед зданием отделений банков Diamond Bank SA и Ecobank, в направлении которых преступники, не выходя из машины, открыли огонь очередями. Жандармы, дежурившие на улице, оказали вооруженное сопротивление и двое преступников были застрелены в ходе перестрелки. Действия правоохранителей свели на нет замыслы преступников и ускорили их бегство. Однако вызвать для подкрепления мобильную оперативную группу жандармы не смогли, т. к. преступники заблаговременно смогли нарушить соединение сетей мобильной связи.

После совершения нападения части банды удалось пересечь границу Нигерии со значительными суммами денег в западноафриканских франках КФА и нигерийской найре. В результате

¹ URL: <https://dailypost.ng/2023/08/24/armed-robbers-shoot-soldier-to-death-in-benin/>.

расследования, проведенного в сотрудничестве с Интерполом, через несколько дней на территории Нигерии были задержаны 8 преступников из этой организованной группы со значительным количеством оружия и боеприпасов, а также крупными суммами денег.

Считаем важным отметить, что в состав данной группы входили граждане как Бенина, так и Нигерии.

Приведенный пример наглядно показывает, что вооруженные нападения на сотрудников финансовой сферы в приграничных районах Республики Бенин совершаются членами организованных групп, которые могут иметь трансграничный характер.

Способ совершения данных преступлений является полноструктурным, при этом преступники продумывают не только стадию подготовки к криминальному акту, но и пути отхода. В ряде случаев они покидают регион и переезжают в соседние страны, рассчитывая на слабую координацию работы правоохранителей на межгосударственном уровне.

Мы поддерживаем точку зрения о том, что «элементы структуры криминалистической характеристики могут варьироваться в зависимости от рода, вида (группы) рассматриваемых преступлений»¹. Поэтому в данном исследовании не ставили цель выявить и рассмотреть полный комплекс элементов криминалистической характеристики разбойных нападений, а постарались выявить особенности преступлений данного вида, характерные для приграничных районов Республики Бенин.

Считаем важным отметить, что государственные власти Республики Бенин принимают многочисленные реформы как в сфере безопасности, так и в социальной сфере², которые привели к значительному снижению уровня преступности в стране. Было бы желательно, чтобы сотрудники органов безопасности применяли в

¹ Тишков С.А. Особенности криминалистической характеристики преступлений, связанных с изменением идентификационного номера транспортного средства, совершаемых на территории Центрального федерального округа Российской Федерации // Среднерусский вестник общественных наук. 2014. № 3. С. 180.

² См.: Муаль М.Н.Б. Социальные проблемы Республики Бенин // Современный менеджмент: научные подходы и перспективные технологии: материалы XVIII междунар. науч.-практ. конф. Орел: Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева, 2022. С. 302–308.

практической деятельности данные о криминалистической характеристике каждого преступления при разработке наиболее эффективных стратегий противодействия конкретным видам преступлений и борьбы с преступностью для обеспечения безопасности населения Бенина.

Д.О. Туманов

**ИНОЕ ЛИЦО, НА КОТОРОГО ВОЗЛОЖЕНА
ОБЯЗАННОСТЬ ВОСПИТАНИЯ
НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНЕГО, КАК СУБЪЕКТ
ПРЕСТУПЛЕНИЯ**

**ANOTHER PERSON TO WHOM THE RESPONSIBILITY
IS ASSIGNED THE DUTY OF EDUCATION
A MINOR, AS A SUBJECT CRIMES**

В статье исследуются актуальные вопросы выявления фактов вовлечения подростков в противоправную деятельность и привлечения виновных лиц к уголовной ответственности. Акцентируется внимание на неопределенности, установленной в ч. 2 ст. 150 УК РФ категории «иные лица», вызывающей в следственной практике сложности в определении субъекта преступления, на которого возложена обязанность по воспитанию несовершеннолетнего.

The article focuses on the uncertainty of the category "other persons" established by Part 2 of Article 150 of the Criminal Code of the Russian Federation, which causes difficulties in investigative practice in determining the subject of the crime – the person to whom the duties are assigned. for the upbringing of a minor. Based on the analysis of legislation, subordinate regulations and emerging law enforcement practice, information about persons who may be criminally liable under Part 2 of Article 150 of the Criminal Code of the Russian Federation is systematized.

Ключевые слова: субъект преступления, вовлечение несовершеннолетних в совершение преступлений, обязанности по воспитанию несовершеннолетних.

Key words: the subject of the crime, the involvement of minors in the commission of crimes, responsibilities for the upbringing of minors.

Проводимое автором исследование многогранных и сложных вопросов предупреждения, пресечения, раскрытия и расследования преступлений несовершеннолетних позволило выявить проблему привлечения виновных лиц к предусмотренной законом уголовной ответственности за вовлечение подростков в противоправную деятельность следующего характера.

Так, число лиц, осужденных за совершение преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 150 УК РФ, незначительно. Согласно данным Судебного департамента при Верховном Суде РФ, за 2022 г. по указанной статье уголовного закона было осуждено 23 человека, тогда как в 2021 г. их число составляло немного больше – 29¹.

Изучение приведенных статистических данных и складывающейся следственно-судебной практики позволило прийти к выводу, что столь незначительное число осужденных за совершение преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 150 УК РФ, обусловлено сложностями при определении круга лиц, относящихся к субъектам рассматриваемого преступления. Особенно это касается иных лиц, на которых законом возложены обязанности по воспитанию несовершеннолетнего, ведь четкого определения категории «иные лица» в рассматриваемом аспекте ни уголовный закон, ни какой-либо иной нормативный акт не дает.

Отдельно следует отметить, что трактовка правоприменителями понятия «иные лица» колеблется от необоснованно широкой до необоснованно узкой, что свидетельствует об отсутствии его

¹ Сводные статистические сведения о состоянии судимости в России за 2022 г. / Судебный департамент при Верховном Суде РФ. URL: http://cdep.ru/userimages/Statistika_2022_godovaya/k3-svod_vse_sudy-2022.xls.

единообразного понимания практиками. Нет единства по этому вопросу и среди ученых.

Так, к числу иных лиц относят:

- опекуна, попечителя, отчима, мачеху, дедушку, бабушку, взрослого брата, взрослую сестру при отсутствии родителей и наличии юридически возложенной обязанности осуществлять воспитание несовершеннолетнего¹;

- усыновителя, опекуна, попечителя, приемного родителя (родителей), воспитателя детского дома, сотрудника специального учебно-воспитательного учреждения²;

– тренера спортивной секции, руководителя художественного кружка³;

– социального работника, медицинского работника, психолога, других специалистов⁴.

Представляется, что приведенный перечень иных лиц весьма хаотичен и не отличается логикой изложения и, как следствие, хотя бы относительной полнотой. Относительно приведенных выше позиций о том, кто может быть отнесен к иным лицам, полагаем целесообразным сформулировать ряд замечаний, обусловленных не совсем четкой позицией авторов упомянутых перечней иных лиц:

- не указаны иные (помимо бабушки и дедушки) близкие и дальние родственники несовершеннолетнего по восходящей линии: прадедушка, прабабушка, дядя, тетя при условии наличия у них реальной возможности осуществлять воспитание

¹ Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / Под ред. В.М. Лебедева. М.: Юрайт, 2013. С. 385.

² Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации: расширенный уголовно-правовой анализ с материалами судебно-следственной практики / Под общ. ред. А.П. Новикова. М.: Экзамен, 2006. С. 357.

³ Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации: в 2 т. (постатейный) / А.В. Бриллиантов, Г.Д. Долженкова, Э.Н. Жевлаков [и др.]. 2-е изд. М.: Проспект, 2015. Т. 1. С. 792.

⁴ Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный) / К.А. Барышева, Ю.В. Грачева, Г.А. Есаков [и др.]. 7-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2017. 736 с.

несовершеннолетнего (в силу возраста, состояния здоровья и материального положения);

- отсутствует конкретизация относительно правового положения взрослого брата, и взрослой сестры, на которых при отсутствии родителей несовершеннолетнего возложена обязанность осуществлять его воспитание. В данном случае, на наш взгляд, необходимо уточнение, о каких конкретно братьях и сестрах идет речь – полнородных, неполнородных старших братьях и сестрах. Также не ясно, относятся ли к ним двоюродные старшие братья и сестры;

- опять же не ясно, почему воспитатель детского дома отнесен к иным лицам, поскольку согласно приказа Минздравсоцразвития РФ от 26 августа 2010 г. № 761н¹ данное лицо именуется воспитателем, является педagogическим работником, который осуществляет деятельность по воспитанию детей в образовательных учреждениях и их структурных подразделениях (интернате при школе, общежитии, группах, группах продленного дня и др.), иных учреждениях и организациях. Равным образом не ясно, какова причина явно излишней конкретизации путём указания на место работы воспитателя – детский дом. В результате, за рамками внимания остались другие организации для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей (в частности, детские дома семейного типа², школы-интернаты, в том числе для детей с

¹ Приказ Министерства здравоохранения и социального развития РФ от 26 августа 2010 г. № 761н «Об утверждении Единого квалификационного справочника должностей руководителей, специалистов и служащих, раздел «Квалификационные характеристики должностей работников образования» // Российская газета. 2010. 20 октября.

² Основными задачами детского дома семейного типа являются создание благоприятных условий для воспитания, обучения, оздоровления и подготовка к самостоятельной жизни детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, в условиях семьи. Детский дом семейного типа организуется на базе семьи при желании обоих супругов взять на воспитание не менее 5 и не более 10 детей и с учетом мнения всех совместно проживающих членов семьи, в том числе родных и усыновленных (удочеренных) детей (Постановление Правительства РФ от 19 марта 2001 г. № 195 «О детском доме семейного типа») // Собрание законодательства РФ. 2001. № 13. Ст. 1251).

дефектами умственного и физического развития, специальные учебно-воспитательные учреждения открытого и закрытого типа).

Также вызывает недоумение, почему тренер спортивной секции отнесен к «иным лицам», поскольку согласно вышеупомянутому приказу № 761н данное лицо именуется тренером-преподавателем, к должностным обязанностям которого отнесена учебно-тренировочная и воспитательная работа и в силу этого он является педагогическим работником. Следовательно, оснований включения его в перечень иных лиц, являющихся субъектами преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 150 УК РФ, на наш взгляд, не имеется. Также не ясно, почему авторы приведенных выше перечней иных лиц акцентировали внимание на месте работы тренера – спортивная секция;

- выделение руководителя художественного кружка по меньшей мере сомнительно, поскольку в приказе № 761н должность руководителя художественного кружка среди должностей работников образования отсутствует. Наряду с этим, в данном нормативном правовом акте упоминается должность педагога дополнительного образования, в соответствии с которой лицо осуществляет дополнительное образование обучающихся, воспитанников в соответствии со своей образовательной программой.

Справедливости ради отметим, что руководитель кружка упоминается в вышеуказанном приказе № 761н среди должностей работников, занятых в культурно-досуговых организациях, но его обязанности далеки от реализации воспитательных задач. Полагаем, что основания для включения руководителя художественного кружка в перечень «иных лиц», являющихся субъектами преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 150 УК РФ, отсутствуют.

Не менее проблематичным представляется отнесение к иным лицам социального и медицинского работника, психолога, других специалистов.

Поясним свою позицию. Согласно Общероссийскому классификатору занятий ОК 010-2014 (МСКЗ-08), разработанному Министерством труда и социальной защиты РФ, социальные работники осуществляют администрирование и реализацию программ социальной помощи, предоставление общественных услуг и

оказывают помощь клиентам для решения их личных и социальных проблем.

Федеральный закон «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» к медицинским работникам относит физическое лицо, которое имеет медицинское или иное образование, работает в медицинской организации и в обязанности которого входит осуществление медицинской деятельности (ч. 1 ст. 2). Под последней законодатель понимает профессиональную деятельность по оказанию медицинской помощи, проведению медицинских экспертиз, медицинских осмотров, освидетельствований и пр.¹

В соответствии с приказом Министерства здравоохранения РФ от 2 мая 2023 г. № 205н к специалистам с высшим (немедицинским) образованием, осуществляющим медицинскую деятельность, относится медицинский психолог². В свою очередь, согласно приказу Министерства труда и социальной защиты РФ от 18 ноября 2013 г. № 682н, трудовые функции психолога в социальной сфере заключаются в организации психологического сопровождения и психологической помощи социально уязвимым слоям населения, а также разработка и реализация программ повышения психологической защищенности и предупреждения психологического неблагополучия населения³.

Системный анализ вышеприведенных нормативных правовых актов дает основание для вывода, что ни на социального работника, а также медицинского работника, ни на психолога не возлагаются обязанности по воспитанию несовершеннолетних, вследствие этого они не могут рассматриваться в качестве иных

¹ Федеральный закон от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2011. № 48. Ст. 6724.

² Приказ Министерства здравоохранения РФ от 2 мая 2023 г. № 205н «Об утверждении Номенклатуры должностей медицинских работников и фармацевтических работников» / Официальный интернет-портал правовой информации (pravo.gov.ru).

³ Приказ Министерства труда и социальной защиты РФ от 18 ноября 2013 г. № 682н «Об утверждении профессионального стандарта «Психолог в социальной сфере» // Российская газета. 2014. 15 января.

лиц, являющихся субъектами преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 150 УК РФ.

Что касается отнесения к иным лицам неких других специалистов, то полагаем, что такой подход можно обозначить как неоправданно расширительный ввиду отсутствия указания на то, о каких конкретно специалистах идет речь.

Представляется, что причиной такого широкого разброса не в полной мере обоснованных мнений является игнорирование того факта, что в ч. 2 ст. 150 УК РФ законодатель указывает, что это лица, на которых законом возложены обязанности именно по воспитанию несовершеннолетнего. Кроме того, определенную двусмысленность внес законодатель, указав в п. 3 ст. 7 Федерального закона «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации» от 24 июля 1998 г. № 124-ФЗ среди специалистов, которые осуществляют функции по воспитанию, обучению, охране здоровья, социальной поддержке и социальному обслуживанию ребенка, педагогических, медицинских, социальных работников, психологов и другие категории¹. Думается, что, взяв за основу приведенный законодателем перечень указанных лиц, при разработке перечня «иных лиц» авторами не было учтено, что законодатель не дифференцировал трудовые функции специалистов, перечисленных в п. 3 ст. 7 указанного выше закона.

Принимая во внимание указанные обстоятельства, полагаем, что отнесение к иным лицам, например, воспитателя детского дома, необоснованно узко, а отнесение к ним сотрудника специального учебно-воспитательного учреждения, необоснованно широко. На наш взгляд, в контексте позиции законодателя речь должна идти не о конкретных должностях вышеуказанных лиц и не о неких сотрудниках конкретных учреждений, а в целом о сотрудниках различного рода организаций, на которых законом возложены обязанности по воспитанию несовершеннолетних: школ (общеобразовательных, специализированных (коррекционных), спортивных, интернатов и др.), детских домов, специальных учебно-воспитательных учреждений и др.

¹ Федеральный закон от 24 июля 1998 г. № 124-ФЗ (ред. от 20 июля 2000 г.) «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 1998. № 31. Ст. 3802.

Далее, не ставя перед собой задачу проанализировать каждую из приведенных выше позиций относительно перечней лиц, отнесенных к иным лицам, отметим, что за рамками внимания авторы оставили фактических воспитателей, упомянутых в ст. 96 Семейного кодекса РФ.

По мнению С.П. Гришаева, в этом качестве могут выступать как родственники, так и посторонние ребенку лица, которые на постоянной основе его содержат и воспитывают (например, мачеха, отчим). Однако в отличие от, например, опекунов, попечителей и приемных родителей отношения между фактическими воспитателями и воспитанниками не оформляются в органах опеки и попечительства в виде опекунства, усыновления, приемной семьи¹. Согласно позиции высшей судебной инстанции, под фактическим воспитателем понимаются как родственник воспитанника, так и иное лицо, не состоящее в родстве с ребенком, которое осуществляет его воспитание и содержание, но при этом не приобретает статуса усыновителя, опекуна (попечителя), приемного родителя или патронатного воспитателя².

Представляется, что применительно к рассматриваемому преступлению под фактическими воспитателями, которые могут быть отнесены к иным лицам следует понимать:

- лиц, не являющихся родителями несовершеннолетнего (в том числе приемными, патронатными), опекунами, попечителями, усыновителями воспитанника, которые относятся к его близким или дальним родственникам по восходящей линии: прадедушка, прабабушка, дедушка, бабушка, дядя, тетя, полнородные и неполнородные (имеющие общих отца или мать) старшие братья и сестры, двоюродные старшие братья и сестры, иные родственники;

¹ Гришаев С.П. Постатейный комментарий к Семейному кодексу Российской Федерации. 2-е изд., перераб. и доп. Специально для системы «Гарант», 2018 г.

² Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 26 декабря 2017 г. № 56 «О применении судами законодательства при рассмотрении дел, связанных со взысканием алиментов» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2018. № 4.

- лиц, не являющихся близкими или дальними родственниками, опекунами, попечителями либо усыновителями воспитанника, которые на постоянной и добровольной основе осуществляют в отношении него функции родителя (так называемое социальное родительство): один из супругов, не являющийся биологическим родителем рожденного до заключения брака ребенка другого супруга; один из бывших супругов, не связанный биологическим родством с рожденным до заключения брака ребенком другого бывшего супруга; одно из лиц, не состоящих в браке между собой, которое не является биологическим родителем ребенка другого лица, вступившего с ним в фактические брачные отношения;

- лиц, не состоящих в родстве с оставшимся без родительского попечения несовершеннолетним и не являющихся его опекунами, попечителями, усыновителями, которые по собственной инициативе и на постоянной основе его воспитывают и содержат: соседи, близкие друзья родителей несовершеннолетнего в случае, когда родители по объективным причинам не в состоянии исполнять свои родительские обязанности (по причине хронического заболевания, тяжелой болезни и (или) пребывающих в медицинском стационаре, в результате стечения тяжелых обстоятельств, задержания по подозрению в совершении преступления, в отношении которых избрана мера пресечения в виде заключения под стражу, пропавших без вести и находящихся в розыске, в течение длительного времени находящиеся в состоянии алкогольного, наркотического, иного опьянения и др.

**ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ,
КАК НОВАЯ ЭПОХА В РАЗВИТИИ
УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА**

**ARTIFICIAL INTELLIGENCE
AS A NEW ERA IN THE DEVELOPMENT
OF CRIMINAL PROCEEDINGS**

В настоящей статье рассмотрены теоретические и практические аспекты использования искусственного интеллекта в уголовном судопроизводстве. Обращается внимание на уже имеющийся в Китае опыт применения указанной технологической системы в уголовном процессе, которая зарекомендовала себя положительным образом. При этом, отмечается, что в современной научной доктрине достаточно широко представлены различные подходы, обсуждающие возможности и проблемы, связанные с внедрением технологии искусственного интеллекта в уголовном судопроизводстве, а также зарубежный опыт в этой области.

This article discusses the theoretical and practical aspects of the use of artificial intelligence in criminal proceedings. Attention is drawn to the existing experience in China of using this technological system in criminal proceedings, which has proven itself to be positive. At the same time, it is noted that in modern scientific doctrine various approaches are quite widely presented, discussing the opportunities and problems associated with the introduction of artificial intelligence technology in criminal proceedings, as well as foreign experience in this area.

Ключевые слова: искусственный интеллект, уголовное судопроизводство, нейросеть, цифровые технологии.

Key words: artificial intelligence, criminal proceedings, neural network, digital technologies.

В 2021 г. в Китае была введена в практику уголовного процесса система искусственного интеллекта (далее – ИИ), которую можно назвать как «нейропрокурор». Она разрабатывалась учёными Китайской академии наук. Указанная система способна анализировать уголовные дела и выносить по ним некоторые процессуальные решения вместо прокурора-человека. Проект «нейропрокурор» был протестирован в самой загруженной прокуратуре Китая, расположенной в Шанхае, и продемонстрировал точность решений в 97 % уголовных дел.

«Нейропрокурор» был обучен на более чем 17 000 уголовных дел с 2015 по 2018 гг. (по другим данным, с 2015 по 2020 гг.). Система способна разбираться и выносить «прокурорские» решения по восьми самым распространенным видам преступлений в Китае. Китайские разработчики планируют дальнейшее обновление указанной программы «нейропрокурор» для работы с более сложными уголовными делами¹.

Тем не менее, несмотря на высокую точность, китайские прокуроры и другие юристы-практики в этой стране высказывают опасения относительно эффективности и надежности проекта «нейропрокурор». Они подчеркивают, что большинство из них не хотят, чтобы компьютеры «вмешивались в уголовный процесс». Основные сомнения вызывает вопрос ответственности в случае ошибок: кто будет отвечать за неправильное (неправомерное) решение – прокурор, нейросеть или разработчик ИИ? Кроме того, существуют опасения, что «нейропрокурор» может выносить решения исключительно на основе прецедента и не способен предвидеть общественный резонанс².

Вместе с тем китайский опыт показывает возможности применения ИИ в уголовном процессе, в частности, в автоматизации прокурорских практик участия в уголовных делах, что может существенно ускорить расследование и рассмотрение преступлений и освободить время прокуроров для работы над более сложными криминальными кейсами.

¹ В Китае создали «нейропрокурора» [Электронный ресурс].

² В Китае разработали нейросеть, заменяющую прокурора [Электронный ресурс].

Технология, подобная «нейропрокурору» в Китае, связана с проблематикой более широкого использования ИИ в уголовном правосудии. Конкретные примеры китайской технологии «нейропрокурор» в других странах в настоящее время фактически отсутствуют. Однако, в уголовно-процессуальной доктрине широко представлены различные подходы, обсуждающие возможности и проблемы, связанные с внедрением ИИ в уголовном судопроизводстве, а также зарубежный опыт в этой области¹.

К примеру, в одних исследованиях обсуждается, как возможное использование ИИ в уголовном процессе может повлиять на права человека².

В других работах говорится о том, что текущие обстоятельства способствуют использованию ИИ, приводя к возможности «предсказанного правосудия»³.

¹ См.: Афанасьев А.Ю. Искусственный интеллект в уголовном процессе // Юридическая техника. 2021. № 15. С. 571–574; Муратова Н.Г. Искусственный интеллект, уголовный процесс и криминалистика: концептуальный подход // Уголовный процесс и криминалистика: теория, практика, дидактика: сб. материалов VI Всерос. науч.-практ. конф. Рязань, 2021. С. 226–233; Папышева Е.С. О возможностях интегрирования искусственного интеллекта в уголовный процесс // Проблемы экономики и юридической практики. 2021. Т. 17. № 5. С. 220–227; Ковалева О.Н., Рябова Л.В., Феодоридис Н.Ф. Принципы использования искусственного интеллекта в практике уголовного правоприменения и в сфере уголовно-процессуальной деятельности // Журнал юридических исследований. 2022. Т. 7. № 2. С. 119–125.

² См.: Лебедев З.С. Некоторые вопросы применения искусственного интеллекта в уголовном процессе России // Основы экономики, управления и права. 2021. № 4 (29). С. 45–48; Петрикина А.А., Примак Я.С. Искусственный интеллект в уголовном судопроизводстве Российской Федерации: перспективы и возможности // Цифровые технологии и право: сб. науч. тр. I Междунар. науч.-практ. конф. В 6 т. / Под ред. И.Р. Бегишева [и др.]. Казань: Познание, 2022. Т. 2. С. 176–179.

³ См.: Бирюков П.Н. Искусственный интеллект и «предсказанное правосудие»: зарубежный опыт // Lex Russica. 2019. № 11 (156). С. 79–87; Рябцева Е.В. Проблема использования искусственного интеллекта в уголовном правосудии // Всероссийский криминологический журнал. 2023. Т. 17, № 1. С. 73–80.

Отдельные авторы рассматривают современные возможности внедрения ИИ в уголовное судопроизводство в связи с исследованием мирового опыта в этой области¹.

В действительности ИИ постепенно внедряется в системы правосудия по всему миру для анализа больших объёмов данных, помощи в определении прецедентов в правоприменительной практике, оптимизации судебных процессов и предоставления прогнозов по различным вопросам, включая исход дела конкретным приговором или вероятность рецидива в деянии лица, признанного виновным².

Примеры применения ИИ в уголовном судопроизводстве различаются в зависимости от страны. В некоторых странах системы ИИ уже внедрены или находятся в стадии внедрения, используя ИИ для автоматизации некоторых аспектов судебного процесса³. Эти примеры демонстрируют, как ИИ может быть использован для улучшения эффективности правосудия, хотя конкретные методики и технологии отличаются от тех, что применяются в Китае в связи с «нейропрокурором».

Вместе с тем, указанные разработки отражают глобальный тренд к внедрению ИИ в уголовное судопроизводство, с целью улучшения доступа к правосудию, ускорения уголовных процессов и в итоге, достижения справедливости.

Думается, что за искусственным интеллектом будущее во всех сферах жизни общества, включая и область уголовного судопроизводства. Естественно, перед массовым внедрением в практическую деятельность он должен быть глубоко исследован и апробирован сначала на учебных макетах уголовных дел, а затем в тестовом режиме.

¹ См.: Макутчев А.В. Современные возможности и пределы внедрения искусственного интеллекта в систему правосудия // Актуальные проблемы российского права. 2022. Т. 17. № 8. С. 47–58; Спиридонов М.С. Технологии искусственного интеллекта в уголовно-процессуальном доказывании // Journal of Digital Technologies and Law. 2023. Т. 1. № 2. С. 481–497.

² Почти 4000 судебных «операторов» по всему миру присоединились в МООК ЮНЕСКО по ИИ и Верховенству Права. [Электронный ресурс].

³ См.: Практические примеры внедрения ИИ в других странах. [Электронный ресурс].

**К ВОПРОСУ О ЦИФРОВИЗАЦИИ УГОЛОВНОГО
СУДОПРОИЗВОДСТВА И РОЛИ ТЕХНОЛОГИЙ,
НАДЕЛЕННЫХ ИСКУССТВЕННЫМ ИНТЕЛЛЕКТОМ
В ХОДЕ РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ**

**ON THE ISSUE OF DIGITALIZATION OF CRIMINAL
PROCEEDINGS AND THE ROLE OF TECHNOLOGIES
ENDOWED WITH ARTIFICIAL INTELLIGENCE DURING
THE INVESTIGATION OF A CRIMES**

В статье рассматривается вопрос реформирования отечественного уголовно-процессуального законодательства в силу развития цифровых технологий и осуществления процесса цифровизации всех сфер общества. Определены возможные направления совершенствования взаимодействия между судом, прокуратурой, следователем и дознавателем в условиях цифровизации. Поднимается вопрос определения роли технологий искусственного интеллекта при расследовании преступлений, а также проблемы, которые требуют решения перед их внедрением.

The article discusses the issue of reforming domestic criminal procedural legislation due to the development of digital technologies and the implementation of the process of digitalization of all spheres of society. Possible directions for improving the interaction between the court, the prosecutor's office, the investigator and the interrogating officer in the context of digitalization have been identified. The question is raised of determining the role of artificial intelligence technologies in the investigation of crimes, as well as problems that require solutions before their implementation.

Ключевые слова: цифровизация, технологии искусственного интеллекта, уголовное судопроизводство, цифровые технологии, техническое средство, суд, прокуратура, следователь, дознаватель.

Key words: digitalization, artificial intelligence technologies, criminal proceedings, digital technologies, technical means, court, prosecutor's office, investigator, interrogator.

На протяжении длительного времени уголовное судопроизводство Российской Федерации подвергалось различным изменениям и совершенствовалось вместе с нашим обществом. Так, отечественное уголовно-процессуальное законодательство берет свое начало с первого письменного источника – Русской Правды 1016 г. (Правда Ярослава), которая регулировала общественные отношения в Киевской Руси и в Новгороде¹.

Начиная с этого момента и до 1917 г. происходят различные изменения уголовного процесса, включавшие в себя установление гласности, непосредственности и состязательности в судебном разбирательстве, появление розыска и института судебных следователей, создание предварительного следствия и адвокатуры, упразднение пыток, введение оценки доказательств на основе внутреннего убеждения судей².

Пришедшая в ноябре 1917 г. новая власть реформировала систему уголовного судопроизводства, отказавшись от порядка, который был определен Уставом уголовного судопроизводства 1864 г. Так, были созданы новые судебные органы – революционные трибуналы и местные суды, рассматривающие основной массив уголовных дел³.

27 октября 1960 г. принят Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР, действовавший на протяжении более чем 40 лет, регулярно подвергаясь изменениям и дополнениям.

В 90-е г. XX века, в связи с изменением в стране государственного строя, а затем и принятием в 1993 г. Конституции

¹ Филиппов А.Н. Учебник истории Русского права. Юрьев, 1907. Ч. 1.: Российское законодательство X–XX вв. Т. 1. Законодательство Древней Руси. М.: Юрид. лит., 1984. С. 27.

² Курс советского уголовного процесса. Общая часть. М.: Юрид. лит., 1989. С. 394.

³ Яковлева Л.В. История становления уголовно-процессуального законодательства в России // Историческая и социально-образовательная мысль. 2017. № 6. С. 102.

Российской Федерации, возникла необходимость в разработке принципиально нового уголовно-процессуального закона, который соответствовал бы направлениям развития современного российского общества.

С 1 июля 2002 г. вступил в силу УПК РФ, который не поставил точку на реформировании данного закона, и на сегодняшний день постоянно дополняется новыми нормами. Профессора В.П. Божьев и Б.Я. Гаврилов отмечают, что за более чем 20 лет действия УПК РФ в него внесены изменения более чем 300 федеральными законами. Однако часть из них носила несистемный характер, а отдельные противоречили идеологическим основам принятого в 2001 г. УПК, нося характер контрреформ его отдельных институтов¹. Но все же, были и изменения, соответствующие реалиям современного информационного общества, вызванные развитием высоких технологий и цифровизацией всех сфер общества, такие как:

- изъятие электронных носителей информации и копирование с них информации при производстве следственных действий;
- протоколирование в ходе судебного заседания судов первой и апелляционной инстанций с использованием средств аудиозаписи (аудиопротоколирование);
- проведение допроса, очной ставки, опознания путем использования систем видео-конференц-связи и др.

Рассмотрев некоторые этапы развития уголовно-процессуального законодательства нашей страны необходимо отметить, что оно в силу различных обстоятельств изменялось, и этот процесс в дальнейшем будет продолжаться. С учетом цифровизации общественных отношений стоит сказать, что вопрос дальнейшего реформирования УПК РФ занимает первоочередное значение среди ученых-процессуалистов с целью создания такого закона, который будет идти в ногу со временем и гарантировать обеспечение прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства.

¹ Божьев В.П., Гаврилов Б.Я. Концепция совершенствования досудебного производства в XXI веке: мнение науки и практика // Вестник Нижегородской академии МВД России. 2017. № 2 (38). С. 75.

Так, по мнению О.В. Качаловой и Ю.А. Цветкова, цифровая трансформация должна включать в себя *два направления*:

1) внедрения новых информационных технологий в уголовный процесс, которые будут способствовать повышению открытости, доступности и оперативности правосудия;

2) усовершенствование самого процесса посредством снижения его избыточного формализма. Одним из универсальных инструментов модернизации отечественного уголовного судопроизводства, способствующих одновременному достижению обеих целей, может стать внедрение электронного уголовного дела, широко распространенное в Республике Казахстан¹.

Вместе с этим, О.И. Андреева и О.А. Зайцев справедливо указывают на то, что отношения, возникающие в связи с процессом цифровизации, затрагивают интересы самых различных субъектов уголовно-процессуального права. В связи с чем необходима более подробная регламентация прав и обязанностей каждого из них, совершенствование механизмов и путей их взаимодействия, дальнейшая разработка и определение подходов и принципов к правовому регулированию уголовно-процессуальных отношений, связанных с расширением использования цифровых технологий в ходе расследования уголовного дела².

Говоря о цифровизации уголовно-процессуального законодательства, стоит обратиться к мнению профессора Л.В. Воскобитовой, отмечающей важность внедрения цифровых технологий в уголовно-процессуальную деятельность, но с учетом определенных условий. По ее мнению, такие технологии целесообразно использовать там, где они не противоречат самой природе уголовно-процессуальных отношений, одновременно следует не допускать необоснованной «цифровизации» там, где она противоречат правоприменительному характеру разрешения единичного и уникального уголовного дела, может нарушать права человека,

¹ Качалова О.В., Цветков Ю.А. Электронное уголовное дело – инструмент модернизации уголовного судопроизводства // Российское правосудие. 2015. № 2. С. 95.

² Андреева О.И., Зайцев О.А. Правовое регулирование уголовно-процессуальных отношений в цифровую эпоху // Вестник Томского государственного университета. 2020. № 455. С. 190.

противоречить конституционным принципам уголовного судопроизводства¹.

С учетом мнения ученых, изучающих данное направление развития общественных отношений, можно сделать вывод о том, что процесс цифровизации современного российского уголовного судопроизводства «запущен» и с каждым днем приобретает более массовый характер. Так, перспективным направлением развития уголовно-процессуального права видится переход к электронному производству по уголовному делу. Однако стоит заметить, что данная процедура достаточно масштабная и требует тщательной подготовки, а также просчета всевозможных рисков, которые могут возникнуть при расследовании уголовного дела с широким применением цифровых технологий.

В связи с изложенным стоит отметить, что перед внедрением института «электронное производство уголовного дела», на первоначальном этапе целесообразно было бы опробовать его в формате так называемой «электронной коммуникации» между судом, прокуратурой и следователем или дознавателем. Например, в Германии документооборот между вышеуказанными участниками по уголовным делам и материалам осуществляется по закрытым каналам электронной связи в зашифрованном виде. Кроме того, суды и органы прокуратуры могут направлять электронные обращения в суды и органы прокуратуры других государств Европейского Союза по вопросам оказания правовой помощи по уголовным делам².

Конкретными мерами, направленными на совершенствование взаимодействия с помощью цифровых технологий между судом, прокуратурой и следователем или дознавателем в уголовном судопроизводстве России, могли бы стать следующие:

¹ Воскобитова Л.А. Трансформация основ уголовного судопроизводства в условиях развития цифровых технологий: концепции социальной технологии, доказывания и обеспечения прав участников процесса / Российский фонд фундаментальных исследований: Российский центр научной информации. URL: https://www.rfbr.ru/rffi/ru/project_search/o_2082016.

² Масленникова Л.Н., Сушина Т.Е. Опыт цифровизации уголовного судопроизводства Федеративной Республики Германии и возможности его использования при цифровизации уголовного судопроизводства России // Актуальные проблемы российского права. 2020. Т. 15. № 6 (115). С. 220.

- дополнить ч. 3 ст. 108 УПК РФ «Заключение под стражу» положением о том, что следователь с согласия руководителя следственного органа, а также дознаватель с согласия прокурора вправе предоставить в суд ходатайство об избрании в качестве меры пресечения заключение под стражу и приложить к нему материалы, подтверждающие его обоснованность, *в электронном виде, заверенные электронной подписью*;

- дополнить ч. 1 ст. 165 УПК РФ «Судебный порядок получения разрешения на производство следственного действия» положением о том, что в случаях, предусмотренных пунктами 4–9, 10.1, 11 и 12 ч. 2 ст. 29 УПК РФ, следователь с согласия руководителя следственного органа, а дознаватель с согласия прокурора возбуждает перед судом ходатайство о производстве следственного действия, о чем выносится постановление, которое вправе направить в электронном виде, заверенное электронной подписью; также целесообразно дополнить ч. 3 указанной нормы формулировкой «В судебном заседании вправе участвовать прокурор, следователь и дознаватель. Судебное заседание *может быть проведено путем использования систем видео-конференц-связи*».

Совершенствование уголовно-процессуального взаимодействия суда, прокурора, следователя и дознавателя за счет применения цифровых технологий способно положительно повлиять на ход и качество расследования уголовного дела, соблюдение разумных сроков, а также исключение «бумажной волокиты». Выше была представлена лишь малая часть изменений УПК РФ, которые можно реализовать с помощью внедрения цифровых технологий, в связи с чем вопрос дальнейшего реформирования УПК РФ в условиях цифровизации остается открытым и требует качественной проработки и современного решения.

Говоря о цифровизации, нельзя не упомянуть о быстроразвивающихся в последние годы технологиях искусственного интеллекта, которые получили свое признание, благодаря мгновенному предоставлению различной информации, круглосуточной доступности, быстрому принятию решений и др. (chatGPT, нейросети, голосовые помощники, программные обеспечения, работающие на основе обработки естественного языка).

Безусловно, внедрение технологий, наделенных искусственным интеллектом, одна из первостепенных задач, стоящая перед учеными, изучающими как уголовный процесс, так и криминалистику. Однако их внедрение создает ряд вопросов, первый из которых заключается в обозначении роли искусственного интеллекта, т. е. придание ему самостоятельности наравне с другими участниками уголовного судопроизводства или же использование его, как технического средства для решения поставленных задач. Второй же вопрос связан с закреплением в УПК РФ положений, регулирующих использование искусственного интеллекта в ходе расследования преступлений и проведении судебного разбирательства.

Так, отсутствуют требования к самому искусственному интеллекту, к функциям, которые он будет выполнять, к способам и формам закрепления результатов его применения, что, несомненно, затрудняет возможности его использования в правоприменительной деятельности следователем, дознавателем, прокурором или судьей¹.

Рассматривая возможность наделения «искусственного интеллекта» правосубъектностью в современном уголовном процессе, можно сказать, что это невозможно в связи с возникновением определенных проблем, с которыми столкнутся все без исключения участники уголовного судопроизводства. Таковыми являются:

- отсутствие на сегодняшний день у искусственного интеллекта нравственных качеств, которые присущи только человеку;
- неспособность искусственного интеллекта проверить внесимую в него информацию, а также некачественные предсказательные алгоритмы.

Например, в Лос-Анджелесе, штатах Атланта и Филадельфия, алгоритмы анализируют данные о произошедших преступлениях с целью сообщения правоохранительным органам, где может произойти предполагаемое преступное деяние. Популярнейшая программа – PredPol, собирая такие данные, составляет карту горячих точек – мест, где вероятно будет совершено будущее преступление. Исследователи из некоммерческой организации Human Rights

¹ Михеева С.Н., Литвин И.И. Правовая природа категорий «искусственный интеллект»: монография. Екатеринбург: Уральский юридический институт МВД России, 2022. С. 57.

Watch, проанализировав работу PredPol, выяснили, что алгоритм намного чаще рекомендовал полиции направлять патрули в районы, где живут преимущественно чернокожие жители по сравнению с районами, где больше белых и где, в частности, преступления, связанные с незаконным оборотом наркотиков, совершались чаще, оставались без внимания патрулей¹.

Помимо изложенного примера можно назвать множество таких ситуаций, где искусственный интеллект не сможет оценить реальную обстановку и самостоятельно принять соответствующее решение, т. к. он работает на основе заданных в него алгоритмов и не способен выйти за их рамки, что не скажешь о человеке.

Однако на сегодняшний день уже существуют системы, работающие на основе нейросети (концепции глубинного обучения), которая является одним из наиболее популярных видов «искусственного интеллекта» и способная самообучаться. Нейросети активно применяются в правоприменительной практике иностранных правоохранительных органов, например, в Великобритании она изучила более пяти миллионов преступлений и научилась выделять общие признаки личности преступников, предпосылки к совершению преступлений, а также небольшие «намёки» - сигналы о готовящемся преступлении, которые обычно сложно заметить².

Стоит отметить, что данный вид искусственного интеллекта, безусловно, оказывает и будет оказывать положительное значение на ход и результаты расследования по уголовному делу, в связи с чем рассмотренную технологию необходимо внедрять в деятельность отечественных следственных органов. Пробные тесты использования нейросети в ходе расследования преступлений можно начать с составления процессуальных документов, например, в нее будут загружаться различные варианты заполненных постановлений и протоколов, а также занесен алгоритм по их составлению. После самостоятельного их изучения нейросеть будет выявлять

¹ Почему искусственный интеллект несправедлив? // ТАСС: информационное агентство. 2021. 14 апреля.

² Нейросеть научили узнавать потенциальных преступников // Радио «Мир»: новостной сайт. 2018. 29 ноября.

общие закономерности их заполнения, сопоставлять с внесенными в нее алгоритмами и выбирать свой наиболее верный вариант.

Таким образом, на сегодняшний день искусственный интеллект не способен в полной мере осуществлять субъективные права и юридические обязанности, а значит, не может являться субъектом правоотношений.

Говоря об использовании технологий искусственного интеллекта в качестве технического средства, т. е. помощника следователя, дознавателя или судьи, стоит сказать, что данный способ видится наиболее правильным в современных условиях. Однако в настоящее время отсутствует правовая регламентация процесса применения таких технологий, требующая проработки и закрепления в действующем УПК РФ.

Так, к 2024 г. суды Российской Федерации планируют подключить искусственный интеллект к составлению отдельных судебных решений. Реализовать данный проект они собираются через запуск системы «Правосудие онлайн», в рамках которой будут использоваться системы искусственного интеллекта. В суперсервис будут встроены вспомогательные элементы, с помощью которых можно определить подсудность уголовного дела, стандартные формы и справочники исковых требований и др., что позволит упростить и ускорить обращение в суд лицам, нуждающимся в судебной защите¹.

Создание российскими судами данного суперсервиса показывает их заинтересованность в интеграции новых технологий в свою деятельность, и говорит о большом скачке вперед, относительно других органов власти.

С учетом изложенного, считаем целесообразным создание в деятельности сотрудников органов, осуществляющих расследование по уголовному делу, и органов дознания аналогичного сервиса под названием «Следствие онлайн», который будет заниматься обработкой полученных заявлений, сообщений о преступлениях, административных правонарушениях и происшествиях, заявленных ходатайств, жалоб, а также будет включать в себя иную справочную информацию.

¹ Суды планируют подключить искусственный интеллект к составлению решений // Российская газета 2023. 25 мая.

В заключении следует указать, что процесс цифровизации развивается стремительными темпами и соответственно внедряется в уголовное судопроизводство. Определенные изменения в данном направлении уже сделаны, и они имеют, как положительные, так и отрицательные моменты.

Безусловно, процесс внедрения цифровых технологий, технологий «искусственного интеллекта» в уголовный процесс с каждым днем будет приобретать повышенный интерес, и будет оставаться первоочередной задачей ученых процессуалистов и криминалистов на протяжении ближайших лет. Это в свою очередь требует, развития данного направления путем детальной проработки и изучения всех возможных рисков, которые могут возникнуть при применении цифровых технологий, а также правовой регламентации использования таких технологий в ходе расследования преступлений, чтобы минимизировать возможность нарушения законных прав и интересов участников уголовного судопроизводства.

А.С. Тымчук

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ НЕЗАВИСИМОСТИ СУДЕБНОЙ ВЛАСТИ В РОССИИ

CURRENT PROBLEMS OF JUDICIAL INDEPENDENCE IN RUSSIA

В статье рассматриваются текущие проблемы, с которыми сталкивается независимость российской судебной власти. Анализируя вопросы, связанные с процессом назначения и внутренней динамикой, влияющей на судебную автономию, делается акцент на смене парадигмы в системе назначения, предлагая более инклюзивный и прозрачный подход с участием законодательных органов и судейского сообщества.

This article examines the current problems faced by the independence of the Russian judiciary. Analyzing the issues related to the appointment process and the internal dynamics affecting judicial autonomy, the author advocates a paradigm shift in the appointment system,

offering a more inclusive and transparent approach with the participation of legislative bodies and the judicial community.

Ключевые слова: независимость власти, система, процесс назначения, гарантии, внутренняя динамика, председатели судов.

Key words: independence of government, system, appointment process, guarantees, internal dynamics, chairmen of courts.

Конституция Российской Федерации, принятая в 1993 г., сыграла ключевую роль в пересмотре статуса и роли судебной власти в стране¹. Конституционные гарантии, в частности принципы неприкосновенности и несменяемости судей были введены для того, чтобы оградить судебную систему от внешнего влияния, гарантируя тем самым независимость судебной власти. Эти принципы направлены на создание условий, способствующих беспристрастному вынесению судебных решений, защиту судей от произвольного отстранения от должности и обеспечение стабильности внутри судебной ветви власти.

Одновременно были реализованы целевые программы, направленные на расширение возможностей и независимости судебной власти. Эти программы были направлены на решение системных проблем и повышение компетентности судебной власти посредством обучения, развития инфраструктуры и предоставления необходимых ресурсов. Цель состояла в том, чтобы снабдить судей инструментами, необходимыми для эффективного принятия решений и разрешения дел, укрепив их роль беспристрастных арбитров.

Несмотря на эти конституционные и программные меры, устойчиво низкий уровень общественного доверия к российской судебной системе свидетельствует о сохраняющихся проблемах. Реализация конституционных гарантий, хотя и является теоретически обоснованной, сталкивается с практическими препятствиями, которые могут снизить их эффективность. Двусмысленности

¹ Виноградова Е.В. Конституционная судебная реформа в современной России // Право и государство: теория и практика. 2019. № 5 (173). С. 29.

в толковании и обеспечении соблюдения этих гарантий вкупе с потенциальными пробелами в их применении поднимают вопросы о способности судебной власти функционировать независимо и вызывать доверие общественности.

Более того, меняющийся социально-политический ландшафт России требует периодической корректировки судебной системы. Изменения в законодательстве, структурах судов и процессе назначения отражают динамичный характер взаимоотношений между судебной системой и государством¹. Конституционные реформы, способствуя кодификации судебных гарантий, также вызвали необходимость в дополнительных законодательных изменениях для приведения их в соответствие с меняющимися требованиями правового поля.

В более широком контексте эволюцию российской судебной системы необходимо анализировать с учетом взаимодействия внешних факторов, включая политическую динамику и общественные ожидания. Пересечение этих элементов формирует траекторию развития судебной системы, влияя на способность судебной власти сохранять независимость перед лицом меняющихся вызовов.

Процесс назначения судей в российской судебной системе является важнейшим фактором, определяющим независимость судебной власти. Анализ тонкостей этого процесса выявляет сложные взаимоотношения между судебной системой и другими ветвями власти, особенно выделяя проблемы, связанные с концентрацией власти. Как указано в Конституции Российской Федерации, Президент обладает полномочиями назначать федеральных судей.

Такая концентрация полномочий по назначению поднимает вопросы об автономии судебной власти, поскольку формирование судебной власти становится неразрывно связанным с исполнительной ветвью власти. Сам по себе объем назначений – почти

¹ Бабаев А.А. Понятие, признаки и роль судебной системы в развитии российского общества // Евразийский союз ученых. 2020. № 5 (74). С. 28.

2 000 судей ежегодно – требует тщательного рассмотрения последствий этого процесса¹.

В процессе назначения отсутствует аспект участия самой судебной власти, что создает потенциальную уязвимость перед внешним влиянием. Отсутствие роли судейского сообщества в рекомендации или проверке кандидатов ограничивает возможности судебной власти в формировании своего собственного состава. Такая динамика бросает вызов демократическим принципам, присущим формированию ключевой ветви власти, потенциально ставя под угрозу независимость судебной власти.

Хотя Конституция обязывает Президента запрашивать согласие законодательных органов при назначении судей в федеральные суды на уровне субъектов, этот процедурный шаг принципиально не меняет концентрацию полномочий по назначению, что вводит уровень участия законодателей, но не устраняет отсутствие прямого судебного вмешательства или независимого механизма проверки потенциальных назначенцев.

Практические последствия такой концентрации власти становятся очевидными в повседневном функционировании судебной системы. Обширный бюрократический аппарат, необходимый президенту для выполнения множества назначений, накладывает существенное бремя на государственные ресурсы. Это поднимает вопросы об эффективности и демократичности системы, в которой на единый орган исполнительной власти возложена такая огромная ответственность.

Для повышения независимости судебной власти необходима смена парадигмы в процессе назначения. Учитывая принципы сдержек и противовесов, присущие демократической системе, альтернативный подход предполагает, что законодательные органы субъектов Российской Федерации берут на себя более активную роль в назначении судей. Этот сдвиг повлечет за собой рекомендации от судейского сообщества, введение определенной степени саморегулирования и содействие более совместному подходу к назначению судей.

¹ Лебедев В.М. Гарантии независимости судебной власти в Российской Федерации: концепция, история становления и современное состояние // Журнал российского права. 2019. № 11. С. 6.

Более того, прозрачность и открытость в процессе назначения имеют первостепенное значение. Нынешнее отсутствие ясности в отношении критериев отбора, потенциальная субъективность и отсутствие общественного контроля подрывают демократические идеалы, лежащие в основе надежной судебной системы¹.

Установление открытой, транспарентной процедуры, основанной на широком участии, не только повысило бы доверие общественности, но и укрепило бы легитимность судебной власти. Процесс назначения судей в российской судебной системе свидетельствует о концентрации власти в исполнительной ветви власти, особенно в руках Президента. Такая концентрация создает проблемы для независимости судебной власти, что требует пересмотра существующей парадигмы. Переход к более инклюзивному, прозрачному и основанному на сотрудничестве процессу назначения с участием законодательных органов и судейского сообщества мог бы способствовать укреплению судебной системы, которая не только соответствует конституции, но и пользуется доверием общественности, которой она служит.

Независимость судебной власти зависит не только от внешних факторов, но и от внутренней динамики российской судебной системы. Одной из заслуживающих внимания внутренних проблем являются сложные взаимоотношения между судьями и председателями судов².

Обширные полномочия, которыми обладают председатели, включая полномочия делать представления Президенту и рекомендовать кандидатов на должности судей, создают иерархическую структуру, которая может препятствовать независимости судебной власти. Потенциальное неправомерное влияние на процессы принятия решений, распределение дел и карьерные траектории вызывает обеспокоенность по поводу автономии судей в рамках этой структуры.

¹ Ван Х.М. Конституционные суды и делиберативная демократия // Правоведение. 2013. № 2 (307). С. 135.

² Королева Е.В. Правовой статус председателя суда в российском и международном праве // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2021. № 4 (141). С. 201.

Ключевым аспектом этой внутренней динамики является распределение дел между судьями, ответственность, как правило, возлагается на председателей. Концентрация этих полномочий предоставляет председателям механизм влияния на типы дел, которыми руководят отдельные судьи, потенциально определяя их профессиональное развитие и известность. Отсутствие автоматизированной и прозрачной системы распределения дел открывает возможности для субъективизма и, в крайних случаях, может поставить под угрозу принцип равного правосудия.

Система премий и надбавок в судебной системе вносит дополнительный уровень сложности во внутреннюю динамику. Хотя эти финансовые стимулы могут служить признанием за образцовую работу, они также потенциально могут использоваться в качестве инструментов влияния. Распределение премий и надбавок председателями создает систему, при которой судьи могут чувствовать себя вынужденными согласовывать свои решения с предпочтениями лиц, занимающих руководящие посты, что вызывает вопросы о беспристрастности судебной власти.

Кроме того, заслуживает внимания вопрос подотчетности в судебной системе. Возможность применения к судьям дисциплинарных мер, включая отстранение от должности, по причинам, связанным со сроками рассмотрения дел, может непреднамеренно поставить под угрозу независимость судей. Боязнь последствий решений, которые могут быть отменены в апелляционном порядке, может побудить судей придерживаться подходов, избегающих риска, что скажется на качестве и объективности их суждений.

Пребывание председателей судов на фиксированном шестилетнем сроке также создает уникальную внутреннюю проблему. Временный характер их назначений может создать зависимость от исполнительной власти и повлиять на процессы принятия решений с прицелом на возможное повторное назначение. Это временное ограничение может повлиять на долгосрочное стратегическое видение и независимость председателей судов.

Решение этих внутренних проблем требует многогранного подхода. Прежде всего, необходим пересмотр полномочий, которыми наделены председатели, особенно в распределении дел.

Внедрение автоматизированной, прозрачной системы распределения дел могло бы смягчить опасения, связанные с фаворитизмом и субъективизмом. Одновременно решающее значение имеет переоценка системы премирования, в которой акцент делается на признании заслуг, а не на потенциальном инструменте влияния.

В заключении стоит отметить, что решение внутренних и внешних проблем имеет решающее значение для укрепления независимости российской судебной системы. Прозрачный, инклюзивный процесс назначения и внутренние реформы, направленные на расширение прав и возможностей судей, являются важными шагами на пути к судебной системе, которая не только придерживается конституционных принципов, но и пользуется доверием общественности.

По мере развития российской судебной системы необходимы постоянная бдительность и реформы для обеспечения независимости судебной системы, которая служит интересам правосудия и демократии.

**О.В. Химичева,
И.Б. Тутынин**

**ОБ ОТМЕНЕ АРЕСТА ИМУЩЕСТВА
ПРИ ПРЕКРАЩЕНИИ УГОЛОВНОГО ДЕЛА
(УГОЛОВНОГО ПРЕСЛЕДОВАНИЯ) С ПОЗИЦИЙ
ОБЕСПЕЧЕНИЯ ВОЗМЕЩЕНИЯ ВРЕДА,
ПРИЧИНЕННОГО ПРЕСТУПЛЕНИЕМ**

**ON THE CANCELLATION OF THE SEIZURE
OF PROPERTY UPON TERMINATION OF A CRIMINAL
CASE (CRIMINAL PROSECUTION) FROM
THE STANDPOINT OF ENSURING COMPENSATION
FOR HARM CAUSED BY A CRIME**

В статье представлены отдельные проблемы правоприменения, возникающие в связи с отменой ареста имущества в уголовном судопроизводстве при прекращении уголовного дела (уголовного преследования). Авторы, на основе анализа отечественных и

зарубежных нормативных актов, обращения к предложениям отечественных процессуалистов, изложили варианты обеспечения права потерпевшего, гражданского истца на возмещение вреда, причиненного преступлением.

The article presents some problems of law enforcement that arise in connection with the cancellation of the seizure of property in criminal proceedings upon termination of a criminal case (criminal prosecution). The authors, based on the analysis of domestic and foreign normative acts, referring to the proposals of domestic processualists, outlined options for ensuring the right of the victim, the civil plaintiff to compensation for damage caused by a crime.

Ключевые слова: наложение ареста на имущество, прекращение уголовного дела (уголовного преследования), уголовное судопроизводство.

Key words: seizure of property, termination of a criminal case (criminal prosecution), criminal proceedings.

Обращение к действующей редакции ч. 9 ст. 115 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее по тексту – УПК РФ) показывает, что она предполагает процедуры отмены ареста имущества в уголовном судопроизводстве, зависящие от оснований принятия соответствующего решения. Эти порядки несколько отличаются друг от друга. Причиной тому являются особенности существующих на конкретный момент или предстоящих в будущем правоотношений, разнящихся своей правовой природой, а следовательно, и процедурой. Одно дело, когда отпадает необходимость ареста имущества, и другое, когда истек установленный судом срока ареста. Менее конфликтны для участников ситуации, когда гражданский иск добровольно возмещен и это приводит к отмене ареста. То же самое сказать не получится при недоказанности того, что имущество, на которое наложен арест, приобретено преступным путем.

Одним из особых случаев является ситуация, когда необходимо отменить арест имущества при прекращении уголовного

дела (уголовного преследования). Принципиально не возражая против такой возможности (ведь прекращение производства по уголовному делу или уголовного преследования лица должно означать снятие с него правоограничений, наложенных в связи с осуществлявшимся уголовным преследованием), нельзя не обратить внимания на ряд существующих проблем.

В юридической печати с давних пор справедливо поднимался вопрос о необходимости мер, позволяющих обеспечить законные требования потерпевшего на возмещение причиненного вреда при прекращении уголовного дела или уголовного преследования¹.

Действительно, согласно п. 8 ч. 2 ст. 213 УПК РФ, при вынесении постановления о прекращении уголовного дела (уголовного преследования) в этом документе необходимо указывать решение об отмене наложения ареста на имущество. При этом следователь, дознаватель вручает либо направляет копию постановления о прекращении уголовного дела потерпевшему, гражданскому истцу и гражданскому ответчику и разъясняет право предъявить иск в порядке гражданского судопроизводства, если уголовное дело прекращается по основаниям, предусмотренным п. 2–6 ч. 1 ст. 24, ст. 25, п. 2–6 ч. 1 ст. 27 и ст. 28 УПК РФ (ч. 4 ст. 213 УПК РФ). Иными словами, отсутствие в действиях обвиняемого или подозреваемого состава преступления либо другие, но уже не реабилитирующие основания дают потерпевшему, гражданскому истцу возможность удовлетворить свои требования в гражданско-правовом порядке.

В то же время ни следователь, ни дознаватель, ни судья не обязаны принимать меры, позволяющие в дальнейшем гражданскому истцу, потерпевшему, их представителям (далее для краткости – гражданскому истцу) продолжить отстаивание интересов в рамках гражданского судопроизводства, в том числе посредством пролонгации правоограничения, позволяющего не упустить контроль за ранее обнаруженным и арестованным имуществом. Гражданский истец в ряде случаев фактически теряет возможность

¹ См., например: О практике обеспечения возмещения ущерба при расследовании уголовных дел в сфере экономики // Информационный бюллетень следственного комитета РФ. 1998. № 4. С. 77.

отстаивать свои интересы, прежде всего, в порядке гражданского судопроизводства.

Конечно, этот участник уголовного процесса вправе обжаловать решение о прекращении уголовного дела (уголовного преследования) в целом либо в части оснований его прекращения. Свое несогласие с прекращением дела (уголовного преследования) он должен представить прокурору, осуществляющему надзор за расследованием этого дела, руководителю следственного органа, либо в суд. Срок, отведенный на обжалование постановления, следует рассматривать как одно из важнейших временных условий, которое определит перспективы и особенности в отстаивании прав и интересов участников уголовного судопроизводства.

В связи с этим существенное значение имеет своевременность информирования участников о принимаемом решении о прекращении уголовного дела (уголовного преследования), предоставления им возможностей для подготовки к предстоящим изменениям в правовой ситуации. В литературе предположено, что в целях обеспечения своих законных прав и интересов гражданский истец должен быть безотлагательно ознакомлен с процессуальным решением, приводящим к отмене наложения ареста на имущество. При этом одновременно должен разъясняться порядок обжалования данного решения¹.

Свойство «безотлагательности» в данном случае применимо в обще употребляемом смысле, но в УПК РФ такой термин не используется. Считаем, следует наделить обязанность информировать о принимаемом решении соответствующих участников качеством «незамедлительности».

Но и такой вариант не в полной мере действенен, результативен и обеспечивает возмещение вреда, причиненного преступлением. В нынешнее время, характеризующееся быстротой трансформаций как общественных отношений в глобальном масштабе, так и скоропалительных изменений правоотношений в конкретной ситуации, необходимы дополнительные возможности в отстаивании гражданским ответчиком своих прав и интересов. Например,

¹ Власенко Н.В., Иванов А.Н. Отмена наложения ареста на имущество в порядке уголовного судопроизводства // Российская юстиция. 2008. № 4. С. 54–56.

отмена ареста имущества, состоящего в безналичном виде, в электронной форме, позволяет злоумышленникам в короткое время безвозвратно «увести» средства в неизвестном для правосудия направлении. Не случайно, что к отмене ареста, наложенного на безналичные денежные средства отдельных лиц, предъявляются повышенные требования, указанные во втором предложении ч. 9 ст. 115 УПК РФ.

Поэтому очевидной становится необходимость рассмотреть вопрос об установлении обязанности следователя, дознавателя заблаговременно информировать потерпевшего, гражданского истца, их представителей о предстоящем решении отменить арест имущества. В данном случае ориентирование следователем, дознавателем тех лиц, кто вроде бы не является «процессуальным противником» – участников со стороны обвинения, нужно расценивать не столько как подготовку к реализации права на обжалование процессуального решения, сколько как предоставление возможности создать им условия для предстоящей защиты прав и интересов в гражданско-правовом порядке. Именно на это следует делать акцент в психологическом взаимоотношении с заинтересованными участниками уголовного судопроизводства.

На практике может возникнуть вопрос, как быть с арестованным имуществом, если гражданский истец, потерпевший или другое заинтересованное лицо обжалуют постановление о прекращении уголовного дела (уголовного преследования) в порядке, предусмотренном ст. 214 УПК РФ. Принимая жалобу к рассмотрению, прокурор, руководитель следственного органа, суд обязаны проверить законность и обоснованность принятого решения, и не исключено, что оно будет отменено, а производство по делу продолжено. Если решение об отмене ареста имущества вступит в силу с момента его принятия либо по истечении срока вступления решения в законную силу и будет исполнено, а прокурор, руководитель следственного органа, суд отменит постановление о прекращении дела (уголовного преследования), то придется вновь принимать меры обеспечения гражданского иска, налагать арест на имущество.

В этой связи, *во-первых*, необходимо учитывать позицию Конституционного Суда Российской Федерации, который, пусть

не в этой, но достаточно схожей с рассматриваемой ситуацией указал, что «в целях обеспечения прав и законных интересов ... потерпевших и гражданских истцов, законодатель предоставляет органу дознания, дознавателю, следователю, прокурору и суду как право приостановить исполнение обжалуемого решения (ч. 7 ст. 125 УПК Российской Федерации), так и право хранить имущество, являющееся вещественным доказательством по уголовному делу, в случае, когда спор о нем подлежит разрешению в порядке гражданского судопроизводства, вплоть до вступления в силу решения суда (ч. 1 ст. 82 УПК Российской Федерации)»¹.

Во-вторых, представляется верным предложение о том, что следователь и дознаватель заблаговременно, еще до вынесения постановления о прекращении уголовного дела (уголовного преследования), обязаны сообщать «потерпевшему о его праве ходатайствовать перед судом при предъявлении иска о принятии мер к его обеспечению по ст. 133–137 ГПК РСФСР»², то есть в порядке гражданского судопроизводства.

Кстати, в других странах такой порядок уже установлен. Например, п. 3 ст. 142 УПК Китайской Народной Республики предусматривает аналогичную процедуру информирования, предшествующую освобождению имущества от ареста.

В теории уголовного процесса существует еще одно предложение. С учетом значительного количества случаев рассмотрения исков о возмещении ущерба, причиненного преступлениями, в порядке гражданского судопроизводства³, отечественными процессуалистами предлагалось предусмотреть в законе возможность

¹ Определение Конституционного Суда РФ от 17 октября 2006 г. № 411-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы закрытого акционерного общества «Инвестиционная финансовая компания «Домедко-Хаксли Лимитед» на нарушение конституционных прав и свобод пунктами 8 и 9 части второй и частью четвертой статьи 213 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

² Никулин Е., Чувилев А. Гражданско-правовые последствия прекращения уголовных дел в стадии предварительного расследования // Соц. законность. 1972. №10. С. 26.

³ Применение судами законодательства о возмещении материального вреда, причиненного преступлением: (обзор судебной практики) // Бюллетень Верховного суда СССР. 1988. № 5. С. 45–46.

оставления в силе мер обеспечения гражданского иска после принятия решения о прекращении уголовного дела для сохранения самой возможности возмещения ущерба потерпевшему. Однако, такая возможность связывается только с нереабилитирующими основаниями прекращения уголовного дела¹.

Ввиду того, что прекращение уголовного дела не может служить препятствием для подачи иска в рамках гражданского судопроизводства, меры обеспечения иска, принятые в пределах уголовного дела, могут служить гарантией удовлетворения требований в рамках гражданского дела.

В связи с вышеобозначенным безусловная отмена ареста имущества, предусмотренная при прекращении уголовного дела и уголовного преследования, не только перечеркивает проведенную работу по обнаружению, оценке и аресту имущества, но и предоставляет ответчику время для сокрытия данного имущества.

На этом основании вполне обоснованными выглядят предложения исключить п. 8 ч. 2 ст. 213 УПК РФ², а также дополнить ч. 2 ст. 309 УПК РФ нормой о том, что меру обеспечения гражданского иска в виде наложения ареста на имущество возможно сохранить до вынесения судебного решения в порядке гражданского судопроизводства и вступления его в законную силу³.

Надо признать, что подобные предложения несколько радикальны. В случае, когда уголовное дело прекращается или полностью прекращается уголовное преследование, прекращаются все уголовно-процессуальные отношения, в том числе и имущественного характера. Это означает, что от ареста должно быть освобождено все имущество, судьбу которого отследить в дальнейшем достаточно сложно.

¹ Азаров В.А. Проблемы теории и практики охраны имущественных интересов личности в уголовном судопроизводстве: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1996. С. 111–112; Новичкова З.Т. Обеспечение иска в советском судопроизводстве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1973. С. 19.

² Дык А.Г. Актуальные вопросы гражданского иска в уголовном процессе: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2007. С. 21–22.

³ Тимошенко А.В. Теоретические и практические вопросы гражданского иска в предварительном расследовании: дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2002. С. 176.

Поэтому в таких постановлениях нет необходимости указывать, с какого имущества снят арест и какие вещи и предметы подлежат возврату. Но перевод действия уголовно-процессуально ареста имущества в гражданско-правовой (процессуальный) оправдан и необходим. Иначе гарантированность защищаемых законом прав и интересов потерпевших лиц, вовлеченных ранее в уголовно-процессуальные отношения, будет отсутствовать.

При этом должны быть предусмотрены законом временные рамки действия, упомянутого выше правоограничения (уголовно-процессуальный арест имущества, «переходящий» в гражданско-процессуальный), достаточные для подготовки к новому судебному разбирательству по гражданскому делу и заявления о продлении действия ареста имущества.

Р.В. Хмыров

РАСШИРЕНИЕ ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ СФЕРЫ УЧАСТИЯ ПРЕДСТАВИТЕЛЯ АДВОКАТСКОЙ ПАЛАТЫ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

EXPANDING THE PROCEDURAL SCOPE OF PARTICIPATION OF A REPRESENTATIVE OF THE BAR ASSOCIATION IN CRIMINAL PROCEEDINGS

На основе анализа законодательства и существующего противоречия, обязывающего работников адвокатских образований хранить профессиональную тайну адвоката, и при этом об опасности быть подвергнутыми уголовной ответственности за отказ от дачи показаний, в случае их вызова на допрос, автор приходит к выводу о необходимости участия представителя адвокатской палаты в опросе и допросе не только адвоката, но и помощника адвоката и стажера адвоката.

Based on an analysis of the legislation and the existing contradiction obliging employees of bar associations to keep the professional secret of a lawyer, and at the same time the danger of being subject to criminal liability for refusing to testify if they are called in for

questioning, the author comes to the conclusion that it is necessary for a representative of the bar association to participate in questioning and interrogation of not only the lawyer, but also the assistant lawyer and trainee lawyer.

Ключевые слова: адвокат, помощник адвоката, стажер адвоката, представитель адвокатской палаты, допрос адвоката, допрос работников адвокатского образования.

Key words: lawyer, assistant lawyer, trainee lawyer, representative of the bar association, interrogation of a lawyer, interrogation of legal education workers.

В уголовно-процессуальный закон введена ст. 450.1¹, предусматривающая особенности производства осмотра, выемки и обыска в отношении адвоката. Такое решение законодателя, как видится, связано с достаточно широким правоограничительным характером перечисленных следственных действий и существующей опасностью раскрытия профессиональной тайны адвоката при их производстве. Указанное решение направлено на совершенствование механизма защиты адвокатской тайны, что можно расценивать как движение в сторону повышения качества оказания квалифицированной юридической помощи в уголовном судопроизводстве, в связи с чем, мы всецело поддерживаем такое решение законодателя.

Но возникает вопрос: только ли обыск, осмотр и выемка, проводимые в отношении адвоката, несут угрозу раскрытия адвокатской тайны?

Отвечая на поставленный вопрос, отметим, Центром конституционных исследований совместно с Федеральной палатой адвокатов Российской Федерации в июне-июле 2022 г. проведён опрос адвокатов, в котором приняли участие 520 адвокатов из 64

¹ Федеральный закон от 17 апреля 2017 г. № 73-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2017. № 17. Ст. 2455.

субъектов федерации¹. Результат опроса показал, что 11,6% респондентов были подвергнуты, вызову на допрос в качестве свидетелей, в связи с осуществлением ими профессиональной деятельности.

Допрос представляет собой самое массовое следственное действие, позволяющее получать устные и письменные показания разных участников уголовного судопроизводства, в том числе адвоката и работников адвокатских образований, таких как помощник адвоката и стажер адвоката, которым, как и адвокату могут быть известны сведения конфиденциального характера. Стоит подчеркнуть, что обязанность хранить адвокатскую тайну возложена в равной мере, как на адвоката², так и на помощника адвоката³ и стажера адвоката⁴.

При этом гарантия в виде свидетельского иммунитета закреплена лишь в отношении лица наделенного статусом адвоката. Так, ч. 3 ст. 56 УПК РФ запрещает допрашивать адвоката, защитника подозреваемого (обвиняемого) об обстоятельствах, которые стали им известны в ходе оказания юридической помощи.

На отсутствие свидетельского иммунитета у работников адвокатских образований и на потребность общества в его

¹ Общество с ограниченной ответственностью «Центр конституционных исследований». Социологическое исследование распространённости нарушений профессиональных прав адвокатов. URL: <https://constlawcenter.ru/reports/defenders-rights/chapter-2/>.

² Отметим, что Федеральный закон от 31 мая 2002 г. № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» (Российская газета. 2002. 5 июня), не содержит прямого предписания хранить адвокату профессиональную тайну. При этом обязывает соблюдать профессиональную тайну Кодекс профессиональной этики адвоката, который в п. 2 ст. 6 закрепляет положение о том, что соблюдение профессиональной тайны адвокатом является безусловным приоритетом его деятельности.

³ Пункт 3 ст. 27 Федерального закона от 31 мая 2002 г. № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации».

⁴ Пункт 3 ст. 28 Федерального закона от 31 мая 2002 г. № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации».

существовании не раз обращали внимание ученые: О.Н. Волкова¹, М.Ш. Буфетова², Д.В. Гаврилов³, М.Э. Каац⁴ и др.

Соглашаясь с мнением перечисленных авторов, отметим, что страны ближнего зарубежья, такие как Республика Беларусь и Республика Узбекистан оказались более прагматичны в вопросах защиты адвокатской тайны. Так, в п. 3 ч. 2 ст. 60 УПК РБ⁵ содержится запрет на допрос не только адвоката, помощника адвоката, стажера адвоката, но и иных работников адвокатского образования. Статья 7 закона Республики Узбекистан «О гарантиях адвокатской деятельности и социальной защиты адвокатов»⁶ закрепляет свидетельский иммунитет как адвоката, так и помощника адвоката и стажера адвоката.

В отечественном законодательстве складывается ситуация, при которой работник адвокатского образования, с одной стороны обязан хранить адвокатскую тайну, а с другой подлежит

¹ Волкова О.Н. Некоторые вопросы правового статуса стажера и помощника адвоката // Современные научные исследования: актуальные вопросы, достижения и инновации: сб. ст. V Междунар. науч.-практ. конф. В 2 ч. / Отв. ред. Г.Ю. Гуляев. В 2 ч. Пенза: Наука и просвещение, 2018. Ч. 2. С. 162–164.

² Буфетова М.Ш. К вопросу о свидетельском иммунитете адвоката // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. 2016. № 6 (14). С. 16–24.

³ Гарвалов Д.В. Свидетельский иммунитет адвоката // Обеспечение прав и свобод человека в уголовном судопроизводстве: организационные, процессуальные и криминалистические аспекты: материалы Крымского студ. юрид. форума. Симферополь: Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского, 2019. С. 7–8.

⁴ Каац М.Э. Отдельные аспекты института свидетельского иммунитета в уголовном процессе // Современные проблемы уголовного процесса: пути решения: сб. материалов 3-й Междунар. конф. / Под общ. ред. А.Ю. Терехова. Уфа: Уфимский юридический институт МВД России, 2022. С. 125-131.

⁵ Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь от 16 июля 1999 г. № 295-3 (с изм. и доп. по сост. на 17 июля 2023 г). URL: <https://etalonline.by/document>.

⁶ Закон Республики Узбекистан «О гарантиях адвокатской деятельности и социальной защиты адвокатов» от 25 декабря 1998 г. № 721-I. URL: <https://lex.uz/docs/1321>.

уголовной ответственности за отказ от дачи показаний по ст. 308 УК РФ. Нередко у работника адвокатского образования, вызванного на допрос в статусе свидетеля, возникает дилемма. С одной стороны уголовная ответственность за отказ от дачи показаний и сохранение профессиональной тайны адвоката, с другой раскрытие профессиональной тайны и риск потери работы, так как законодатель не предусмотрел ответственность работника адвокатского образования за раскрытие сведений составляющих адвокатскую тайну, в связи с чем, все что может ему грозить, увольнение.

Для устранения существующего противоречия необходимо дополнить ч. 3 ст. 56 УПК РФ п. 3.1., следующего содержания:

«3.1) помощник адвоката, стажер адвоката – об обстоятельствах, которые стали им известны в связи с выполнением трудовых обязанностей при оказании юридической помощи».

Запрет на допрос адвоката успешно преодолевается правоприменителями посредством получения судебного решения разрешающего производство следственного действия в отношении адвоката, в порядке предусмотренном ч. 5 ст. 165 УПК РФ и ч. 3 ст. 8 ФЗ РФ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», следовательно при наличии запрета на допрос работника адвокатского образования, такой запрет также может быть преодолен.

В связи с чем, существующий механизм защиты адвокатской тайны не защищает в полной мере конституционные права граждан, такие как право не свидетельствовать против себя самого, право на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, право на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений.

Без сохранности сведений, переданных доверителем адвокату под условием их конфиденциальности ни о каком доверии не может идти речь, а если так, то помощь, оказываемая адвокатами, перестанет отвечать критерию квалификации.

Считаем, что для повышения качества оказания квалифицированной юридической помощи требуется создание механизма, позволяющего защитить сведения составляющие профессиональную тайну адвоката, которые могут быть получены как при

допросе адвоката или работника адвокатского образования, так и при опросе указанных лиц.

Для повышения качества оказания квалифицированной юридической помощи и защиты сведений составляющих профессиональную тайну адвоката следует закрепить обязательность участия представителя адвокатской палаты при опросе и допросе как адвоката, так и работников адвокатского образования.

С этой целью необходимо дополнить ст. 450.1 УПК РФ частью 4: *«Опрос помощника адвоката, стажера адвоката, работников адвокатских образований, их допрос, иные следственные действия проводятся в случаях, предусмотренных ч. 3.1 ч. 3 ст. 56 настоящего Кодекса, на основании постановления судьи и в присутствии представителя адвокатской палаты субъекта Российской Федерации, за исключением случаев отказа адвокатской палаты от направления представителя для участия в указанных действиях, о чем делается запись в протоколе».*

Предложенное правовое регулирование не только повысит доверие к адвокату его доверителей, но и выведет квалифицированную юридическую помощь на более высокий уровень её оказания, что будет соответствовать целям и задачам уголовно-процессуального закона.

А.В. Цыпина

**ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ
В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ:
ПРАВОВОЕ ОСВЕЩЕНИЕ ВОПРОСА**

**LINGUISTIC SECURITY
OF THE RUSSIAN FEDERATION:
LEGAL COVERAGE OF THE ISSUE**

В статье рассматриваются актуальные вопросы лингвистической безопасности, проблемы толкования понятия лингвистическая безопасность, анализируется нормативная правовая база языковой безопасности в Российской Федерации.

The article deals with topical issues of linguistic security, the problems of interpretation of the concept of linguistic security, analyzes the normative legal framework of language security in the Russian Federation.

Ключевые слова: лингвистическая безопасность, русский язык как государственный язык Российской Федерации, концепция лингвистической безопасности.

Key words: linguistic security, Russian as the state language of the Russian Federation, the concept of linguistic security.

На современном этапе зафиксировано немалое количество научных работ по изучению такого многоуровневого и сложного понятия, как лингвистическая безопасность. Исследование проблем и задач данного направления, его научное обеспечение является весьма актуальным в условиях новых политических и социальных реалий.

Выражение лингвистическая безопасность впервые прозвучало более 20 лет назад, однако на данный момент до сих пор не сформулировано его точное и конкретное определение. М.В. Горбаневский впервые озвучил данное словосочетание в рамках беседы об ответственности журналистов за свои высказывания в устных или письменных формах, произнесенных в средствах массовой информации. При этом речь шла не только об ответственности с точки зрения нравственного кодекса, но и с позиций гражданского, административного и уголовного права.

В свою очередь, Е.И. Галяшина дополнила содержание понятия, связывая лингвистическую безопасность с потребностью учитывать словесные технологии в правотворческом процессе, когда отбор и организация языкового материала для составления официальных документов происходит в соответствии с определёнными лингвистическими правилами и требованиями.

Г.Н. Трофимова предлагает определять лингвистическую безопасность как «такое состояние текста (высказывания), при котором его потенциальная конфликтность стремится к нулю и риск причинения вреда его автору, персонажу или реципиенту

является минимальным»¹. Эта точка зрения перекликается с мнением М.В. Горбаневского. Такое восприятие лингвистической безопасности возникло в связи с резко возросшим числом коммуникативных конфликтов, имеющих судебную перспективу: дела об оскорблении, клевете, защите чести и достоинства и деловой репутации и др.

И.И. Халеева связывает лингвистическую безопасность с необходимостью обеспечения стабильного развития русского языка как государственного языка во взаимодействии с другими языками, а также связывает лингвистическую безопасность с социально – психологическим аспектом в сфере информационных технологий, используемых в образовании, науке и быту.

В настоящее время в достаточно большом количестве работ на первый план выходит расширенный смысл лингвистической безопасности. Все чаще последнюю предлагают рассматривать в неразрывной связи с национальной безопасностью России, где в приоритете стоит задача по обеспечению безопасности государственного языка и вопросы его функционирования.

Так, К.В. Алексеев определяет, что «понятие «лингвистическая безопасность» должно быть ориентировано исключительно на сохранение, защиту и поддержку русского языка как государственного языка Российской Федерации»². И предлагает следующее определение понятия: «Лингвистическая (языковая) безопасность – состояние защищенности государственного языка Российской Федерации, государственных языков республик в составе Российской Федерации, языков народов Российской Федерации от внешних и внутренних угроз, обеспечивающее национальную безопасность Российской Федерации»³.

¹ Трофимова Г.Н. Лингвистическая безопасность: к проблеме толкования // Вестник РУДН. Сер.: Русский и ин. языки и методика их преподавания. 2012. № 1. С. 24–29.

² Алексеев К.В. К вопросу о понятии «Лингвистическая(языковая) безопасность» (правовой аспект) // Слово. Словесность. Словесник: сб. тр. конф. / Отв. ред. Ю.А. Южакова. Рязань: Ряз. гос.ун-т им. С.А. Есенина, 2023. С. 200–202.

³ Алексеев К.В. Там же.

Вместе с тем вопрос о об унификации понятия, выведение общего определения, которое отражало бы всю многоаспектность и многомерность понятия «лингвистическая безопасность» на данный момент не представляется возможным.

Разумным считаем следующее рассмотрение понятия лингвистической безопасности в следующих значениях:

1. Лингвистическая безопасность – определенный порядок процедур в сфере государственной языковой политики, гарантирующий защиту, сохранение и целостность языка от разного рода воздействий.

2. Лингвистическая безопасность – система действий, связанная с использованием языковых правил, лингвистических методов и приёмов для осуществления юридической деятельности с целью создания, издания, толкования и реализации юридически значимых документов.

3. Лингвистическая безопасность – совокупность технологий и редакционных действий в электронном документообороте, в сфере информационной безопасности.

4. Лингвистическая безопасность – комплекс мер, нацеленных на сокращение коммуникативных конфликтов, влекущих за собой судебные разбирательства.

5. Лингвистическая безопасность – система мер по предотвращению бесконтрольного использования лингво-психологических приёмов информационного воздействия.

6. Лингвистическая безопасность – «безопасность субъекта социального взаимодействия, воспроизводимость которой обеспечивается регуляцией его языковых систем традициями, культурой и нормами языка»¹.

Уточнение предложений по достижению единства мнений относительно наполнения содержания понятия, принятие единого всеобъемлющего определения мы рассмотрим в дальнейших работах, хотя уже сейчас есть понимание, что отсутствие легального определения данного понятия связано с отсутствием документов

¹ Тылец В.Г., Краснянская Т.М. Теоретические аспекты разработки психологической концепции лингвистической безопасности личности. [Электронный ресурс] // Прикладная психология и психоанализ: электрон. науч. журн. 2015. № 3. URL: <http://ppip.idnk.ru>.

стратегического планирования в сфере лингвистической безопасности. В то время, как для остальных видов безопасности (информационная, экономическая и др.) такая документация существует.

Место лингвистической безопасности в системе национальной безопасности среди других видов безопасности занимает весьма скромное место, и если в Стратегии национальной безопасности Российской Федерации, утвержденной Указом Президента Российской Федерации от 31 декабря 2015 г. № 683, русский язык (а русский язык как государственный язык Российской Федерации является фундаментом лингвистической безопасности) упоминается пять раз (ставились цели повышения качества преподавания русского языка, особым значением было отмечено проведение государственной политики по реализации функции русского языка как государственного языка Российской Федерации; к угрозам национальной безопасности отнесли проблемы связанные со снижением роли русского языка в мире, качества его преподавания в России и за рубежом), то уже в Стратегии национальной безопасности Российской Федерации, утвержденной Указом Президента РФ от 2 июля 2021 г. № 400 русский язык упоминается всего лишь один раз, в контексте защиты традиционных российских духовно-нравственных ценностей, культуры и исторической памяти и дискредитации русского языка как государственного языка Российской Федерации.

Таким образом, ощутимо возникла насущная потребность разработки Концепции лингвистической безопасности Российской Федерации, которая поможет сформулировать легальное определение лингвистической безопасности, определит конкретные действия законодательной власти на долгосрочную перспективу. Такой документ стратегического планирования станет эффективным инструментом реализации и обеспечения лингвистической безопасности на территории Российской Федерации.

Вместе с тем мы не можем не отметить позитивные изменения в осуществлении государственной языковой политики, касающиеся внесения поправок в Федеральный закон «О государственном языке Российской Федерации».

В Российской Федерации основным нормативным документом, обеспечивающим функционирование русского языка как

государственного языка и рассматривающий некоторые вопросы лингвистической безопасности является Федеральный закон от 1 июня 2005 г. № 53-ФЗ «О государственном языке Российской Федерации»¹. В феврале 2023 г. в данный закон был внесен ряд поправок.

Так, изменения коснулись статуса русского языка. В соответствии с Конституцией Российской Федерации государственным языком Российской Федерации на всей ее территории является русский язык как язык *государствообразующего* народа, входящего в многонациональный союз равноправных народов Российской Федерации. Такое приведение статуса русского языка в соответствии с Конституцией подчеркивает объединяющую роль русского языка в едином многонациональном государстве.

Изменения коснулись также порядка создания и реализации федеральных законов и иных нормативных актов с целью соответствия их нормам современного литературного языка. Лингвистическая экспертиза законопроектов будет теперь проходить с привлечением специалистов и использованием информационных технологий.

Закон о русском языке и ранее запрещал употребление слов и выражений, не соответствующих нормам современного русского литературного языка, включая нецензурную брань. Исключение представляли только иноязычные заимствования, которые не имели общеупотребительных аналогов в русском языке. Теперь же такие иностранные лексемы будут включаться в нормативные словари и справочники, предусмотренные ч. 3 ст. 1 Федерального закона «О государственном языке Российской Федерации».

Также, согласно закону, соблюдение норм русского языка как государственного обязательно во взаимоотношениях органов власти Российской Федерации всех уровней, в официальной переписке организаций всех форм собственности с гражданами и иностранцами.

Значительными представляются поправки, связанные с защитой и поддержкой русского языка на территории Российской

¹ Федеральный закон от 1 июня 2005 г. № 53-ФЗ (в ред. от 28 февраля 2023 г.) «О государственном языке Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2005. № 23. Ст. 2199.

Федерации и за ее пределами. Предусмотрены обеспечительные меры по изучению русского языка, как гражданами, так и иностранными гражданами и лицами без гражданства, оказывается содействие в издании словарей, справочников, грамматик русского языка и создании современных информационных ресурсов.

Очевидно, что основная цель федерального закона о русском государственном языке – подчеркнуть важность русского языка как языка «государствообразующего народа, входящего в многонациональный союз равноправных народов Российской Федерации».

Такие поправки, безусловно, способствуют повышению уровня лингвистической безопасности в стране, но являются недостаточными. Однако весь спектр действий, связанных с обеспечением лингвистической безопасности на территории Российской Федерации может быть эффективным при наличии соответствующей более расширенной нормативной правовой базы, а именно при существовании разработанной Концепции лингвистической безопасности, где будут отражены основные вопросы стратегического планирования и правового регулирования в данной сфере, определена система лингвистических действий и комплекс мер, нацеленных на стабильное развитие языка и сохранение его целостности в современных условиях.

Т.В. Чеботарева

**О НЕКОТОРЫХ ВОПРОСАХ УЧАСТИЯ ЗАКОННЫХ
ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ
ПОТЕРПЕВШИХ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ**

**ABOUT SOME ISSUES OF PARTICIPATION OF LEGAL
REPRESENTATIVES OF MINORS VICTIMS
IN THE CRIMINAL PROCESS**

Важнейшей гарантией обеспечения прав несовершеннолетних потерпевших в ходе уголовного судопроизводства является участие в уголовном деле законного представителя, представителя, педагога и психолога. Однако реализация законным

представителем своего процессуального статуса на практике имеет немало проблем, которые анализирует автор в настоящей статье.

The most important guarantee of ensuring the rights of minor victims in the course of criminal proceedings is the participation of a legal representative, a representative, a teacher and a psychologist in a criminal case. However, the implementation by a legal representative of his procedural status in practice has many problems, which the author analyzes in this article.

Ключевые слова: потерпевший, несовершеннолетний потерпевший, законный представитель, преступления против несовершеннолетних, процессуальный статус.

Key words: victim, minor victim, legal representative, crimes against minors, procedural status.

Конституция Российской Федерации декларирует, что забота о детях, их воспитание – равное право и обязанность родителей. Данное положение конкретизируется в нормах уголовно-процессуального закона, устанавливая обязательное участие в производстве по уголовным делам законных представителей или представителей несовершеннолетних потерпевших в целях защиты их прав и законных интересов (ч. 2 ст. 45 УПК РФ). В свою очередь п. 12 ст. 5 УПК РФ не дает понятия «законного представителя», называя только тех лиц, которые могут представлять интересы несовершеннолетнего в качестве таковых.

Между тем очевидно, что обладание лишь формальными признаками, указанными в данной норме для защиты прав и законных интересов представляемого явно недостаточно. Целью данного участника в уголовном судопроизводстве является реальное, добросовестное представление и отстаивание интересов несовершеннолетнего потерпевшего. В противном случае, согласно требованиям УПК РФ, законный представитель подлежит замене.

В связи с этим, должностные лица, ведущие производство по уголовному делу как гаранты прав и законных интересов

участников уголовного судопроизводства, наделяются правом не допускать к участию в следственном действии, проводимом с несовершеннолетним потерпевшим, его законного представителя, если это противоречит интересам несовершеннолетнего. Думается, что также не имеет смысла присутствие при производстве по уголовному делу родителей несовершеннолетнего потерпевшего, ведущих асоциальный образ жизни, злоупотребляющих спиртными напитками и вообще пренебрегающих своими родительскими обязанностями.

Практике известны случаи, когда недобросовестные законные представители отрицательно влияют на поведение несовершеннолетнего во время проведения следственных и судебных действий.

Так, по уголовному делу по обвинению С. в совершении преступлений против половой неприкосновенности в отношении своих дочерей, для участия в допросе одной из них следователь пригласил в качестве законного представителя их мать. Как только следователь касался вопросов, связанных с преступлением, девочка замыкалась, с опаской смотрела на мать, которая в свою очередь подавала дочери различные знаки (покашливала, делала жесты руками и др.). Следователь удалил мать потерпевшей, после чего девочка рассказала о подробностях преступления и о том, что мать запретила рассказывать об этом¹.

В судебном разбирательстве по другому уголовному делу по ходатайству прокурора мать потерпевшей была отстранена от участия в деле как законный представитель, поскольку утверждала на допросе, что ее дочь оговорила подсудимого, очевидно действуя в ущерб интересам потерпевшей².

Между тем, на практике встречаются и совершенно обратные ситуации, в которых должностное лицо, ведущее производство по

¹ См.: Скичко О.А. Тактико-психологические основы допроса несовершеннолетних свидетелей и потерпевших на предварительном следствии: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2005. С. 51.

² Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации за второй квартал 2013 г. (определение № 58-АПУ13-1) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2014. № 1.

уголовному делу, заменяет вполне добросовестных представителей, руководствуясь надуманными причинами.

Например, по одному из уголовных дел следователь отстранил родителей потерпевшей от участия в деле в качестве законных представителей без видимых на то оснований, назначив вместо них представителя органов опеки и попечительства. В жалобе родители потерпевшей указали, что следователю не нравилась слишком активная позиция последних, поскольку они требовали проведения некоторых следственных действий и назначения повторной судебной экспертизы. Также на их участии в качестве законных представителей настаивала и сама потерпевшая. Тем не менее, суд оставил жалобу без рассмотрения, поскольку постановление о замене законного представителя было вынесено в соответствии с требованиями уголовно-процессуального закона и выяснение мнения несовершеннолетней потерпевшей относительно участия в деле вместо родителей представителя органа опеки и попечительства уголовно-процессуальным законом не предусмотрено¹.

Также встречаются ситуации, когда лицо, ведущее производство по уголовному делу, без достаточных к тому оснований, допускает к участию в деле в качестве законных представителей лиц на свое усмотрение, не руководствуясь при этом интересами самого потерпевшего. По одному из уголовных дел дознаватель привлёк в качестве законного представителя несовершеннолетней работницы образования, в то время как последняя находилась на попечении детского дома, а по другому уголовному делу – работника колледжа, где обучался несовершеннолетний, имевший отца, не отстранённого от участия в деле².

Очевидно, что такие ситуации являются недопустимыми и явно нарушают интересы несовершеннолетних потерпевших,

¹ Апелляционное постановление Московского городского суда от 14 ноября 2018 г. по делу № 10-19869/2018. URL: <https://internet.garant.ru/#/document/305911923/paragraph/29/doclist/12677:2>.

² См.: Андрейкин А. Совершенствование процессуального положения несовершеннолетнего потерпевшего и его законного представителя (представителя) // Законность. 2016. № 3. С. 44.

поскольку УПК РФ знает только одно основание для замены законного представителя – действие во вред несовершеннолетнему¹.

Однако, возможности такой замены противостоит достаточно узкий круг лиц, имеющих право быть законными представителями несовершеннолетнего в уголовном процессе. Нередкими бывают ситуации, когда ребенок воспитывается другими лицами (бабушка, дедушка, сестры, братья и др.). Тем не менее, следовательно, дознаватель и суд вынуждены будут привлечь вместо них представителя органов опеки и попечительства.

В некоторых случаях такое положение дел может противоречить интересам несовершеннолетнего. Именно поэтому, некоторые авторы выступают за расширение перечня законных представителей, предлагая включить в него и других лиц, которым небезразлична судьба данного потерпевшего². В свою очередь, их оппоненты полагают, что расширение перечня таких лиц, будет неизбежно противоречить самому понятию «законный представитель», пришедшему из семейного и гражданского права³.

Представляется, что решение данной проблемы должно лежать в плоскости благоприятствования интересам несовершеннолетнего. Поэтому, назначение в качестве законного представителя совершеннолетних братьев и сестер, бабушек и дедушек, в большей степени способствуют защите прав и законных интересов таких потерпевших.

Проблемным также является вопрос о количестве законных представителей, который не имеет однозначного понимания как в теории уголовного процесса, так и практической деятельности. Действующий уголовно-процессуальный закон упоминает о них как в единственном (ст. 191 УПК РФ), так и во множественном числе (ст. 280 УПК РФ). Возможно, решение законодателя

¹ Марковичева Е.В. Проблемы назначения и замены законного представителя несовершеннолетнего в российском уголовном процессе // Судья. 2015. № 7. С. 25.

² Макаренко И.А. Криминалистическое учение о личности несовершеннолетнего обвиняемого: дис. ... д-ра юрид. наук. Саратов, 2006. С. 44.

³ Дежнев А.С. Законные представители лица, в отношении которого ведется производство о применении принудительной меры медицинского характера // Вестник Омского университета. 2008. № 1 (14). С. 144.

ограничить в некоторых случаях (например, при производстве следственных действий) количество законных представителей до одного, было принято в связи с тем, что нагромождение числа участников не всегда идет на пользу потерпевшему. Думается, что принимать решение относительно числа законных представителей необходимо исходя из обстоятельств конкретного уголовного дела, мнения самого потерпевшего и его представителей¹.

Несмотря на то, что о проблемах участия законных представителей в уголовном судопроизводстве написано много научных работ, очевидно, что на практике возникает немало проблем, связанных с реализацией ими своего статуса. Представляется, что совершенствование процессуального положения данного участника должно рассматриваться именно в контексте соблюдения интересов несовершеннолетних в уголовном процессе и будет способствовать укреплению гарантий прав и законных интересов данной группы потерпевших.

А.А. Чеховская

УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНАЯ ПРАВОСУБЪЕКТНОСТЬ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ: ПОНЯТИЕ, АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ

CRIMINAL PROCEDURAL LEGAL PERSONALITY OF MINORS: CONCEPT, ACTUAL PROBLEMS

В статье анализируется понятие правосубъектности, рассмотрены отдельные вопросы процессуальной дееспособности несовершеннолетних. Обосновывается актуальность исследования уголовно-процессуальной правосубъектности несовершеннолетних, отмечаются актуальные проблемы, требующие дальнейшего исследования.

¹ Чеботарева Т.В. Обеспечение прав и законных интересов потерпевших по делам о преступлениях против половой неприкосновенности несовершеннолетних: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2021. С. 155.

The article analyzes the concept of legal personality, considers certain issues of the procedural capacity of minors. Substantiates the relevance of the study of the criminal procedural legal personality of minors, highlights current problems that require further research.

Ключевые слова: уголовный процесс, правосубъектность несовершеннолетних, правоспособность, дееспособность, процессуальные права, процессуальные обязанности.

Key words: criminal procedure, legal personality of minors, legal capacity, legal capacity, procedural rights, procedural duties.

Анализируя отраслевое законодательство Российской Федерации и положения норм Конституции Российской Федерации, можно проследить их взаимосвязь и обусловленность, а именно – в настоящее время наблюдается признание прав несовершеннолетних, усиление мер, направленных на защиту прав и законных интересов несовершеннолетних, а также соблюдение и применение норм международного права.

Согласно ст. 6 Всеобщей декларации прав человека и ст. 16 Международного пакта о гражданских и политических правах¹ каждый человек имеет право на признание его правосубъектности². В российском законодательстве понятие «правосубъектности» встречается в ст. 5 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации³, и подразумевает под собой способность участника иметь процессуальные права и нести процессуальные обязанности. В Гражданско-процессуальном кодексе Российской Федерации понятие правосубъектности отсутствует, однако, в законе закреплены такие понятия как гражданско-

¹ Международный пакт о гражданских и политических правах (Нью-Йорк, 16 декабря 1966 г.). URL: <https://base.garant.ru/>.

² Всеобщая декларация прав человека (принята на третьей сессии Генеральной Ассамблеи ООН резолюцией 217 А (III) от 10 декабря 1948 г. URL: <https://base.garant.ru/>.

³ Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации от 8 марта 2015г. № 21-ФЗ (ред. от 25 декабря 2023 г.) // Российская газета. 2015. 11 марта.

процессуальная правоспособность и гражданско-процессуальная дееспособность.

Российские уголовно-процессуальные нормы направлены на реализацию общепризнанных принципов и норм международного права в области защиты прав несовершеннолетних, однако в Уголовно-процессуальном кодексе (далее – УПК РФ) понятие правосубъектности отсутствует. УПК РФ за каждым участником уголовно-процессуальных отношений, хотя за несовершеннолетним, закрепляются процессуальные права и обязанности, которые и составляют процессуальную право- и дееспособность.

Сама по себе процессуальная правоспособность означает возможность иметь право «на права», а процессуальная дееспособность, означает иметь возможность осуществить имеющиеся права и нести обязанности.

Уголовно-процессуальной дееспособностью является определённая совокупность условий, при наличии которых, лицо может самостоятельно осуществлять уголовно-процессуальные действия с целью защиты своих прав и законных интересов, а также нести за них ответственность.

В юридической науке под правосубъектностью, как правило, понимают совокупность правоспособности и дееспособности, а также рассматривают как способность лица, в частности несовершеннолетнего, быть участником уголовно-процессуальных отношений¹. Однако, возникает вопрос, если лицо не имеет дееспособность или имеет ограниченную дееспособность, то в таком случае может ли лицо являться субъектом права участвовать в уголовно-процессуальных отношениях?

В современной науке уголовного процесса все чаще обращаются к изучению именно процессуальной правосубъектности несовершеннолетнего. Очевидно, что полное заимствование сути процессуальной дееспособности и правоспособности из частного права невозможно. Подобная точка зрения находит свое подтверждение в работах С.Б. Мартыненко, который также считает, что в

¹ Забурдаева К.А. Уголовно-процессуальная правосубъектность: понятие, правовая природа и процесс формирования // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Сер.: Юридические науки. 2023. № 1. С. 5–12.

науке уголовно-процессуальная дееспособность несовершеннолетних не совпадает по объему и содержанию с их дееспособностью в других отраслях права¹.

В уголовном процессе, в том числе при производстве следственных действий, несовершеннолетний участник не имеет возможности реализовывать свои права в полном объеме самостоятельно. Ограниченная право- и дееспособность несовершеннолетнего связана с незрелостью нервной системы, психологическими особенностями несовершеннолетнего участника, а также с невозможностью лица оценивать характер своих действий и полноценно защищать свои права.

Одним из оснований повышенной защиты несовершеннолетнего в уголовном процессе, является, в том числе и ограниченная дееспособность самого несовершеннолетнего субъекта, который в осознании характера и значимости различных процессуальных, в частности следственных, действий².

В связи с вышеизложенным, одной из гарантий защиты прав и законных интересов несовершеннолетнего участника является участие законного представителя. По данному поводу интересным представляется мнение И.Б. Пономарева, который считает, что, восполняя неполную или отсутствующую дееспособность одного лица дееспособностью другого лица или других лиц, то в таком случае, действия, совершаемые от имени представителя, будут не «своими», а именно действиями представителя. В этом случае лицо обладает двумя дееспособностями, что невозможно³.

Однако, когда несовершеннолетний участник уголовного процесса, ранее участвовал в следственных действиях, знаком с уголовно-процессуальным законом, и в силу достижения определенного возраста уже может объективно оценивать окружающего

¹ Мартыненко С.Б. Представительство несовершеннолетних на досудебных стадиях уголовного процесса: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2000. 20 с.

² Марковичева Е.В. Процессуальная дееспособность несовершеннолетних в российском уголовном процессе // Современное право. 2009. № 5.

³ Пономарев И.Б. Правоспособность и дееспособность как предпосылки уголовно-процессуальных отношений // Советское государство и право. 1971. № 6. С. 110–112.

действительностью, кроме того, в случае, если несовершеннолетний уже неоднократно привлекался к уголовной ответственности, и желает самостоятельно защищать свои права и интересы, без привлечения законных представителей, защитников, педагогов и психологов, возникает вопрос о наделении его правосубъектности в полном объеме для защиты своих прав и законных интересов.

В связи с этим, представляется правильным, рассмотреть ходатайство несовершеннолетнего участника уголовно-процессуальных отношений в судебном порядке, для решения вопроса о наделении его полной дееспособностью и соответственно правосубъектностью¹.

Так, согласно позиции Верховного Суда Российской Федерации, основанной на обобщение правовых позиций международных договорных и внедоговорных органов, для несовершеннолетнего участника уголовного процесса важно быть заслушанным, то есть несовершеннолетний имеет право быть заслушанным непосредственно, а не только через своего представителя или соответствующий орган, если это отвечает принципу наилучшего обеспечения его интересов. Данное правило распространяется на все стадии судебного разбирательства, а также на досудебное производство².

Несмотря на то, что тема уголовно-процессуальной правосубъектности несовершеннолетних в последние время стала активно изучаться и освещаться, этот вопрос по-прежнему является более чем актуальным, поскольку до настоящего времени отсутствует единый подход к понятию и содержанию понятия «правосубъектности», определению ее структуры, момента возникновения и прекращения.

¹ Солонникова Н.В Проблемы процессуальной дееспособности несовершеннолетних в уголовном судопроизводстве: досудебное производство: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2008. 31 с.

² Обобщение Верховным Судом РФ правовых позиций международных договорных и внедоговорных органов, действующих в сфере защиты прав и свобод человека, по вопросам защиты прав несовершеннолетних, в отношении которых осуществляется производство по уголовному делу. URL: <https://vsrf.ru/>.

КЛАССИФИКАЦИЯ УЧАСТНИКОВ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

CLASSIFICATION OF PARTICIPANTS IN OPERATIONAL INVESTIGATIVE ACTIVITIES

Рассматриваются выделяемые в теории оперативно-розыскной деятельности виды классификаций ее участников. Автором предлагается подразделять субъектов в зависимости от их законного интереса в ОРД. В статье акцентируется внимание о необходимости выделения в отдельную группу лиц, подвергаемых оперативно-розыскному преследованию, т. е. являющихся заподозренными в совершении преступлений лиц.

The types of classifications of the members of the hordes distinguished in the theory of operational investigative activity are considered. The author proposes to subdivide the subjects depending on their legitimate interest in the ORD. The article focuses on the need to allocate persons suspected of committing.

Ключевые слова: ОРД; оперативно-розыскные мероприятия; участники ОРД; заподозренное лицо; оперативно-розыскное преследование.

Key words: ORD; operational search activities; participants of the ORD; a suspected person; operational search persecution.

Правовое регулирование оперативно-розыскной деятельности отстает от жизни и не соответствует требованиям качества закона. На это неоднократно обращается внимание учеными и практиками¹, а также в решениях Европейского суда по правам

¹ См., например: Вагин О.А. Конституционные проблемы оперативно-розыскной деятельности // Конституционно-правовые проблемы оперативно-розыскной деятельности: сб. материалов Всерос. круглого ст. / Сост. К.Б. Калиновский. СПб.: ИД Петрополис, 2012. С. 3–55; Иванов С.В.

человека.

В ст. 13 Федерального закона от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ (в ред. от 29 декабря 2022 г.) «Об оперативно-розыскной деятельности» (далее – закон об ОРД) определен только перечень государственных органов, чьим оперативным подразделениям предоставляется право осуществлять ОРД. Вместе с тем в законе об ОРД не определены четко категории должностных лиц органов, правомочных на осуществление ОРД, граждане, которые могут вступать в данные правоотношения, порядок, основания и условия реализации полномочий должностными лицами оперативно-розыскного органа и др.

Аналитический обзор научных исследований, посвященных рассмотрению субъектов ОРД, позволяет сделать вывод, что учеными и практиками рассматриваются темы, посвященные правовому положению личности оперативного сотрудника, негласных и внештатных сотрудников, теоретико-правовым и нравственно-психологическим основам деятельности сотрудников оперативно-розыскных органов.

Внимание ученых акцентируется, в основном, на необходимости формулирования и закрепления прав и обязанностей должностных лиц органов, осуществляющих ОРД¹.

Такие исследования являются приоритетными и востребованы государством, поскольку направлены на совершенствование системы профессиональной подготовки оперативных сотрудников, создание устойчивого ядра лиц, оказывающих содействие на конфиденциальной основе, что в итоге позволяет эффективно осуществлять правоохранительную деятельность, бороться с преступностью, успешно раскрывать оперативным путем преступления.

Законодательство об оперативно-розыскной деятельности отстает от жизни // Уголовный процесс. 2016. № 3. С. 24–33; Чечетин А.Е. Проблемы применения оперативного эксперимента в борьбе с коррупцией // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями. 2016. № 14–1. С. 25–28.

¹ Лугович С.М., Лаврентьев В.А. Законодательное закрепление правового положения участников оперативно-розыскных правоотношений – направление совершенствования правового регулирования оперативно-розыскной деятельности // Оперативно-розыскное право. 2020. № 1 (2). С. 50.

Правовому статусу лиц, которые заподозрены в противоправной деятельности и в отношении которых проводятся ОРМ, уделено внимание только в отдельных статьях ученых¹, а на диссертационном и монографическом уровне эти вопросы не получили должного рассмотрения.

Это также объясняется традиционной спецификой сущности ОРД и решаемых ею задач по выявлению и раскрытию преступлений, установлению лиц их совершивших, с помощью методов преимущественно конфиденциального характера. Негласный порядок проведения ОРМ изначально требует максимальной неосведомленности лиц, которые находятся в оперативной разработке и в отношении которых проводятся ОРМ. Поэтому лица, подвергаемые оперативно-розыскному преследованию, не имеют до настоящего времени, официально закрепленного законодательного правового статуса, и процесс защиты ими своих конституционных прав, ограниченных или нарушенных в результате вовлечения их в сферу ОРД часто является иллюзорным.

Вместе с тем, исходя из общих положений разработанных в правовой науке, лица в отношениях которых проводятся специальные ОРМ, являются участниками оперативно-розыскных правоотношений, поскольку должностные лица оперативно-розыскных органов путем сочетания гласных и негласных методов собирают и документируют о таких субъектах информацию, преимущественно противоправного характера, с целью рассмотрения вопроса о привлечении таких лиц к уголовному преследованию и уголовной ответственности.

Представляется необходимым рассмотреть классификацию лиц, являющихся участниками ОРД, определить роль каждого участника в решении задач ОРД и на этой основе предложить законодательное урегулирование правового статуса лица, подвергаемого оперативно-розыскному преследованию.

А.А. Маслов справедливо отмечает, что правоотношения,

¹ Бакланов Л.А., Бражников Д.А. Правовой статус лица, вовлекаемого в оперативно-розыскные мероприятия // Актуальные вопросы теории и практики оперативно-розыскной деятельности: материалы III Всерос. науч.-практ. конф. Краснодар: КрУ МВД России, 2015. С. 8–11; Лугович С.М., Лаврентьев В.А. Там же.

которые возникают между сотрудниками оперативных подразделений и лицом, в отношении которого проводятся ОРМ, являются очень сложными для того, чтобы провести анализ с позиции теории права. Сложность заключается в том, что в них, как правило, отсутствует осознанное волеизъявление лица, в отношении которого направлено проведение ОРМ. В связи с чем А.А. Маслов обращает внимание на необходимость разрешения двух вопросов. *Во-первых*, имеются ли отношения между оперативно-розыскным органом и лицом, в отношении которого проводятся ОРМ? *Во-вторых*, каковы виды этих отношений и какими нормами права они должны определяться?¹

В учебной литературе при изучении субъектов ОРД, как правило, рассматривается понятие, система и основные положения юридического статуса (компетенция, права и обязанности, ответственность), и не уделяется должного внимания правовому положению лица, в отношении которого проводятся ОРМ.

Так, В.Г. Бобров субъектов ОРМ рассматривает, в зависимости от полномочий должностных лиц, и подразделяет их на: 1) инициаторов проведения ОРМ, компетенция которых заключается: в принятии решений о проведении ОРМ, даче указаний на их проведение, изучении результатов ОРМ и их оценке; 2) непосредственных исполнителей, занимающихся организацией и проведением ОРМ².

Е.С. Лапиным в учебнике по ОРД выделяются и рассматриваются темы, которые посвящены: 1) субъектам оперативно-розыскной деятельности; 2) содействующим лицам оперативно-розыскных органов; 3) контролирующим и надзирающим за ОРД субъектам; 4) лицам, защищаемым в ходе ОРД³.

¹ Маслов А.А. Необходимость Дорожной карты для развития оперативно-розыскной отрасли права // Актуальные проблемы теории оперативно-розыскной деятельности: сб. науч. тр. / Под общ. ред. К.К. Горяинова, В.С. Овчинского. М.: Инфра-М, 2017. С. 252.

² Бобров В.Г. Понятие оперативно-розыскного мероприятия. Основания и условия проведения оперативно-розыскных мероприятий: лекция. М.: Академия управления МВД России, 2003. С. 22–23.

³ Лапин Е.С. Оперативно-розыскная деятельность. Правовые и теоретические основы: учебник и практикум для вузов. 5-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2021.

А.Ю. Шумилов исходит из основных функций, выполняемых субъектами ОРД, и подразделяет их на пять групп: 1) непосредственно осуществляющих ОРД (должностные лица оперативно-розыскных органов и лица, оказывающие им содействие); 2) защищаемые лица при проведении ОРД; 3) субъекты, которые подлежат изучению в ходе ОРД; 4) субъекты осуществляющие судебный контроль; 5) субъекты, которые по закону осуществляют внешний контроль за ОРД¹.

Особый интерес представляет авторский проект оперативно-розыскного кодекса, подготовленный В.Ф. Луговиком, в котором субъекты ОРД выделены в отдельную главу и именуется «Участники оперативно-розыскной деятельности». К участникам ОРД относятся: руководитель органа, осуществляющего ОРД (ст. 22); руководитель оперативного подразделения (ст. 23); оперуполномоченный (ст. 24); прокурор (ст. 25); суд (ст. 26); специалист (ст. 27); понятой (ст. 28)².

В приведенных классификациях субъектов ОРД нашли отражение практически все участники оперативно-розыскных отношений, за исключением лиц, в отношении которых проводятся ОРД, с целью проверки информации о причастности заподозренных лиц к преступной деятельности.

При рассмотрении системы субъектов ОРД некоторые авторы выделяют «лиц, изучаемых в ОРД», «проверяемых и разрабатываемых лиц».

Так, в учебнике под редакцией К.К. Горяинова, В.С.Овчинского, Г.К. Синилова и А.Ю. Шумилова, в классификации субъектов ОРД помимо оперативно-розыскных органов, должностных лиц, участвующих в осуществлении ОРД, лиц, содействующих ОРО, субъектов, контролирующих и надзирающих за ОРД, лиц, защищаемых в ОРД, выделяются и лица, изучаемые в ОРД. Под изучаемым лицом в ОРД, авторы предлагают понимать гражданина, чье деяние связано с совершением преступления или с

¹ Шумилов А.Ю. Курс основ оперативно-розыскной деятельности: учеб. для вузов. 3-е изд., доп и перераб. М.: Изд. дом И.И. Шумиловой, 2008. С. 82–162.

² Луговик В.Ф. Оперативно-розыскной кодекс Российской Федерации: авторский проект. Омск: Омская юридическая акад., 2014. С. 80–81.

достаточной степенью его вероятности, а равно гражданина, который подлежит проверке по основаниям, предусмотренным ч. 2 ст. 7 закона об ОРД, т. е. «не уголовно-правового» характера. Авторы именуют указанных субъектов: «фигурант», «объект оперативной заинтересованности»¹.

Под статусом «изучаемых лиц» авторы указанного учебника предлагают понимать совершенно разных участников ОРД. С одной стороны это заподозренное в совершении преступления лицо, а с другой – к этой категории авторы относят лиц, в отношении которых проводятся проверки для разрешения вопроса о возможности дальнейшего их трудоустройства.

Согласиться с подобным подходом сложно, поскольку в одну группу субъектов предлагается включать лиц, обладающих совершенно разным правовым статусом. Поскольку, при проведении ОРМ в отношении лиц, заподозренных в совершении преступлений стоят цели проверки их на причастность к совершенному правонарушению, фиксация фактов их противоправной деятельности, которые могут быть использованы в изобличении и привлечении их к уголовной ответственности. А в отношении лиц, которые проверяются по основаниям «не уголовно-правового» характера, ОРМ проводятся с целью установления ряда обстоятельств: соответствует ли лицо, своим профессиональным и волевым качествам для занимаемой должности, не склонно ли оно к совершению правонарушений.

Классификация субъектов ОРД, с учетом трудов советского и постсоветского периодов, подробно рассматривается В.Ч. Родевичем, применительно к законодательству об оперативно-розыскной деятельности Республики Беларусь. Им предлагается классификация участников ОРД, состоящая из пяти групп. Первая группа – это оперативно-розыскные органы (руководители ОРО и оперативные сотрудники). Вторую группу составляют: лица, которые оказывают содействие оперативно-розыскным органам (конфиденты; агенты). В третью группу лиц, оказывающих содействие ОРО, отдельно выделяются лица, предоставляющие анонимную

¹ Оперативно-розыскная деятельность: учебник. 2-е изд., доп. и перераб. / Под ред. К.К. Горяинова, В.С. Овчинского, Г.К. Синилова, А.Ю. Шумилова. М.: Инфра-М, 2004.

информацию. Четвертую группу составляют должностные лица органов предварительного следствия. И пятую группу представляют «проверяемые и разрабатываемые лица»¹.

Классификация В.Ч. Родевича является достаточно полной и отражает всех возможных участников оперативно-розыскного процесса. Вместе с тем встает вопрос, кого следует понимать под проверяемыми и разрабатываемыми лицами?

Если под проверяемыми лицами предлагается понимать участников, в отношении которых проводятся проверки административного характера в связи с допуском их к государственной тайне и пр., то объединять их в одну категорию с разрабатываемыми лицами (в отношении которых заведены дела оперативной разработки) представляется не правильным, поскольку в отношении данных лиц стоят различные цели и задачи при проведении ОРМ.

Если же под проверяемыми лицами понимаются субъекты проверок, в отношении которых заведены дела предварительной оперативной проверки, то будет логичным объединить их вместе с разрабатываемыми лицами в одну категорию, поскольку в отношении проверяемых и разрабатываемых лиц проводятся ОРМ с одинаковыми целями и задачами.

В этой связи представляет интерес систематизация субъектов ОРД, проведенная С.М. Луговичем, который считает, что основными критериями классификации должны выступать особенности их правового статуса и предлагает шесть групп участников. Первая группа – это субъекты оперативно-розыскного органа (руководители, оперуполномоченные сотрудники). Во вторую группу входят участники ОРД, т. е. лица, которые принимают участие в ОРМ по воле должностных лиц оперативных органов: конфиденциальные сотрудники, присутствующие, специалисты и др. Третью группу составляют лица, которые обладают определенной правоспособностью в ОРД (судья, прокурор, следователь и др.).

¹ Родевич В.Ч. Основные направления и пути развития теоретических основ оперативно-розыскной деятельности // Борьба с преступностью: теория и практика: тезисы докладов V Междунар. науч.-практ. конф., посвященной 100-летию образования милиции Беларуси. Могилев: Могилевский институт МВД, 2017. С. 244–246.

Четвертая группа представляет собой лиц, которые заподозрены в совершении преступлений, в том числе проходящих по делам оперативного учета, и их связи. В пятую группу включены адвокаты (защитники). Шестая группа состоит из иных лиц, с которыми возникают правоотношения с субъектами ОРД (свидетели, очевидцы и др.)¹.

Достоинством приведенной классификации является то, что С.М. Лугович отдельно выделяет категории заподозренных в совершении преступления лиц и адвокатов (защитников). Однако, к заподозренным лицам С.М. Лугович относит также лиц, которые проходят по делам оперативного учета. Вместе с тем остается не раскрытым вопрос о том, по каким основаниям определяется заподозренное лицо?

Связи заподозренного лица могут быть достаточно обширные, это могут быть лица, которые не причастны к совершению противоправной деятельности, в совершении которой заподозрено лицо. Поэтому включение их в категорию заподозренных в совершении преступления в виде «связей» заподозренного, как участников ОРД видится излишним.

В качестве критерия для классификации участников ОРД представляется возможным использовать их законный интерес, который формирует особенности правового статуса субъектов (права и обязанности, правовые гарантии деятельности, ответственность, пределы самостоятельности при принятии решений, порядок их вступления в оперативно-розыскные правоотношения и др.).

В этой связи, представляется возможным участников ОРД систематизировать на следующие группы.

1. Судья и прокурор, как лица, осуществляющие судебный контроль и прокурорский надзор за ОРД. Их профессиональный интерес заключается в том, чтобы ОРМ проводились законно и обоснованно.

2. Субъекты ОРД, уполномоченные на осуществление ОРМ (должностные лица оперативно-розыскного органа и их

¹ Лугович С.М. Правовой статус участников оперативно-розыскных правоотношений как основной критерий их квалификации // Журнал юридических исследований. 2018. Т. 3. № 2 (33). С. 97–104.

руководители, с согласия которых проводятся отдельные ОРМ). Данные участники имеют свой профессиональный и ведомственный интерес в успешном выявлении и раскрытии преступлений в ходе проводимых ОРМ.

3. Лица, оказывающие содействие оперативно-розыскным органам и принимающие участие в ОРМ по воле субъектов ОРД: (агенты, конфиденты, информаторы и пр. лица). Интерес данных лиц при выявлении и раскрытии преступлений заключается: в получении вознаграждений, бонусов и преференций от сотрудников оперативно-розыскных и иных правоохранительных органов; в предоставлении изобличающей информации о противоправной деятельности в отношении заподозренного лица; при участии в ОРМ (прослушивание телефонных переговоров, оперативный эксперимент, проверочная закупка, оперативное внедрение и пр.) их интерес заключается в изобличении заподозренного лица.

4. Лица, инициировавшие проведение ОРМ в рамках уголовного преследования. К ним следует отнести начальника следственного отдела, следователя, начальника подразделения дознания, дознавателя. Данные лица имеют свой профессиональный, ведомственный интерес в раскрытии и расследовании преступлений.

5. Лица, в отношении которых осуществляется оперативно-розыскное преследование, т. е. заподозренные в совершении преступлений (лица проверяемые и разрабатываемые в рамках дел оперативного учета, лица в отношении которых проводятся ОРМ). Эти субъекты имеют свой интерес, который заключается в том, чтобы остаться не изобличенными при совершении преступной деятельности и в ходе проводимых в отношении их ОРМ.

6. Адвокаты (защитники) заподозренных лиц. Обладают профессиональным интересом в оказании квалифицированной юридической помощи заподозренным в совершении преступлений лицам.

7. Лица, вовлекаемые в ОРМ по воле субъектов ОРД и не заинтересованные в исходе ОРМ (специалисты, представители общестественности, очевидцы, иные лица, которые могут в дальнейшем выступать в качестве свидетелей по уголовному делу).

8. Лица, вовлекаемые в сферу ОРД для проверки для работы на определенных объектах (сферах деятельности), по допуску

граждан: к государственным секретам; граждан к участию в ОРД; к работам, связанным с эксплуатацией объектов и пр. Субъекты, проверяемые по основаниям не уголовно-правового характера, не относятся к участникам оперативно-розыскного преследования.

Понятие и правовой статус участников ОРД представляется правильным закрепить в законе об ОРД, по аналогии с УПК РФ.

А.Ю. Чурикова

ЕВРОПЕЙСКИЙ ПОДХОД К РЕГУЛИРОВАНИЮ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ И СИСТЕМ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

EUROPEAN APPROACH TO REGULATING THE USE OF INFORMATION TECHNOLOGIES AND SYSTEMS IN CRIMINAL PROCEEDINGS

Интенсивное технологическое развитие обуславливает потребность в поиске оптимальных моделей регулирования применения технологий в уголовном процессе. В статье анализируются рекомендации, принятые в Европейском Союзе, по использованию информационных технологий и систем в уголовном судопроизводстве. Рассмотрены вопросы организации электронного мониторинга, а также обеспечения достаточного доступа к правосудию. Сделан вывод о целесообразности использования нормативного подхода регулирования применения технологий и систем и в российском уголовном процессе.

The intensive technological development determines the need to find optimal models for regulating the use of technology in criminal proceedings. The article analyses the recommendations adopted in the European Union on the use of information technologies and systems in criminal proceedings. The issues of organisation of electronic monitoring, as well as ensuring sufficient access to justice are considered. It is concluded that it is advisable to use the normative approach to regulate the use of technologies and systems in the Russian criminal proceedings.

Ключевые слова: уголовный процесс, информационные технологии, информационные системы, риск-ориентированный подход, права личности, технологии для обеспечения доступа к правосудию.

Key words: criminal procedure, information technology, information systems, risk-based approach, individual rights, technology for access to justice.

Одной из наиболее актуальных проблем современного отечественного уголовного судопроизводства является необходимость определения подхода к регулированию порядка внедрения и использования в уголовном судопроизводстве информационных технологий и систем (далее – ИТиС). В настоящее время в Российской Федерации вопросы, связанные с применением ИТиС при производстве по уголовным делам, практически не урегулированы, так как вносятся лишь отдельные, точечные изменения законодательства. При этом процессы цифровой трансформации носят исключительно ведомственный характер¹.

В связи с этим, особо актуальным является проведение анализа зарубежного опыта правового регулирования внедрения использования информационных технологий и систем в уголовном судопроизводстве, выявление сложившихся подходов и рассмотрение возможности использования положительных практик. В связи с чем, данное исследование будет посвящено анализу актов регулирования использования ИТиС в уголовном процессе, принимаемых в Европейском Союзе (далее – ЕС).

¹ Приказ Генерального прокурора РФ от 14 сентября 2017 г. № 627 (ред. от 20 июля 2023 г.) «Об утверждении Концепции цифровой трансформации органов и организаций прокуратуры до 2025 года» (вместе с «Концепцией цифровой трансформации органов и организаций прокуратуры Российской Федерации до 2025 года») // Законность. 2017. № 12; Распоряжение МВД России от 11 января 2022 г. № 1/37 (ред. от 30 июня 2022 г.) «Об утверждении Ведомственной программы цифровой трансформации МВД России на 2022–2024 годы» // СПС «КонсультантПлюс».

В ЕС вопросам использования информационных технологий и систем судами и правоохранительными органами, особенно при производстве по уголовным делам, уделяется самое пристальное внимание.

Еще в 1995 г. Комитетом Министров Совета Европы была принята Рекомендация Rec (95) 13 от 9 ноября 1995 г. «О проблемах уголовно-процессуального права, связанных с информационными технологиями»¹, в которой содержатся уголовно-процессуальные нормы и рекомендации, направленные на урегулирование использования информационных технологий и систем при производстве по уголовному делу, в том числе при осуществлении отдельных следственных действий.

Например, в Rec (95) 13 указано, что положения, предусмотренные уголовно-процессуальным законом для производства обыска и выемки, должны быть в равной степени применимы и в случае обыска в компьютерных системах. Так же в Рекомендации указано, что закон должен позволять следственным органам использовать все необходимые технические меры. Эту Резолюцию, регулирующую применение информационных технологий не в целом, а именно в сфере уголовного судопроизводства, можно назвать передовым документом того времени, не потерявшим актуальность и сейчас.

В последующих Рекомендациях, принятых Комитетом Министров Совета Европы для урегулирования вопросов, связанных с осуществлением уголовно-процессуальной деятельности, прослеживается не только активная поддержка применения ИКТ в уголовном судопроизводстве, но и регулирование вопросов, связанных с внедрением и использованием технологий.

Так, в 2014 г. была принята Рекомендация CM/Rec (2014) 4 Комитета министров государствам-членам по электронному мониторингу, в преамбуле которой, в качестве основных постулатов указывается, что:

- электронный мониторинг, используемый в рамках уголовного процесса, может помочь сократить количество случаев

¹ Rec (95) 13 11/09/1995 Concerning problems of criminal procedural law connected with information technology // Committee of Ministers. URL: https://search.coe.int/cm/Pages/result_details.aspx?ObjectID=09000016804f6e7.

лишения свободы, обеспечивая при этом эффективный надзор за подозреваемыми и правонарушителями в обществе и, таким образом, помогая предотвратить преступность;

- технологии электронного мониторинга должны использоваться хорошо регулируемым и соразмерным образом, чтобы уменьшить их потенциальное негативное воздействие на частную и семейную жизнь лица, находящегося под электронным мониторингом, и заинтересованных третьих сторон;

- правила, касающиеся ограничений, типов и условий предоставления технологий электронного мониторинга, должны быть определены, чтобы служить ориентиром для правительств государств-членов в их законодательстве, политике и практике в этой области;

- необходимо разработать этические и профессиональные стандарты в отношении эффективного использования электронного мониторинга для руководства национальными властями, включая судей, прокуроров, тюремную администрацию, агентства пробации, полицию и агентства, предоставляющие оборудование или осуществляющие надзор за подозреваемыми и правонарушителями¹.

Далее в Рекомендации даны определения используемых терминов, необходимые для разъяснения этой технологии, а также обозначены правила использования технологии электронного мониторинга при производстве по уголовному делу.

В последних Рекомендациях в области уголовного судопроизводства от 2022 г. (о защите свидетелей и сотрудников правосудия²) и от 2023 г. (о правах, услугах и поддержке жертв

¹ Recommendation CM/Rec (2014) 4 of the Committee of Ministers to member States on electronic monitoring (Adopted by the Committee of Ministers on 19 February 2014, at the 1192nd meeting of the Ministers' Deputies) // Committee of Ministers. URL: https://search.coe.int/cm/Pages/result_details.aspx?ObjectId=09000016805c64a7.

² Recommendation CM/Rec (2022) 9 of the Committee of Ministers to member States on the protection of witnesses and collaborators of justice (Adopted by the Committee of Ministers on 30 March 2022 at the 1430th meeting of the Ministers' Deputies) // Committee of Ministers. URL: https://search.coe.int/cm/pages/result_details.aspx?objectid=0900001680a5fe33.

преступлений¹), хотя они и не связаны напрямую с вопросами использования информационно-коммуникационных технологий (далее – ИКТ), отдельно подчеркивается значение ИКТ для уголовного процесса и регулируются отдельные вопросы.

Так, согласно п. 2 ст. 3 главы 1 Рекомендации CM/Rec (2023) 2 государства-члены должны совершенствовать и использовать возможности, предлагаемые информационными и коммуникационными технологиями, для обеспечения достаточного доступа к правосудию и поддержке. В первую очередь это относится к обеспечению возможности реализации:

- права уведомлять власти и подавать официальные жалобы (ст. 7);
- права на информацию в целом (ст. 6) и сведения по делу (ст. 8);
- права быть услышанным (ст. 10);
- права на защиту (ст. 15);
- прав трансграничных жертв (ст. 20).

Кроме того, отдельное внимание в Европейском Союзе уделяется использованию технологий искусственного интеллекта при производстве по уголовным делам. В рамках данного направления регулирования в ЕС, начиная с 2018 г., было принято большое количество нормативных актов. Ключевым из них является Резолюция Европейского парламента от 6 октября 2021 г. об искусственном интеллекте в уголовном праве и его использовании полицией и судебными органами в уголовных делах².

В качестве основных характеристик подхода к регулированию использования ИТис в уголовном процессе, сложившегося в ЕС, можно выделить следующее:

¹ Recommendation CM/Rec (2023) 2 of the Committee of Ministers to member States on rights, services and support for victims of crime (Adopted by the Committee of Ministers on 15 March 2023 at the 1460th meeting of the Ministers' Deputies) // Committee of Ministers. URL: https://search.coe.int/cm/Pages/result_details.aspx?ObjectID=0900001680aa8263.

² European Parliament resolution of 6 October 2021 on artificial intelligence in criminal law and its use by the police and judicial authorities in criminal matters (2020/2016(INI)) // European Parliament. URL: https://www.europarl.europa.eu/doceo/document/TA-9-2021-0405_EN.html.

- установление этических норм и правил применения;
 - акцент на соблюдение прав человека и гражданина;
 - риск-ориентированный подход регулирования;
 - построение доверия к человекоцентричному искусственному интеллекту
- установление отдельных правил и общих рекомендаций использования информационных и коммуникационных технологий при производстве по уголовным делам;
- регулирование порядка применения информационных и коммуникационных технологий именно уголовно-процессуальными нормами.

Европейский подход характеризуется разработкой централизованных руководств, правил и стандартов, оказывающих существенное воздействие на национальное законодательство стран ЕС.

Например, в Уголовно-процессуальный кодекс Франции¹ (далее – УПК Франции) в период с 2018 по 2023 гг. был внесен целый комплекс изменений, касающийся регулирования применения современных информационных технологий и систем в уголовно-процессуальной деятельности, как раз учитывающий и отражающий акты регулирования применения ИКТ, принятые в ЕС на наднациональном уровне.

В УПК Франции отдельно урегулированы вопросы перехвата корреспонденции, отправленной посредством электронных средств связи (ст. 100–100.8 УПК Франции), использование программного обеспечения (ст. 230.1–230.5, 230.20–230.27 УПК Франции), условия анализа, обработки, хранения и передачи персональных данных, а также использования технологии big data (ст. 230.6–230.19), порядок получения данных геолокации (ст. с 230.32 по 230.44 УПК Франции). Целые главы посвящены использованию платформенных решений судами (гл. 6), фиксации и использованию в расследовании изображений, полученных в общественных местах с помощью бортовых средств (гл. 8). Схожие

¹ Code de procédure pénale (Dernière mise à jour des données de ce code: 01 octobre 2023). URL: https://www.legifrance.gouv.fr/codes/texte_lc/LEGITEXT000006071154/.

положения нашли отражения в уголовно-процессуальных кодексах и других стран-участниках ЕС.

Таким образом, в Европейском Союзе и странах-членах ЕС сложился нормативный подход к регулированию использования информационно-коммуникационных технологий в уголовном процессе, при этом базовыми характеристиками данного подхода являются риск-ориентированность (нормативно закрепленная обязанность выявлять и учитывать риски использования информационных технологий и систем) и человекоцентричность (нормативное закрепление ориентированности на права личности при использовании информационных технологий и систем в уголовном судопроизводстве).

Сам по себе риск-ориентированный подход к использованию ИТис, упоминающийся в актах ЕС применительно к технологиям искусственного интеллекта, является, на наш взгляд, одним из наиболее перспективных в сфере уголовного судопроизводства, так как при правильной организации позволяет достигнуть определенного баланса, обеспечивающего защиту прав и свобод человека при применении ИКТ без излишних нормативных ограничений.

В целом, нормативный, а не ведомственный подход к внедрению и использованию ИТис в уголовном судопроизводстве можно считать положительной практикой регулирования. Данный подход стоит учитывать при формировании отечественной концепции регулирования все более активно применяемых при производстве по уголовным делам информационных технологий и систем.

**ВОЗБУЖДЕНИЕ УГОЛОВНОГО ПРЕСЛЕДОВАНИЯ
ПО КОРРУПЦИОННЫМ ПРЕСТУПЛЕНИЯМ:
ПРАКТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ**

**INITIATION OF CRIMINAL PROSECUTION
FOR CORRUPTION CRIMES: PRACTICAL PROBLEMS**

В статье обсуждаются актуальные практические проблемы, возникающие перед следователем на начальном этапе уголовного преследования по коррупционным преступлениям. Особое внимание акцентируется на развитии цифровых финансовых активов и цифровых валют, что способствует появлению новых форм рассматриваемых деяний, неурегулированных законодательством. Автор формулирует предложения законодательного характера, которые направлены на предупреждение коррупционных преступлений и оптимизации организации работы следователя на рассматриваемом этапе.

The article discusses current practical problems that arise before the investigator at the initial stage of criminal prosecution for corruption crimes. Particular attention is paid to the development of digital financial assets and digital currencies, which contributes to the emergence of new forms of the acts in question that are not regulated by law. The author formulates legislative proposals that are aimed at preventing corruption crimes and optimizing the organization of the investigator's work at the stage under consideration.

Ключевые слова: возбуждение уголовного дела, доказательства, коррупционное преступление, следователь, уголовное преследование.

Key words: initiation of a criminal case, evidence, corruption crime, investigator, criminal prosecution.

Коррупционные преступления в современном мире являются важной проблемой не только для нашей страны, но и для всего человечества в целом, поскольку посягают на авторитет государственной службы или службы в органах местного самоуправления. Появление такого явления, как «коррупция» можно отнести к моменту возникновения самого понятия «государство». Данное явление имеет глубокие исторические корни. Уже в середине XVI века существовали такие формы коррупции, как «мздоимство», то есть получение неправомερных преимуществ за совершение законных действий, и «лихоимство» – незаконные действия, которые совершались должностными лицами - воеводами- чиновниками.

Средствами массовой информации постоянно декларируются преступления коррупционной направленности. Органами государственной власти также ведется активная борьба с этим явлением: в сфере законодательства принимаются нормативно-правовые акты, направленные на совершенствование мер по выявлению или профилактики преступлений. Важным направлением по борьбе с коррупционными преступлениями является развитие институтов гражданского общества, в которых повышается правовая грамотность населения, формируется негативное отношение к преступлениям коррупционной направленности. Тем не менее, данная тема требует особого внимания, поскольку проблема раскрытия, а также расследования коррупционных преступлений остается актуальными по сей день. Коррупционные преступления представляют особую опасность всему обществу, а согласно официальным статистическим данным, эффективность борьбы с коррупционными преступлениями является достаточно низкой.

Законодательство по противодействию коррупции объемно, в последнее время уделяется особое внимание антикоррупционной политике. Но несмотря на то, что в области законодательства принимаются различные меры по борьбе с коррупцией, ряд частных проблем при осуществлении уголовного преследования лиц по рассматриваемым преступлениям остаются и на сегодняшний день.

Предметом настоящего исследования являются проблемы, возникающие на начальном этапе уголовного преследования – при возбуждении уголовных дел.

По мнению Е.С. Кожухова и Т.А. Калентьева, «численность совершенных коррупционных преступлений с каждым годом увеличивается»¹. Одним из актуальных вопросов является процесс возбуждения уголовных дел как залог законного противодействия коррупционным преступлениям².

Коррупционные преступления начали совершаться в нашей стране достаточно давно, с каждым годом это явление менялось, приобретало новые формы, подстраивалось под социально-исторические изменения. Вместе с этим менялся и подход к расследованию данных преступлений, а также борьба, которая направлена на различные сферы жизни общества.

При возбуждении уголовных дел данной направленности возникают различные проблемы: обнаружения следов преступления, отсутствуют свидетели при совершении данного преступления. Часто следователи при расследовании сталкиваются с противодействием со стороны лиц, которые причастны к совершению преступления, поскольку взяткодатель, взяткополучатель или посредник заинтересованы в положительном исходе преступного деяния, а, следовательно, предпримут все возможные меры для избежания наказания за преступление³.

Первой проблемой, которая возникает при возбуждении уголовных дел коррупционной направленности, является отсутствие «яркого» комплекса следов, который может отражать картину события преступления. Совершение данных деяний происходит в сравнительно закрытой системе. Участниками данных преступлений зачастую являются лица, которые в своих интересах заинтересованы в благоприятном исходе совершения преступления. Чаще всего ими предпринимаются всевозможные меры по сокрытию следов преступления. Поэтому, зачастую, наличие очевидцев

¹ Кожухова Е.С., Калентьева Т.А. О некоторых вопросах расследования коррупционных преступлений // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. 2019. Т. 1. № 2. С. 187.

² Шадрина Е.Г. Проблемы возбуждения уголовных дел коррупционной направленности // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Сер.: Юридические науки. 2020. № 1. С. 52.

³ Смирнов В.А., Гойник А.А. Проблемы, возникающие при расследовании преступлений коррупционной направленности и возможные способы их преодоления // Молодой ученый. 2020. № 7 (297). С. 136.

преступления, которые могли бы дать показания о преступлении, сводится к минимуму или полному отсутствию.

По сравнению с другими видами преступления, при возбуждении уголовных дел, а также при расследовании преступлений коррупционной направленности невелик объем доказательств, особенно если преступники не были задержаны с поличным. В таком случае имеющиеся доказательства могут являться косвенными.

Встречаются ситуации, когда должностное лицо, выполняя свои служебные поручения, не зная о совершении преступления, стал соучастником преступления, передав, например, конверт или папку с «документами» по распоряжению непосредственного начальника. Согласно ст. 291.1 УК РФ, посредник может быть освобожден от уголовной ответственности, если сообщил о преступлении, а также активно сотрудничал со следствием. Каждый участник коррупционного преступления имеет определенную выгоду в успешном завершении деяния.

Второй проблемой, которая возникает при возбуждении уголовных дел коррупционной направленности, является отсутствие повода, а также основания для возбуждения уголовных дел в соответствии со ст. 140 УПК РФ. По мнению С.С. Чуйко, в последнее десятилетие поводами для возбуждения уголовных дел коррупционной направленности послужили: «49 % – это сообщения из различных источников, которые собираются совершить преступление или совершили преступление, полученные по результатам ОРМ, 18 % – показания свидетелей, 15 % – показания лиц, которые передавали взятку, и 10 % от сообщений от лиц, которые являлись посредниками»¹.

Проверкой сообщения о преступлении занимаются органы дознания и следователь. В ходе такой проверки устанавливается факт достоверности заявления, который имеет признаки преступления. Кроме того, в ходе проверки изучается вся доступная информация, которая может служить основанием для возбуждения уголовного дела или отказа в возбуждении уголовного дела.

¹ Чуйко С.С. Особенности возбуждения уголовных дел коррупционной направленности // Научный дайджест Восточно-Сибирского института МВД России. 2022. № 4 (18). С. 254.

После получения следователем заявления или другого вида обращения о преступлении на стадии подготовки или уже совершенном преступлении возникает необходимость проверить не только признаки преступления, но и законность повода для возбуждения уголовного дела. Следователь, получив заявление о преступлении, обязан изучить информацию о деянии по существу, решить, необходимо ли предпринимать меры для предотвращения преступления.

Также, если преступление совершено относительно недавно, следователю необходимо в кратчайшие сроки проверить данные, используя информацию, которая имеется в заявлении. Незамедлительность проверки связана и с тем, что участникам не удастся уничтожить следы преступления.

Третьей проблемой при возбуждении уголовных дел коррупционной направленности является сокрытие преступления. Участники преступления, как уже было сказано ранее, являются заинтересованными лицами в положительном исходе совершения деяния. Поэтому стороны принимают активное участие в сокрытии преступления, стараются законспирировать или завуалировать свои действия. Местом совершения преступлений коррупционной направленности может стать любое помещение: автостоянка, рабочий кабинет, кафе, жилое помещение, парк и другие.

Как показывает следственно-судебная практика, преступники выбирают места, где легче всего заметить сотрудника правоохранительных органов, а в дальнейшем скрыться с места совершения преступления. Иногда используют различные тайники в виде коробок в безлюдных местах для передачи взятки.

Также в большинстве случаев для передачи взятки или ее получения используют служебные кабинеты. Это связано с высоким уровнем обособленности от постороннего вмешательства, кабинет не привлекает особого внимания. В дальнейшем рабочий кабинет может стать не только местом совершения преступления, но и местом по сокрытию преступления.

После совершения преступления участники преступления стараются активно скрыть следы преступления. В последнее время количество приемов по сокрытию преступлений, а также их разнообразие заметно возросло. Например, при подготовке к

совершению преступлению участники стараются продумать следующее: учитывают отсутствие очевидцев, усиливают охрану на рабочем месте, обращают внимание на отсутствие видеорегистраторов или других устройств записи, при оформлении различных документов подписывают различные договоры, которые являются фиктивными, переводят денежные средства под видом спонсорской помощи, уничтожают бумаги, дневники, фотографии, а также проводят другие схемы по сокрытию преступления. После совершения преступления стирают информацию на электронных носителях, хранят полученные средства в потайных местах, переводят на счета подставных лиц, родственников, используют пластиковые карты других лиц¹.

Четвертой проблемой при возбуждении уголовных дел коррупционной направленности является развитие в последнее десятилетие цифровых финансовых активов и цифровых валют, а вместе с тем и появление новых форм коррупционных преступлений. Преступления коррупционной направленности выходят на новый уровень, приобретают новые формы.

В Российской Федерации определение «цифровые финансовые активы» и «цифровые валюты» закрепились лишь в 2021 г. с принятием Федерального закона от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»². Существует сложность определения криптовалюты в науке уголовного права, позиции в этом отношении разные, но законодателями предпринимаются меры по урегулированию данного вопроса.

Так, в 2023 г. внесены изменения, которые определяют «цифровые рубли» как «денежные средства», устанавливают порядок пользования при расчете «цифровыми рублями», а также

¹ Данько В.А. Проблемы противодействия взяточничеству на стадии возбуждения уголовного дела // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Сер.: Экономика и право. 2021. № 3. С. 81.

² Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ (ред. от 4 августа 2023 г.) «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2020. № 31 (часть I). Ст. 5018.

назначают форму расчетов «цифровыми рублями» по Российскому законодательству¹. В частности, предусмотрено, что расчеты цифровыми рублями осуществляются путем их перевода банком России в рамках платформы цифрового рубля в соответствии с законодательством о национальной платежной системе.

В отраслях криминального цикла на сегодняшний день криптовалюту стали признавать предметом коррупционных преступлений, но возникают разногласия по вопросу к какому виду предмета взятки следует ее относить. Например, Х.А. Асатрян пишет: «Существует позиция, которая относит криптовалюту к вознаграждению должностного лица по службе, определив ее как услуга имущественного характера, другие относят криптовалюту к имуществу. Третьи не могут отнести криптовалюту ни к одному виду предмета взяточничества, выражая желание внести изменения в Уголовный кодекс Российской Федерации по определению криптовалюты как самостоятельного вида предмета взяточничества»².

В этом положении у следователя возникает сложность установления факта получения взятки в виде криптовалюты для возбуждения уголовного дела коррупционной направленности. Выяснить получателя и отправителя достаточно сложно. Оконченным преступление будет являться тогда, когда криптовалюта поступила на электронный кошелек. Для открытия этого кошелька нет необходимости представлять документы в банк или другие организации, проходить проверку и устанавливать личность, все происходит под скрытым именем. Далее на кошелек зачисляются виртуальные деньги, передается цифровой код участнику коррупционного преступления. В дальнейшем эти виртуальные деньги меняются на удобную форму денег на криптобирже и переводятся на банковский счет. Естественно, это все происходит анонимно,

¹ Федеральный закон от 24 июля 2023 г. № 339-ФЗ «О внесении изменений в статьи 128 и 140 части первой, часть вторую и статьи 1128 и 1174 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2023. № 31 (часть 3). Ст. 5765.

² Асатрян Х.А., Христюк А.А. Проблемы определения предмета взяточничества и особенности его выявления в современных реалиях // Всероссийский криминологический журнал. 2022. Т. 16. № 3. С. 378.

поэтому определить участников преступления возможно, если есть цифровой код криптокошелька¹.

В телефонах, компьютерах, ноутбуках и других электронных носителях могут быть сохранены текстовые данные с seed-фразами, адресами криптокошельков. В истории браузеров особое внимание обращают на различные сайты, которые связаны с криптовалютными активами. После изъятия всех электронных носителей они подлежат изучению.

Подводя итог, отметим, что перечисленные нами проблемы (обнаружения следов преступления, отсутствие свидетелей при совершении данного преступления, активное противодействие со стороны лиц, которые причастны к совершению преступления) не являются исчерпывающими на этапе возбуждения уголовного преследования.

Некую озабоченность в настоящее время вызывает появление новых видов и форм коррупционных преступлений, вместе с чем возникает проблема выявления участников преступления, определения следов преступления в силу неосведомленности и неизученности следователем данной области.

Полагаем, что данный вопрос частично может быть разрешен с помощью установления на законодательном уровне порядка пользования определенными категориями граждан цифровых активов и валют; необходимости контролировать цифровые активы и валюту должностных лиц, которые обязаны извещать о наличии криптокошельков, совершении различных сделок и операций с помощью цифровой валюты.

Предпринятые меры повысят уровень осознанности граждан, увеличат публичность совершения данных операций, и уменьшат совершение преступлений коррупционной направленности в сфере цифровых финансовых активов и валют.

¹ Севальнев В.В. Цифровые финансовые активы и цифровые валюты в коррупционном правонарушении // Криминологический журнал. 2022. № 4. С. 154.

**ПРОФИЛАКТИКА НАРКОМАНИИ
И НАРКОПРЕСТУПНОСТИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ
(НА ПРИМЕРЕ КУРСКОЙ ОБЛАСТИ)¹**

**PREVENTION OF DRUG ADDICTION
AND DRUG CRIME OF MINORS
(USING THE EXAMPLE OF THE KURSK REGION)**

В статье раскрываются региональные особенности профилактики и предупреждения наркомании несовершеннолетних на примере Курской области. Проводится анализ нормативно-правовых документов федерального и регионального уровней. Определяется система работы всех субъектов профилактики, особое внимание уделяется первичной профилактике. Сегодня несовершеннолетние вовлекаются в употребление, распространение наркотиков и психоактивных веществ через Интернет, поэтому подростки стоят перед ложным выбором вовлечения в деструктивный контент.

The article reveals the regional features of the prevention and prevention of drug addiction of minors on the example of the Kursk region. The analysis of regulatory and legal documents at the federal and regional levels is carried out. The system of work of all subjects of prevention is determined, special attention is paid to primary prevention. Today, minors are involved in the use and distribution of drugs and psychoactive substances via the Internet, so teenagers face the false choice of engaging in destructive content.

Ключевые слова: несовершеннолетние, профилактика и предупреждение, наркомания, психоактивные вещества, субъекты профилактики.

¹ Публикация подготовлена в рамках выполнения государственного задания № 08510202200033 «Трансформация частного и публичного права в условиях эволюционирующих личности, общества и государства».

Key words: prevention and prevention, drug addiction, psychoactive substances, subjects of prevention

Пропаганда употребления наркотиков и психоактивных веществ (далее – ПАВ) для несовершеннолетних развивается сегодня в социальных сетях (в Контакте, Тик Ток) и компьютерных играх. В данных группах одной пропагандой наркотиков не ограничивается, идет активная продажа наркотиков через прямые ссылки на магазины и телеграмм-каналы.

Совсем недавно в Курской области принят Перечень приоритетных направлений (план мероприятий) по реализации Стратегии государственной антинаркотической политики Российской Федерации на период до 2030 г. на территории Курской области (на 2021–2025 годы) (с изм. на 14 ноября 2022 г.). В Курской области действует областная целевая программа «Комплексные меры противодействия злоупотреблению наркотиками и их незаконному обороту на 2005–2009 годы», разработанная в соответствии с Федеральным законом от 8 января 1998 г. № 3-ФЗ (в ред. от 28 апреля 2023 г. «О наркотических средствах и психотропных веществах»), и Указ Президента Российской Федерации от 23 ноября 2020 г. № 733 «Об утверждении Стратегии государственной антинаркотической политики Российской Федерации на период до 2030 года».

В Указе, в частности, отмечается, что употребление наркотиков угрожает национальной безопасности страны, в связи с чем определены стратегические цели антинаркотической политики и приоритетные направления противодействию незаконному обороту наркотиков: 1) профилактика распространения незаконного потребления и незаконного оборота наркотиков; 2) лечение и реабилитация больных наркоманией; 3) пресечение незаконного оборота наркотиков.

В соответствии с Указом Президента Российской Федерации от 18 октября 2007 г. № 1374 «О дополнительных мерах по противодействию незаконному обороту наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров» принято постановление от 2 февраля 2022 г. № 28-пг «О внесении изменений в постановление Губернатора Курской области от 13 декабря 2007 г. № 546 "Об антинаркотической комиссии в Курской области"».

Необходимость подготовки и последующей реализации указанных документов вызвана тем, что современная ситуация на территории Курской области, как и в целом по России, характеризуется снижением незаконного распространения и немедицинского потребления наркотиков, но с вовлечением в сбыт и употребление наркотиков несовершеннолетние, что представляет серьезную угрозу здоровью нации, экономике страны, правопорядку и безопасности государства.

Целью Постановления губернатора Курской области являются: создание условий для приостановления роста злоупотребления наркотиками и их незаконного оборота; поэтапного сокращения распространения наркомании и связанных с ней преступности и правонарушений до уровня минимальной опасности для общества; создание положительной информационной и культурной тенденции по формированию у детей, подростков, молодежи и взрослого населения антинаркотического мировоззрения, здорового образа жизни и духовно-нравственной культуры в обществе.

Мы согласны с А.И. Чаркиным, утверждающим, что «саму профилактику наркомании несовершеннолетних необходимо, в первую очередь, осуществлять по двум основным направлениям: 1) профилактика наркомании, включая лечение наркоманов и их реабилитацию; 2) профилактика правонарушений, связанных с незаконным оборотом наркотиков»¹.

Для решения проблемы молодежной преступности, в том числе и наркопреступности, необходимо обратить первостепенное внимание государства на социальную сторону этой проблемы. По данным Следственного Комитета, 22 % из несовершеннолетних преступников – из неполной семьи, только у 8 % оба или единственный родитель безработные, у 4 % родители или родственники имели судимость. 6 % подростков находились во время преступления в состоянии алкогольного опьянения. Есть даже те, кто совершил преступление вместе со взрослым членом семьи².

¹ Чаркин А.И. Наркомания как негативное социальное явление и особенности ее криминалистической характеристики // Российский следователь. 2004. № 2. С. 28.

² Солопов М., Суринская Я. В Следственном комитете подвели статистику ко Дню защиты детей // Ведомости. 2023. 31 мая.

Мы считаем, что зачастую субъекты системы профилактики на местах функционируют не как единый организм, а как разрозненные структуры, неразумно конкурирующие между собой. Тогда как объединение усилий, ресурсов и средств, а не их распыление, приносило бы более ощутимые результаты. Не приносит пользу не только отсутствие взаимодействия и координации между органами системы профилактики, но и их самоустранение от выполнения возложенных Федеральным законом от 24 июня 1999 г. № 120 «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» задач по предупреждению преступности и безнадзорности несовершеннолетних.

В ранее проведенном нами исследовании (2021 г.) было определено, что несмотря на активную работу органов здравоохранения Курской области, в их деятельности имеются существенные просчёты. Один из них касается отсутствия достаточного числа подростковых врачей-наркологов. В большинстве районных больниц области отсутствуют должности детских врачей-наркологов. Детей, страдающих наркозависимостью, лечат врачи-наркологи, обслуживающие взрослых пациентов, поэтому не учитывается специфика лечения несовершеннолетних наркоманов¹.

Согласно «Концепции профилактики употребления психоактивных веществ в образовательной среде на период до 2025 года» (утв. Минпросвещения России 15 июня 2021 г.) «цели первичной профилактики следующие: изменение ценностного отношения детей и молодежи к наркотикам, формирование личной ответственности за свое поведение; становление личностных ресурсов, обеспечивающих развитие у детей и молодежи социально-нормативного жизненного стиля с доминированием ценностей здорового образа жизни, действенной установки на отказ от приема ПАВ; сдерживание вовлечения детей и молодежи в прием наркотических веществ за счет пропаганды здорового образа жизни, формирования антинаркотических установок и профилактической работы»².

¹ Шайкова М.В. Профилактика и предупреждение наркомании несовершеннолетних (региональный аспект // Наркоконтроль. 2021. № 2. С. 32.

² СПС «КонсультантПлюс».

По нашему мнению, именно посредством правовой пропаганды возможно опережающее воздействие на ценностно-мотивационные и культурные установки молодежи, на позитивное и безответственное отношение к миру, обществу, государству, другим людям, самим себе. Система оперативного выявления и информирования органов здравоохранения и правоохранительных органов о случаях употребления, распространения наркотиков в образовательных учреждениях не создана.

Раннее выявление подростков, употребляющих наркотики и токсические вещества, – это задача, прежде всего образовательных учреждений. Мы солидарны с позицией ученых о необходимости преодолеть сложившийся стереотип у руководителей образовательных учреждений, не ставящих в известность органы внутренних дел о фактах употребления наркотиков в школах и колледжах. Тогда как своевременное сообщение об этом создает возможность пресекать факты продажи и свободного «хождения» наркотиков по рукам непосредственно в самих образовательных учреждениях.

В системе органов образования имеются психолого-медико-педагогические комиссии, во многих школах в штате также есть психологи. По нашему мнению, необходимо регламентировать обязанности данных комиссий по своевременному выявлению детей, употребляющих наркотики и токсические вещества. К сожалению, данная служба ещё не стала тем необходимым центром психологической помощи и реабилитации для подростков, какой она должна быть и по своему статусу, и по обязанностям, предписанным Федеральным законом от 24 июня 1999 г. № 120 «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних».

Мы считаем, что первичную индивидуальную профилактику должны проводить школьные учителя, так как они ежедневно контактируют с несовершеннолетними и могут видеть все изменения в поведении несовершеннолетних. Сегодня информационные технологии Интернета манипулируют и порождают замкнутость и ограничения в общении и поведении школьников. Девочки чаще всего становятся жертвами социальных сетей, так как они более склонны к построению сложных социальных связей. Поэтому воспитательная работа с подростками должна строиться на гендерном

уровне и вовлечении в активную общественную жизнь образовательного учреждения несовершеннолетних для достижения положительного воспитательного эффекта.

В медико-профилактической работе по предупреждению употребления наркотиков и ПАВ необходим взаимный обмен информацией между учебными заведениями, органами здравоохранения и правоохранительными органами о подростках, подозреваемых в употреблении ПАВ и наркотиков. Социальными педагогами совместно с участковыми врачами-терапевтами и врачами-наркологами должен осуществляться патронаж семей, где живут трудные подростки, подростки, злоупотребляющие спиртными, токсическими веществами. Так же необходимо пересмотреть подход к аттестации образовательных учреждений, руководителей и педагогов, в их работе должен быть анализ и результаты всех проводимых мероприятий по профилактике употребления наркотических средств¹, психотропных веществ с педагогически запущенными детьми. В министерстве образования должна быть картотека подростков с дезапативным поведением и эти данные нужно передавать в детскую поликлинику для совместной профилактической работы, а также предусмотреть контроль пребывания и местонахождения этих подростков в летний период.

Практика показывает, что проведение профилактической работы зачастую затрудняется вследствие недостаточного уровня знаний по проблемам наркомании и токсикомании у специалистов, задействованных в данном процессе. Поэтому мы считаем, что необходимо уделять большое внимание подготовке и обучению кадров. Необходимо разработать и ввести в повышение квалификации для специалистов образовательных учреждений курс «Предупреждение злоупотребления алкоголя, вейпов, снюсов и психоактивными веществами несовершеннолетними».

Наряду с проверенными методами профилактической работы (лекции, демонстрация видеофильмов по профилактике распространения наркомании и ее вреде) внедрять в практику профилактической и предупредительной работы занятия с малыми

¹ Почитаева И.П. Научное обоснование системы противодействия распространению наркомании (на примере Костромской области): монография. Пятигорск: ПФ СКФУ, 2017. С. 110.

группами несовершеннолетних по интерактивной методике профилактики наркомании и ПАВ, где каждый участник может высказать свое мнение, послушать других.

В апреле 2002 г. Курский областной центр социальной помощи семье и детям репрофилирован в областной социально-реабилитационный центр для несовершеннолетних, что позволило решать проблемы размещения и перевозки несовершеннолетних, повысить эффективность работы по профилактике безнадзорности и беспризорности несовершеннолетних.

Положительным примером является предупредительная работа, проводимая в г. Курчатов Курской области в сфере физической оздоровительной работы среди подростков и молодежи действуют спортивные секции в трех учреждениях дополнительного образования, имеется большой спортивный комплекс «Энергетик». Ребята занимаются в секциях по боксу, каратэ, рукопашному бою, спортивной аэробике, настольному теннису, футболу, шахматам.

Большинство сотрудников правоохранительных структур по-прежнему не рассматривают общественные формирования, церковь, СМИ и другие субъекты наркотизма как равноправных партнеров в профилактической деятельности. Но не случайно в «Стратегии государственной антинаркотической политики Российской Федерации на период до 2030 года» отмечается важная роль СМИ в разработке научно-обоснованных рекомендаций по составлению наркологических программ местного и федерального уровней, а также стратегии сотрудничества со СМИ по вопросам антинаркотической пропаганды.

Основная предупредительная роль СМИ в современных условиях сводится к воздействию на сознание населения, формированию общественного мнения об опасности наркомании. Но, в то же время стихийное, непрофессиональное, а порой тенденциозное распространение информации через каналы СМИ чревато опасностью приобщения отдельных несовершеннолетних к употреблению наркотических средств, распространению преступности, так как по оценкам криминологов, в России до 80% подростков приобщаются к наркотикам из любопытства. К сожалению, этот аспект деятельности СМИ оказывает негативное воздействие,

и, прежде всего, на молодежную среду. В связи с этим большую роль играет социально-позитивная информация как результат процесса взаимодействия правоохранительных органов и СМИ.

Основные функции по профилактике и борьбе с наркоманией в настоящее время возложены на Управление по контролю за оборотом наркотиков УМВД Курской области. Одной из функций деятельности управления является осуществление профилактической деятельности по предупреждению незаконного потребления несовершеннолетними наркотических средств и психотропных веществ.

Профилактическая работа является одним из основных направлений оперативно-служебной деятельности Управления по контролю за оборотом наркотиков. Помимо карающих функций Управлением проводится разъяснительная работа в среде потребителей наркотиков, осуществляется комплекс профилактических мероприятий, направленных на противодействие наркопреступности.

Главными воспитательно-предупредительными целями и задачами проводимых профилактических мероприятий в Курской области являются отвлечение подрастающего поколения от негативных проявлений социума, развитие навыков общения, творческих способностей, ориентирование молодежи на нравственные и духовные приоритеты самосознания, патриотическое воспитание, создание условий для организованного досуга.

В целях активизации военно-патриотического воспитания и пропаганды здорового образа жизни совместно с Министерством культуры организован и проведен в районах Курской области областной месячник антинаркотической направленности и популяризации здорового образа жизни «Курский край – без наркотиков!», посвященный Международному дню борьбы с наркоманией. Ведется планомерная работа по привлечению молодежи, в первую очередь студенчества, в волонтерские движения для проведения профилактической работы, антинаркотических акций и мероприятий среди сверстников и школьников. Такая форма работы по принципу «от старшего брата» является одним из наиболее эффективных методов предупреждения наркотизации и преступности в подростковой и молодежной среде, когда

несовершеннолетние видят озабоченность проблемой наркомании не только старших поколений, но и своих сверстников.

За 2022 г. в Курской области было выявлено 7 преступлений, связанных с вовлечением несовершеннолетних в совершение преступления, и 6 преступлений по статье «Розничная продажа несовершеннолетним алкогольной продукции». Расследовано 10 уголовных дел по незаконному обороту наркотических средств (подобных преступлений в 2021 г. было 16 с участием 9 подростков).

Одной из форм профилактики является административная практика. Но так как в настоящее время имеется несовершенство законодательной базы по административным правонарушениям в работе, возникают отдельные трудности. В частности, в Кодексе об административных правонарушениях Российской Федерации (далее – КоАП РФ) не установлена норма об ответственности лиц, отказывающихся от прохождения медицинского освидетельствования на предмет установления факта употребления наркотических средств. В ст. 6.13 КоАП РФ не четко определено понятие пропаганда наркотических средств, что зачастую ведет к различному восприятию данных правонарушений, необходимо в данной статье определить формы и методы пропаганды наркотических средств в отношении несовершеннолетних¹.

Таким образом, в целях профилактики наркомании несовершеннолетних мы предлагаем:

1) оптимизировать выполнение профилактических мероприятий «Стратегии государственной антинаркотической политики Российской Федерации на период до 2030 года»;

2) проводить предупредительно-профилактическую и разъяснительную работу среди населения, в первую очередь, в подростковой и молодежной среде, а также с родителями по вопросу наркотизации населения, вреда здоровью, уголовной и административной ответственности за правонарушения, связанные с незаконным оборотом наркотиков;

3) проводить совместную профилактическую работу с общественными объединениями, военно-патриотическими клубами,

¹ Шайкова М.В. Профилактика и предупреждение наркомании несовершеннолетних (региональный аспект // Наркоконтроль. 2021. № 2. С. 34.

при этом повсеместно активизировать физическую и военно-патриотическую работу с подростками;

4) усовершенствовать аттестацию педагогов, психологов и социальных работников, занимающихся профилактической работой по предупреждению употребления наркотиков и ПАВ несовершеннолетними;

5) органам внутренних дел вести специализированный учет несовершеннолетних, употребляющих нарко- и психотропные вещества, а также вовлеченных в незаконный оборот наркотиков, родителей или законных представителей несовершеннолетних, не исполняющих своих обязанностей по воспитанию, обучению и содержанию детей и отрицательно влияющих на их поведение.

А.П. Шеколенко

ОБ ОЦЕНКЕ ДОПУСТИМОСТИ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ В ХОДЕ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО СЛУШАНИЯ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ

ON THE ASSESSMENT OF THE ADMISSIBILITY OF EVIDENCE DURING THE PRELIMINARY HEARING IN CRIMINAL CASES

Статья посвящена проблематике оценки допустимости доказательств в ходе предварительного слушания по уголовным делам. Рассматриваются различные доктринальные подходы к оценке допустимости доказательств, с учётом множества аспектов и нахождения сбалансированных решений такого сложного правового вопроса, как оценка допустимости доказательств в ходе предварительного слушания по уголовным делам. Анализируются положения ст. 88 и 235 УПК РФ в их взаимосвязи и непротиворечивости. Автор приходит к выводу о необходимости интеграции когнитивных (умственных) операций и практической деятельности для эффективной оценки допустимости доказательств, что способствует повышению качества предварительного слушания и предстоящего рассмотрения уголовного дела по существу.

The article is devoted to the issue of assessing the admissibility of evidence during the preliminary hearing in criminal cases. The author examines various doctrinal approaches to the assessment of evidence admissibility, focusing on considering multiple aspects and finding balanced solutions to the complex legal issue of assessing evidence admissibility during the preliminary hearing in criminal cases. The provisions of Articles 88 and 235 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation are analyzed in their interrelation and consistency. The author concludes that the integration of cognitive (mental) operations and practical activities is necessary for the effective assessment of evidence admissibility, which contributes to the quality of the preliminary hearing and the upcoming consideration of the criminal case on the merits.

Ключевые слова: предварительное слушание, уголовный процесс, допустимость доказательств, оценка доказательств, проверка доказательств.

Key words: preliminary hearing, criminal process, admissibility of evidence, evidence assessment, evidence verification.

Одной из целей проведения предварительного слушания в уголовном процессе является решение вопроса, связанного с допустимостью доказательств. Предварительное слушание призвано гарантировать, что предстоящее рассмотрение уголовного дела по существу будет основываться только на допустимых (законно полученных) доказательствах. Определение допустимости доказательств на предварительном слушании позволяет оптимизировать время, необходимое для судебного разбирательства, направлено на уточнение позиций сторон и их стратегии защиты или обвинения, что, в свою очередь, способствует повышению качества и справедливости предстоящего рассмотрения дела по существу.

Разнообразие современных доктринальных научных подходов к вопросу оценки допустимости доказательств в ходе предварительного слушания по уголовным делам отражает глубину и многогранность этой проблематики. По нашему мнению, можно выделить несколько ключевых направлений, точек зрения

современных учёных об оценке допустимости доказательств на предварительном слушании.

Так, ряд авторов придерживаются позиции правового формализма, акцентируются на строгом соблюдении нормативно-правовых требований к доказательствам, предусмотренных действующим уголовно-процессуальным законодательством. Сторонники правового формализма уделяют особое внимание точной интерпретации УПК РФ и его буквальному применению, они считают, что допустимость доказательств должна оцениваться исключительно через призму установленных правил и процедур¹.

Другие подчёркивают важность обеспечения допустимости доказательств в более широком смысле, не ограничиваясь лишь формальными аспектами. Приверженцы этого направления настаивают на необходимости учитывать «разумность» при оценке допустимости доказательств, и не исключают возможность отступления от строгих норм в интересах достижения справедливого рассмотрения уголовного дела по существу².

¹ См.: Блинова О.Г. Полномочия суда при решении вопроса о признании доказательств недопустимыми // Контроль над преступностью и обеспечение прав личности как приоритеты современной уголовно-процессуальной политики: сб. материалов Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием в рамках Саратовского междунар. юрид. форума, посвященного 90-летию юбилею Саратовской государственной юридической академии / Под ред. Н.С. Мановой. Саратов: Саратовская гос. юрид. академия, 2021. С. 29–31; Татьяна Л.Г., Каминский А.М. Признание по уголовному делу доказательств недопустимыми на предварительном слушании // Правовая политика в современном обществе: сб. ст. Всерос. науч.-практ. конф. к 85-летию З.З. Зинатуллина / Науч. ред. В.Г. Ившин, Г.А. Решетникова, Л.Г. Татьяна. Ижевск: Удмуртский ун-т, 2023. С. 85–89.

² См.: Балакшин В.С., Журавлева Н.М. «Асимметрия» правил оценки допустимости доказательств: дилемма применения в российском уголовном процессе // Вестник Могилевского института МВД. 2021. № 2 (4). С. 45–49; Архипкин И.В., Корнакова С.В. К вопросу об асимметрии правил о допустимости доказательств // Евразийский юридический журнал. 2022. № 12 (175). С. 287–288; Гададов И.С. О возможности применения судом «асимметрии» правил оценки допустимости доказательств // Евразийский юридический журнал. 2023. № 6 (181). С. 335–336.

Отдельные процессуалисты рассматривают вопрос оценки допустимости доказательств через призму защиты основных прав и свобод человека. Важнейшим критерием они признают обеспечение баланса между необходимостью использования законно полученных доказательств в судебном разбирательстве и защитой прав участников (сторон) уголовного процесса¹.

Некоторые учёные исследуют вопрос оценки допустимости доказательств в сравнительно-правовом контексте путём выявления наилучших практик и возможностей для усовершенствования национального УПК на основе международного опыта. В то же самое время сторонники этого подхода ставят под сомнение традиционные представления и практики, критически относятся к существующему отечественному уголовно-процессуальному законодательству и предлагают, зачастую, радикальные реформы и высказывают альтернативные взгляды в отношении оценки допустимости доказательств².

¹ См.: Эрдниева Л.Б., Мушаева Ц.А., Аксенов И.Ч. Принцип состязательности уголовного судопроизводства по реализации института допустимости доказательств в процессуальной деятельности прокурора и суда // Актуальные проблемы управления и права на современном этапе: сб. материалов науч. конф. Элиста: Калмыцкий гос. ун-т им. Б.Б. Городовикова, 2021. С. 115–124; Митюкова М.А. Участие прокурора в предварительном слушании при исследовании допустимости доказательств // Актуальные проблемы уголовного судопроизводства: материалы Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием. Иркутск: Иркутский институт (филиал) ВГУЮ (РПА Минюста России), 2023. С. 33–37; Буфетова М.Ш., Романцов А.М. Актуальные проблемы заявления защитником ходатайства об исключении доказательства в стадии подготовки дела к судебному заседанию // Адвокатская практика. 2023. № 4. С. 29–33.

² См.: Сироткин К.И. Оценка судом доказательств, при принятии решения об их исключении на предварительном слушании // Современная юриспруденция: актуальные вопросы, достижения и инновации: сб. ст. XXI Междунар. науч.-практ. конф. Пенза: Наука и просвещение, 2019. С. 85–87; Тарасова Ю.И. Некоторые проблемы исключения доказательств на предварительном слушании // Право и практика. 2021. № 4. С. 132–138; Тарасова Ю.И. Актуальные вопросы рассмотрения на предварительном слушании по уголовному делу вопросов об исключении доказательств // Образовательные технологии на современном этапе развития научного знания: сб. науч. труд. Казань, 2022. С. 37–40.

Как представляется, наиболее эффективные результаты достигаются при интеграции различных подходов, что позволяет учитывать множество аспектов и находить сбалансированные решения такого сложного правового вопроса, как оценка допустимости доказательств в ходе предварительного слушания по уголовным делам. В итоге сочетание различных теоретических концептов способно более полно осмыслить вызовы, стоящие перед современной системой уголовного правосудия, и находить инновационные решения для их преодоления.

Исходя из предписаний ч. 4 ст. 88 УПК РФ, вопрос о допустимости доказательств относится к их оценке, подразумевая тем самым только когнитивный процесс изучения и интерпретации доказательственной информации судом и сторонами. Однако, ст. 235 УПК РФ, регулирующая процедуру рассмотрения ходатайства об исключении доказательств на предварительном слушании, включает в себя ряд практических действий, таких как допросы свидетелей, приобщение к уголовному делу документов или оглашение протоколов следственных действий и иных документов. Указанные практические действия направлены на проверку или получение дополнительной информации, которая может быть использована для обоснования решения об исключении доказательства.

Таким образом, можно говорить об одновременной оценке и проверке допустимости доказательств в ходе предварительного слушания, причём, данное утверждение не видится противоречивым.

На наш взгляд, действия по проверке допустимости доказательств и, собственно, оценка допустимости доказательств неразрывны и дополняют друг друга. Носящие согласованный, комплексный характер процедуры, связанные с допустимостью доказательств на предварительном слушании, показывают возможности интеграции проверки и оценки в процессе доказывания.

Если ограничиться на предварительном слушании исключительно умственной (когнитивной) деятельностью, то сосредоточение внимания только на оценке допустимости доказательств может способствовать, *с одной стороны*, более глубокому и обстоятельному анализу их соответствия законодательным требованиям, а также упрощает и ускоряет предварительное слушание, что

потенциально может привести к более быстрому переходу к основному судебному разбирательству.

С другой стороны, без проведения проверочных действий, которые указаны в ч. 3 ст. 235 УПК РФ, суд может не располагать всей необходимой информацией для обоснованной оценки допустимости доказательств. Проверочные действия дают возможность сторонам влиять на оценку допустимости доказательств, представляя дополнительные аргументы и материалы в ходе предварительного слушания.

Практические действия по проверке допустимости доказательств на предварительном слушании не противоречат когнитивным умозаключениям, связанным с оценкой допустимости доказательств, они дополняют их, обеспечивая полную и объективную картину для такой оценки.

В.В. Шипицина

СИСТЕМА УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ ГАРАНТИЙ В СТАДИИ ВОЗБУЖДЕНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА

THE SYSTEM OF CRIMINAL PROCEDURAL GUARANTEES AT THE STAGE OF INITIATION OF CRIMINAL PROCEEDINGS

В статье рассматривается сущность уголовно-процессуальных гарантий, а также обосновывается значение института возбуждения уголовного дела как гарантии законности и обоснованности уголовного судопроизводства.

The article considers the essence of criminal procedural guarantees and substantiates the importance of the institute of initiation of criminal proceedings as a guarantee of legality and validity of criminal proceedings.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство, стадия возбуждения уголовного дела, законность, уголовно-процессуальные гарантии.

Key words: criminal proceedings, stage of initiation of criminal proceedings, legality, criminal procedural guarantees.

Создание гарантий законности в государстве, обеспечение действенной защиты прав личности в уголовном процессе относятся к приоритетным социально-правовым целям в Российской Федерации. Особую роль в этом механизме играет юридическое закрепление прав человека и их гарантий. При этом важное значение имеет деятельность правоприменительных органов по реализации гарантий прав и свобод человека как в повседневной жизни, так и в уголовном судопроизводстве.

В этой связи О.В. Гладышева справедливо отмечает, что государственными приоритетами в регулировании уголовно-процессуальных отношений выступают механизмы обеспечения законности, справедливости, равенства сторон, развития и усиления процессуальных гарантий прав и свобод человека и гражданина, его законных интересов¹.

Стадия возбуждения уголовного дела выступает первоначальным этапом уголовного судопроизводства, процессуальные особенности которой обуславливают наличие системы гарантий прав и свобод ее участников. Особенность стадии (ее самостоятельность, значение, цели, задачи, средства и способы их разрешения, процессуальная форма, статус субъектов) обуславливает наличие многоуровневой системы гарантий прав и свобод участников стадии возбуждения уголовного дела.

Профессор В.А. Семенцов констатирует, что «рассматриваемая стадия – одна из важных процессуальных гарантий от необоснованного применения мер уголовно-процессуального принуждения, выступая в качестве своего рода фильтра на пути применения указанных мер»².

¹ Гладышева О.В. Теоретическая модель механизмов обеспечения прав и законных интересов человека и гражданина в уголовном судопроизводстве: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2013. С. 3.

² Семенцов В.А. Возбуждение уголовного дела в структуре досудебного производства / В кн.: Уголовно-процессуальная деятельность

Согласно правоприменительной практике, подавляющее большинство нарушений прав и свобод граждан на первоначальном этапе уголовного судопроизводства происходит при принятии заявлений и сообщений о преступлении, вынесении постановлений о возбуждении уголовного дела, об отказе в нем. В связи с чем сама стадия выступает гарантией, то есть благоприятным условием для успешного, законного и обоснованного осуществления задач дальнейших стадий уголовного процесса, то есть привлечения к уголовной ответственности виновных, возмещения убытков и др.

Назначение стадии возбуждения уголовного дела традиционно понимается как гарантия от необоснованного применения мер государственного принуждения при расследовании уголовных дел¹. Кроме того, законные поводы и достаточные основания как условие начала уголовного процесса являются гарантиями обоснованности и законности возбуждения уголовного дела

Законность и обоснованность решений – это оценочные понятия, в рамках которых необходимо учитывать соблюдение в деятельности уполномоченных органов и должностных лиц норм уголовно-процессуального закона и обеспечения ими прав и законных интересов лиц, вовлеченных в процесс.

Законность деятельности на стадии возбуждения уголовного дела предполагает, прежде всего, неукоснительное соблюдение уголовно-процессуального закона при ее осуществлении, а также обоснованность и своевременность решений, принимаемых по ее результатам.

История становления института возбуждения уголовного дела свидетельствует о его эволюционировании, однако сохранении самостоятельности, выделении и обособлении стадии возбуждения уголовного дела в досудебных стадиях уголовного судопроизводства в целях законного и обоснованного начала производства по уголовному делу, сопровождаясь постепенным обогащением ее

в досудебном производстве: монография / Под науч. ред. проф. В.А. Семенцова. Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2023. С. 19.

¹ Ляхов Ю.А. Правовое регулирование стадии возбуждения уголовного дела. Законности нет без разумных законов. М.: Приор-издат, 2005. С. 11.

процессуальной формы элементами гарантий прав и свобод личности.

Историческое развитие института возбуждения уголовного дела позволяет выделить следующие уголовно-процессуальные гарантии:

- наличие контроля за деятельностью в рамках стадии, что обеспечивает законность и обоснованность производства внутри стадии и ее итоговых решений, обуславливающих законность дальнейшего производства либо отказ от такового;

- запрет на производство большинства следственных действий, гарантирующий законность ограничений конституционных прав граждан, а также прав иных лиц;

- цель стадии и совокупность стоящих перед нею задач, допускающих раскрытие преступления, но не требующих его в обязательном порядке;

- требование своевременного и быстрого возбуждения уголовного дела;

- наличие закрепленных в законе средств проверки заявлений и сообщений о преступлениях, возможность осуществления проверочной деятельности;

- наличие закрепленных в законе поводов и оснований, как условий законного и обоснованного начала уголовного процесса.

Гарантией принятия законного и обоснованного решения в любой стадии уголовного судопроизводства является строгая регламентация уголовно-процессуальным законом деятельности всех лиц, участвующих на данной стадии. И хотя на стадии возбуждения уголовного дела по общему правилу не могут проводиться многие следственные действия, это не исключает наличия здесь процессуальной формы деятельности.

Как отмечал К.В. Капинус, «сами по себе и заявление, и иное сообщение о преступлениях являются процессуально значимым юридическим фактом – одним из предусмотренных уголовно-процессуальным законодательством поводов к возбуждению уголовного дела»¹.

¹ Капинус К.В. Прокурорский надзор за исполнением законов при разрешении заявлений и сообщений о преступлениях: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2004. С. 16.

Представляется, что процессуальные действия не сводятся к следственным, не исчерпываются ими. С момента поступления сообщения о преступлении в органы, уполномоченные возбуждать уголовные дела первоначально возникает уголовно-процессуальная обязанность органа дознания, дознавателя, следователя выполнить действия по приему, регистрации, изучению и оценке информации, содержащейся в сообщении, ее проверке путем сбора дополнительных материалов в связи с доводами, содержащимися в заявлениях, сообщениях о преступлениях, а затем уже принять решения по существу, что в совокупности и составляет, по нашему мнению, процессуальную деятельность по разрешению вопроса о возбуждении уголовного дела или об отказе в этом.

В соответствии с ч. 1 ст. 144 УПК РФ, озаглавленной «Порядок рассмотрения сообщений о преступлении», дознаватель, орган дознания, следователь, руководитель следственного органа обязаны принять, проверить сообщение о любом совершенном или готовящемся преступлении и принять по нему процессуальное решение. Наличие специального акта о возбуждении уголовного дела или об отказе в этом (ч. 1 ст. 146, ч. 1 ст. 148 УПК РФ) имеет важное процессуальное значение, выступает гарантией обоснованности и законности принимаемого решения по сообщению о преступлении.

Процессуальные правила о порядке возбуждения дела предваряют регулирование предварительного расследования, в ходе которого на специальные, указанные в законе, органы и должностных лиц возлагаются обязанности по раскрытию преступлений, изобличению виновных, формулированию обвинения и его обоснованию для того, чтобы уголовное дело могло быть передано в суд.

Итак, процессуальное значение акта возбуждения уголовного дела состоит в следующем: 1) в нем определяется конкретный момент начала предварительного расследования (по делам частного обвинения – судебного производства), что обеспечивает контроль над сроками расследования (по делам частного обвинения – судебного разбирательства); 2) обеспечиваются права заинтересованных лиц (в известность о принятом по его заявлению решении о возбуждении уголовного дела ставится заявитель, а также лицо, в

отношении которого возбуждено уголовное дело (ч. 4 ст. 146 УПК РФ), а заявитель имеет возможность обжаловать отказ в возбуждении дела (ч. 5 ст. 148 УПК РФ); лицо, в отношении которого возбуждается дело, приобретает статус подозреваемого, получает копию постановления о возбуждении дела и может осуществлять свое право на защиту (п. 1 ч.1 ст. 46 УПК РФ); 3) актом возбуждения дела создается условие для производства принудительных процессуальных действий, до возбуждения уголовного дела не применяются меры процессуального принуждения, и лишь констатация наличия признаков преступления создает юридические предпосылки предварительного расследования.

Изложенное позволяет сделать следующие выводы.

1. История развития уголовного судопроизводства в России свидетельствует о постепенном выделении и обособлении стадии возбуждения уголовного дела в целях законного и обоснованного начала производства по уголовному делу. При этом происходило постепенное обогащение ее процессуальной формы элементами гарантий прав и свобод личности. Некоторые гарантии прав и свобод участников стадии возбуждения уголовного дела до сих пор являются действующими, например, запрет на осуществление большинства следственных действий, установление перечня поводов и оснований как условий начала уголовного судопроизводства, законодательное закрепление средств проверочной деятельности и др.

2. Система уголовно-процессуальных гарантий в стадии возбуждения уголовного дела образована следующими элементами:

- а) процессуальные нормы, закрепляющие права и обязанности участников судопроизводства;
- б) принципы уголовного судопроизводства;
- в) процессуальная форма производства по уголовным делам;
- г) деятельность участников судопроизводства;
- д) система проверки законности и обоснованности процессуальных действий и решений.

**ВОССТАНОВИТЕЛЬНОЕ ПРАВОСУДИЕ:
НА ПУТИ К НОВОМУ УГОЛОВНОМУ ПРОЦЕССУ**

**RESTORATIVE JUSTICE:
TOWARDS NEW CRIMINAL PROCEDURE**

В статье рассматривается направление восстановительного правосудия как альтернатива традиционному уголовному процессу для достижения целей реабилитации. В традиционном уголовном процессе преступнику и его жертве отводится скорее пассивная роль. Преступника обвиняют, судят и выносят приговор. Жертва также остается в основном травмированным пассивным зрителем, не считая роли свидетеля, дающего показания против обвиняемого. Восстановительное правосудие поощряет гораздо более активное участие как правонарушителей, так и жертв. Несмотря на очевидные преимущества восстановительного правосудия, существуют значительные ограничения его влияния на традиционный уголовный процесс.

In the article paper discusses restorative justice movement as an alternative to traditional criminal procedure to meet the goals of rehabilitation. The traditional criminal procedure assigns rather a passive role to an offender and his victim. The offender is accused, tried, and sentenced. The victim also remains largely a traumatized passive spectator apart from the role of giving evidence against the accused. Restorative justice encourages a much more active participation of both offenders and the victims. Despite apparent advantages of restorative justice, there are significant limitations of its impact on traditional criminal process.

Ключевые слова: восстановительное правосудие, уголовный процесс, реабилитация, наказание, правонарушитель, жертва.

Key words: restorative justice, criminal procedure, rehabilitation, punishment, offender, victim.

Восстановительное правосудие – это огромная область исследований, которая привлекла значительное количество работ¹. Она охватывает теоретические работы, инициативы на низовом уровне, официальную политику по всему миру в отношении социальных мер реагирования на преступность. Восстановительное правосудие пытается сместить основной акцент уголовного правосудия с наказания правонарушителя на возмещение вреда, причиненного преступным поведением².

Существует ряд международных инициатив, которые продвигают восстановительное правосудие во всем мире. Следующие резолюции ООН непосредственно касаются восстановительного правосудия: минимальные стандартные правила Организации Объединенных Наций в отношении мер, не связанных с лишением свободы, известные как Токийские правила³, и Основные принципы использования программ восстановительного правосудия в уголовных делах⁴.

Имеется также значительное число других резолюций ООН, призывающих государства проводить политику реституционного правосудия, таких как Декларация Банг-Кока о взаимодействии и ответных мерах: стратегические альянсы в области

¹ Шитов А. Криминология в уголовном правосудии. Изд. ун-та Чианг-мая. 2022. С. 198–218; Управление ООН по наркотикам и преступности: сб. стандартов и норм Организации Объединенных Наций в области предупреждения преступности и уголовного правосудия. 2016. С. 79.

² Управление ООН по наркотикам и преступности. Там же.

³ Генеральная Ассамблея ООН (1990, 14 декабря). Минимальные стандартные правила в отношении мер, не связанных с тюремным заключением (Токийские правила). Резолюция № 45/110.

⁴ Экономический и Социальный совет ООН (2002, 24 июля). Основные принципы использования программ восстановительного правосудия в уголовных делах. Резолюция № 2002/12.

предупреждения преступности и уголовного правосудия¹ и Дохинская декларация².

Масштабы этих международных инициатив выходят далеко за рамки уголовно-правовых процедур в их попытке заменить тюремное заключение альтернативными мерами уголовного права. В широком смысле реституционное правосудие является продолжением классической криминологической традиции, согласно которой реабилитация правонарушителей является главной целью уголовного правосудия.

Однако, восстановительное правосудие отличается от традиционных практик реабилитации, которые существуют в значительной степени независимо от основных механизмов уголовного судопроизводства³. Напротив, уголовно-процессуальные формы жизненно важны для успешной инициативы в области восстановительного правосудия. Традиционный уголовный процесс отводит преступнику скорее пассивную роль. Его обвиняют, судят и выносят приговор. Жертва также остается в значительной степени травмированным пассивным наблюдателем, помимо роли дачи показаний против обвиняемого. Восстановительное правосудие поощряет гораздо более активное участие как правонарушителей, так и потерпевших в уголовно-правовом процессе.

Восстановительное правосудие – это глобальное движение, которое также влияет на криминологический дискурс в

¹ Генеральная Ассамблея ООН (2005, 16 декабря). Бангкокская декларация о взаимодействии и ответных мерах: Стратегические альянсы в области предупреждения преступности и уголовного правосудия. Резолюция № 60/177.

² Генеральная Ассамблея ООН (2015, 17 декабря). Дохинская декларация об интеграции предупреждения преступности и уголовного правосудия в более широкую повестку дня Организации Объединенных Наций для решения социальных и экономических проблем и содействия верховенству права на национальном и международном уровнях и участию общественности. Резолюция № 70/174.

³ Зернова М. Восстановительное правосудие: идеалы и реалии. Изд. Ashgate, 2007. С. 35–36; На Ронг на Хан. Альтернативный процесс правосудия и процесс единогласного отправления правосудия // Юридический журнал Хуачью Чалерпракет. 2011. № 2. С. 41–61 и др.

развивающихся странах, таких как Таиланд¹. Предпринимаются попытки внедрить практику восстановительного правосудия в законодательство Таиланда. Закон о пробации (2016) является важной вехой в развитии законодательства Таиланда. Четыре раздела этого законодательства (разделы 36–39) возлагают на сотрудника службы пробации обязанность осуществлять восстановительное правосудие и кратко описывают процесс и результат. В настоящем документе не предпринимается попытки рассмотреть все движение за восстановительное правосудие. Основное внимание в нем уделяется процедурным аспектам. Основное внимание будет уделено роли жертвы и сообщества в процессе уголовного правосудия. Но прежде, чем мы рассмотрим значение реституционного правосудия для уголовно-процессуального права, важно еще раз подчеркнуть основные криминологические принципы реституционного правосудия.

В движении за восстановительное правосудие термин «восстановление» занимает центральное место: речь идет о восстановлении как жертв, так и правонарушителей. С точки зрения жертвы, акцент делается на возмещении вреда и восстановлении чувства безопасности. С позиции преступника речь идет в основном о раскаянии и реабилитации в обществе. Манифест движения за восстановительное правосудие можно резюмировать следующим образом: «Восстановительное правосудие направлено на прощение без попустительства преступлению»².

Криминологические принципы восстановительного правосудия основаны на двух фундаментальных концепциях: индивидуальной свободе и сообществе. Согласно Брейтуэйту, ведущему представителю восстановительного правосудия, преступность

¹ На Ронг на Хан. Альтернативный процесс отправления правосудия и процесс единогласного отправления правосудия. Там же; Вадакар Вандапан. Сравнительный судебный процесс, применяемый к медицинским делам: тематическое исследование, проведенное небрежно // *Graduate Law Journal*, 2019. № 12. С. 170–177; Танапат Пакчимм. Эффективность программы санитарного просвещения по вопросам здорового образа жизни пожилых людей в провинции Самут Сакхон // *Журнал криминологии и судебной экспертизы*. 2020. № 6. С. 1–15.

² Джонстон Г. Восстановительное правосудие. Изд. «Виллан Паблшинг», 2002. С. 134.

«предполагает некоторое господство над нами, которое ограничивает нашу свободу наслаждаться жизнью по нашему выбору»¹. В то же время существует сильный призыв к общественным ценностям и участию сообщества. Восстановительно правосудие определяется как «совещательное правосудие»: речь идет о том, чтобы люди размышляли о последствиях преступлений и о том, как с ними бороться и предотвращать их повторение².

Восстановительно правосудие можно охарактеризовать как реакцию против бюрократизации системы уголовного правосудия и отчуждения общества от активного участия в процессе уголовного правосудия. Оно продвигает идеи демократии участия в уголовном судопроизводстве. Сторонники восстановительного правосудия отрицают, что их идеи являются чем-то новым. Они используют антропологические исследования, чтобы подтвердить, что практика восстановительного правосудия известна во всех культурах, включая Запад с его высоко институционализированной формой уголовного процесса. Восстановительно правосудие можно наблюдать на уровнях семьи, школы и церкви³. Разница, особенно в западных культурах, заключается в том, что восстановительно сообщество утрачено в городском обществе, и существует необходимость возродить восстановительно сообщество посредством официальной политики⁴

Упадок традиционных социальных восстановительных механизмов наблюдается почти во всех культурах. Брейтуэйт острожно подчеркнул, что программа восстановительного правосудия не означает возврата к прошлому, когда общины брали на себя задачу преследования и наказания правонарушителей (местное правосудие). Восстановительно правосудие принимает институционализированные формы уголовно-правового процесса, но при этом пытается возродить в нем традиционные ценности.

Другими словами, восстановительно правосудие не требует отмены современных уголовно-процессуальных кодексов или

¹ Брейтуэйт Дж. Восстановительно правосудие. Изд. «Crime», 2003. С. 235.

² Брейтуэйт Дж. Восстановительно правосудие. С. 236.

³ Брейтуэйт Дж. Восстановительно правосудие. С. 238.

⁴ Брейтуэйт Дж. Восстановительно правосудие. С. 241.

даже их существенного пересмотра. Однако оно требует существенного пересмотра целей судопроизводства и, соответственно, его применения в конкретных судебных делах. Для традиционного уголовного судопроизводства основной целью является доказательство виновности обвиняемого в совершении преступления. После достижения этой цели могут применяться различные, а иногда и противоречащие друг другу концепции наказания. Для процедуры восстановительного правосудия осуждение виновного и оправдание невинного не являются единственными целями. Конечной целью является достижение социальной гармонии¹.

Гармония воспринимается как состояние равновесия между членами общества². Реинтеграция правонарушителя в общество составляет ядро подхода восстановительного правосудия. Восстановительное правосудие не пытается представить утопическую картину справедливого общества. В нем не обсуждаются абстрактные принципы правосудия как таковые. Вместо этого он предлагает метод достижения гармонии в социальных отношениях, нарушенных отдельными преступлениями. Метод основан на создании диалога между жертвой и преступником, без каких-либо претензий на устранение глубокой структурной несправедливости.

Метод достижения гармонии между жертвами и правонарушителями в значительной степени носит процедурный характер. Восстановительное правосудие критически относится к процедурам судебного преследования и осуждает существующие в судах общей юрисдикции правила. Его критика направлена не столько против нормативной базы, установленной уголовно-процессуальным кодексом, сколько против практики карательного правосудия. При такой практике обвиняемый подвергается унижению. «Эмоции возмездия с большей вероятностью приведут нас к неприятностям, чем к выходу из них». Напротив, процесс восстановительного правосудия основан не на унижении, а на взаимном уважении.

¹ Сиричай Кумарачандран, Джулай Тонгkachок, Эккрадж Суваннарат. Единогласный и мирный процесс отправления правосудия в окружном суде Южной границы // Международный юридический журнал. 2017. № 8. С. 83.

² Брейтуэйт Дж. Восстановительное правосудие. С. 236.

Дефекты процедур уголовного судопроизводства выявляются путем анализа так называемых «спиралей гнева от стыда». Вкратце, их смысл заключается в том, что неуважение, которое преступник проявляет по отношению к своей жертве, приводит к унижению жертвы, что, в свою очередь, приводит к разжиганию неуважения в противоположном направлении по отношению к преступнику. Гнев нарастает. Преступник подвергается стигматизации и выдворению с помощью карательных средств системы уголовного правосудия. Такая стигматизация и выдворение часто приводят к актам мести со стороны преступника путем повторных правонарушений.

Брейтуэйт видел решение этих проблем в реформировании уголовного процесса таким образом, чтобы усилить ритуалы покаяния, которые ведут к минимизации унижения. Другими словами, уголовный процесс должен быть построен таким образом, чтобы способствовать раскаянию преступника и его примирению с жертвой. Действительно, есть доказательства того, что самоотдача может способствовать раскаянию правонарушителей¹.

Брейтуэйт внес значительный вклад в изучение раскаяния в рамках движения за восстановительное правосудие. Он обратил внимание на раскаяние как на важнейший элемент восстановительного правосудия после анализа спиралей гнева от стыда. Уважительное пристыжение, обсуждаемое ниже, является лучшей политикой для раскаяния. Брейтуэйт полагал, что это в значительной степени отсутствует в уголовных судах. Скорее, современный процесс отправления правосудия основан на стигматизации и позоре². Стигматизирующий стыд не может разорвать спираль стыда и ярости. Только реинтегрирующий стыд может выполнить эту задачу. Психологи предоставляют доказательства того, что страх стыда может быть препятствием для раскаяния³.

¹ Экслейн Дж. Баумайстер. Выражение прощения и раскаяния / В кн. М. Маккалоу, К.И. Паргамента, К.Э. Торесена (ред.). Прощение: теория, исследования и практика: Гилфорд Пресс, 2001. С. 137.

² Брейтуэйт Дж. Преступление, стыд и реинтеграция. Изд. Кембриджского университета, 1989.

³ Экслейн Дж. Баумайстер. Выражение прощения и раскаяния. С. 142.

Критик может возразить против идеи о том, что побуждение к раскаянию должно быть одной из основных целей уголовного судопроизводства. Раскаяние – очень широкий термин, который может включать в себя множество значений. Психологи, например, говорят о раскаянии как о конструкции¹, в то время как другие восприняли бы раскаяние с точки зрения свободного реагирования или процедурно обусловленной реакции на социальное соответствие. Однако сторонник восстановительного правосудия может возразить, что концептуальная двусмысленность раскаяния не имеет значения, пока процесс ведет к нахождению гармонии между жертвой и преступником.

Раскаяние не стоит особняком. В идеале оно ведет к прощению. Уголовный процесс должен способствовать потенциальному психологическому механизму, с помощью которого раскаяние ведет к прощению². Этот механизм описывается как «перцептивная валидация». Это означает, что индивид нуждается во внешнем подтверждении того, что он прав в своей интерпретации события (социальная верификация). Жертва нуждается в признании обществом того, что имело место правонарушение. Если такое признание исходит от преступника, это может привести к прощению, потому что это заставляет жертв чувствовать себя оправданными.

Уголовный процесс может осуществляться либо в рамках так называемых карательных рамок, либо путем возмещения ущерба. В последнем случае «правонарушитель либо пытается возместить вред, причиненный потерпевшей стороне, либо выплатить компенсацию потерпевшей стороне, когда возмещение невозможно или нецелесообразно». Эта система реституции, в рамках которой происходит раскаяние, противопоставляется системе наказания, в рамках которой вместо возмещения преступнику причиняется определенный вред в качестве акта мести. Карательная система

¹ Экслейн Дж., Уортингтон Э., Хилл П., Маккалоу М. Прощение и справедливость: исследовательская программа для социальной психологии и психологии личности // Обзор личности и социальной психологии. 2003. № 7. С. 337–348.

² Итон Дж., Стратерс К.У., Сантелли А.Г. Опосредующая роль перцептивной валидации в процессе раскаяния и прощения // Бюллетень личности и социальной психологии. 2006. № 32. С. 1389–1401.

возмездия не нуждается в раскаянии. Напротив, система возмещения ущерба может легко способствовать выражению раскаяния. “Эти рамки могут быть расширены и включать символическое возмещение ущерба, при котором считается важным, чтобы правонарушитель также – и, возможно, в первую очередь – признал, что поступок был неправильным, и выразил раскаяние¹.

Акцент на реституции в определенном отношении представляет проблему с точки зрения теории уголовного права. Уголовное право направлено на исправление поведения, в то время как гражданское право направлено на возмещение ущерба². В результате основным вопросом для судьи по гражданскому праву является определение размера ущерба, причиненного истцу, в то время как основной задачей судьи по уголовному праву является установление вины правонарушителя. Идея раскаяния может примирить очевидное противоречие между точкой зрения на восстановительное правосудие и традиционным взглядом на уголовное право. Механизм восстановительного правосудия можно рассматривать как уникальный способ установления вины не только прокурором, судьей или присяжными заседателями, но и жертвой, членами общества или семьи и в некоторой степени самими правонарушителями.

Концепция покаяния, которой придерживаются многие теоретики восстановительного правосудия, заключается в доведении до жертвы осознания вреда, причиненного преступником, выражении раскаяния и действиях, направленных на возмещение вреда. Все это можно резюмировать как становление ответственным гражданином. Однако такое раскаяние не должно быть единственной целью уголовного судопроизводства.

Потребности как жертвы, так и правонарушителя должны быть удовлетворены. Гармония должна быть восстановлена. Необходимо устранить вред, причиненный преступлением. Цели восстановительного правосудия выходят далеко за рамки морального

¹ Итон Дж., Стратерс К.У., Сантелли А.Г. Там же

² Фрехзее Д. Возмещение ущерба и компенсация преступника и жертвы в уголовном праве Германии / В кн. Б. Шюнеманна, М.Д. Даббера (ред.). Положение потерпевшего в системе уголовного права. Изд. Карла Хеймана, 2000. С. 125.

изменения правонарушителя. Это ведет к кардинальному изменению того, как государство, представленное в судах, полиции и тюрьмах, взаимодействует с обществом, воспринимаемым в виде местных сообществ. В этом отношении восстановительное правосудие направлено не столько на саму уголовно-правовую процедуру, сколько на изменение отношения тех, кто формирует и отправляет уголовное правосудие, а также на создание нового инициативного сообщества в современных городских условиях.

С процессуальной позиции большая часть восстановительного правосудия осуществляется либо в рамках медиации между жертвой и правонарушителем (VOM), либо на конференциях. Существуют серьезные трудности, препятствующие включению обеих форм в существующие уголовно-правовые процедуры. Современная уголовно-правовая процедура очень формализована. Напротив, семинары и конференции носят очень неформальный характер.

Медиация между жертвой и правонарушителем (VOM) восходит к практике религиозных групп меннонитов¹. Религиозная философия квакеров, с ее акцентом на внутренний свет и совесть, также сыграла важную роль в разработке инициатив в области восстановительного правосудия². На официальном уровне первая известная программа VOM состоялась в Канаде в начале 1970-х годов³. Она начиналась как альтернатива тюремному заключению с испытательным сроком. Программа, известная как «Эксперимент Китченера», финансировалась за счет пожертвований церкви и правительственных грантов и активно поддерживалась различными общественными группами. В конечном итоге инициатива распространилась по всей территории США и Европы.

¹ Макколд П. Обзор оценочных исследований в области медиации и конференцсвязи / В кн. Л. Уолгрейва (ред.) Изменение позиции восстановительного правосудия: восстановительное правосудие, уголовное правосудие и социальный контекст. Изд. Wil-lan, 2003. С. 73.

² Нэглер М., Ганди А. Поиск ненасильственного будущего: обещание мира для нас самих, наших семей и нашего мира // Библиотека Нового света, 2004. С. 146.

³ Peachey D.E. Kitchener Experiment. In M. Wright B. Galaway (Eds.), *Mediation and Criminal Justice: Victims, Offenders and Community*. Sage, 1989. P. 14–16.

ВОМ не является исключительно продуктом западного христианства. В Таиланде, например, существует своя давняя традиция взаимодействия жертвы и правонарушителя в уголовных делах, расследуемых деревенским старостой, любым уважаемым жителем деревни или местной полицией. До недавнего времени эта практика не была официально признана в отношении уголовных дел. Однако Таиланд недавно принял закон о посредничестве в спорах (2019: Раздел 68), который формализовал прежнюю практику путем создания общественных центров посредничества в спорах (Разделы 36, 68). В 2021 г. сообщалось, что уже было создано 385 центров медиации¹.

В итоге отметим, что инициативы в области восстановительного правосудия требуют иной формы уголовного судопроизводства. Однако представляется, что эти новые формы уголовного судопроизводства вряд ли будут эффективными без внутренней способности участников уголовного судопроизводства достигать благородных целей восстановительного правосудия: социальной гармонии посредством раскаяния правонарушителей и прощения жертв.

Восстановительное правосудие сталкивается с серьезными препятствиями, которые необходимо преодолеть, чтобы быть принятым большинством тех, кто определяет курс системы уголовного правосудия. Пожалуй, самым серьезным препятствием является рутина системы уголовного правосудия, ее привычки и стереотипы.

Восстановительное правосудие требует более личного подхода к правонарушителям и жертвам со стороны полиции, прокуроров и судей. Существует необходимость в коренной реформе юридического образования, с тем чтобы сотрудники системы уголовного правосудия могли достичь благородных целей движения за восстановительное правосудие.

¹ Чурпракобит С., Хруакхам С. Практика разрешения конфликтов как альтернатива общественному правосудию в Таиланде // Обзор современного правосудия. 2021 № 24. С. 394–395.

**О КРИМИНОГЕННЫХ ПОСЛЕДСТВИЯХ
ОТ ВОЗДЕЙСТВИЯ СРЕДСТВ МАССОВОЙ
ИНФОРМАЦИИ НА ОБЩЕСТВЕННОЕ
СОЗНАНИЕ ГРАЖДАН**

**ON THE CRIMINOGENIC CONSEQUENCES
OF THE IMPACT OF MASS MEDIA ON THE PUBLIC
CONSCIOUSNESS OF CITIZENS**

В статье рассматриваются криминогенные последствия от воздействия СМИ на граждан. Представлено понятие криминогенного воздействия СМИ и выделены их классификации. Автором обозначены виды криминологических поведенческих последствий, выражающиеся в преступном поведении, подкреплённые практическими примерами. В заключении делается вывод относительно создания профилактических мер для органов государственной власти, где бы происходил учёт и систематизация негативных эффектов от воздействия СМИ.

The article examines the criminogenic consequences of the media's influence on citizens. The concept of criminogenic media exposure is presented and their classifications are highlighted. The author identifies the types of criminological behavioral consequences expressed in criminal behavior, supported by practical examples. In conclusion, a conclusion is made regarding the creation of preventive measures for public authorities, where the negative effects of media exposure would be recorded and systematized.

Ключевые слова: средства массовой информации, преступление, криминогенные последствия, криминогенное воздействие, общественное сознание граждан.

Key words: mass media, crime, criminogenic consequences, criminogenic impact, public consciousness of citizens.

Следует отметить, что в настоящее время средства массовой информации имеют огромное воздействие на граждан и общество, которое проявляется в установлении механизма восприятия определённых событий, формирования взглядов и идей.

Конечно, все граждане в обществе могут воспринимать сообщённую информацию одинаково, а могут по-разному, вызывая различные реакции и эмоции от положительных до отрицательных. В результате могут формироваться различные варианты поведения от законопослушного поведения до совершения преступных деяний.

В свою очередь, учёные-криминологи Ю.М. Антонян и В.В. Аванесян писали о разнообразных эффектах, появляющихся в результате воздействия средств массовой информации на различных граждан. К примеру, как пишут авторы, при описании сцен насилия, у одних граждан может формироваться агрессивное поведение, у других, в особенности у лиц с неустойчивой психикой, может формироваться безразличное поведение, а у лиц, которые предрасположены к агрессии, от просмотренной информации может происходить психологическая разрядка¹.

Изучая преступное поведение, необходимо отметить, что на него оказывают влияние и биологические и социальные причины. Ю.М. Антонян справедливо отмечал, что преступное поведение может быть обусловлено совокупностью психологических причин. В.М. Труш отмечает, что внешние условия напрямую не влекут преступное поведение лица, однако они формируют внутренний мир личности, а, следовательно, криминогенные особенности личности преступника совместно с ситуационными условиями внешней среды может формировать преступное поведение².

М.П. Клейменов справедливо отмечает, что воздействие СМИ необходимо обозначать «виктимной идеологией»,

¹ Антонян Ю.М., Эминов В.Е. Личность преступника: криминологическое исследование. М.: Норма; Инфра-М, 2010. 366 с.

² Труш В.М., Гомонов Н.Д. Исследование личности преступника с применением психодинамически ориентированного подхода: монография. Мурманск: Мурман. обл. кн. изд-во, 2013. С.35.

снижающей антикриминогенный уровень общества, виктимизирующий его членов, облегчающий совершение преступлений¹.

В криминологии используется понятие криминогенного воздействия средств массовой информации, под которым понимается негативное воздействие масс-медиа на индивида и все общество, выражающееся в деструктивных изменениях сознания, как самого человека, так и массового сознания и поведенческих реакций, что в результате влечёт совершение преступных деяний и их рост.

Следует выделить классификацию криминогенного воздействия средств массовой информации, исходя из его сфер применения:

1. Поведенческое воздействие обусловлено противоправными деяниями в ходе восприятия информации, поступающей из масс-медиа.

2. Эмоциональное воздействие обусловлено негативными реакциями, возникающими при восприятии информации, поступающей из масс-медиа (например, агрессия, враждебность, страх).

3. Мотивационное воздействие, обуславливающее влияние средств массовой информации на мотивационную сферу личности, где происходит формирование антиобщественных установок и мотивов, стереотипов, низменных интересов личности.

4. Когнитивное воздействие, где происходит получение через средства массовой информации сведений, используемых в ходе совершения преступных деяний или способов обойти нормы законов, тем самым уйдя от уголовной ответственности и наказания².

Следует отметить, что мотивационное, когнитивное и эмоциональное криминогенное воздействие входит в психические процессы, происходящие у личности, находящейся под воздействием средств массовой информации. Под влиянием данного воздействия человек может совершить противоправное деяние.

Последствиями криминогенного влияния средства массовой информации может являться чрезмерное освящение:

¹ Клейменов М.П. Криминализация общества в России: Культурологический аспект // Преступность и культура: сб. науч. тр. / Под ред. А.И. Долговой. М., 1999. С. 19.

² Эминов В.Е. Причины преступности в России: криминологический и социально-психологический анализ. М.: Норма, Инфра-М, 2011. С. 36.

1. Сведений о призывах к экстремизму, насилию, совершению тяжких преступлений.
2. Способов, методов и средств совершения противоправных деяний.
3. Противоправного поведения, романтизация преступной среды.
4. Образа жизни, состоящего в потреблении материальных благ любой ценой.

Кроме того, это может быть недостаточное освящение в средствах массовой информации сведений о наказании лиц, совершивших преступления и нормах УК РФ, регламентирующих уголовную ответственность и наказание.

Имеющиеся связи между просмотром фильмов и совершения преступления следует продемонстрировать на практическом примере.

В Татарстане подростки начали подражать героям известного сериала «Слово Пацана» и делить территории. Молодые люди создали соответствующие telegram-каналы, которые назвали в честь двух известных в столице Татарстана организованных преступных групп. В этих каналах подростки назначают «стрелки», объявляют общие сборы и даже делят районы на картах. При этом парни ещё и снимают видео драк, на которые накладывают музыку из сериала, а затем делятся в мессенджере итогами своей деятельности¹.

В Иркутске произошло столкновение между двумя группами подростков, в ходе которого был убит несовершеннолетний. Подростку нанесли ножевые ранения после вопроса «с какого ты района, чушпан?». Эта ситуация доказывает влияние криминального сериала «Слово Пацана. Кровь на асфальте», на преступное поведение подростков, потому что в нем присутствует данная преступная лексика. В результате было возбуждено уголовное дело по факту убийства 15-летнего подростка по ч. 1 ст. 105 УК РФ.

Следует отметить, что наибольшую опасность для общества имеет поведенческое криминогенное воздействие, проявляющееся в совершении преступлений, а также выделить следующие виды

¹ ИльIANA О. Глава Татарстана раскритиковал сериал «Слово пацана. Кровь на асфальте» // Российская газета. 2023. 13 декабря.

поведенческих последствий, указанных в криминологической литературе:

1) «Синдром Вертера» – криминогенный эффект, состоящий в увеличении числа самоубийств после популяризации самоубийства в литературных произведениях или кино;

2) «Синдром Колумбайн» – криминогенный эффект, состоящий в увеличении массовых расстрелов в школе, после освящений таких случаев в СМИ;

3) «Синдром Брейвика» – криминогенный эффект, состоящий в увеличении числа террористических актов после освящения массовых убийств, совершенных террористом.

К примеру, российская социальная сеть «ВКонтакте» заблокировала выступление лица в одной из созданных сообществ в поддержку Брейвика, где содержались призывы повторить аналогичный сценарий уже в России. Многие подписчики данной группы не только одобряют действия этого террориста, но даже называет его «героем нашего времени».

Характерной особенностью совершения данных преступлений являются то, что преступник предварительно сообщает в сети интернет о своём намерении, говоря о ненависти к обществу и всему человечеству в целом. Возможно, такой «преступный манифест» направлен на граждан, который могут остановить злоумышленника. Многие эксперты, считают, некоторые пользователи ободряют данные «преступные манифесты», стараясь подражать им.

Следовательно, существует реальная угроза для общества и российского государства, проявляющаяся в том, что используя сеть интернет, преступники, находясь в любой стране, могут координировать свои действия и совершать преступления. Поэтому киберпреступность является актуальной проблемой в современном государстве.

Как правильно утверждал М. Виноградов, информация, поступающая из СМИ, часто негативно влияет на психически неуравновешенных лиц. Такая информация может их активизировать, что повлечёт за собой совершение схожих по способу преступлений. Так, после показа фильма, посвящённого жертве изнасилования, в России увеличилось количество преступлений,

связанных с изнасилованием, совершенных по аналогичному сценарию¹.

Перечисленные криминологические последствия от влияния СМИ отражают лишь часть возможных нежелательных эффектов, однако подтверждают криминогенную роль СМИ в современности. Конечно, помимо СМИ, могут оказывать влияние на формирование личности преступника и другие факторы, например социальная среда, окружение индивида. Но этот довод никаким образом не снижает роли СМИ в информационном пространстве.

Представляется, что изучение криминологических последствий в поведении и сознании граждан, находящихся под воздействием СМИ, выявление, учёт и систематизация негативных эффектов, позволит создать теоретическую основу профилактических мер для органов государственной власти.

**Ш.Т. Шукюров,
М.Ш. Шукюрли**

НЕКОТОРЫЕ МЕЖДУНАРОДНЫЕ АСПЕКТЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ

SOME INTERNATIONAL ASPECTS OF LAW ENFORCEMENT INTERACTION

В научной статье авторами обосновывается актуальность международного сотрудничества правоохранительных органов в борьбе с преступностью. Анализируется правовое содержание международного сотрудничества, формы взаимодействия, а также роль и значение международных организаций в борьбе с преступностью.

In the scientific article, the authors substantiate the relevance of international cooperation in the fight against crime of law enforcement agencies. The article analyzes the legal content of international

¹ Гомонов Н.Д. Интернет: анализ криминогенных факторов // Научный портал МВД России. 2013. № 4. С. 34–38.

cooperation, forms of interaction, as well as the role and importance of international organizations in the fight against crime.

Ключевые слова: международного сотрудничество, правоохранительная деятельность, нормы международного права, национальное законодательство, международные организации.

Key words: international cooperation, law enforcement, international law, national legislation, international organizations.

К числу актуальных проблем современности с полным правом относится международное сотрудничество правоохранительных органов в борьбе с преступностью.

По мнению А.В. Иванова и В.В. Миргородской, «наибольшую актуальность в современном мире набирает тенденция к развитию и расширению международного сотрудничества в сфере правоохранительной деятельности»¹.

А.Г. Волеводз указывает: «Правоохранительная деятельность, с одной стороны, направлена на установление и укрепление правопорядка, предупреждение, выявление и устранение нарушений законов различных отраслей права, а с другой – реализуется в единых формах правотворчества, правоприменения и правосудия»².

П.Н. Кобец особо отмечает, что «по своему содержанию международное сотрудничество в борьбе с преступностью включает осуществляемые на основе действующих норм международного права и национального законодательства согласованные действия, взаимопомощь заинтересованных государств по предупреждению, выявлению, пресечению, расследованию и судебному рассмотрению преступлений, затрагивающих интересы нескольких государств либо всего

¹ Иванов А.В., Миргородская В.В. Международное сотрудничество и взаимодействие правоохранительных органов в сфере борьбы с экономической преступностью // Russian journal of management. 2021. Т. 9. № 1. С. 231.

² Волеводз А.Г. Международная правоохранительная деятельность и международные правоохранительные организации: определение понятий // Евразийский юридический журнал 2010. № 11 (30). С. 128.

мирового сообщества, а также по исполнению наказаний и обращению с правонарушителями¹.

Сотрудничество в правоохранительной сфере может быть укреплено посредством развития более эффективных систем совместного использования информации на региональном и международном уровнях².

А.В. Иванов и В.В. Миргородская пишут: «В последние годы мировое содружество обеспокоено актуальными мировыми проблемами, касаемые безопасности и международного сотрудничества, что придает значимость взаимодействию в правоохранительной сфере»³.

А.Г. Волеводз считает, что: «среди субъектов правоохранительной деятельности выделяются специализированные государственные органы, осуществляющие борьбу с преступностью и наделенные законом определенными полномочиями, включая применение государственного принуждения, – правоохранительные органы. В соответствии с принципами и нормами международного права на международном уровне в борьбе с преступностью осуществляют сотрудничество:

- государства как основные субъекты международных отношений и права;
- международные организации, являющиеся производными, специальными субъектами международного права»⁴.

«Содержание международного сотрудничества государств, – указывает П.Н. Кобец, – как деятельности по предупреждению преступности, борьбе с ней и обращению с правонарушителями

¹ Кобец П.Н. Основы международного сотрудничества правоохранительных органов Российской Федерации по предупреждению преступности // Инновационная наука. 2016. № 8-3. С. 102.

² Управление Организации Объединенных Наций по наркотикам и преступности. Вена. Общие вопросы. Международное сотрудничество пособие по оценке систем уголовного правосудия Организация Объединенных Наций. Нью-Йорк, 2010. 24 с.

³ Иванов А.В., Миргородская В.В. Международное сотрудничество и взаимодействие правоохранительных органов в сфере борьбы с экономической преступностью.

⁴ Волеводз А.Г. Международная правоохранительная деятельность и международные правоохранительные организации: определение понятий.

отражает суть уголовной политики, которая представляет собой целенаправленную активную деятельность государства по защите общества от преступности, разработку и реализацию целей и задач, определение средств, форм и методов такой деятельности, прежде всего правоохранительных органов»¹.

А.В. Иванов и В.В. Миргородская особо отмечают: «Международное сотрудничество и взаимодействие в правоохранительной сфере является интересным объектом для исследования в плане формирования единого подхода к понятию "Мировая (международная) преступность". Под данным термином понимается нарушение установленных законодательных норм на национальном и международном уровне в отношении прав и свобод человека и гражданина»².

Как считает А.Г. Волеводз, «из широкого круга международных организаций можно выделить те, для которых международное сотрудничество в борьбе с преступностью или отдельные его направления являются целью создания и основным видом деятельности. В ряде отечественных нормативных правовых актов они обобщенно обозначаются термином «международные правоохранительные организации»³.

П.Н. Кобец подчеркивает, что «в зависимости от масштабности и комплексности международного сотрудничества в борьбе с преступностью могут быть выделены следующие формы: многостороннее, которое подразделяется на глобальное и региональное, и двустороннее сотрудничество. Каждая из названных форм может иметь как универсальный, так и целевой характер»⁴.

Сотрудничество должно осуществляться на основе взаимного уважения и понимания. Если же поддержкой

¹ Кобец. П.Н. Основы международного сотрудничества правоохранительных органов Российской Федерации по предупреждению преступности.

² Иванов А.В., Миргородская В.В. Международное сотрудничество и взаимодействие правоохранительных органов в сфере борьбы с экономической преступностью.

³ Волеводз А.Г. Международная правоохранительная деятельность и международные правоохранительные организации: определение понятий.

⁴ Кобец. П.Н. Там же.

правоохранительных органов заручиться не удалось, их действия будут оказывать существенное влияние на программы, а в некоторых случаях даже могут привести к их провалу. Члены гражданского общества, выступающие за снижение вреда, должны знать, что существуют принципиальные различия между принципами и методами снижения вреда и принципами, и методами действия правоохранительных органов¹.

Создание совместных следственных групп представляет собой существенную новую тенденцию в развитии эффективного потенциала для расследования и уголовного преследования транснациональных преступлений всех видов. Оно предлагает одну из наиболее перспективных новых форм международного сотрудничества в борьбе с организованной преступностью, коррупцией и терроризмом, несмотря то, что еще остаются некоторые вопросы в отношении его полномасштабного функционирования в широких масштабах².

Многообразие деятельности по урегулированию международного правопорядка в его различных аспектах влечет за собой то, что само международное право формируется государствами в рамках различных форумов и на различных уровнях. Государства мира привержены международному порядку, основанному на верховенстве права и международном праве, что абсолютно необходимо для мирного сосуществования и сотрудничества между государствами.

Верховенство права – принцип управления, в соответствии с которым все лица, учреждения и структуры, государственные и частные, в том числе само государство, функционируют под действием законов, которые были публично приняты, в равной

¹ Практическое руководство для организаций гражданского общества, предоставляющих услуги в области снижения вреда и профилактики вич среди людей, употребляющих наркотики: улучшение взаимодействия и совместной работы с сотрудниками правоохранительных органов. 123 с. (Авторы руководства – Грег Денхам, независимый консультант (правоохранительные органы и профилактика ВИЧ), Шона Шоннинг, независимый консультант (ВИЧ, снижение вреда и мобилизация общественности), Паскаль Тангвэй, независимый консультант (снижение вреда и полиция).

² Управление Организации Объединенных Наций по наркотикам и преступности. Вена общие вопросы Международное сотрудничество.

степени исполняются и независимо реализуются судебными органами и которые совместимы с международными нормами и стандартами в области прав человека¹.

П.Н. Кобец отмечает: «Основные задачи: организация предупреждения международной преступности; осуществление мер непосредственной борьбы с ней; обеспечение надлежащего обращения с правонарушителями в соответствии с международными стандартами. В области уголовной политики, международное сотрудничество в борьбе с преступностью осуществляется в основном государством в лице существующих органов государственной власти, то о международном сотрудничестве обоснованно можно говорить, как о направлении государственной политики в сфере борьбы с преступностью»².

Рассматривая предпосылки мирового сотрудничества, следует выделить:

- 1) исторический аспект;
- 2) развитие инновационной конкуренции, что включает в себя развитие и пропаганду научно-технического прогресса в каждой стране;
- 3) различие в методах наказания за одно и то же деяние в различных странах, но с одинаковым политическим режимом;
- 4) нарастание расслоения граждан мира на богатых и бедных, что является одним из поводов политических, экономических и социальных конфликтов;
- 5) различие в уровне правовой грамотности населения мира;
- 6) наличие латентной преступности в мире;
- 7) низкий уровень правоохранительного взаимодействия между странами³.

¹ Волеводз А.Г. Международная правоохранительная деятельность и международные правоохранительные организации: определение понятий.

² Кобец. П.Н. Основы международного сотрудничества правоохранительных органов Российской Федерации по предупреждению преступности.

³ Иванов АВ., Миргородская В.В. Международное сотрудничество и взаимодействие правоохранительных органов в сфере борьбы с экономической преступностью.

При установлении первоначального контакта с правоохранительными органами организация гражданского общества может привлечь представителей муниципальных подразделений системы здравоохранения или других органов, которые ценят тот вклад, который услуги снижения вреда вносят в обеспечение здоровья и безопасности местного населения. Информация, обмен которой может быть полезен для сотрудников правоохранительных органов и поставщиков услуг, включает: основные правила обмена информацией; цели и задачи проекта; специальную информацию о функциях сотрудников, предоставляющих услуги в рамках программы; расположение точек реализации программы; часы работы служб; основные контактные лица; политики и процедуры предоставления услуг¹.

Офицеры связи по взаимодействию в правоохранительной сфере обеспечивают прямой контакт с органами охраны правопорядка и правительственными учреждениями принимающего государства. Они могут развивать профессиональные отношения, создавать атмосферу доверия и в целом способствовать взаимодействию между органами охраны правопорядка участвующих государств. Целью таких назначений является поощрение сотрудничества между странами, особенно в сфере международного уголовного права и взаимной правовой помощи по уголовным делам. Они могут смягчить недоразумения, созданные реальными и воображаемыми различиями между правовыми системами, а также содействовать и ускорить процесс рассмотрения запросов и других сообщений между участвующими государствами².

Основополагающими документами, регулирующими международное сотрудничество, являются:

- Конвенция ООН против транснациональной организованной преступности, принятая в 2000 г.;

¹ Практическое руководство для организаций гражданского общества, предоставляющих услуги в области снижения вреда и профилактики вич среди людей, употребляющих наркотики: улучшение взаимодействия и совместной работы с сотрудниками правоохранительных органов.

² Управление Организации Объединенных Наций по наркотикам и преступности. Вена. Общие вопросы международного сотрудничества.

- Конвенция ООН против коррупции, которая также является проблемой практически всех стран мира;

- другие конвенции, посвященные отдельным категориям преступлений (незаконный оборот наркотиков, терроризм, экстремизм, торговля оружием и прочее)¹.

В контексте привлечения правоохранительных органов к участию в программах лучше всего согласовать конструктивный подход, направленный на решение проблемы. Поэтому любое взаимодействие с правоохранительными органами рекомендуется включать в планы управления проектами на ранних стадиях – еще до начала их реализации².

Рассматривая данный вопрос в правоохранительной сфере, то следует отметить работу Интерпола, Европейской полицейской организации, Евроюста и Европейского бюро по борьбе с мошенничеством, что позволяет своевременно принимать меры по пресечению правонарушений на мировом уровне³.

Национальные правовые системы оказывают влияние на формирование норм международного права, в том числе и по вопросам правоохраны и борьбы с преступностью. Международный правопорядок «устанавливается по взаимному соглашению членов международного сообщества государств, выражающему их согласованную волю и взаимный интерес, и поддерживается индивидуальными и коллективными мерами государств и их конституционными механизмами, международными организациями. Иными словами, международный правопорядок – это такое устройство урегулированных международным правом международных отношений, которое призвано обеспечить основные потребности

¹ Иванов А.В., Миргородская В.В. Основы международного сотрудничества правоохранительных органов Российской Федерации по предупреждению преступности.

² Практическое руководство для организаций гражданского общества, предоставляющих услуги в области снижения вреда и профилактики вич среди людей, употребляющих наркотики: улучшение взаимодействия и совместной работы с сотрудниками правоохранительных органов.

³ Иванов А.В., Миргородская В.В. Там же.

государств и других субъектов, создавать и поддерживать их существование в условиях мира, безопасности и развития»¹.

В учебной литературе и научных публикациях последних лет встречаются авторские определения понятия «международные правоохранительные организации».

Так, по мнению С.Н.Бабаева, это постоянные объединения межправительственного характера, созданные на основе международного соглашения в целях осуществления международной правоохранительной деятельности².

Органы международного уголовного правосудия – это суды, учрежденные на основании или во исполнение международных договоров международным сообществом при участии ООН, которые в составе международных судей, с участием международных обвинителей и защитников, в процессуальном порядке, предусмотренном международно-правовыми документами, осуществляют уголовное преследование, рассмотрение и разрешение по существу уголовных дел в отношении лиц, виновных в совершении наиболее тяжких преступлений, вызывающих озабоченность международного сообщества (международных преступлений), а также по делам об иных преступлениях, отнесенным к их юрисдикции.

¹ Волеводз А.Г. Международная правоохранительная деятельность и международные правоохранительные организации: определение понятий.

² Общая теория права: курс лекций / Под ред. В.К. Бабаева. Н. Новгород: Нижегородской ВШ МВД РФ, 1993. С. 24.

**ОСОБЕННОСТИ РАБОТЫ С ЭЛЕКТРОННЫМИ
НОСИТЕЛЯМИ КАК ИСТОЧНИКАМИ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ
ПРИ ПРОВЕДЕНИИ СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ**

**FEATURES OF WORKING WITH ELECTRONIC MEDIA
AS SOURCES OF EVIDENCE DURING INVESTIGATIVE
ACTIONS**

В статье рассматриваются вопросы определения понятия и сущности электронных носителей информации, а также особенностей их использования в качестве доказательств при расследовании уголовных преступлений. В процессе анализа выявлены отдельные проблемы, возникающие в процессе использования информации с электронных носителей в качестве доказательств при проведении следственных действий. В результате автор приходит к выводу о необходимости совершенствования отдельных положений уголовно-процессуального законодательства с целью обеспечения единства толкования норм в правоприменительной практике.

The article discusses the issues of defining the concept and essence of electronic media, as well as the specifics of using it as evidence in the investigation of criminal offenses. The analysis revealed some problems that arise in the process of using information from electronic media as evidence during investigative actions. As a result, the author comes to the conclusion that it is necessary to improve certain provisions of the criminal procedure legislation in order to ensure the unity of interpretation of norms in law enforcement practice.

Ключевые слова: электронные носители информации, электронная информация, электронные доказательства, следственные действия, доказывание, уголовный процесс.

Key words: electronic media; electronic information; electronic evidence; investigative actions; proof; criminal proceedings.

Современный этап социального-экономического развития сопровождается активной цифровизацией всех отраслей общественной жизнедеятельности. За последние два десятилетия информационные технологии надежно закрепились в обиходе человека и сопровождают его во всех сферах деятельности: помогают оптимизировать повседневные дела, обеспечивают коммуникацию, а также доступ к различным услугам, в том числе и государственным. В результате активного использования современных технологий происходит постоянный процесс наращивания массива информации о владельцах устройств, и, таким образом, зачастую электронные устройства представляют собой своеобразный банк данных, обеспечивающий возможность использования содержащихся в них сведений, в том числе и в уголовном процессе. Вместе с тем повсеместный характер информатизации при всех его безусловных достоинствах обусловил возникновение ряда негативных факторов, к числу которых целесообразно отнести развитие криминализации информационно-коммуникационных систем.

Все чаще при производстве следственных действий в качестве доказательств выступают различные файлы, сообщения и иная информация, содержащаяся на электронных носителях. Подобные материалы имеют особое процессуальное значение при расследовании широкого спектра преступлений, предусмотренных уголовным законодательством.

В положениях уголовного законодательства на сегодняшний день отсутствует легитимное определение термина «электронные носители информации». При этом законодатель регулярно оперирует данным понятием, в том числе определяет порядок изъятия и копирования информации с электронных носителей (ст. 164.1. Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ) (далее – УПК РФ)¹. Данная ситуация создает противоречивую ситуацию при толковании понятия «электронные (цифровые) носители информации» на различных стадиях

¹ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (ред. от 25 декабря 2023 г.) // Собрание законодательства РФ. 2001. № 52 (часть I). Ст. 4921.

уголовного судопроизводства, в том числе в процессе доказывания. С целью объективной оценки данной дефиниции необходимо обратиться к анализу теоретических подходов к определению понятия и содержания электронных носителей информации.

Изучению понятия электронных носителей, анализу сущности информации, содержащейся на них, а также проблемам ее использования при производстве следственных действий и на иных стадиях уголовного процесса посвящены многие научные исследования современных авторов.

Л.В. Смешкова под электронным носителем информации предлагает понимать устройство, которое предполагает техническую возможность его многократного использования, применяемое для хранения, передачи и воспроизведения, а также защиты и разграничения доступа к электронной информации¹. По мнению Х. Маматкуловой, основной проблемой при определении понятия электронных носителей информации является его различная трактовка с технической и правовой точки зрения. Сложившаяся ситуация в ряде случаев может стать причиной прямого нарушения уголовно-процессуального законодательства Российской Федерации в практике реализации процессуальных действий, в том числе в случаях изъятия электронных носителей информации².

А.М. Каунов и А.С. Усенко в процессе своего исследования приходят к выводу о необходимости законодательного закрепления дефиниции «цифровой носитель информации», который позволил бы обеспечить единую систему их применения в качестве доказательств при расследовании уголовных дел³.

Профессор В.Н. Григорьев определяет электронный носитель информации в качестве «предмета, содержащего значимую для производства по делу информацию, созданную вне процесса

¹ Смешкова Л.В. Электронный носитель информации: сложности терминологии // Закон и право. 2021. № 8 (32). С. 144–146.

² Маматкулова Х. Некоторые вопросы допустимости электронных доказательств // ОИИ. 2021. № 1 С. 256–264.

³ Каунов А.М., Усенко А.С. Процессуальные и криминалистические аспекты получения информации из мобильных телефонов, смартфонов и планшетных компьютеров // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2022. №3 (57). С. 57–60.

расследования (разбирательства) дела, восприятие которой невозможно без использования электронно-вычислительных средств». Электронные носители и информация, содержащаяся на них, могут использоваться в качестве электронных вещественных доказательств на различных этапах уголовного судопроизводства. При этом, по мнению ученого, при рассмотрении особенностей применения электронных доказательств в процессе расследования цифровые носители обладают не меньшей значимостью, чем информация, которая на них содержится¹.

В результате электронные носители информации по своей сущности представляют собой средство записи, хранения и воспроизведения информации, которая может быть использована в качестве электронных доказательств в уголовном судопроизводстве. Представляется, что любое из обстоятельств в рамках рассматриваемого дела, которое подлежит доказыванию, может быть представлено в электронной форме с учетом соблюдения установленных законодательством определенных процессуальных требований. Вместе с тем в процессе доказывания также зачастую применяется такая понятийная категория, как электронные свидетельства, что по своему содержанию намного шире, и может подразумевать под собой данные, хранящиеся сетевыми или интернет-провайдерами².

С целью более детального рассмотрения особенностей использования электронных носителей информации при проведении следственных действий по уголовному делу, целесообразно отметить, что настоящий источник значимых для следствия доказательств содержит в себе цифровые следы преступлений, которые «всегда опосредованы через искусственно созданный предмет

¹ Григорьев В.Н. Об электронных носителях информации в УИС России // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2019. № 3. С. 25–27.

² Зуев С.В. Электронные доказательства в уголовном судопроизводстве: понятие и значение // Правопорядок: история, теория, практика. 2020. №3 (26). С. 46–51.

материального мира – электронный носитель информации, вне которого физически не могут существовать»¹.

Получается, что именно информация представляет собой основу содержания электронных носителей информации, которая может использоваться в качестве доказательства в уголовном процессе. При этом особую значимость при проведении следственных действий будет иметь та информация, которая позволит установить определенные обстоятельства, подлежащие доказыванию в процессе проведения следственных действий по уголовному делу.

В исследовании А.А. Количенко отмечается, что доказательства, содержащиеся на электронных носителях информации, могут быть представлены в виде сообщений, документов, программного обеспечения, баз данных, материалов, размещенных в сети «Интернет». Для объективного установления обстоятельств, подлежащих доказыванию в рамках уголовного дела, наибольшей значимостью обладает не сам носитель, а информация, которую можно извлечь при его исследовании².

Электронные доказательства включают в себя представленную в цифровом формате информацию, содержащуюся на электронном цифровом носителе или представленную отдельно, и определяющую обстоятельства, которые подлежат доказыванию в рамках уголовного дела. Данная информация может быть рассмотрена в качестве вещественного доказательства с учетом процессуальных требований к ее оформлению, хранению, а также особенностей ее использования при совершении преступлений.

Как отмечает С.В. Зуев, электронное доказательство по своим определенным признакам отличается от документа в цифровом формате и вещественного доказательства. Это обуславливается отсутствием обязательного наличия реквизитов для электронной информации, что, в свою очередь, является необходимым условием для документа. Кроме того, электронный носитель может меняться в процессе проведения следственных действий при

¹ Цифровая криминалистика: учебник для вузов / В.Б. Вехов [и др.]; Под ред. В.Б. Вехова, С.В. Зуева. М.: Юрайт, 2024. 490 с.

² Количенко А.А. Электронные носители информации как источник получения электронных доказательств в уголовном процессе // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2022. №1 (47). С. 114–121.

копировании информации, в то время как для вещественного доказательства это не представляется возможным. Вещественное доказательство представляется в виде определенного материального объекта, аналогов которому нет. В результате своего исследования автор приходит к выводу об уникальности характера электронных доказательств в судебном процессе, что обуславливает невозможность их отнесения к иным доказательным правовым категориям в уголовном законодательстве¹.

Представляется, что в качестве оптимального решения будет выделение электронных доказательств в качестве самостоятельного вида, в сопровождении с правовой регламентацией особенностей их применения на различных стадиях уголовного процесса.

Разнообразие теоретических подходов к определению термина «электронные носители информации», как одной из центральных категорий в процессе доказывания и проведении следственных действий, обуславливает возникновение определенных сложностей при установлении и систематизации характерных признаков данного понятия. Решением данной проблемы станет нормативное правовое закрепление соответствующей дефиниции в положениях УПК РФ, а также установление определенных характеристик, которые позволят с высокой степенью объективности идентифицировать представленное устройство в качестве электронного носителя информации.

В результате введения Федеральным законом от 27 декабря 2018 г. № 533-ФЗ ст. 164.1. УПК РФ возник ряд проблемных моментов в части регламентации порядка проведения следственных действий при изъятии электронных носителей и извлечения из них информации в рамках уголовного дела². Так, согласно положениями ст. 164.1. УПК РФ, при изъятии электронных носителей информации в процессе производства следственных действий предполагается обязательное участие специалиста. При этом в

¹ Зуев С.В. Электронные доказательства в уголовном судопроизводстве: понятие и значение. С. 46–51.

² Федеральный закон от 27 декабря 2018 г. № 533-ФЗ «О внесении изменений в статьи 76.1 и 145.1 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» // Собрании законодательства РФ. 2018. № 53 (часть I). Ст. 8459.

правоприменительной практике необходимость привлечения специалиста в процессе изъятия электронных носителей зачастую отсутствует.

Следует отметить, что привлекаемый к процессу изъятия электронных носителей специалист, по своей сути, оказывает содействие следователю при помощи совокупности имеющихся у него специальных знаний и соответствующих технических устройств. Представляется, что в процессе производства следственных действий сотрудник правоохранительных органов в наибольшей степени заинтересован в привлечении специалиста с целью совершения действий, которые требуют профессиональных знаний и наличия практических навыков работы с электронными носителями информации. Кроме того, с учетом повсеместной информатизации базовые знания и навыки работы с техническими устройствами, содержащими электронную информацию, являются общедоступными и известными, поэтому ими обладает большинство людей, в том числе и сотрудники правоохранительных органов¹.

Таким образом, изъятие таких электронных носителей информации, как флеш-накопителей, CD-дисков, смартфонов, фотоаппаратов, персональных компьютеров, может осуществляться без привлечения специалистов, обладающих специальными знаниями, без причинения какого-либо вреда устройствам и содержащейся на них информации. В данном случае закрепленное законодательное требование об обязательном привлечении специалиста подразумевает излишнее расходование бюджетных средств, а также обуславливает возникновение дополнительных организационных сложностей в процессе производства следственных действий.

Кроме того, ни положениями УПК РФ, ни иными нормативными правовыми актами не закреплены квалификационные требования к специалистам, привлекаемым к процессу изъятия электронных носителей информации и копирования с них соответствующих данных. В связи с этим возникает вероятность того, что

¹ Шигуров А.В. Новеллы и проблемы правового регулирования порядка проведения следственных действий, связанных с изъятием электронных носителей информации // Гуманитарные и политико-правовые исследования. 2021. №2 (13). С. 64–72.

данные законодательные требования будут соблюдены формально, и к производству следственных действий привлечены специалисты, не имеющие соответствующих специальных знаний и практических навыков работы с электронными носителями информации.

В качестве еще одной проблемы целесообразно выделить использование владельцами электронных устройств удаленных хранилищ данных при совершении преступления. В действующих положениях уголовно-процессуального законодательства особенности изъятия информации из соответствующих хранилищ при производстве следственных действий не регламентированы. Данная положение дел зачастую обуславливает ситуацию, когда преступники с целью сокрытия необходимой для доказывания информации, используют удаленные ресурсы¹.

Одновременно усложняется процесс получения следователями необходимой информации с удаленных хранилищ. В то время как сотрудники правоохранительных органов при проведении следственных действий будут вынуждены направлять соответствующие запросы к оператору удаленного хранилища, преступники, обладая доступом к ним, смогут беспрепятственно уничтожить информацию, обладающую значимостью в процессе доказывания по уголовному делу. Для решения данной проблемы доступа следователей к информации, содержащейся на удаленных хранилищах, целесообразно обеспечить проведение копирования содержащейся на устройстве информации в процессе изъятия при помощи удаленного доступа с использованием специализированных программ и технических средств².

На основании вышеизложенного целесообразно заключить, что в процессе повсеместной цифровизации различных отраслей

¹ Алонцева Е.Ю. Процессуальная и организационная деятельность следователя при изъятии электронных носителей информации // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2021. № 4 (92). С. 102–110.

² Воробей С.Н. Проблемы правовой регламентации процессуального порядка изъятия электронных носителей и копирования содержащейся на них информации // Полицейская и следственная деятельность. 2021. № 2. С. 26–31.

общественной жизнедеятельности, при производстве следственных действий значительно увеличивается количество случаев обнаружения информации, обладающей значимостью в процессе доказывания, на электронных носителях. Данный аспект обуславливает необходимость объективной и всесторонней регламентации данного вопроса на законодательном уровне.

Так, с целью обеспечения единства правоприменительной практики необходимо нормативное закрепление понятия «электронный носитель информации». Данная дефиниция позволит избежать проблем при установлении и систематизации характерных признаков данного понятия при проведении следственных действий.

Настоящее исследование позволило также сформулировать определенные пробелы в нормативно-правовом регулировании данного вопроса, которые обуславливают возникновение сложностей при производстве следственных действий, в том числе при привлечении экспертов в процессе изъятия электронных носителей информации и организации извлечения данных из удаленных хранилищ.

Учитывая, что положения уголовного процессуального законодательства, регламентирующие особенности работы с электронными носителями как источниками доказательств при проведении следственных действий, являются достаточно новыми, они требуют дополнительной проработки с учетом опыта, сложившегося в правоприменительной практике, а также выводов, сформулированных по результатам научных исследований со стороны юридического сообщества.

**А.С. Яновский,
Д.А. Борох**

**ДОСУДЕБНОЕ СОГЛАШЕНИЕ
О СОТРУДНИЧЕСТВЕ, КАК ПРОВЕРКА
НРАВСТВЕННЫХ НАЧАЛ ПРОФЕССИИ АДВОКАТА**

**PRE-TRIAL COOPERATION AGREEMENT,
AS A TEST OF MORAL PRINCIPLES THE
PROFESSION OF A LAWYER**

Авторами статьи рассматривается правовой институт досудебного соглашения о сотрудничестве в разрезе требований Кодекса профессиональной этики адвоката, являющихся обязательными для всех членов адвокатского сообщества. Обращается внимание на существующую дилемму, при которой адвокаты-защитники, отстаивая интересы своих доверителей, совершают действия, направленные на ухудшение положения иных подсудимых, что противоречит нравственным началам профессии адвоката. Приводится пример заключения органами прокуратуры досудебного соглашения при таких обстоятельствах. Ставится вопрос о моральной ответственности адвоката за решения, принятые их доверителями.

The authors of the article consider the legal institution of a pre-trial cooperation agreement in the context of the requirements of the Code of Professional Ethics of a lawyer, which are mandatory for all members of the legal community. Attention is drawn to the existing dilemma in which defense lawyers, defending the interests of their clients, commit actions aimed at worsening the situation of other defendants, which contradicts the moral principles of the lawyer's profession. Examples of the conclusion of pre-trial agreements by the prosecutor's office in such circumstances are given. The question is raised about the moral responsibility of a lawyer for the decisions made by their principals.

Ключевые слова: досудебное соглашение о сотрудничестве, адвокат-защитник, прокурор, нравственные начала.

Key words: pre-trial cooperation agreement, defense lawyer, prosecutor, moral principles.

Закон и общество предъявляют высокие моральные требования к профессии адвоката. Получив соответствующий статус, лицо обязано не только честно, разумно и добросовестно отстаивать права и законные интересы своего доверителя, но и соблюдать нормы профессиональной этики, заботясь, как о своей личной чести и достоинстве, так и об авторитете адвокатуры в целом.

Принятый 31 января 2003 г. первым Всероссийским съездом адвокатов Кодекс профессиональной этики (далее – Кодекс) устанавливает обязательные для каждого члена сообщества правила поведения при осуществлении адвокатской деятельности, основанные на нравственных критериях и традициях адвокатуры¹. В статьях названного Кодекса прямо закреплено, что адвокат при всех обстоятельствах должен сохранять честь и достоинство, присущие его профессии. При этом, когда вопросы этики не урегулированы законодательством, он обязан соблюдать сложившиеся в адвокатуре обычаи и традиции, соответствующие общим принципам нравственности в обществе. Адвокат должен избегать действий (бездействия), направленных к подрыву доверия к нему или к адвокатуре, в противном случае может быть поставлен вопрос о применении к нему мер дисциплинарной ответственности (в том числе путем прекращения статуса адвоката) и оставления им профессии.

Ещё более серьезные требования предъявляются к адвокатам-защитникам, что логично объясняется повышенным уровнем ответственности за каждое их действие. К таким участникам уголовного процесса Кодекс профессиональной этики адвоката предъявляет особое требование, говоря о том, что при защите

¹ Официальный сайт Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации. URL: <https://fparf.ru/documents/fpa-rf/documents-of-the-congress/the-code-of-professional-ethics-of-lawyer/>.

своих доверителей недопустимо ухудшать положение других подсудимых.

Справедливости ради следует отметить, что соответствующая норма Кодекса содержит формулировку «без необходимости». Однако как определить эту «необходимость»? Предъявляя к себе соответствующие требования, делегаты первого Всероссийского съезда ограничились лишь выводами о том, что всякие действия адвоката, направленные против других подсудимых, чьи интересы противоречат интересам подзащитного, оправданы лишь тогда, когда без этого не может быть осуществлена в полной мере защита доверителя.

Как это соотносить с институтом досудебного соглашения о сотрудничестве, плотно вошедшим в прокурорско-судебную практику в 2009 г.?

Согласно данным судебного департамента при Верховном суде Российской Федерации ежегодно судами рассматривается около 2 500 уголовных дел в порядке, предусмотренном гл. 40.1 УПК РФ¹. Безусловно основаниями к заключению соглашений о сотрудничестве могут быть и обязательства подозреваемого (обвиняемого) сообщить сведения о новых преступлениях либо месте нахождения разыскиваемого имущества, однако в подавляющем большинстве случаев всё же речь идёт об изобличении других соучастников преступления.

Порядок заключения досудебного соглашения о сотрудничестве предусматривает заявление соответствующего ходатайства только по результатам консультации с защитником. На самом ходатайстве подпись последнего обязательна. Если защитник не приглашен подозреваемым (обвиняемым), то участие защитника обеспечивается следователем²¹.

¹ Обзор судебной статистики о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей в 2020–2022 гг. / Официальный сайт Судебного департамента при Верховном суде Российской Федерации. URL: <http://cdep.ru/?id=80>.

² Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (ред. от 14 февраля 2024 г.). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/.

Таким образом, адвокат-защитник является не просто независимым консультантом по правовым вопросам, а одним из инициаторов уголовного преследования иных лиц. Тем самым он формально нарушает ст. 13 Кодекса профессиональной этики адвоката.

Вернемся к указанной выше категории «без необходимости», закрепленной в названной статье Кодекса, и проиллюстрируем сложившуюся ситуацию типовым примером из личной адвокатской практики.

Осуществляя защиту предпринимателя, привлекаемого к уголовной ответственности за хищение бюджетных денежных средств посредством завышения объемов оказанных услуг, адвокат подготовил для доверителя и подписал со своей стороны ходатайство о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве, по которому обвиняемый взял на себя обязательство сообщить следствию информацию о причастности к совершенному преступлению должностных лиц государственного учреждения, выступавшего заказчиком по контракту. Результатом таких действий стало с одной стороны увеличение круга привлекаемых к ответственности лиц с одного человека до трёх и инкриминирование доверителю адвоката дополнительного квалифицирующего признака «совершение преступления группой лиц по предварительному сговору», а с другой стороны обвиняемый добился желаемого для себя результата, получив право ходатайствовать о назначении наказания в соответствии с ч. 2 ст. 62 УК РФ, то есть в пределах половины от максимального срока, предусмотренного санкцией статьи.

Обсуждая рассматриваемую тему, не стоит забывать о том, что адвокат не вправе занимать по делу позицию, противоположную позиции своего доверителя, а также действовать вопреки его воле. Единственным исключением из этого правила являются ситуации, когда адвокат-защитник убежден в наличии самоговора своего подзащитного.

Вместе с тем, соответствует ли подобное поведение адвоката, прямо ущемляющее права и интересы иных лиц тем морально-этическим установкам, что заложены в Кодекс профессиональной этики адвоката и Федеральный закон «Об адвокатской

деятельности и адвокатуры в Российской Федерации»¹ Соответствующее поведение адвоката-защитника формально не улучшает положение его доверителя (квалификация изменяется в сторону ухудшения) и при этом уголовному преследованию подвергаются новые фигуранты, о причастности к преступлению которых следствию было неизвестно.

В подобных случаях общественный интерес, выраженный в неотвратимости наказания за совершенное преступление, прямо противоречит узкокорпоративному интересу адвокатуры, стремящейся к сохранению своего авторитета и прямо заинтересованной в доверии к ней со стороны любого человека, в том числе приступившего закон.

Примечательно, что бездумное обращение к институту досудебного соглашения о сотрудничестве не соответствует и интересам органов прокуратуры. Если прокурорский надзор не становится барьером для конвейерного штампования таких соглашений по любому делу о групповом преступлении, качество расследования резко снижается. Следствию уже не требуется обеспечивать всесторонний подход к собиранию, проверке и оценке доказательств, достаточно подавить волю одного из обвиняемых и принудить того к подписанию соглашения о сотрудничестве, выдвинув ультиматум изобличения соучастников всеми не запрещенными законом средствами. Находясь в таких условиях, обвиняемые готовы подтвердить любые сведения, в том числе не соответствующие действительности, что прямо противоречит назначению уголовного судопроизводства и влечёт привлечение к уголовной ответственности невиновных.

В начале статьи уже обращалось внимание на обязанность адвоката отстаивать интересы своего доверителя не только честно и добросовестно, но и разумно. Представляется, что именно в данной плоскости лежит ответ на поставленный вопрос. Осуществляя защиту, адвокат не должен ориентировать своего доверителя на решение своих проблем за счёт иных лиц, а ходатайства о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве должны стать

¹ Федеральный закон от 31 мая 2002 г. № 63-ФЗ (ред. от 24 июля 2023 г.) «Об адвокатской деятельности и адвокатура в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2002. № 23. Ст. 2102.

экстраординарной мерой, обусловленной крайней степенью опасности, грозящей, как доверителю, так и обществу в целом.

Однако такой высокоморальный вывод может и не отвечать интересам самих подозреваемых (обвиняемых), поскольку законодатель не предусмотрел какой-либо фиксированный период для заявления ходатайства о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве. Упустив момент и не воспользовавшись своевременно таким окном возможностей, адвокат-защитник может лишиться своего доверителя существенных преференций, поскольку их банально могут опередить иные привлекаемые к ответственности лица. Если обстоятельства совершения преступления и новые факты, о которых должны сообщить подозреваемые (обвиняемые) одни и те же, логично возникнет конкуренция интересов фигурантов дела, а два и более досудебных соглашений о сотрудничестве по одному и тому же делу встречается крайне редко и не является нормой.

Рассматривая вопрос в этом контексте, представляется логичным, что адвокат должен и обязан добиваться скорейшего заключения соглашения именно с его доверителем, поскольку если он будет в том числе заботиться об интересах иных подозреваемых (обвиняемых), то не сможет быть полезным доверившемуся ему лицу.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Борох Давид Анатольевич – заместитель прокурора Прикубанского округа г. Краснодара.

Даган Бертран Ален – слушатель специального курса по подготовке специалистов для зарубежных стран Орловского юрид. института МВД России им. В.В. Лукьянова. Стаж работы в следственных подразделениях полиции Республики Бенин – 13 лет.

Милич Д. Иван – доцент кафедры уголовного права Новосадского ун-та Республики Сербия, д-р юрид. наук. Сфера науч. интересов: уголовное право, криминология, уголовное исполнительное право, коммерческие правонарушения.

Мичурин Виктор Сергеевич – доцент кафедры деятельности органов внутренних дел в особых условиях учебно-научного комплекса специальной подготовки Московского ун-та МВД России им. В.Я. Кикотя, канд. юрид. наук. Сфера науч. интересов: стадия возбуждения уголовного дела, нарушения уголовно-процессуальных норм и способы их устранения. Автор более 30 науч. работ.

Морозова Наталия Владимировна – доцент кафедры криминалистики и предварительного расследования в ОВД Орловского юрид. института МВД России им. В.В. Лукьянова, канд. юрид. наук.

Московцева Кристина Андреевна – преподаватель кафедры предварительного расследования Московского ун-та МВД России им. В.Я. Кикотя, канд. юрид. наук. Сфера науч. интересов: досудебное производство, предварительное расследование, процессуальный контроль руководителя следственного органа.

Нагорный Виктор Александрович – заместитель прокурора Ленинского района г. Ульяновска прокуратуры Ульяновской области. Сфера науч. интересов: реализация прокурором полномочий в рамках проверок исполнения законов. Стаж практической работы – 10 лет. Автор 25 науч. работ.

Насонов Александр Александрович – старший преподаватель Воронежского института МВД России, канд. юрид. наук. Сфера науч. интересов: международное сотрудничество в уголовном судопроизводстве, уголовно-процессуальное согласование, деятельность прокурора в уголовном судопроизводстве, защита

прав участников уголовного судопроизводства. Автор 97 науч. и учеб.-метод. работ.

Нехаев Илья Николаевич – адъюнкт Орловского юрид. института МВД России им. В.В. Лукьянова. Стаж следственной деятельности – 2 года.

Овчинникова Елена Андреевна – доцент кафедры уголовно-процессуального права Северо-Кавказского филиала Российского гос. ун-та правосудия (г. Краснодар), канд. юрид. наук, доцент. Сфера науч. интересов: компетенция суда, процессуальный статус судьи, суд присяжных заседателей.

Одиназода Исфандиёр Ахмад – начальник кафедры административного права Академии МВД Республики Таджикистан, канд. юрид. наук.

Ододворцева Екатерина Андреевна – адъюнкт ФППП и НК Московского ун-та МВД России им. В.Я. Кикотя.

Перетягко Наталья Михайловна – доцент кафедры уголовного процесса Саратовской гос. юрид. академии, канд. юрид. наук, доцент. Сфера науч. интересов: уголовный процесс. Автор 100 науч. и учеб.-метод. работ.

Перцев Максим Сергеевич – юрисконсульт АО «Волтайр-Пром», аспирант.

Петрикин Владимир Юрьевич – доцент кафедры уголовного процесса Кубанского гос. ун-та, канд. юрид. наук, доцент, адвокат Краснодарской коллегии адвокатов. Сфера науч. интересов: проблемы уголовно-процессуального права. Автор более 50 науч. и учеб.-метод. работ.

Петрикина Анна Александровна – доцент кафедры уголовно-процессуального права Северо-Кавказского филиала Российского гос. ун-та правосудия (г. Краснодар), канд. юрид. наук, доцент. Сфера научных интересов: проблемы уголовно-процессуального права. Автор более 40 науч. и учеб.-метод. работ.

Полтавец Валерия Владимировна – кафедра уголовного права и криминологии Кубанского гос. ун-та, канд. юрид. наук, доцент. Адвокат коллегия адвокатов «Хмыров, Валявский и партнеры».

Попова Юлия Адамовна – старший преподаватель кафедры уголовного процесса Кубанского гос. ун-та.

Порядина Елизавета Андреевна – курсант Московского ун-та МВД России им. В.Я. Кикотя. Сфера науч. интересов: актуальные проблемы деятельности органов предварительного расследования.

Потапенко Николай Сергеевич – доцент кафедры гражданского процесса и международного права Кубанского гос. ун-та, канд. юрид. наук.

Потапенко Сергей Викторович – декан юридического факультета им. А.А. Хмырова Кубанского гос. ун-та, д-р юрид. наук, профессор, заслуженный юрист РФ, почетный работник высшего профессионального образования РФ.

Прилепский Евгений Тимофеевич – помощник судьи Краснодарского краевого суда, аспирант кафедры уголовного процесса Кубанского гос. ун-та (науч. рук. – д-р юрид. наук, профессор В.А. Семенцов).

Рахмаджонзода Рифат Рахмаджон – заместитель начальника по науке Академии МВД Республики Таджикистан, д-р юрид. наук, доцент, почетный сотрудник МВД Республики Таджикистан.

Рудакова Светлана Викторовна – доцент кафедры уголовного процесса, заместитель декана юридического факультета им. А.А. Хмырова Кубанского гос. ун-та, д-р юрид. наук, доцент, почетный работник сферы образования РФ. Сфера науч. интересов: деятельность защитника, актуальные проблемы обжалования в современном отечественном уголовном судопроизводстве, доказывание, производство в судах апелляционной и надзорной инстанций. Автор более 50 науч. и учеб.-метод. работ.

Савченко Виталий Николаевич – аспирант Кубанского гос. ун-та. Сфера науч. интересов: обеспечение прокурором прав субъектов предпринимательской деятельности в уголовном судопроизводстве. Опыт практической работы – 13 лет в органах прокуратуры Краснодарского края.

Самарин Вадим Игоревич – доцент кафедры уголовного процесса и прокурорского надзора Белорусского гос. ун-та, канд. юрид. наук, доцент. Сфера науч. интересов: уголовный процесс, международный уголовный процесс, международная правовая помощь по уголовным делам, судоустройство зарубежных

государств, альтернативное разрешение уголовно-правовых конфликтов, институциональная структура Европейского Союза. Автор около 200 науч. работ.

Семенцов Владимир Александрович – профессор кафедры уголовного процесса, руководитель магистерской программы и научной школы Кубанского гос. ун-та, д-р юрид. наук, профессор, заслуженный юрист Кубани. Многолетний опыт следственной деятельности. Науч.-пед. деятельность – с 14 марта 1990 г. Сфера науч. интересов: актуальные проблемы досудебных стадий уголовного судопроизводства, организация правоохранительной и правозащитной деятельности. Автор 360 науч. и учеб.-метод. работ.

Сизова Виктория Николаевна – ведущий научный сотрудник научно-исследовательского центра Академии управления МВД России, канд. юрид. наук. Сфера науч. интересов: уголовное право, криминология. Автор 126 науч. и учеб.-метод. работ.

Соколова Марина Владимировна – доцент кафедры предварительного расследования Московского ун-та МВД России им. В.Я. Кикотя, канд. юрид. наук. Сфера науч. интересов: уголовно-процессуальная деятельность. Автор 45 науч. и учеб.-метод. работ. Опыт практической работы – 15 лет в органах внутренних дел.

Сплавская Наталья Владимировна – проректор по учебно-организационной работе Международного инновационного ун-та (г. Сочи), доцент кафедры юридических дисциплин, канд. юрид. наук, доцент, почетный работник сферы образования РФ. Сфера науч. интересов: виктимология. Автор более 120 науч. и учеб.-метод. работ.

Столбова Наталья Алексеевна – преподаватель кафедры уголовного процесса Восточно-Сибирского института МВД России (Иркутск), майор полиции.

Тарасов Алексей Александрович – старший преподаватель кафедры профессиональной деятельности сотрудников подразделений охраны общественного порядка Нижегородской академии МВД России. Сфера науч. интересов: доказательства и доказывание. Стаж практической работы – 21 год.

Таршева Мира Николаевна – преподаватель кафедры Орловского юрид. института МВД России им. В.В. Лукьянова, канд. юрид. наук. Стаж следственной деятельности – 5 лет.

Титов Сергей Николаевич – проректор по учебно-методической работе, доцент кафедры права Ульяновского гос. педагогического ун-та имени И.Н. Ульянова, канд. юрид. наук, доцент.

Тишков Сергей Александрович – заместитель начальника кафедры криминалистики и предварительного расследования в ОВД Орловского юрид. института МВД России им. В.В. Лукьянова, канд. полит. наук, доцент. Сфера науч. интересов: международный опыт применения КСМ в раскрытии и расследовании преступлений.

Туманов Дмитрий Олегович – преподаватель кафедры организации и обеспечения раскрытия и расследования преступлений Тверского филиала Московского ун-та МВД России им. В.Я. Кикотя.

Турилов Георгий Георгиевич – доцент кафедры уголовного процесса Кубанского гос. ун-та, канд. юрид. наук, доцент. Сфера науч. интересов: уголовный процесс, доказывание, прокурор.

Тутынин Игорь Борисович – профессор кафедры уголовного процесса Московского ун-та МВД России им. В.Я. Кикотя, д-р юрид. наук, доцент, полковник полиции. Сфера науч. интересов: уголовно-процессуальное право.

Тучков Ярослав Владимирович – адъюнкт Академии управления МВД России. Сфера науч. интересов: внедрение цифровых технологий в уголовное судопроизводство.

Тымчук Анна Сергеевна – преподаватель юрид. факультета Херсонского гос. педагогического ун-та. Стаж практической работы – 12 лет.

Федюнин Антон Евгеньевич – профессор кафедры уголовного процесса Саратовской гос. юрид. академии, д-р юрид. наук, доцент. Сфера науч. интересов: уголовный процесс. Автор 160 науч. и учеб.-метод. работ.

Химичева Ольга Викторовна – начальник кафедры уголовного процесса Московского ун-та МВД России им. В.Я. Кикотя, д-р юрид. наук, профессор, заслуженный работник высшей школы

РФ, полковник полиции. Сфера науч. интересов: уголовно-процессуальное право.

Хмыров Ростислав Владимирович – член комиссии Совета Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации по защите прав адвокатов, вице-президент и председатель комиссии по защите профессиональных прав адвокатов Адвокатской палаты Краснодарского края, председатель коллегии адвокатов «Хмыров, Валявский и Партнеры», соискатель кафедры уголовного процесса Кубанского гос. ун-та. Стаж адвокатской деятельности – 22 лет. Сфера науч. интересов: защита профессиональных прав адвокатов. Автор 16 науч. статей.

Цыпина Алла Викторовна – доцент кафедры уголовного процесса Кубанского гос. ун-та, канд. филолог. наук, лингвист-эксперт, экспертная специальность 26.1 «Исследование продуктов речевой деятельности».

Чеботарева Татьяна Владимировна – старший преподаватель Саратовской гос. юрид. академии, канд. юрид. наук. Сфера науч. интересов: защита прав и законных интересов несовершеннолетних в уголовном процессе.

Чеховская Анна Александровна – соискатель кафедры уголовного процесса Кубанского гос. ун-та (науч. рук. – д-р юрид. наук, проф. О.В. Гладышева).

Чупилкин Юрий Борисович – доцент кафедры процессуального права Южно-Российского института управления (филиал) Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, канд. юрид. наук, доцент, адвокат. Сфера науч. интересов: обеспечение прав личности в правоохранительной деятельности. Автор свыше 100 науч. и учеб.-метод. работ. Стаж работы в следственных органах и адвокатуре.

Чурикова Анна Юрьевна – доцент кафедры информационного права и цифровых технологий Саратовской гос. юрид. академии, канд. юрид. наук, доцент. Сфера науч. интересов: уголовное судопроизводство, информационные технологии и системы, система управления рисками, уголовно-процессуальная деятельность прокурора, искусственный интеллект и квантовые технологии. Автор более 75 науч. работ.

Шадрина Екатерина Геннадьевна – доцент кафедры уголовного процесса Российского гос. педагогического ун-та им. А.И. Герцена (г. Санкт-Петербург), канд. юрид. наук, доцент, адвокат. Сфера научных интересов: обвинение и защита в уголовном процессе. Автор более 120 науч. и учеб.-метод. работ. Стаж практической работы – 22 года.

Шайкова Марина Витальевна – доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики Юго-Западного гос. ун-та, канд. психол. наук, доцент, подполковник милиции в отставке. Сфера науч. интересов: преступность несовершеннолетних, профессиональная деятельность руководителя правоохранительных органов. Автор 178 науч. и учеб.-метод. работ. Стаж практической работы – 25 лет.

Шеколенко Ангелина Павловна – помощник судьи судебной коллегии по гражданским делам Четвёртого кассационного суда общей юрисдикции, соискатель кафедры уголовного процесса Кубанского гос. ун-та

Шипицина Виктория Валерьевна – доцент кафедры уголовного процесса Кубанского гос. ун-та, канд. юрид. наук, доцент. Сфера науч. интересов: обеспечение прав личности в досудебном производстве, проблемы дифференциации уголовно-процессуальной формы и эффективности обеспечения прав участников уголовного судопроизводства. Науч.-пед. деятельность – с 2002 г. Автор более 55 науч. работ.

Шитов Александр Николаевич – профессора юрид. факультета Чиангмайского университета (Королевство Таиланд), д-р юрид. наук, доцент.

Шпак Алена Алексеевна – аспирант Омского гос. ун-та им. Ф.М. Достоевского.

Шукюров Шахин Тейюб оглы – доцент кафедры административной деятельности ОВД Академия полиции МВД Азербайджанской Республики, доктор философии по праву, доцент, полковник полиции. Сфера науч. интересов: международное право, международное гуманитарное право, конституционное право, административное право, административная деятельность ОВД. Автор более 60 науч. и учеб.-метод. работ.

Шукюрли Мурад Шахин оглы – секретарь судебного заседания Хазарского районного суда г. Баку Азербайджанской Республики. Сфера науч. интересов: уголовное право, уголовно-процессуальное право, конституционное право, административное право, гражданское право, гражданско-процессуальное право. Автор 10 науч. статей.

Эзейбэ Пантелей Эммануэлович – главный специалист отдела представительства в судебных, административных и правоохранительных органах Администрации муниципального образования г. Краснодар, аспирант кафедры уголовного процесса Кубанского гос. ун-та (науч. рук. – д-р юрид. наук, профессор О.В. Гладышева).

Яновский Антон Сергеевич – старший преподаватель кафедры уголовного процесса Кубанского гос. ун-та, адвокат Краснодарской коллегии адвокатов.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Милич Д. Иван.</i> Электронный контроль за лицами, осужденными к лишению свободы	3
<i>Мичурин В.С.</i> Об основных причинах несоблюдения сроков проверки сообщения о преступлении	8
<i>Морозова Н.В.</i> Некоторые вопросы обеспечения прав человека при производстве освидетельствования	15
<i>Московцева К.А.</i> К вопросу о значимости окончания предварительного следствия с составлением обвинительного заключения	22
<i>Нагорный В.А.</i> Использование результатов проверки Исполнения законов в качестве оснований для вынесения Прокурором постановления, предусмотренного п. 2 ч. 2 ст. 37 УПК РФ	26
<i>Насонов А.А.</i> Механизм согласования в отечественном уголовном судопроизводстве	36
<i>Нехаев И.Н., Таршева М.Н.</i> Компромиссные основания прекращения уголовного дела (уголовного преследования) в досудебном производстве: современное состояние и перспективы развития	43
<i>Овчинникова Е.А.</i> Вопросы присяжных заседателей в судебном следствии	50
<i>Однодворцева Е.А.</i> Превышение должностных полномочий как преступление коррупционной направленности	57
<i>Перетяцько Н.М., Федюнин А.Е.</i> Механизм обжалования Действий прокурора в стадии возобновления производства по уголовному делу ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств	64
<i>Перцев М.С.</i> Особенности оценки электронных (цифровых) доказательств	70
<i>Петрикин В.Ю.</i> Процессуальные особенности прекращения уголовного дела при особом порядке судебного разбирательства	78
<i>Петрикина А.А.</i> Специальные знания в уголовном процессе: сложности использования в судебных стадиях	83
<i>Полтавец В.В.</i> Институт медиации в уголовном	

судопроизводстве	87
<i>Попова Ю.А.</i> Вердикт в системе уголовно-процессуальных решений	93
<i>Порядина Е.А.</i> Порядок сбора цифровых доказательств при расследовании преступлений, совершаемых в сфере информационно-телекоммуникационных технологий	101
<i>Потапенко Н.С.</i> Особенности судопроизводства по делам о криминальном банкротстве	106
<i>Потапенко С.В.</i> Особенности частного-публичного уголовного преследования по делам о присвоении авторства (плагиате) – ч. 1 ст. 146 УК РФ	116
<i>Прилепский Е.Т.</i> Залог как мера пресечения: дискуссионные вопросы применения в отношении подозреваемых (обвиняемых) в совершении преступлений в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности	125
<i>Рахмаджонзода Р.Р., Одиназода И.А.</i> Оперативно-розыскная деятельность и ее результаты в системе средств уголовно-процессуального доказывания	134
<i>Рудакова С.В.</i> Эффективность последующего судебного обжалования применения меры пресечения в виде заключения под стражу	139
<i>Савченко В.Н.</i> Обеспечение прокурором законности возбуждения уголовных дел в отношении предпринимателей	150
<i>Самарин В.И.</i> Некоторые аспекты влияния принципа специализации на уголовно-процессуальную форму после выдачи лица иностранным государством	159
<i>Семенцов В.А.</i> Коррупционные риски и нарушения закона в стадии возбуждения уголовного дела	170
<i>Сизова В.Н.</i> Уголовный проступок как системный элемент российского уголовного законодательства	180
<i>Соколова М.В.</i> Участие специалиста при допросе подозреваемого в совершении преступления в сфере компьютерной информации: теория и практика	186
<i>Славская Н.В.</i> Механизм и средства защиты прав человека .	191
<i>Столбова Н.А.</i> Актуальные проблемы задержания лица, подозреваемого в совершении преступления, и пути	

их разрешения	199
<i>Тарасов А.А.</i> Обеспечение прав лица, в помещении которого производится обыск	203
<i>Титов С.Н.</i> Уголовно-правовая охрана интеллектуальной собственности: опыт Китайской Народной Республики	210
<i>Тишков С.А., Даган Б.А.</i> Некоторые особенности криминалистической характеристики разбойных нападений, совершаемых в Республике Бенин	216
<i>Туманов Д.О.</i> «Иное лицо», на которое законом возложены обязанности по воспитанию несовершеннолетнего, как субъект преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 150 УК РФ	223
<i>Турилов Г.Г.</i> Искусственный интеллект, как новая эпоха в развитии уголовного судопроизводства	232
<i>Тучков Я.В.</i> К вопросу о цифровизации уголовного судопроизводства и роли технологий, наделенных искусственным интеллектом в ходе расследования преступлений	236
<i>Тымчук А.С.</i> Актуальные проблемы независимости судебной власти в России	245
<i>Химичева О.В., Тутьнин И.Б.</i> Об отмене ареста имущества при прекращении уголовного дела (уголовного преследования) с позиций обеспечения возмещения вреда, причиненного преступлением	251
<i>Хмыров Р.В.</i> Расширение процессуальной сферы участия представителя адвокатской палаты в уголовном судопроизводстве	258
<i>Цыпина А.В.</i> Лингвистическая безопасность в Российской Федерации: правовое освещение вопроса	263
<i>Чеботарева Т.В.</i> О некоторых вопросах участия законных представителей несовершеннолетних потерпевших в уголовном процессе	269
<i>Чеховская А.А.</i> Уголовно-процессуальная правосубъектность несовершеннолетних: понятие, актуальные проблемы ...	274
<i>Чупилкин Ю.Б.</i> Классификация участников оперативно-розыскной деятельности	279
<i>Чурикова А.Ю.</i> Европейский подход к регулированию	

использования информационных технологий и систем в уголовном судопроизводстве	288
<i>Шадрина Е.Г.</i> Возбуждение уголовного преследования по коррупционным преступлениям: практические проблемы	295
<i>Шайкова М.В.</i> Профилактика наркомании и наркопреступности несовершеннолетних (на примере Курской области)	303
<i>Шеколенко А.П.</i> Об оценке допустимости доказательств в ходе предварительного слушания по уголовным делам .	312
<i>Шипицина В.В.</i> Система уголовно-процессуальных гарантий в стадии возбуждения уголовного дела	317
<i>Шитов А.Н.</i> Восстановительное правосудие: на пути к новому уголовному процессу	323
<i>Шпак А.А.</i> О криминогенных последствиях от воздействия средств массовой информации на общественное сознание граждан	334
<i>Шукюров Ш.Т., Шукюрли М.Ш.</i> Некоторые международные аспекты взаимодействия правоохранительных органов	339
<i>Эзейбэ П.Э.</i> Особенности работы с электронными Носителями как источниками доказательств при проведении следственных действий	347
<i>Яновский А.С., Борох Д.А.</i> Досудебное соглашение о сотрудничестве, как проверка нравственных начал профессии адвоката	353
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	363

Научное издание

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
СУДЕБНОЙ, ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ,
ПРАВООЩИТНОЙ, УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ
И АНТИКОРРУПЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Часть 2

Материалы
Международной научно-практической
конференции

Публикуются в авторской редакции

Подписано в печать 25.03.2024. Выход в свет 05.04.2024.

Печать цифровая. Формат 60×84 ¹/₁₆. Бумага офсетная.

Уч.-изд. л. 23,4. Тираж 500 экз. Заказ № 5616.2.

Кубанский государственный университет
350040, г. Краснодар, ул. Ставропольская, 149.
Издательско-полиграфический центр КубГУ
350040, г. Краснодар, ул. Ставропольская, 149.